

1-ый все российский
литературный журнал

Москва
2016
Издательство ДООС

Маргарита Аль

Главный редактор *Маргарита Аль*

Художник *Виктор Гоппе*

Редактор-консультант *Пётр Кобликов*

Редактор-консультант *Амарсана Улзытуев*

Редактор-консультант *Людмила Вязмитинова*

Макет и вёрстка *Виктория Романова*

Связь с общественностью *Анвар Альмухаметов*

Интернет-маркетинг *Артём Савельев*

Адрес редакции

141402, Московская обл. г. Химки, ул Ленинградская, д. 29
Тел. +7 (926)5245662, e-mail: meta.al@yandex.ru

Адрес журнала в сети интернет: info@liff.ru

Учредитель: ООО ДООС

Регистрационное свидетельство ПИ №ФС77-63346 от 16.10.2015 г.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция оставляет за собой право не вступать с авторами в переписку.

© Редакция журнала «Первый Всероссийский литературный журнал ЛиФФт»

Содержание

ПОЭЗИЯ и ПРОЗА

Краснодарский край.....	6
Челябинская область	16
Нижегородская область.....	26
Свердловская область.....	36
Камчатский край	46
Чувашская Республика	58
Республика Башкортостан	66
Алтайский край	80
Тамбовская область	84
Саров (Нижегородская область).....	92
Ивановская область.....	102
Республик Удмуртия	110
Псковская область.....	120
Хабаровский край.....	130
Республика Адыгея	144
Республика Марий Эл	154

ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

Моностих	162
Метаметафора	168
Стихийные мутации и лингвистический реализм.....	174
Свободный стих.....	178
Метаметафоры на пуантах.....	182

КОЛОНКА КРИТИКА..... 188

ГОСТИНАЯ ЖУРНАЛА ЛИФФТ

Литературный Луганск	192
«НГ Ex libris».....	204
Германия	210
«Книга художника»	214
Москва	218
Бельгия	222

ЛИтературный Фестиваль ФесТивалей

МАРГАРИТА АЛЬ, главный редактор журнала ЛиФФТ:

Дорогие друзья! Всех поздравляю с началом большого события в литературной жизни нашей страны. У нас у всех появился новый литературный журнал ЛиФФТ, на страницах которого уже представлены литераторы сорока регионов России.

Вопреки мнению, что литература переживает упадок, журнал показал обратное – невиданный рассвет поэзии и прозы.

Одно дело, когда авторы печатаются от случая к случаю, выжидая годами приглашения, в надежде, что кто-то где-то обратит на их творчество внимание; и совсем другое дело, когда есть системный печатный орган, предоставляющий на равных условиях литературную площадку для всех регионов России. А самое главное – это то, что напечатанные произведения смогут прочитать. Ни один литератор, где бы он ни жил, в Москве или в далёком таёжном посёлке, не останется не услышанным.

После выхода первого номера журнала ЛиФФТ, редколлегия журнала провела десять выездных презентаций и ответила на сотню писем. В результате горячих споров и предложений было принято решение:

- Об издании региональных журналов ЛиФФТ.
- Об отборе региональными редколлегиями произведений для публикации на страницах Всероссийского журнала ЛиФФТ.
- О проведении Всероссийского литературного Фестиваля фестивалей ЛиФФТ, где соберутся представители всех республик, областей и краев, чтобы не только побороться за звание лучшего, но приобщиться к поистине необъятной российской культуре.

Как видите, схема проекта ЛиФФТ проста и толерантна.

Сегодня мы представляем вам второй номер журнала ЛиФФТ. Уже верстаются региональные журналы ЛиФФТ в 12-ти регионах. И уже завтра мы готовы принять участников фестиваля на открытии первого Всероссийского фестиваля фестивалей ЛиФФТ в Республике Крым, в курортном городе Алушта.

Хочу поделиться одним из принципов журнала ЛиФФТ и фестиваля ЛиФФТ – это нацеленность на новое. Как говорил В.В. Маяковский, «... я ... отращиваю свой мозг //не для нюхания // а для выращивания роз...»

В каждом номере журнала в рубрике «Школа литературного мастерства» мы предлагаем вниманию читателей статьи и научные труды мэтров российской словесности, приветствующих новизну в творчестве.

Издательство ДООС, журнал ЛиФФТ и организаторы фестиваля ЛиФФТ учредили ежегодную международную награду «ЗА СМЕЛОСТЬ И НОВИЗНУ В ИСКУССТВЕ».

«...В поисках рифмы небо, забрёл я на слово нео ...» – звучит призыв в поэзии Семёна Кирсанова, которого упрекали в нео-сторожности. Мы приветствуем нео-сторожность в стихах и в прозе: **нео-проза, нео-драматургия, нео-поэзия!**

Вот чего мы ждём и от участников фестиваля ЛиФФТ. Не случайно нами предложена новая номинация «Манифест». Уже никого не удивишь ни палиндромами, ни анаграмным стихом. Метаметафора вошла в обиход и уже увенчана международным признанием. А каков современный русский верлибр! И совершенно необыкновенно звучит классический стих, если в нём присутствует новизна и торжество современной мысли. В отличие от футуристов сегодня мы движемся не только вперёд, но и назад, в богатейшее прошлое. Находя там и там новое, ещё нео-открытое. Не только в математике, но и в литературе есть свои Григории Перельманы. Мы их ждём и заранее приветствуем.

Первый Всероссийский Литературный Фестиваль фестивалей «ЛиФФт-2016»

На ЛиФФТе в Крым

29–30–31 мая в Республике Крым пройдет Всероссийский Литературный Фестиваль Фестивалей ЛиФФт. В санатории «Алуштинский» на берегу Чёрного моря соберутся литераторы всех регионов РФ.

ПОЛОЖЕНИЕ

Первый Всероссийский Литературный Фестиваль фестивалей «ЛиФФт-2016» проводится по результатам года Литературы-2015.

Организаторы фестиваля:

- «Первый Всероссийский Литературный Журнал ЛиФФт».
- Администрация г. Алушта Республики Крым.
- Союз писателей Республики Крым и управление культуры администрации города Алушты Республики Крым при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации.

• ООО «ДООС» – издатель журнала «ЛиФФт», ответственный исполнитель проекта.

Цели и задачи фестиваля:

- Объединение фестивального движения России и обмен опытом организации литературных форумов.
- Содействие укреплению творческих и дружеских связей писателей всех субъектов Российской Федерации вне зависимости от принадлежности к различным писательским союзам.
- Привлечение широких кругов общественности к участию в культурной жизни Российской Федерации, пропаганда чтения и литературного творчества.
- Повышение престижа литературы и авторитета современного писателя в обществе.
- Содействие в продвижении региональных и малотиражных издательств.

Условия участия в фестивале:

1. Правом выдвижения авторов на участие в Фестивале фестивалей имеют:

А. Писательские союзы.

а. От каждого союза 1 поэт и 1 прозаик.

В. Областные управления или республиканские министерства культуры.

в. От каждого субъекта РФ выдвигается 1 поэт и 1 прозаик.

С. Организационный комитет и члены жюри литературных фестивалей.

с. От каждого фестиваля выдвигается 1 поэт и 1 прозаик.

2. Порядок регистрации конкурсных работ:

- Произведения принимаются на адрес координатора фестиваля liff.of@yandex.ru

3. Дополнительные номинации для всех участников фестиваля:

- Манифест
- Стихотворение («Гиганты и Боги»)
- Национальная поэзия
- Переводы
- Короткий рассказ
- Детское стихотворение/детская книга

4. Произведения принимаются на адрес координатора фестиваля liff.of@yandex.ru

Краснодарский край

**Юрий
Гречко**

**Евгений
Петропавловский**

**Любовь
Сирота**

**Лариса
Новосельская**

ЮРИЙ ГРЕЧКО

* * *

О, как была временами слышна вдалеке,
в доме, стоящем на спуске, спиной к реке,
от дебаркадера к нам за квартал долетая,
песенка Брамса! Каштаны поспешно цвели.
Запах сирени лиловой, дождя и земли,
месяц в бездонной лазури и ласточек стая.

Эта пластинка... Поверишь, какая-то блажь...
Но за неё всё на свете не глядя отдашь,
только бы скрипка с трубой под сурдинку звучали:
порознь сперва и не в лад, а потом в унисон,
будто бы нас окликающая тихонько сквозь сон,
но не в конце его смутном, а в самом начале.

Как же тогда холодок пробегал по спине!
Вечер туманный входил под деревья извне
сада, раздвинув прозрачных ветвей арабески.
Старые листья горели в траве за углом.
Ветер с реки, заметая широким крылом,
в окна влезал, унося к потолку занавески.

Что за июнь безалаберный длился и нёс
нас по теченью, сухими зарницами гроз
гулкие комнаты высветив, как негативы?
Как я любил тебя, милая! Вот и теперь,
словно бы заново в полуоткрытую дверь
мятною свежестью прежних ночей накатило, –

входишь неслышно, но я до сих пор узнаю
шорох одежды и лёгкую поступь твою.
И, убаюкан всегдашней тоской городской,
вижу тебя на урезе прохладной воды,
той, что, нахлынув, безмолвно стирала следы
с камешков отмели смуглой и влажной рукою.

Помнишь, когда-то неведомый гость заходил,
и, как лунатик, скрипя половицей, бродил
в поисках выпить на кухне вина молодого?
Где он, уже нам с тобою давно невдомёк, –
сгинул – и дальше, в пустое пространство увлёт
тень посиделок, гитару, остатки хот-дога...

Боже, за что же нам всё это было дано
и воедино на веки веков сведено –
молодость, лето, вино в утоление жажды;
в тёмной протоке ночной упоительный брасс,
сон на рассвете – и музыка. Кажется, Брамс.
Всё-таки он, если я не ошибся однажды.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ

Наверное, достаточно руки
для каждого несбывшегося жеста,
как достаёт течению – реки;
наверное, довольно совершенства
в привычной неустроенности нас –
подсолнечных, подлунных, подневольных,
готовых каждый день и каждый час
давать отпор; наверное, довольно
летучих линий брошено в ладонь
на паперти вселенского лекала
(о, скольким принесла судьба огонь,
но ни одной прямой не отыскала!)
Моя ладонь! В тебе довольно льда
для выше обозначенного круга
явлений; но довольно ли (тогда
храни его) тепла? Ведь друг без друга
так призрачны, так незащитны мы
пред бегом линий; вольно и невольно
на каждого из нас довольно тьмы –
вот только света было бы довольно
пылинкам мироздания, сквозь дни
летающим вопреки любым теченьям.
Ладонь моя! Спаси и сохрани
идущих по твоим пересечениям!
И я, скользя по линиям чужим,
соприкасаясь – радостно и больно,
давно уже от них неотторжим...
И этого, наверное, довольно.

* * *

Я забываю имена,
ведь имена – всего лишь знаки
вдоль троп, взбирающихся на
вершину памяти. Во мраке
любвей, выжженных дотла,
они – астральные тела,
и в их незримом зодиаке
сориентироваться мне
всё невозможней; пыль желаний –
сквозь амальгаму встречных дней
сочась – всё злей и донжуанней
возводит в степень ноль обзор.
Мне в спину дышит Командор;
но я всё ближе к донне Анне,
переходящей в донну Икс.
Что имя? Лишь координата,
в которой проступает лик с
чертами всех, кого когда-то
любил... Живут их голоса,
но тем грустнее их глаза,
чем дальше нас листают даты...

ЛЮБОВЬ СИРОТА

СЕЗОНЫ (триптих)

1. ФЕВРАЛЬ. ОКНО

Встаю. Окно распахнуто в зарю.
Мне холодно. На смену январю
С его крутым и неужённым нравом
Пришел февраль – слегка навеселе,
Но с добрыми посулами земле,
И мне, и птицам, и ветвям корявым.

Заря мутна, и ведомо едва,
Что вытряхнет февраль из рукава:
Он может всё... Но веришь почему-то,
Что даже если он впадает в раж,
То это не коварство, а кураж,
Безбашенность вряля и баламута.

И я пишу на новеньком листе
Наперекор студёной маете
И этим тучам, рваным и косматым:
«Как сладко жить!» Но истина сия
Не «дольче вита» – радость бытия
С его звучаньем, светом, ароматом.

Ещё зима. Ещё меня знобит
От холодов, туманов и обид,
И боли: был удар жесток и меток.
Но голос жизни звонок и высок,
И сладок, будто благодатный сок,
Что скоро потечёт по венам веток.

2. Июнь. Гроза

Когда в ночи бесчинствует гроза,
Душа – не против, и рассудок – за,
И – сласть для замороженного тела,
Что в лёгкие вливается озон,
Что мрак разрядом яростным пронзён,
Что ливень бьёт по кровле оголтело.

Постанывает мокнущий балкон,
И водосток гудит, как геликон,
И, разметав спокойствие ночное,
Природа куролесит и блажит,
И весело рокошет, что изжит
Диктат всесожигающего зноя.

... Стихия успокоится к утру,
И я лицо намокшее утру;
Уляжется сумятица лихая –
И я в письме подруге напишу:
«Не бойся, я жива!» – и задышу,
Потоки чистой свежести вдыхая.

В провинциальном и родном мирке,
От ключевых событий вдалеке
Мне сладко жить. А горькое и злое

Отброшено, как ящерицын хвост,
И новое уже пустилось в рост,
Подстёгнуто живительной грозой.

3. ОКТЯБРЬ. КОСТЁР

В костре осеннем вороша листву,
Ты говоришь: «Как долго я живу.
Какая скука – возраст ветерана.
Давно в архивы списана весна,
И жизнь однообразна и пресна».
А мы почти ровесницы. Как странно.

Мне сладко жить. Мне всё ещё дано
Вставать, в зарю распахивать окно
И ведать что угодно, кроме скуки:
Отраду путешествовать вдвоём,
В жару нырять в прохладный водоём
И на траве лежать, раскинув руки.

Мне сладко жить, покуда дух не стар
И жизнь готов воспринимать как дар,
Как выигрыш в небесной лотерее,
Не сокрушаясь о потере дней,
Когда деревья были зеленой,
И солнце ярче, и вода мокрее.

Горит-дымит осенний костерок.
Листы, набрав за лето солнца впрок,
Ещё на ветках вразной пестреют
И даже здесь – кто скажет, почему? –
Одни чадят и корчатся в дыму,
Другие отдают тепло и греют.

* * *

Блеклый рассвет всё не хочет прозреть,
Всё не торопится, тянет резину.
Господи, дай нам нестрашную зиму!
... Тянется года последняя треть.
Даже на этом, на тусклом свету
Видно, как ярки осенние кроны.
Пробуют голос, проснувшись, вороны.
Тянется жидкий дымок в высоту.
Значит, уже затопили в домах...
Что же, тепла остаются лишь крохи.
Кто-то, наверно, под тяжкие вздохи
Сонно у печки шурует впотьмах.
Господи, дай несуровой зимы!
Впрочем, о чем я? – Что будет, то будет.
Холод нагрывает, остудит, простудит...
После... А нынче струятся дымы,
Листья струятся, и тянутся дни,
Тянутся ночи, и медлят восходы.
Холод – пускай. Мы привыкли за годы.
Господи, только от бед охраняй...

ЛАРИСА НОВОСЕЛЬСКАЯ

ОРАНЖЕВОЕ НЕБО

РАССКАЗ

Куртку Наташе купили в мае. Примеряя её дома, у окна, куда крепкие кулачки сирени стучались так настойчиво и упрямо, что пришлось повозиться с растолстевшим за зиму шпингалетом и впустить их в комнату вместе с тёплым пахучим воздухом, Наташа раскраснелась, запарилась, но расстаться с оранжевой, как мандарин, обновкой, не могла. Вертелась перед зеркалом, любовалась, и не замечала, что куртка делает её похожей на толстого плюшевого медведя – друга детства, отправленного по причине оторванных лап на чердак.

Да и причём тут размер? Главное, что они с мамой выстояли огромную очередь в универмаге, отхватили целлофановый пакет с иностранными буквами и, отбиваясь локтями от напиравших со всех сторон тёток, побежали, радостные, домой. В такой же толпе, только на январских каникулах, Наташе перепали белые, на танкетке, босоножки. «Готовь сани летом, а телегу зимой», – таким был девиз закалённого в очередях и боях советского покупателя. Зато глаза не разбегались, и голова от выбора не шла кругом. Бери, что дают, и будь здоров!

И Наташа была здорова и счастлива. А с такой обновкой – и подавно! Летом она часто открывала филёнчатый шифоньер и прижимала к щеке рукав или полу куртки. А с трудом дождавшись слякотной осени, покатила по улицам гордым круглым солнышком. И небо, как в песне, отсвечивало оранжевым цветом, и дождик не лил, а ласково шелестел по капюшону, как будто гладил Наташу по умной и прилежной головке.

В один из погожих дней бабьего лета припекло солнце, и куртку пришлось снять и нести, перекинув через руку. Примерно так, как Наташин папа носил свой бостоновый, пошитый у хромого Валентина – лучшего портного в городе, – выходной пиджак. Пиджак папа любил и берёт. Даже запретил маме вертеть в нём дырку для ордена Красной звезды – самого любимого из всех, что лежали в коробке на комод.

– Орденом никого не удивишь, а до Героя я не дотянул! – шутил папа, но Наташе в его голосе всегда слышалась досада. Ведь его друг дядя Лёша до Героя дотянул, но, как рассказывала мама соседке, не получил из-за жалобы своей жены тёти Дуси. Сидя за праздничным столом как равная среди взрослых, Наташа переводила взгляд с весёлого, ясноглазого, самого молодого среди однополчан несостоявшегося героя, на постное, вечно недовольное лицо его некрасивой жены и решала загадку «пшж», из-за которой папин друг чуть не попал под трибунал. «А вдруг пшж – это немецкий шпион? – обмирала Наташа, – но разве дядя Лёша похож на шпиона...»

– Эй, ты! Наташка, кажется! – звонкий с хрипотцой голос прервал её раздумья. Возле продмага стояла малознакомая девушка по имени, кажется, Света, имевшая в городке репутацию отряхи. Это смешное слово часто повторял отец, не имея в виду, конечно, неизвестную ему Свету, а людей, от которых можно ожидать всего, чего угодно. Наташе же в этом слове чудилось что-то жаркое и лихое, как будто мчишься с горы на санках и знаешь, что впереди забор, разбитый лоб и шишка, а всё равно летишь и летишь.

Тем временем Света спустилась со ступенек и подошла к Наташе близко-близко, так, что можно было разглядеть её сильно накрашенное лицо. Наташа и сама прятала дома заветную коробочку, куда нужно было сначала плюнуть, а потом повозить щеточкой по засохшему чёрному брикету. Но красила она ресницы втайне от всех и, выходя на улицу, тушь смывала. Однажды, правда, попала бабушке с черными кругами под глазами, потому что умылась без мыла. Но бабушка не ругалась, а только острожно взяла коробочку, надела очки и подробно рассмотрела.

– А мы раньше брови сажей мазали, – завистливо вздохнула она и вернула Наташе тушь. На этом воспитательный процесс закончился, тем более, что Наташа и сама знала: рано ей краситься. А Света, наверное, не знала, вот и подвела глаза ярко-синим, а рот алым. Хотя, с другой стороны, Света в школу уже не ходила.

– Слушай, – Наташино ухо обжег горячий шепот. – Дай куртку померить, а? Ну что тебе, жалко?

Наташа от неожиданности вздрогнула и выставила портфель в виде щита, но тут же застеснялась и, смущённая напором, пролепетала:

– Н-нет, не жалко...

Отряха же, воспользовавшись заминкой, потянула на себя куртку, и та, предательница, с тихим шелестом пропустила в себя сначала одну чужую руку, потом вторую, щёлкнула молнией и умиротворённо замолчала. На Светке она сидела, как влитая.

– Дашь на один вечер, ладно? – хохотнула новая хозяйка, довольно оглаживая оранжевые бока и нисколько не сомневаясь в ответе. – Я тут пройду с одним другом, а завтра верну.

– Эй, мы так не договаривались ... – начала было возражать Наташа, и даже метнулась вперед, но яркое пятно мелькнуло уже в конце проулка и растворилось среди серых заборов.

Домой Наташа шла на ватных ногах. «Слабачка, тряпка, размазня!» – корила она себя за трусость и застенчивость, и не в первый раз. Бабушка в таких случаях говорила «Характером вся в отца!», но смотрела при этом одобрительно и нежно.

...С утра опять затянул дождь, и в школу пришлось надеть старый брезентовый плащ. Хорошо, что домашние ушли на работу и не спросили про куртку. Зато подружки спросили, и пришлось, сохраняя независимый вид, промямлить, что она сделала одолжение, дала одной тётке (она так и сказала «тётке», потому что за ночь образ отряхи вырос в её глазах до размеров демонической Миледи из «Трёх мушкетёров») пофорсить на один вечерок...

– Не Светке, случайно? Это ведь она вчера к тебе приставала? – сощурилась соседка по парте, ехидная Верка.

– Ей... – пришлось сознаться Наташе.

Верка даже присвистнула от восторга, хотя урок уже начинался.

– Ну, ты даешь, – шёпотом продолжила она. – Она же это... потаскуха. В столовой официанткой работала. Потом деньги из кассы взяла и смылась. Её и в милицию забирали, и мать по соседям ходила деньги кланчить, чтоб её выкупить из кутузки. А потом с Витькой-бандитом связалась, уехала. Вернулась через месяц с синяком под глазом. Она даже... – Верка зажмурилась от страха перед запретным словом, – аборт делала!

Наташино сердце сжалось от ужасного предчувствия, и после уроков на ватных ногах она пошла к магазину. Вот ступеньки, где вчера караулила её Светка, но Светки-то нет?! Где же она, в самом деле? Наташа стояла, переминаясь с ноги на ногу и вглядываясь в проулок, туда, откуда прощально мелькнул вчера оранжевый всполох. Потом стоять впустую надоело, и она пошла по самому проулку и дошла до самого его конца, но ничего, кроме покосившихся заборов и вросших в землю кривых домишек, не нашла. Только чёрный кот сидел на заборе и в ответ на ласковое «кыс-кыс» лениво повернул голову, показав мутный глаз, искалеченный в весенней драке. Кот показался диким и шальным, Наташа его испугалась и не погладила.

...Целую неделю она скрывала пропажу. Бродила по городку, догоняя то яркое пятно косынки, то красный зонтик. Но вот, наконец, мама, почуввав неладное, насторожилась:

– Что-то давно я в дневнике не расписывалась...

Наташа молча открыла последнюю страницу, где стояла жирная «пятерка».

– Тогда что случилось? – с облегчением выдохнула мама.

– Куртка пропала.

– Как пропала?

– Да понимаешь, одна девочка, девушка, – поправилась Наташа, – попросила примерить, а потом в ней ушла.

Мама недовольно поджала губы. Она была нежадная, только часто вспоминала, как в детстве носила одни сапоги в очередь с сёстрами, и в школу попадала через два дня на третий.

– А что ж за девушка такая, ты её знаешь?

– Света Опрышко...

– Опрышко! – задыхнулась от возмущения мама. – И как это тебя угораздило с ней связаться! А ну, пойдём разбираться! – И так больно дернула за руку, как будто Наташа не дочь родная, а сама обидчица.

Легко сказать, пошли разбираться! А куда? Городок хоть и одноэтажный, низенький, зато широкий – растянулся во все стороны от райисполкома, стоящего на центральной площади. Пришлось сначала зайти к тётке Гале – кассирше автостанции – она почти всех и в лицо, и по фамилиям знала. Ожидая, пока рассосётся очередь к окошку, а пассажиры утрамбуются в грязный автобус с табличкой «хутор Малеванный» на лобовом стекле, Наташа, чтобы не расплакаться и удержать себя в своих же руках, призвала на помощь лучшую воспоминание. Как она, одетая в новое штапельное платье розовыми цветочками, взлетает на качелях в синее небо, а из репродуктора доносится радостный голос: «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля». На припеве «кипучая, могучая...» Наташа приближается к облаку, а со словами «никем непобедимая» падает вниз и почти касается носками новых туфель росистой травой во дворе.

Эти качели всегда её успокаивали и поднимали настроение. Вот и сейчас, когда «ПАЗик» наконец тронулся, обдав провожающих густым сизым дымом, Наташа повеселела и, взяв маму за руку, бодро зашагала с ней куда-то вдаль.

Избушку на курьих ножках, стоящую посреди широкого двора, унавоженного пометом, они нашли на окраине. Сами птицы – не меньше десятка гусей и уток – лениво ковырялись в утрамбованной лапами земле. На мамин крик «хозяйка» никто не отозвался. Пришлось крикнуть и второй, и третий раз, пока мама от смущения не разозлилась. Наконец, дверь избушки скрипнула, к калитке подошла древняя-древняя старуха в лоснящейся от грязи фуфайке, но с модной «газовой» косынкой на голове.

– А ты кто? – приставила она ладошку ко лбу, разглядывая маму. Наташу она будто и не заметила.

– Александра Денисовна из райисполкома. И не притворяйся, что ты меня не узнала, Раиса, – сказала мама таким тоном, что Наташа поёжилась и высвободила свою руку из маминой, вмиг похолодевшей. – Где твоя дочка?

– А кто ж её знает, где-то шлындается, – махнула неопределённо рукой хозяйка, и Наташа разглядела, наконец, её совсем не старые, чёрные, как уголь, глаза.

– А в доме кто? – милиционерским тоном спросила мама, перегнулась через забор и дернула крючок от калитки.

Как ни странно, Раиса посторонилась и без сопротивления пропустила незваных гостей во двор. Наташа с ужасом почувствовала, как её туфли поплыли по скользкой унавоженной земле. Она ещё надеялась, что мама велит оставаться ей на улице, но, не дождавшись, покорно поднялась за женщинами на грязное крыльцо.

В низенькой темной веранде мама хотела было по кубанской привычке снять боты, но побрезговала, и, потоптавшись по домотканому, почерневшему от грязи, коврику, решительно распахнула дверь в комнаты. Тут же под ноги ей бросился чёрный кот, кося калечным глазом.

«Тот самый? Не может быть!» – испугалась Наташа. Сердце заколотилось, ей показалось, что она попала прямо в избушку Бабы Яги. От ужаса спасал лишь тусклый огонёк в углу, освещающий печальное лицо на иконе.

– Ну и как, Бог помогает? – насмешливо спросила мама, взглядевшись в мерцающий угол, а хозяйка после этих слов стала мелко креститься и что-то шептать себе под нос. Глаза привыкали, и сквозь полумрак различали очертания стола, накрытого клеёнкой, старого шкафа, обклеенного открытками и портретами артистов кино. На стене проявилась фотография в картонной рамке: молодой мужчина с остекленевшим взглядом и пухлощёкая невеста в торчащей вокруг кудрявой головы накрахмаленной фате.

– А Фёдор где? – указала мама глазами на фотографию.

– Да вон он, лежит уже седьмой год, тяжелый, как колода. Я сама не переверну, а Светку где-то чёрт носит. Врачи говорят, что он не с фронта калека, и справку на пенсию не дают. Люди говорят, подмазать надо, а чем тут мазать... – торопливо и как-то заискивающе стала тараторить хозяйка, с готовностью открывая соседнюю комнату.

Женщины зашли, колыхнув дверью спёртый воздух, а Наташа осталась стоять, боясь пошевелиться: а вдруг вернётся страшный кот-оборотень? Прошла целая вечность, хотя мама пробыла в другой комнате три минуты. Вышла оттуда поникшая, но, наткнувшись глазами на шкаф, распрямила плечи, решительно, и без спросу распахнула фанерную дверцу. На плечиках болталась пара мятых мужских рубашек, на кривых полках лежали серые простыни, внизу что-то поблёскивало. Мама протянула руку – и вытащила резиновые сапоги. Новенькие, сияющие, они были не обычного, чёрного цвета, а отливали изумрудной зеленью.

– Что, Светка спёрла, да размер не подошел? – мама опять разозлилась и затрясла сапогами перед самым носом хозяйки. Та даже попятилась.

И тут скрипнула калитка, гуси с гортанным криком бросились врассыпную, раздалось «кыш, проклятые!», и до боли знакомое яркое пятно, пролетев через двор, возникло в дверном проеме.

...Спустя много лет Наташа закрывала глаза и ясно видела эту излучающую свет картинку. Она хотела бы остановиться вот сейчас, на этой красивой сцене, но нет, кадры побежали дальше, фигура шевельнулась, щёлкнула молнией, сбросила на пол чужую одежду... А мама, как полководец в атаку, уже шла на неё с сапогами наперевес. Она наотмашь ударила Светку по плечам, потом по голове, била по спине и добиралась до лица, а та только всхлипывала и закрывалась руками. Раиса сначала остолбенева, потом закричала, кинулась вырывать хлесткую резину из маминых рук, тоже получила свою пайку ударов...

Потом мама, опомнившись, резко остановилась, глянула в угол, откуда на неё огорчённо смотрели печальные глаза, схватила куртку, Наташину руку и, как будто спасаясь бегством, выскочила на улицу. За всю дорогу она не проронила ни слова, а щеки её горели пунцовым огнём. Дома мама бросила куртку прямо на пол, в угол. На расспросы бабушки почему-то зло глянула на Наташу:

– Она всё видела, пусть рассказывает.

Сама ушла на кухню и загремела кастрюлями так, что глуховатый от старости пёс Рекс залился во дворе звонким лаем.

Бабушка подняла куртку, рассмотрела её. Маленькое жирное пятнышко на груди, его легко вывести. Больше никаких изъянов, сияет и шелестит, как новенькая.

Но почему-то Наташа больше ни разу её не надела. И мама ни разу про неё не спросила. Куда она, в конце концов, делась? Может, пылится на чердаке старого дома, вместе с безлапым мишкой, может, бабушка, царствие ей небесное, отнесла в церковь, бедным людям?

Мама, когда вышла на пенсию, тоже чуть ли не каждое воскресенье начала ходить с соседкой к заутрене. Наташа как-то её поддела:

– Ты ведь атеистка, чего тебе в церкви делать?

– Грехи замаливать, – просто и серьёзно ответила мама, и Наташа не нашлась с ответом.

ДРУГОЙ КОНЕЦ СВЕТА

РАССКАЗ

Когда к шанхайскому перрону подкатила яркая, сияющая огнями и красками двухэтажная электричка, Павел только выдохнул:

– У-у-ух, какая!

– Красивая? – с гордостью спросила Аня-тян, персональный гид по Китаю.

– Ужасно красивая! – как мальчишка воскликнул он.

Аня рассмеялась:

– Русские – они такие смешные! Сначала говорят «ужасно», а потом «красиво».

Они вошли в новенький, первейшей свежести вагон, сели в кресла с высокими, прикрытыми кружевными салфетками подголовниками, и Павел с нетерпеливым любопытством стал разглядывать пассажиров. В чужой стране его интересовали не «колизеи», как он называл достопримечательности из туристических справочников, а люди. На этот раз в глубь вагона его взгляд так и не проник, зацепившись за соседей напротив – улыбочивого молодого человека, который по восточной традиции «любезность и церемонность» кивал ему головой всякий раз, когда Павел встречался с ним глазами, и такого же доброжелательного старика с удивительно моложавым, без морщин лицом.

«Надо же, другой конец света. А как похож!» – подумал Павел, и почувствовал, как внутри что-то оборвалось. «Самоедство из фазы ремиссии переходит в стадию обострения», – попытался он справиться с собой, понимая, что это бесполезно.

...В облике отца всегда сквозило что-то восточное. Узкий разрез карих, живых глаз, свежая даже в глубокой старости, натянутая на скулах кожа, крупные и крепкие зубы...

В последние годы у него сильно болела голова, и он тихо сидел в дальней комнате на диване с положенным на лоб сухим носовым платком. Когда его просили прилечь, отдохнуть, вот с такой же китайской улыбкой отвечал:

– На кладбище отдохну.

Павел до сих пор не понимает, как он мог равнодушно проходить мимо этой величественной и беспомощной фигуры, усмехаться про себя, давая книжные определения типа «осень патриарха», и не подсесть к отцу, не взять его за руку. Да хотя бы смочить холодной водой этот несчастный платок!

...Аня-тян, заметив пристальный интерес Павла к соседям, добросовестно поведала, что это сын сопровождает отца в поездке к родственникам, в другой город. Стариков одних отпускать в Китае не принято, даже бодрых и здоровых... Её голос звучал заученно-ровно, она старалась правильно строить фразы, но Павел уже не слушал, охваченный знакомой тоской, которая накатывала, как прилив, и с которой, он знал, тягаться напрасно. Проще погрузиться в неё и ждать, когда она, как вода, омоет все расщелины памяти. Тогда станет легче. А пока он задавал себе привычный, как «что делать» и «кто виноват», вопрос, почему предательски бросил отца в то утро? Ведь старик, как ребёнок, надеялся и ждал...

– Сынок, когда же мы поедим на рыбалку? – голос отца прозвучал так звонко и рядом, что Павел даже вздрогнул и посмотрел на китайца. Старичок кивал головой и заулыбался. Павел тоже кивал, растянул в улыбке губы, чувствуя, что к глазам подступают слёзы.

В тёмном пыльном сарае, куда Павел старался больше не заходить, в самом углу, запутавшись лесками, стояли удочки – штук десять, не меньше. Отец в последние годы подходил к ним не часто. А ведь бывали времена, когда он, наводя порядок среди стамесок, рубанков, отверток и других орудий домашнего производства, выволакивал удочки на солнышко и долго мудрил над ними, прилаживая блесну или крючок, полируя удилица и латая суровыми нитками сетки. А потом наступало особое, воскресное утро...

Ровно в пять утра сильные руки сгребали Павла вместе с одеялом и полусонного укладывали на заднее сиденье «Москвича». Пока они ехали к речке, в село Красносельское, за окном светало, а тополя, бегущие стройными рядами, из зловеще-чёрных превращались в густо-зелёные, а потом, пронизанные молодым солнцем, светились изумрудами. Павел и спал, и не спал, и грезил, и бессвязно о чём-то думал, купаясь в рассеянном туманном свете, уюте и зародышевом покое.

Через годы, когда он ночами ворочался без сна, а в голову лезли чёрные, терпкие мысли, усилием воли он заставлял память, как объектив фотоаппарата, сфокусироваться на этой дороге и широкой спине отца, заслонявшей его от огромного, тревожного мира... И тут же чудесным образом успокаивался, и, защищенный прочной стеной, засыпал, видя во сне волшебное розовое утро и рыжего мальчишку, стоящего на обочине. Отец всегда подсаживал его в машину и смешно называл «хлопчиком».

Потом тут же, во сне, наступала ночь, и уже Павел, сидя за рулем своего «Форда», высвечивал фарам одинокую фигуру с поднятой рукой, и, не снижая скорости, проскакивал мимо. Сразу накатывала тоска, и, как ни убеждал он себя, что время сейчас другое, жестокое, в глубине души твёрдо знал, что отец бы так никогда не поступил, не оставил одинокого человека ночью на дороге. И Павел опять просыпался, и долго лежал, глядя в сереющее окно, и тянулся мыслями в прошлое.

...Улов, как правило, был невелик – пять-семь солидных карасиков, – прочую мелюзгу, по совету отца, он отправлял обратно в речку. Аккуратно освободит, стараясь не порвать плоть, от крючка, подержит на ладошке серебристую, живую, как ртуть, пластинку, и мягко бросит её в сонную речку, разбив хрупкое зеркало воды. Пусть плывёт, растёт, живёт...

О чём, кроме крючков и наживок, разговаривали ли они в те зябкие утра? Хоть убей, не вспомнить. Да и говорил, и слушал ли Павел, или думал о своем, важном? К счастью, у отца, человека широкого, компанейского, даже ранним утром на пустынном берегу находился собеседник. Вдруг откуда-то из тумана выныривал мужичок-рыбачок, приветливо здоровался и почтительно интересовался:

– Как жизнь, Иван Семёнович?

– Прошла, – радостно отзывался отец, и, легко входя в роль закадычного приятеля, неожиданно интересовался:

– Ну как, Петрович, машинка работает?

Мужичонка притворно возмущался:

– Да ты что, парторг, какая машинка? Да и Васильевич я, не узнал, что ли?

– А, ну да, Васильевич! – легко соглашался отец. И гнул свою линию:

– Ну, так как, боец, на семейном фронте? Воюешь?

– Отвоевался. Скоро шестьдесят стукнет!

– Так ты же хлопчик по сравнению со мной!

И начинался разговор «за жизнь», который Павлу в ту пору был непонятен и неинтересен. Это сейчас бы, он, балбес, расспросил отца, за что раскулачили деда, что случилось с двоюродной сестрой, угнанной немцами в Германию... Но пока отец был жив, у него как будто и прошлого не было, одни только исторические анекдоты.

«Воевал в Новороссийске, на Малой земле? Так может, и ДнепрогЭС с Брежневым восстанавливал?» Отец хитро прищурился и уверял, что действительно встречал на Малой земле дорогого Леонида Ильича. А поскольку такие разговоры велись в момент застолья на день Победы, дипломатично прекращал спор, запевая свою любимую «Ты ждёшь, Лизавета, от друга привета...», а домочадцы не без удовольствия подхватывали: «Эх, как бы дожить бы, до свадьбы-женитьбы, и обнять любимую свою!» Вот и все подвиги. Тогда откуда взялись ордена и медали, доверху наполненные старую коробку из-под печенья? А глубокий шрам от осколка, на который Павел наткнулся, снаряжая отца в последний путь? Да нет, он, конечно, видел яркие планки на выходном бостоновом пиджаке, друзей с «иконо-стасом» во всю грудь... Но это было всё равно, что смотреть кино или читать учебник: поучительно, местами интересно, но к тебе не имеет ни малейшего отношения!

Что ещё рассказывал о себе отец? Про то, как неделю в кутузке отсидел, особо не распространялся, только отшучивался. А ведь дело было в сорок шестом, мог и в лагеря загреметь... Как там говорили: «Был бы человек, а дело найдётся?» Семейная легенда гласит, что якобы в одной компании, до которых отец всегда был большой охотник, он подобрал к слову «конституция» саму собой напрашивающуюся рифму. Вот за эту немудреную поэзию его и взяли той же ночью – спасибо стукачам, коих во все времена у нас хватало. Так ли, нет ли, Павел не расспросил. Опоздал. А теперь думает, что отец мог и скрыть настоящую причину, отделавшись шуткой. Не зря же тот давний случай научил словоохотливого, добродушного и всегда весёлого человека чуть-чуть (но только чуть-чуть) умерить дружеский пыл...

– Не болтай! – полушутливо-полусерьёзно, но достаточно часто говорил отец Павлу. Что он подразумевал под этой фразой, взятой с плаката сталинских времён, Павел почему-то всегда понимал. Теперь это называют генетической памятью.

Нет, конечно, отец не был диссидентом. И в коммунизм, похоже, серьёзно верил. Кому сейчас расскажи – засмеют, как он уступил очередь на квартиру многодетному каменщику, оставшись в старой саманной хате! А может, дело не в коммунизме, а в человеке? Но это его выбор, его история. А история предательства Павла начинается, пожалуй, вот с чего...

Отцу было уже за восемьдесят, когда его настиг удар – он лишился водительских прав, причём по нелепейшему поводу – за управление автомобилем в нетрезвом виде. Это он-то, который после рюмки за руль не садился, хотя в те времена ни о каких промилле и слыхом не слыхивали! Дело было так. Накануне гостили племянницы. Утром он отвёз их на вокзал, а потом, остановившись рядом с домом, зашёл в магазин за хлебом. И в этот самый момент какой-то лихой наездник ткнул старенький «Москвич» в самый... багажник! В ожидании милиции дедушка послал внука, оказавшегося рядом, быстренько сбегать домой... за одеколоном. Он боялся, что милиционер унюхает вчерашнее застолье, и щедро прополоскал рот «Шипром».

Конечно, о переэкзаменовке в таком возрасте речи не велось, не говоря уже о медкомиссии. От горя отец стал похож на проколотый воздушный шарик. Он постарел и сдал до такой степени, что Павел обещал хлопотать насчёт прав, сделать всё возможное... Отец верил и не верил. Конечно, не верил. Потому что когда Павел принёс искусную фальшивку – ребята по его просьбе соорудили очень похожее на настоящее удостоверение, он вяло повертел его в руках, поблагодарил и положил в папку с пожелтевшими документами. А верного «Москвича» загнал в гараж. Навсегда.

Лишившись свободы передвижения, отец стал зависимым. Он, который никогда никого ни о чём не просил, а всегда только давал, дарил, награждал!

Мать сердилась:

– Ну, зачем ты Сергею дорогое ружьё подарил, у тебя ж сын есть!

На что он отвечал:

– Пашка не охотник, а Сергей охотник! – чем, казалось ему, снимал вопрос. Хотя все знали, что логикой тут и не пахнет, просто по какой-то совсем не русской привычке, он не мог отпустить гостя без подарка.

Так он оказался в западне. Стал «невыездным», как глупо шутил Павел, не понимая всей глубины отцовской беды и грядущей тяжести своей расплаты.

– Сынок, ты не собираешься на рыбалку? – делал отец заход накануне выходных.

– У меня заказ горит, какая рыбалка! – неизменно отвечал Павел.

Проходил месяц, отец терпеливо ждал.

– Ну, как работа? Сдал? – интересовался он в пятницу.

– Сдал, – попадался Павел. И тут же понимал, что к чему.

– Понимаешь, мы тут с ребятами в Домбай собрались, на праздники. Так что ты с рыбалкой подожди, как-нибудь выберемся.

– Хорошо, хорошо, – послушно соглашался отец. – Я подожду, куда мне спешить?

«Да мне, мне, дураку, надо было спешить! Мне!» – казнил Павел, покачиваясь в мягкой электричке. Аня-тян болтала с мужем по сотовому телефону, она недавно вышла замуж и уже обдумывала, как бы сразу родить двойняшек, избежав штрафа за второго ребёнка. Преданный китайский сын читал газету, и время от времени что-то записывал в аккуратный блокнотик. Старик, сложив руки на толстой трости, дремал, и даже во сне уголки его сочных губ тянулись вверх...

...Став «невыездным», отец вот так же сидел на лавочке, под цветущей вишней, и так же улыбался всем прохожим, знакомым и незнакомым.

Видит Бог, Павел не хотел его огорчать. Об этой несчастной рыбалке проболталась жена. Отец позвонил, она и ляпнула: завтра, дескать, Паша едет на рыбалку! Он давно обещал ребятам показать ваши места под Красносельском! Ну не дура, а? А тут всё совпало: день рождения, шашлыки, куча народу, все молодые. Вот ведь мать в последние годы не садилась с молодыми за стол. «Не хватало мне, беззубой, аппетит вам портить», – отмахивалась она, и Павлу тогда казалось, что она права.

И всё в тот день было хорошо: клёв, уха, мясо с дымком, анекдоты, даже местные девушки-простушки, разбавившие холостяцкую компанию, но возвращение...

Он подъехал к родительскому дому ещё засветло – сытый, довольный, в настроении, и наткнулся на сидящего под вишнями отца – в соломенной шляпе, сдвинутой на лоб, в резиновых галошах и старой брезентовой куртке. Вместо трости он сжимал в руках связку удочек. Даже во сне он держал их так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Павел круто развернулся и, не оглядываясь, побежал к машине, погоняя себя самими последними словами. В следующее же воскресенье он свозит отца на речку! Возьмёт у соседа лодку! Найдёт самых толстых опарышей! Купит новую, дорогую удочку!

...Но через неделю отцу уже не нужны были ни удочка, ни лодка, ни даже разговоры с сыном.

...Электричка подъехала к перрону «маленького», всего на пять миллионов жителей, городка Суджоу. Молодой попутчик аккуратно сложил газету и спрятал её в дипломат, старик открыл глаза, и таким ясным и радостным взором оглядел мир, как будто видел его впервые.

– Подъём! – скомандовала Аня-тян и, довольная лингвистической находкой, гордо посмотрела на Павла.

– Подъём, – вяло согласился он.

Их попутчики уже раскланялись и направились к выходу, как вдруг Павел, помимо своей воли, неожиданно позвал:

– Отец!

Взоры пассажиров обратились к нему. Провожатая встревожилась, она никогда не видела своего подопечного таким взволнованным.

А Павел, прорываясь сквозь толпу, уже летел к старику-китайцу, уже обнимал его и, что-то бессвязно и горячо бормоча, прижимал к себе. Тот, не сопротивляясь, предоставлял свое крепенькое, плотно сбитое тело для объятий. Его сын, замерев, с удивлением наблюдал сцену, на всякий случай улыбаясь. Наконец Павел пришеёл в себя и отпустил старика. Рядом уже стояла надёжная, как скала, Аня-тян.

– Слово «отец», – гордо продекламировала она, – символизирует мудрость и опыт. Вы поприветствовали этого немолодого человека как представителя всех старейшин на планете!

– Хорошо сформулировала, девочка, – похвалил Павел. – Именно как представителя... Лучше не скажешь.

А отец уходил от него всё дальше и дальше... Вот его небольшую плотную фигурку поглотила вокзальная толпа, вот он растворился в Поднебесной, вот он уже где-то на небесах...

Прости, отец!

Челябинская область

Вадим
Балабан

Елена
Оболикшта

Игорь
Гончаров

Наталья
Карпичева

Римма
Аглиуллина

Янис
Грантс

Ирина
Аргутина

Сергей
Поляков

ВАДИМ БАЛАБАН

* * *

лаборатория Торы
сеет разумное доброе встречное

всё пересыпано этим
белым шипящим и сильным

будка с кланяющимся шлагбаумом
разговаривает голосом диспетчера

* * *

собака ползёт по тропинке
скулит и плачет
я тоже плачу и ползу навстречу
вытираю ей слёзы, целую и глажу
и понимаю: я тоже собака
а это мой ребёнок-инвалид
и сам я тоже инвалид
с камнями слёз по карманам

* * *

мы ползём к железной дороге
чтобы нас переехали
и тогда нас станет четверо:
двое здоровых и двое больных
больные умрут – отмучаются
а здоровые будут жить дальше
и хорошо

* * *

а пока поезд сворачивает на другую ветку,
падает с дерева от ветра –
покачиваются ранетки от снегирей

снегири – кровавые фонтанчики
собранные в детские кулачки
маме дают поклевать еды
чтобы было не холодно

* * *

а папа выходит из-за шлагбаума
стряхивает и застёгивает
переворачивает страницу
всматриваясь в Бардо Тхёдол
молчит рыбой безответною
и в зеркале с поволокой
не отражается

ЕЛЕНА ОБОЛИКШТА

1.

О чём ты говоришь мне по ночам,
дотрагиваясь пальцами врача
до глаз? Теперь я задержу дыхание:
считать до ста без видимых причин
(потом деревья, женщин и мужчин)
я не могу, но есть и оправдания:

они похожи линиями рек
в морщинах дождевых прозрачных век –
не повторит вода тепло родимых пятен,
их мёртв язык, и потому всеяден.

И час от часа легче их тела
ты прогибаешь в долгие слова,
ломая плечи, глиняные ноги,
они кричат, и нитью голосов
ты зашиваешь раны мёртвых псов,
и псы бегут по каменной дороге.

2.

Смонтировать молчание ветвей
и лодку – вот такую, но длинней –
я забываю, только небо – ближе.
Урал лежит с рекою ниже ног,
жонглируя трамваями как бог,
тяжёлою рукой сминая крыши.

3.

Плыл дирижабль травяной в реке
И рыбы в его пористой руке
дрожали как заплаканные лица.

Древесный ангел выронил тетрадь,
где записал о том, что умирать
не страшно, будто выпадет ресница.

(ну хочешь, эта жизнь опять приснится?)

* * *

Лунное тело наста рвётся наполовину,
одновременно птицы вращают воздух,
падает в горло крыльев сухая глина,
буквами обнимая солёный остров.
Или: влюблённо смерть выгладила рубаху,
превозмогая речь стуком пустой посуды,
где для уснувших рядом – ни сна, ни страха,
Бог отмеряет: март и ещё минута.
Новорождённой тьмою в оба зрачка убитый,
видишь, как сын по букве ест у деревьев руки,
тополя подбородок, высохший от обиды,
яблоневого корня тёплые виадуки...

РИММА АГЛИУЛЛИНА

ПЕСНИ О ЛЮБВИ И РОДИНЕ

1.

насквозь седой мужчина
говорит
нам нужна война
на войне куются лучшие люди
говорит
в стальных характерах
нуждается страна
(мама говорила
что лучшие не вернулись с фронта)

2.

этот язык не создан
для любви
эта земля не годится
чтобы жить

я вывернулась из неё
и она мне вслед
тянет пустые глазницы

эта земля для того
чтобы за неё умереть

я вывернулась с корнем
и он истекает кровью

3.

и тебе удобрять эту почву
каменистую и сухую
и тебя не похоронят
а закидают камнями

ложатся на веки
две медные монеты
двухметровыми столбами

4.

если каждый первый мужчина этой страны
желает мне зла

есть
у меня
дом?

не каждая песня о Родине – это гимн.

в детстве я рисовала птиц без ног
не понимая, зачем им ноги нужны

5.

это ряд для отцов
чья единственная вина
в том
что они не умели любить
(эта тяжесть тенью под сердцем твоим легла
нужно вынести из горящего дома
выносить позже на жизнь

что страшнее
чем быть любимой
тем
кто не умеет любить)

здесь матери
что всего лишь
не умели быть нелюбимыми
(шрамы твои велики
перечёркивают
тебя целиком
они были меньше
они росли с тобой)

в этом месте ляжешь ты
когда твоя маленькая
тлеющая любовь
закончится

пой

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ

* * *

отличай гнездо от клетки, язык от паразита
у тебя во рту
разбавлена рыбьей кровью
речной водой размыта
речь спускается в подвальную немоту
пропадает в тени из вида

у тебя по спине ползёт паук
не оглядывайся назад

из невыполотых корней
по ночам у них во рту
прорастают ветвистые запахи
проползает древесный клей
осажденный город продают за еду

не участвуй в дележе
награбленного

у тебя на спине сидит мертвец
так стряхни его наконец

ЯНИС ГРАНТС**ТРОЛЛЕЙБУС**

дышит одышкой. цветёт как самшит.
села в троллейбус. шуршит и шуршит.
шепчет. невнятно. и шарит ковшом.
в маленьком. среднем. побольше. большом.
с пола поднимет. уронит с колен.
свой бесконечный полиэтилен.
что ты там ищешь, смешная душа?
на «станкомаше» выходит, шурша.

ПРИНЦ

открывают птичьи клетки мертвецы.
разлетаются дрозды. щеглы. скворцы.
прижимает мишку плюшевого принца.
так, что пуговицы лезут из глазниц.

в страхе мечутся скворцы. дрозды. щеглы.
разбиваются посмертно об углы.

сердце принца утекает наутёк.
шлёт из пяток свой густой и тихий сок.

мертвецы у изголовья на посту.
как замотанное в тряпку, сердце сту...

ТУВИНКА

ты пахнешь снегом и кирзой.
твоей молочной железой
на треть взращён Кызыл.
тувинка, спой мне горловым,
пока табун, пуская дым,
притопчется с низин.

дай скрыться в космах между ног.
губами дай согреть сосок.
верхом свой круп взвали.
и пой. и пой мне горловым,
чтоб я хранил себя живым
в челябинской дали.

СТАРИК

у тебя, старик, просрочен
срок хранения. тут
не до прикупа и сочи,
а вообще – капут.

накрахмалены халаты –
ангелы стоят.
и моргает виновато
лампа в сорок ватт.

ИРИНА АРГУТИНА

* * *

Озноб осеннего дождя
рождает горечь листопада.
Над мокрой площадью
вождя
ведёт заоблачное стадо

к заморским пастбищам.
Они
пройдут воздушным коридором.
О местный боже,
сохрани
меня бездушным валидолом

на этой,
вымокшей в слезах
земле под коркой каменной,
ломтем пока не отрезай,
ещё не снег...
ещё не выстрел...

.....

Листва с повадками мышей
лениво бегала от ветра.
И стало легче на душе.
И удалось пройти два метра

по улицам и площадям,
по проводам и эстакадам
сквозь дрожь осеннего дождя,
промокшего под листопадом...

* * *

По календарю –
небо и простор,
хрупкость голосов,
благо богомола...
Дарит январю
мужество и скорбь
каменная соль
грубого помола.

Поутру проспект
верит в тормоза,
разъедает соль
кожицу сапожек,
разъедает свет
синие глаза,
и горит лицо,
а душа – не может...

СЕРГЕЙ ПОЛЯКОВ

ПО ХОЛОДКУ

Ранним летним утром, в четыре часа, громко забарабанили в окно.

– Матрёна, ты чего делаешь? Спишь аль нет?

– Какой тут сон! – ворчит Матрена Александровна, спускаясь с высокой деревянной кровати. – Мёртвый поднимется от такого звону. Что на тебя угомону-то нет? Айда, заходи.

Настенька, сухонькая и суетливая старушка, успела от окна добежать до крыльца, и лишь отскочил засов двери, прошмыгнула в избу.

– А я так и думала: ты всё равно, мол, не спишь – дай, добегу, спрошу.

Настенька, пока говорила, успела присесть на табуретку, перескочить на диванчик и теперь гнезди-лась уже на лавке.

– Матрён, – Настенька помолчала, насколько смогла вытерпеть ее беспокойная натура. – Матрён! Айда по малинку сходим! По холодку.

– Настенька, – назидательно отвечала Матрёна, расчесывая волосы, – ведь тебе семьдесят второй пошел. Одумайся, девка! Упадешь там или колодой придавит – что будешь делать?

– Не придавит, – стрельнула по-молодому глазенками Настенька.

– А ну как?

– На помощь кого-нибудь позовём.

– Кому мы нужны, этикие? Будешь пищать там, как комар.

– Ну, придавит, и делов-то: таковские!

Странно: Матрёна с самого начала знала, что уступит – и всё будет по-Настенькиному. Ей и самой хотелось чаю с малиной. Для года и засушить маленько не помешает. Но ведь далеко! Ноги по избе еле таскаешь!

– Как-нибудь, Матрён, – словно угадывает ее мысли подружка, снова перескакивая с лавки на стул. – Больно уж малинки захотелось. Люди вон по сколь несут...

– То – люди. А мы с тобой – две черепахи. Ты чего с вечера молчала?

– Да я сама сегодня только надумала. Лежала-лежала, да наутро мне в голову-то и вступило.

– Слушай, – Матрёна спорила уже только из упорства, а сама потихоньку умывалась, одевалась по-походному, – по-моему, тебе не в голову вступило. И поесть ничего не сварено – хоть бы яичко какое с собой взять.

– У меня варятся – я поставила, – обрадовалась соседка.

– Ну, айда, коли ж так, собирайся. Согрешила я с тобой.

И Настенька полетела собираться.

Матрёна пошла в огород, нащипала свежего лука, сорвала пару прохладных огурцов. В избе посмотрела на подоконнике помидоры и отобрала поспелее для внучки. Два желтых положила в тряпочку: себе и Настеньке. Собрав узел, посмотрела, не включена ли плитка, и вышла на крылечко.

На улице – благодать божья. Утро тёплое – июль. Лёгкий туманец гуляет над зеленью огородов. С крыльца видны на косогоре свежескошенные ряды сена. За косогором – лес, а дальше – всего верст с пяток будет – выруба, малинник.

– Наказанье мне с ней, – говорит Матрёна и идёт к Настеньке.

Дом у подружки ветхий. Зимой Настенька лопатой убирает из сеней снег – столько его намедает. Матрёна привыкла к виду Настенькиного жилища, а как-то воротилась из гостей – к сыну на месяц ездила – так испугалась.

– Настенька, ты как в нём живёшь? Не боишься – придавит?

– Не придавит. Я скорей помереть успею.

Ну что с ней сделаешь?

Свайки фундамента прогнили, изба уныло смотрит окнами вниз. Крыша зелена от мха и вся протекает. Матрёне всегда бывает смешно вспоминать, как однажды осталась в дождик у подружки: та бегала по избе и подставляла тазы и вёдра под струйки с потолка. Посудой была уставлена вся изба, а сами старушки сидели в переднем углу под образами. Там почему-то не текло.

Матрена подошла к воротам, но открывать их побоялась: больно уж накренились. И вага, подпирающая их, совсем прогнила.

– Настенька, – позвала Матрена подружку.

– Иду! – откликнулась та уже во дворе. Она открыла ворота и поскорей выпорхнула на улицу. По-дальше от греха.

– Сама боишься, – смеется Матрёна. – Взяла, повалила бы их, на дрова испилила. А вместо ворот – загородочку с калиткой.

– Опять работа, – отвечает Настенька. – Расход. Может, постоят ещё сколько.

И старухи пошли за малиной.

Матрёна идет неторопко, прилежно смотря на дорогу, Настенька частит впереди и без умолку таторит.

– Матрён, это какая бабочка?

– Крапивница.

– А вот и не крапивница. Это – махаон.

– Ну, пусть будет махаон. Чего встала-то? Давай, припусти за своим махаоном, как девчонка.

– Так интересно ведь! Мне Надя раз, внучка, коллекцию приносила, так там каких только бабочков не было! И полосатенькие, и пятнышки на крыльях получились.

– А не знаешь, зачем у тебя в избе на потолке пятнышки получились?

– Будет тебе, Матрён. И так вся иззаботилась.

– Оно и видно.

– Матрёна, Матрён, – снова трастит Настенька, – какой мне сегодня сон приснился – ни за что не угадаешь.

– Василий, поди?

– Нет, Матрён. Василий, царство ему небесное, – это плохой сон.

– Зачем же плохой?

– Затем, что бьёт меня все.

– И во сне бьет?

– И во сне. Живой сколько бил и теперь – видать, не натешился. Схватит за волосы и таскает, пока не проснёшься.

– Нет, меня Гриша не бивал. Если и приснится, то все чего-нибудь делаем вместе. То на покос едем, то за дровами. Один раз во сне поссорились – и то перед смертью уж его. Перекатываем, будто, баню. Он брёвна кладет, а я мох в пазы подтыкаю. И вот он на меня заругался: мох, мол, сырой – не могла сухого набрать.

После того вскоре и кончился. Я ещё тогда подумала про мох-то – не к добру, мол. Сырой опять же...

– У тебя Гриша – что... – вздыхает Настенька. – Не пил, не гулял. А мой... Сижу раз, жду его с работы. Гляжу, свекровь в окошко стучит. «Беги, – говорит, – девка, у Липки Голишкиной он сидит».

Выскочила, понеслась. По-легкому, в чем была. А осень уж стояла. Подбежала к дому ее, хотела успокоиться, а сердце тошней того бьётся. Зашла во двор, в сенки. Вижу, у порога сапоги его стоят, начищенные. А, думаю, вот кто тебе сапоги мажет! Схватила за ручку, дверь распахнула. Вижу: сидят, бутылка на столе, закуска – всё, как положено. И Липка – мужика у неё посадили, вот она и... закуделивает. А мой – как ни в чем не бывало: «Милости просим, – говорит, – айда с нами». Я как топну ногой: «Ты, – говорю, – зачем тут оказался?» Схватила сапоги его, выскочила на улицу – и домой! Прилабонила, а свекровушка меня дожидается: что, мол, и как? Я ей сапоги выкладываю: «Пусть, – говорю, – теперь попробует!»

А та посмотрела на меня, вздохнула: «Молодец, – говорит. – Теперь он точно там до утра останется».

Матрёна обычно смеялась сдержанно, но тут даже приостановилась: потеха!

Старухи доходят до горы, присаживаются отдохнуть у колодца. Матрёна покрутила воротом, достала иссиня-светлой воды. Настенька жадно пьет из кружки, а Матрёна наливает в бутылку: холодная.

Старухи идут в гору, доходят до половины, и Настенька останавливается.

– Ой, Матрёна, погоди, устала.

– Айда, знай. Вон ещё сколько стебать. Взялась, так иди.

– Тебе легче, – говорит вдруг Настенька.

– Чего это мне легче-то? – обижается Матрёна.

– А то, что с мужиком жила, не изробилась.

– Что же теперь делать? Я ведь не виновата, что ему бронь дали?

– Всё равно легче, – упорствует Настенька.

– Знаешь что? – не на шутку обижается Матрёна. – Если ещё будешь так говорить, встану на этом месте и не пойду дальше.

И старухи снова двинулись в путь. Они взобрались на гору, оглянулись и нашли в деревне свои домики.

У Матрёны на хозяйство любо посмотреть: крыша из старинного железа, как новая, забор стоит ровно. Даже грядки разбиты в строгом порядке. Настенькина же изба...

– Матрён, – в голосе подруги и тоска, и растерянность, – если я помереть не успею, возьмишь к себе?

– Приванилась, простепанилась, подошла ко Христу, оголя задницу, – сложно отвечает Матрёна.
– Как это? – не понимает Настенька.
– Да уж так и получается. Марковну Золотову помнишь? Все праздники соблюдала – робить в них нельзя, всех святых, бывало, помянет. Умерла – переодеть не во что было.
– Переодеть у меня припасено. Ты скажи: пустишь аль нет?
Настенька снова останавливается на дороге.
– А ты егозить не будешь?
– Нет. Я на лавочке в уголке сяду – меня и не услышишь. Я тебе прясть стану...
– Ладно, посмотрим на твоё поведение. Айда, переставляй маленько ноги-то. Придём уже скоро. И правда, стали попадаться первые низенькие пеньки, возле которых краснели редкие ягоды.
– Гляди-ка, Матрён, земляника! Пахнет как! Айда, поберём маленько?
В лесу сразу сделалось прохладнее. Берёзы вскоре сменились ельником. И, наконец, пошли малиники – старые нечищенные вырубка. Подруги замечают первые обобранные кусты, и Настенька снова как на руках повисла:
– Матрён, давай здесь поберём?
– На вот! – отвечает та. – Этакую даль шли, да по оборышкам лазить. Цельную найдем!
– Мотя, Мотя! – кричит уже Настенька возле другого куста. – Нетронутая.
– Тише ты! – отвечает Матрёна приглушённым голосом. – Садись да бери. – И сама прилаживается к малине.
– Вот беда-то... – слышится вновь от Настеньки. – Очки забыла. Ты не взяла?
– С тобой возьмёшь... Настенька, Настенька! – слышится немного погодя.
– Тише! – отзывается та совсем рядом. – Кого-нибудь ещё зазовешь сюда.
– Насть, а помнишь, в войну с тобой ходили по малину, и ты потерялась? ещё мужик с тобой оказался.
– Помню. Нашла о чем говорить. И тогда тоже: брала бы себе да брала. Нет, кинулась искать.
– Он как же, обещал тебе что?
– Зачем? Подошёл: айда, говорит, со мной – там малина крупнее. Я думаю – чего не сходить? Пусть накатает, потом тебя позову.
– Чего же не позвала? Я тебя тогда больше часу искала. Хотела в деревню бежать, баб на помощь кликнуть.
– А и ни к чему было искать! – в Настеньке словно всколыхнулась давняя большая обида. – Зачем кричать-то? Видишь – меня нет, значит, смекай: ягоды хорошие нашла, беру.
Старухи, увлекшись, замолкают, перебираются через валежины.
– Настенька, – вдруг говорит Матрёна, – всё-таки нехорошо, что ты с мужиком этим пошла. Может, и Василий потому с фронта не вернулся.
– Как?
– Да так. Он, может, в это время в сражение попал, а ты думать про него забыла. Заботиться о солдате некому стало – смерть и прибрала его к рукам.
– А и вправду, Матрена... – Настенька даже прекращает собирать. – Что же теперь делать?
– А ничего. Раньше надо было думать. Себя соблюдать.
– Вот беда-то ещё! – вздыхает Настенька. – Матрён, – наконец, говорит она, – он бы вернулся – меня снова лупить начал, Василий-то?
Старухи выбирают на чистое место, решают пообедать. На срезе пенька они раскладывают свои припасы.
Матрёна разворачивает узелок и с любопытством ждёт, что достанет Настенька. У подружки оказываются пряники, кральки, слипшиеся конфеты.
– Как девчонка, – не удерживается Матрёна. – На сладком живёшь.
– Мяконькие, – хвалит Настенька пряники. – На, попробуй. Вчера в лавку привозили.
– В лавку-то разве набегаешься? Экономить надо. Кудрявая берёза в животе не вырастет.
Покончив с едой, они вновь принимаются за дело.
Начинает припекать. Появился овод, становится жарко.
Старухи сходятся, пьют воды и снова – в разные стороны. Матрёна выбирает чисто, как в своём саду, Настенька хватает лучшие ягоды и – скорее к следующему кусту.
Она уходит все дальше от Матрены, ломится сквозь заросли... и вдруг чувствует, что проваливается. Она пытается задержать падение, хватается за валежину, но та, прогнившая, с треском ломается, и Настенька опускается ниже.
И только когда старухе делается по шее, она нащупывает ногами что-то твёрдое. Настенька хватается за сук над головой, пытается подтянуться, но не тут-то было.

– Вот ещё грех-то, – озабоченно бормочет Настенька и, понимая, что самой ей не выбраться, зовёт на помощь подружку: – Матрё-он, помоги!

Но Матрёны не слышно.

Настенька прислушивается и зовёт подружку ещё раз. В ответ – ни звука. Только птичка тихонько попискивает в кустах. Настенька вдруг понимает, что Матрёна далеко и ни за что её не найдёт.

– Матрён, – заплакала она, – подруженька ты моя, Христом-Богом тебя прошу, приди, выручи, вызволи меня отсюда! Матрён, не оставляй меня здесь-а!

– Давай руку, горе ты моё! – услышала она над собой.

– Оставила меня-а! – неутешно подвывала Настенька. – Бросила-а!..

– Айда, кума, выпрастывайся, – вытаскивала подружку Матрёна. – Батюшки, а малина-то! Одни волосья остались от Федосьи...

Старухи опасливо заглянули в яму. Там краснело пятно от просыпанных ягод. Настенька заплакала ещё горше:

– Всю жизнь-то мне не везёт... Это зачем я такая родилась-а!..

– Да будет тебе, – успокаивала ее Матрёна. – Наберём ещё. Хошь, я тебе свое отсыплю?

– Ладно, – потихоньку успокаивалась Настенька. – Не теперь только... А то ещё раз упаду...

– Ты чего реветь-то начала? – спрашивает Матрёна, снова устраиваясь в малиннике.

– Испужалась. А ты чего сразу не откликнулась?

– Так ведь и ты не вдруг отзываешься. Всё «тише» да «тише». Вот и думаю: «Дай над Настенькой пошучу! Разок один».

– Боле не шути эдак.

И старухи выбирают к дороге. Они завязывают посудинки платками, идут назад и частенько останавливаются.

– Ой, не дойду, Матрён. Упаду здесь, и малина не нужна будет.

– А кто звал? Я что ли тебя взманила? Айда, копти по просухе. Слышишь, Илья никак?

– Нет, не Илья, – прислушивается Настенька к глухому раскатистому звуку. – Это щебёнку за горой взрывают.

А Матрёна и сама устала – так бы присела на пенёк и не двигалась.

– Никуда боле с тобой не пойду, не выманишь, – ворчит она.

– Мозжат ноги-то, ровно не свои исделались, – нудит сзади Настенька.

У ворот Матрены подружки расходятся. Та отсыпает Настеньке стакана два малины.

– Приходи вечером, – говорит Настенька, – чайку попью.

– Сама лучше приходи.

Матрёна заходит в избу и, несмотря на усталость, включает электроплитку. Она дожидается, пока вскипит вода, заваривает покрепче чаю. Наливает стакан, достает из шкафа сахарницу и слышит, как стучает калитка.

«Неужели Настенька?» – думает Матрена. Точно: она.

– Матрён, я тебе про сон-то не рассказала, – тараторит с порога Настенька. – Угадай, что я во сне видела?

– Ну, рассказывай.

– Сатинчик, Матрён. Иду по базару, вижу: цыган сатинчик продаёт. Такой сатинчик, такой сатинчик – на гроб хорошо бы! Ведь сколь охочусь, не могу натакаться, а тут поталанило. Хватились, а денег – ни копейки. Кинулась домой, схватила партмонет – скорей обратно! А сатинчик весь уж разобрали. Такой сатинчик был – синий, со звёздами!.. Матрён, ты не растолкуешь, к чему это? К добру аль нет?

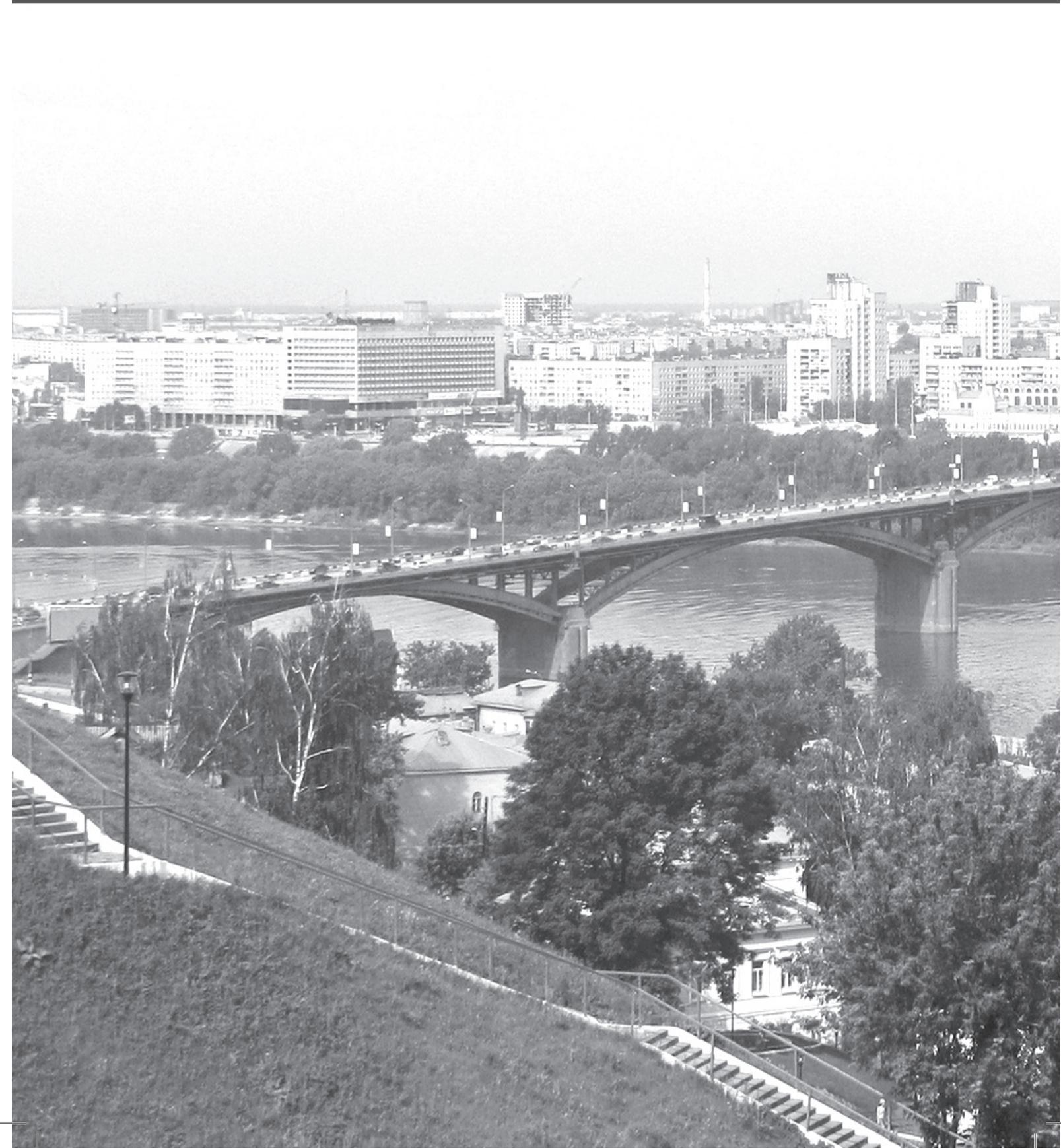
– Не знаю, – отвечает Матрёна, хотя чувствует, что хорошего в Настенькином сне мало. – Давай лучше чай пить.

И старухи садятся за стол, с наслаждением пьют чай. Весь чайник.

– Ну ладно, пошла, – прощается Настенька. – Не обессудь. Так говоришь, не знаешь, к чему сон-то?

– Не знаю.

Нижегородская область

**Андрей
Дмитриев**

**Владимир
Безденежных**

**Денис
Липатов**

**Дмитрий
Ларионов**

**Игорь
Чурдалев**

**Наталья
Емельянова**

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВ

* * *

Под окном нечто книжное –
главы, сюжеты, цитаты,
персонажи, поток иллюстраций,
тугой переплёт...
Спят на лоджии лыжи –
соседи зиме были рады,
а теперь итальянцы
в бокалы услужливо лёд
насыпают на знойном курорте.
Деревья взрослеют –
тянут воду из неба,
корнями нащупав ядро.
Кровь в единой аорте
блуждает, но сердце, что слева,
возвращает в горячие недра,
как поезд метро,
эту жгучую силу,
чтоб грудь в ритме жизни вздымалась,
и распоротый воздух
внутри трепетал – будто флаг.
В чашке что-то остыло,
но море вдоль кромки Ямала
холодней. Калиостро
надел к ночи фрак
и спускается в зал для гостей –
те в плену спиритизма.
Хоть и духи не столь разговорчивы –
стоит спросить:
что у рыб на хвосте
в этой маленькой призме,
где мы видим воочию,
чем разбавляется спирт?

* * *

Минуя дом, где мы когда-то жили
и поклонялись тихому огню,
как мягкой силе наших сухожилий,
двор пересёк – в нём всё скребёт по дну
железный коготь ржавых окончаний,
в нём теплится всё та же простота,
но образ – подпиравший свод плечами –
уже не бронза одного куска.
Остыли камни и глаза старушек,
что режут лук заросшего угла
на досках лавок, наостривши уши,
чтоб слышать каждый отзвук каблука...

Однако остаётся неизменной
живая речь сентиментальных уз,
в которых время надувает вены
на толстой шее, выдохнув из уст
морозный воздух – общую тревогу
за смерть пространства – острого на вкус,
но где нас в памяти вещей так много...

ВЛАДИМИР БЕЗДЕНЕЖНЫХ

* * *

Мой дед Василий (царствие ему
Небесное) отдал стране что мог.
Была война. Чтоб выиграть войну
Стране недоставало рук и ног.

* * *

Я помню голос. Он записан на
«Романтик 3». Скрипит катушка древней
Магнитной пленки. А на ней война
И голос деда из глухой деревни...

«Мы в окружение попали всем полком
И шли к своим лесами две недели
Почти без провианта. Нелегко:
Крапиву, лебеду и щавель ели.

С боями все же вышли до своих
Десятка три, но выжили хотя бы.
Вот нас – ещё с солдатиком – двоих
Послали в лазарет как самых слабых.

И там был врач – вражина из вражин
Как этот гад затерся среди наших?
Я от недоедания был чуть жив,
А он давал нам в час по ложке каши.

А те, кто вышел с нами из котла,
Едали хлеба вволю, и по самый
Край миски каша жирная текла
Да к ней законные наркомовские граммы!

Я спрятал нож, чтоб доктора кончать,
В матрас, и думал: только бы достало силы,
Чтоб ночью у иудова врача
На тонкой птичьей шее взрезать жилы.

За то, что держит в чёрном теле нас,
За то, что хлеба не даёт и каши
И я убил бы... но в вечерний час
Вдруг стали привозить солдатов наших –

Тех, что наелись, – скрюченных в дугу,
Блюющих, в голос стонущих, смердящих,
И что в бою не удалось врагу,
То сделали тарелки с этой кашей.

Никто-никто не выжил, кроме нас
Двоих – у всех заворотило брюхи.
А доктор знал и нас обоих спас,
Не дав наестся сразу с голодухи»...

ДЕНИС ЛИПАТОВ

* * *

Здесь, в общем-то, не на что и посмотреть,
ну так себе – город и город,
не скажешь: увидеть и умереть,
ну, речкой он надвое вспорот.

Пока ты там бродишь в столицах своих
по всяким культурным пространствам,
здесь даже до Кирова катится чих
емелькою на атаманство.

Смотри же, выдумывай жизнь за него,
любовь, и судьбу, и призванье!
Конечно, ему, дураку, нелегко –
такие кругом расстоянья.

Но он ещё скажет спасибо тебе
за заячий тот же тулупчик,
кивнёт с эшафота, завидев в толпе:
я тоже с утра, как огурчик!

Мы будем выхаживать этот простор,
смотреть и выслеживать оком,
и странный какой-то вести разговор
о будущем нашем далёком.

Кому из него и о чём ворожить,
а спросишь – оно вдруг посмотрит устало:
смотрите, ведь вам, по пословице – жить,
а нас-то, как раз, и не стало.
Пивной ларёк за летним кинотеатром
уж если был открыт – без перерывов на обед,
мы шли туда с мальчишеским азартом –
нальют нам пива или нет?

Автозаводский парк, через дорогу наша школа,
большая перемена – двадцать пять минут,
апрель вокруг – звучит, как радиолы,
стучит в груди английским словом гуд.

Толпятся мужики, сдувая с кружек пену,
сушёной воблюю молотят по столам.
«Блин, очередь, нам не успеть за перемену!»
«Добей полтинник, я потом отдам».

На этот раз, на удивленье, прокатило,
с ухмылками косятся мужички...
«Ну, говори, чего опять русичка голосила?»
«Да как всегда: лентяи, неучи, сачки».

С тех пор здесь кое-что переменялось:
ларёк сожгли и кинотеатр вместе с ним,
страна, пока мы пили пиво, развалилась,
но мы об этом вслух не говорим.

ДМИТРИЙ ЛАРИОНОВ**AMARE**

*Льдинка жизни – у тебя на лбу,
которую – любил; которую – люблю...*

I

Обманчивая плотность ожиданий
растёт во мне, а жизнь невелика:

переживут растения и камни
любовь мою; перетечёт река.

II

Слова уйдут. Перекочуют смыслы
в иную речь, в иное вещество –
и человек, которым небо мыслил,
тогда не скажет вовсе ничего.

III

Рассеянные путники исчезнут.
Отправятся по липовым делам.

Переведут на скорые дизели
часы свои; и вот исход тепла

теперь уже никак не обозначен.
И только дивный мир – гвоздим тобой.

IV

И как оно бы ни было иначе,
я верю в чудо. Чудо – есть – любовь.

.....
.....

V

Поле маиса под акварелью неба –
ты. Смотришь живыми глазами
на детей босоногих. И в час посева

муаровый ветер сползает,
как прежде, на твои тонкие впадины.
На локоны злаков цветущих,

что только мной по любви обокрадены
были... Вместе – выпили тучи.

ANGELUS

И столько радости, что странно дальше жить:
на синем атласе всех облак падежи –

прочь от склонения бегут. И от числа.
<...> одна вселенная – за луч тебя сочла.

ИГОРЬ ЧУРДАЛЁВ

БОЛЬНИЧНОЕ

Пятая хирургическая больница,
снимаясь с фундамента в полночь,
пролетает надо всем, что снится,
надо всем, что любишь и помнишь.
Над бетоном, чащей, пашней,
к минувшему путь держа,
над землёй, беспокойно спящей
под капельницами дождя.

Рвутся в тихом полёте
тенета земных забот.
Тем легче некто в палате
к рассвету покинет борт,
сойдя не в провалы Данта,
а просто оставшись там,
где был он молод когда-то
и дерзок не по летам,
у малых своих истоков,
где нет ни обид, ни зла,
ни плоской черты итогов
с остатком: все было зря.

Безденежье. пляж. Безделье.
Скитания. Автостоп.
И жизнь – ещё беспредельна –
простерта у самых стоп.

МЕТРО ГОРЬКОВСКАЯ

То нахрапом растопят весь снег,
то опять холодают –
дни в невнятной и хлипкой весне
ни за грош пропадают.
Мир тревожен, он сам как апрель,
неуверен и зыбок.
Окунёшься в него – и побрёл
среди слёз и улыбок.
Лезут голуби под ноги –
Кыш! –
и, помешкав оплошно,
воспаряют насельники крыш,
хлопоча заполошно.
А над крышами тучи пасёт
серафимов капелла.
И как рухнет, как хлынет с высот
всё, что в них накопело.
Сложишь зонт –
и ныряешь туда,
где ни тучи, ни неба,
ни дождинки.
Где дело труба –
и ни вправо, ни влево.
Где расписаны в духе Миро
голубые плафоны.

Где подземное море метро
бьётся в берег платформы.
Уплывай, убывая навек,
вот швартуется судно –
и когда-нибудь выйдешь наверх
к жизни, памятной смутно.

ГРАФФИТИ

Вдумчиво жили прежде. Не сгоряча.
Без истеричных вскрипов и нервной дрожи.
Ладили стены из красного кирпича
крепче обета, проклятья и первача
так, что сносить их потомку себе дороже.

Остов ещё вздымается, как ни стар,
над чередой дней человеческих, куцых.
Корни пустил фундамент. Ветвями стал
рухнувший свод.
Утопает руина в кущах,
рвущих её, как медленный динамит,
аж все бурьяны рядом – в кирпичных клочьях.

Сбрэндил сентябрь.
Неуемной жарой томит,
золотом беден и листьев ронять не хочет.
– Дайте мне дней – умоляет он.

БОГ ПОДАСТ

Ветер мольбой играет в полях широких.
Канем безмолвно в осень. Не молодясь,
просто не замечая урочных сроков,
как эти стены, которым что штиль, что вихрь,
лишь бы восстать над гнилью
и тьмой в подвале.
Зря ли развалины для миражей своих
юные граффитисты облюбовали...

РУНЫ РУИН

Шрифт изломан, как пьяный жест,
скомкан, как круг, кованный из квадрата.
Что вы, ребята, курите? Что за жест
крыла вам крыши, съехавшие куда-то –
или взлетевшие? – юность всегда крылата.

Вам только критика и не хватало здесь.
Вот он является, зол, умудрён и сед.
Вот озирает фронт, на обломок сев,
тихо потеет ядом и копит желчь.
Видно, надумал травить, сокрушать и жечь.
Вот как сейчас резанёт он, острей серпа...

Но всё молчит, потому что глядит в себя.
Видит угрюмый остов, кругом лежит
ясная осень. И в пику столь ветхим темам –
странную, яркую, следующую жизнь,
свежую кровь стекающую по стенам.

НАТАЛЬЯ ЕМЕЛЬЯНОВА

* * *

Кришнаиты поют. Алкоголик лежит
На расчерченной зеброй дороге.
Кто-то шепчет с тоскою: «Хочу в Геленджик»,
Кто-то греет замёрзшие ноги

У трамвайной печи. И звенящий трамвай,
Что качается будто на волнах,
Исчезает в тумане. Пронзительный лай
Бедных псов, бесконечно голодных,

Город северный терпит с утра до утра.
Кришнаиты стучат в барабаны.
Город северный, может быть, – просто дыра
Или вечно открытая рана.

Скоро выпадет снег, мы закроем окно,
Будем жаться спиной к батарее.
Город северный, может быть, – просто кино
Или скромный кулончик на шее...

* * *

А Лазарь ходит по лазури,
Раскрыв ладони над землёй,
И говорит: «Я дважды умер,
И я по-прежнему живой».

А люди мёртвыми глазами
Глядят на Лазаря в ответ
И за густыми облаками
Они его не видят, нет.

А видят лишь вчерашний ужин
И прошлогоднюю войну,
Им Лазарь, в общем-то, не нужен
И Небо, в общем, ни к чему.

Оно нужно лишь самолёту,
Дающему своё крыло
Ладони Лазаря. А кто-то
Вглядится в круглое окно

И разглядит в нём человека,
Хранящего лазурь в глазах,
И нервно дрогнет чьё-то веко,
Лазурью став.

Мой строгий друг заклеивает окна
От строгих зим – уж пахнет октябрём.
Я под дождём до ниточки промокла,
Я шла спросить его: «И мы с тобой умрём?»

Мой строгий друг мне ставит табуретку
И приглашает к строгому столу,

Даёт стакан и белую салфетку
И говорит: «Конечно, я умру».

Умрёшь и ты. Вороны в сером небе
Привычно крикнут или промолчат,
Старушка белая закажет свои требы
И в церковь белую возьмёт с собой внучат.

Один из них весной пойдёт на речку
И превратится в чёрного грача,
Крылом подхватит золотую свечку
И закружит, над речкою крича,

Что смерти нет, а есть бездонность неба,
И ты, конечно, дашь ему ответ.
Старушка белая закажет свои требы.
Мой строгий друг, темнеет, включим свет?

* * *

Художник нарисовал круг и говорит: « Это квадрат».
Художник нарисовал круг и говорит: « Это квадрат».
Художник нарисовал круг и говорит: « Это квадрат».
Художник нарисовал круг и говорит: « Это квадрат».

Музыкант сыграл «ля» и говорит: « Это «соль»».
Музыкант сыграл «ля» и говорит: « Это «соль»».
Музыкант сыграл «ля» и говорит: « Это «соль»».
Музыкант сыграл «ля» и говорит: « Это «соль»».

Человек появился на свет и говорит: «Вот, я зверь».
Человек появился на свет и говорит: «Вот, я зверь».
Человек появился на свет и говорит: «Вот, я зверь».
Человек появился на свет и говорит: «Вот, я зверь».

Не верь.
Никому не верь.
Прошу: никому не верь.
Прошу тебя, пожалуйста, никому из них не верь.

Звезда осветила небо.
Этому верь.
Звезда осветила небо.
Вот этому верь.
Звезда освятила небо.
Вот этому, этому верь.
Ему одному верь.

Художник нарисовал небо и говорит:
«Вот открытая дверь».

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВ

ПОСЛЕДНИЙ БРОНЕПОЕЗД

РАССКАЗ

Эту историю рассказал мне старый машинист бронепоезда за бутылкой в одной дешёвой забегаловке. В прокуренной дыре было много всякого сброда, но их пьяная брань не могла сбить старика с мысли и лишит рассказ взятого аккорда, что всегда отличает людей с твёрдой верой в то, о чём они говорят.

Когда-то давно в здешних краях, нынче поросших сытыми домишками и магазинами с вульгарно накрашенными продавщицами, разразилась страшная война. Всё – от ножа до самолёта служило смерти. По железным дорогам, пересекающим пылающую землю, курсировали стальные поезда и засеивали свинцом поля по обе стороны насыпи. Это было жестокое время, но полное настоящих типажей и достойных поступков. После войны бронепоезда сняли с вооружения (как физически и морально устаревшие), но тот, на котором служил мой рассказчик, оставили в качестве напоминания о минувшей бойне. Прошло много лет. Мир изменился. Воронки от бомб засыпали, вместо разрушенных двухэтажных зданий выстроили высотные. Люди не склонны помнить зло, когда это не сулит дивидендов с настоящего. Тропа к бронепоезду заросла, и он начал ржаветь. Сердце старика не выдержало – он своими силами стал реанимировать некогда грозную машину. По давно неиспользуемой, но почему-то до сих пор не демонтированной, ветке седой машинист по ночам совершал свои рейсы. Представляю глаза местных бомжей, осоловелые от адского пойла, когда мимо них из темноты проносилось это стальное чудовище. Там на пустоши стояли руины сгоревшей во время войны станции. Каждый раз, проезжая мимо, старик подавал сигнал одним гудком в знак памяти о всех павших, пугая при этом рыскающих по окрестностям шакалов и бродячих собак. Однажды, после очередного гудка от руин отделилось несколько чёрных силуэтов. Фигуры высыпали на железнодорожное полотно – прямо перед идущим бронепоездом и стали знаками показывать, чтобы он остановился. Старика ничего не оставалось делать, как остановиться. Он направил в темноту луч фары, и она выхватила из чёрной туши ночи несколько юных лиц. Это были совсем молодые парни в видавших виды майках с разбитыми гитарами и потёртыми рюкзаками за плечами. Один из них подбежал к кабине и спросил:

– Отец, не мог бы ты нас подвезти?

– А куда вам нужно? – спросил изумлённый старик.

– Да, собственно, никуда, – ответил парень, улыбнувшись.

– Тогда нам по пути, – буркнул бывалый машинист, – Запрыгивайте!

Весёлая компания беспечных бродяг забрались в кабину и поезд продолжил свой ночной рейс. Так и повелось. Целый год в назначенное время, проезжая мимо разрушенной станции, старик давал один единственный гудок, и из темноты появлялись его ничем не обременённые пассажиры. Они ни о чём не расспрашивали – просто смотрели иногда в чёрную даль, ловили ветер в открытую форточку и пели свои дикие песни, которыми, пожалуй, только вольные звери могут изъясняться с миром о любви, ненависти и нестерпимой тоске. В эти моменты к старику возвращалась юность, и он ронял скупую слезу, но никто этого не видел, потому что было темно.

Машинист тяжело выдохнул под потолок орущего вертепа едкий дым папиросы и сделал глубокий глоток из липкого стакана.

– Сегодня я умру, – неожиданно сказал он. – Не спрашивай, почему, я так решил. Старый волк всегда чувствует ветер, который подул из долины смерти.

Он что-то долго пытался найти в кармане ветхого пиджака, а потом бросил на грязный стол почерневшую от времени связку ключей.

– Теперь он твой, – старик кряхтя поднялся со скрипучего стула и, опираясь на палку, поплёлся к выходу, – Я знаю – ты тоже из тех, кто прыгнул бы на бронепоезд. По глазам прочитал. Надеюсь, ты знаешь, где находится старое депо. Это каждый сопляк в городе знает. Провожать меня не надо.

Целую неделю я ходил в этот бар, чтобы встретить его. А вдруг он одумается? Но старик не появлялся. Бармен (собиратель местных сплетен) сказал, что дня три назад у ограды военного

кладбища нашли труп старика, по описанию похожего на моего случайного собеседника. Больше ничего не было известно.

Как-то ближе к ночи подул сильный северный ветер, и на душе стало беспокойно. Будто какой-то голос звучал во мне и звал меня куда-то. Я взял связку ключей и растворился в темноте улицы.

Сейчас я более уверенный водитель бронепоезда, чем год назад. К тому же всегда найдётся несколько дополнительных пар рук, чтобы справиться с механизмом – в пустоши теперь много бродячих машинистов. Каждую ночь в положенное время вблизи руин разрушенной станции раздаётся гудок, и все кому некуда ехать и нечего терять, выходят из темноты к железнодорожной насыпи. Однажды я задумался, а что если бы ветка была не такой короткой и не проходила бы по кольцу? Может быть, у машиниста и пассажиров появилась бы цель, некая желаемая точка на карте? Но потом понял, что те, кто выходит из темноты навстречу идущему в никуда бронепоезду, бегут от действительности не в географическом смысле. То расстояние, которое они хотят преодолеть, измеряется не в километрах. Последний бронепоезд – это их оружие массового вооружения. А потому каждый рейс – бегство от узаконенной, но тесной определённости в неведомое, дающее пьянящее ощущение иного пути.

ЗИМНЕЕ ОКНО

РАССКАЗ

Иногда создаётся ощущение, что зима, в некотором смысле, безразмерное время года. Никогда и никому не пришло бы на ум выражение «быстротечная зима» (по крайней мере, в нашей полосе). Глядя в одно из трёх окон квартиры, снимаемой за умеренную плату в тихом квартале городской окраины, Николай каждый день наблюдал всё тот же незамысловатый пейзаж – маленький дворик, небрежно укутанный шубой добротного снега, сиротливо прижавшийся к старому забору голый ясень и облезлый грибок, уныло обозначивший в глубоком сугробе детскую площадку. Эту картину оживляли только стайки голодных и замёрзших птиц, которые не найдя проку в монотонных декорациях, спешно улетали на поиски более перспективных в плане бродяжьего быта уголков. При взгляде в это окно Николай начинал чувствовать, что зима в России – больше, чем зима, и стремился скорее покинуть кухню, чтобы посмотреть на улицу из комнаты.

Вид отсюда был совершенно иной – напротив стояло здание современной постройки, внутри которого располагалась сеть магазинов, а также кафе и небольшой кинотеатр. Стены этого очага жизни пестрели красивыми рекламными щитами и горящими вывесками. Люди, обитающие в тихих, серых и ничем не примечательных районах, любят делать объектами повышенного внимания такие места, поэтому не только у главного входа, но и на прилегающей площади всегда было много народа. Владельцы развлекательного центра заботились об имидже, поэтому территория вокруг здания находилась почти в идеальной чистоте даже в условиях частых снегопадов. Модные наряды, кокетливый девичий смех, озорные дети и хоровод розовых от морозца лиц – отвлекали от мысли, что ещё долго до той поры, когда ухоженные газоны и постриженные кусты заполнят собой пустоты и вместе с огнями уличных фонарей и кричащих афиш создадут для глаз летний калейдоскоп.

Однако время шло, и тому свидетели – настенные часы и календарь с глянцевым фото престижной иномарки, которая, если верить телевизору, не роскошь, а средство передвижения. Николай ходил на работу, а по вечерам и в выходные дни встречался с девушкой Катей, с которой познакомился в очереди в регистратуру местной поликлиники. Сезон зимних простуд стал порой любви, ведь ей, как оказалось, покорны не только все возрасты, но и все состояния далеко безупречного организма. В суматохе богатых на события дней Николай не успевал отметить для себя уже явные при пристальном взгляде изменения в природе. Впрочем, однажды, встав субботним утром с постели с чувством обретенной до следующей трудовой недели свободы, он с радостью обнаружил, что вокруг развлекательного центра зияют огромные проталины, из которых пробивается щетина прошлогодней сухой травы, а с крыши в лучах игривого солнца роняет серебряные спицы тонких струй звонкая капель. Взбодрённый этой новостью, Николай отправился на кухню, чтобы сделать себе кофе. Он потянулся за банкой, стоящей на деревянной полке, и ненароком посмотрел в кухонное окно. Улыбка медленно сползла по лицу, как растаяв-

ший пломбир. Плотный сугроб держал в царственных объятьях голый ясень и облезлый грибок – точно так же, как несколько долгих недель назад.

– Просто это несолнечная сторона, – быстро нашёл объяснение опешивший Николай, и боящееся любой нелогичности происходящего сознание тут же ухватилось за эту версию...

В июле панельный дом, возведённый когда-то зодчими социализма, раскалито так, будто ядро солнца располагалось где-то под фундаментом. Молодая пара сидела на балконе и наблюдала, как по тротуарам катится жара, заставляя растительность благоухать от этого натиска. Николай жил далеко не в лучших апартаментах города и стеснялся приглашать сюда Катю, но она настояла, сказав, что давно хотела увидеть убежище своего благородного и таинственного рыцаря. Они пили медленными глотками уже тёплый лимонад и смотрели, как легко одетые люди спешили в развлекательный центр, где властвовали мощные кондиционеры и ощущение гарантированно-го комфорта в любое время года.

– Ты знаешь, – сказала Катя – а мне вдруг захотелось зиму. Нет, правда. Мы привыкли пренебрегать ею, но случаются мгновенья, когда устаёшь от постоянного праздника и понимаешь, что лето – не совсем естественная для нас – жителей севера – среда обитания. Эта духота – просто сводит с ума.

Николай загадочно улыбнулся, тихонько взял подругу за руку и увлёл за собой на кухню, держа вытянутый палец у сомкнутых губ в знак особой секретности своей затеи. Нагнетая ещё более густой мистический туман, он закрыл мягкими ладонями Катины глаза и подвёл её к окну. Когда девушка снова увидела свет, в кухне повисла звенящая тишина. В этом был элемент внезапного пробуждения, в момент которого ещё не ясно по какую сторону сна находится реальность. В жаркий июльский день сквозь тусклое окно ссохшейся рамы девушка лицезрела маленький дворик, погребённый под толстым слоем снега – и только голый ясень да детский грибок возвышались над искрящимся барханом...

– Просто, видимо, сторона – несолнечная, – таинственно прошептала Катя.

– Безусловно, – ответил уже давно ничему не удивляющийся Николай и потянулся к шпингалету, чтобы, наконец, распахнуть окно и почувствовать в руке щемящий холодок скатанного на подоконнике снежка. Но Катя остановила его, подумав, что окно – это та хрупкая мембрана, благодаря которой отдельно от осязаемого мира существует иная правда. Чем дольше она изучала глазами белый пейзаж, тем явственнее становилось ощущение зимней свежести внутри и вокруг. И только стайка голодных и замёрзших птиц на безлиственных и худых ветвях ясеня была, вероятно, по-прежнему другого мнения о ценности текущих событий...

АНГЕЛ

РАССКАЗ

Аркадий любил вырезать из газет и журналов фотографии понравившихся ему персонажей и наклеивать их на стену над письменным столом. Это были не только знаменитости, но и простые люди, в публицистических или в чисто художественных целях попавшие на страницы периодики. Иногда, когда глаза уставали от ноутбука, Аркадий переводил взгляд на стену перед собой, и калейдоскоп из лиц возвращал заработавшемуся программисту ощущение присутствия большого и многоликого мира. Известные персоны искусства, политики и спорта в соседстве с застигнутыми врасплох рядовыми обитателями человеческого общежития делали более наглядным тот контраст, который так присущ находящейся за окном реальности. Коллаж на стене дополняли и вымышленные персонажи, вызванные буйной фантазией людского разума, изнывающего подчас от тесных форм привычной данности. В этих полулюдях-полуживотных пытливый взор обнаруживал недостающие фрагменты для мозаики собственного, глубоко личного мира, созданного в противовес устоявшемуся, но не всякого устраивающего порядка вещей. В условиях, когда любой индивид с правильными чертами и литературно выверенной речью может оказаться на деле страшнее любого мифического монстра, даже самая причудливая сказка становится как бы проекцией действительности на недостижимой для нас оборотной стороне зеркала.

Аркадий вертел в руках красивый глянцевый журнал и среди уже привычной суеты хорошо и не очень узнаваемых профилей и силуэтов наткнулся на снимок какой-то старинной картины, служившей достоянием некоего культового музея в Европе. Нет, не имя мастера привлекло

его внимание. Со страницы издания на него смотрел ангел. Античная красота и правильность пропорций делали это существо воплощением вселенской гармонии. Взгляд был настолько неземным, что хотелось угадать точку, на которую он был направлен, чтобы в очередной раз ошибиться и поддаться мысли о безграничности пространства и времени. Аркадий решил, что для обуреваемых обычными земными страстями героев фотографий небесный покровитель на стене будет не лишним. С канцелярской прилежностью ножницы отделили светлый образ от хитросплетения букв и красок. Теперь у взора программиста появился адресат более высшего порядка. Аркадий не был религиозен, но его тонкая натура периодически требовала каких-либо знаков судьбы (пусть самых незначительных), благотворное воздействие которых не нуждалось бы в логических объяснениях, а принималось бы спонтанно и бессознательно как кислород.

Теперь, когда глаза уставали от монитора, он переводил их на стену и первое что видел – существо божественного происхождения, чьё лицо не вызывало ассоциаций ни с громкими скандалами, ни с изменчивой успешностью, ни с дикой фантазией, являющейся следствием стремления беспокойной души изобразить свои реальные очертания. А ведь именно такой штиль эмоций и требуется, чтобы глаза отдохнули от постоянного наведения резкости и передали это спокойствие взбудораженному сознанию.

День выдался погожим и Аркадий вышел из дома, чтобы прогуляться и заодно купить в магазине продукты. Мысли в голове слагались в некую музыкальную фразу под метроном шагов. Улица была как весенняя река в канун половодья от наводнивших её людей и машин. По этой реке будто большой теплоход медленно двигался рейсовый автобус, испытывая трудности из-за образовавшихся заторов, привычных в это время дня. Перед глазами Аркадия, остановившегося, чтобы перейти улицу, проплывали лица пассажиров, прильнувшие к запотевшим окнам. Вот куда-то едет молодая девушка, едва заметными движениями головы визуализирующая музыку, льющуюся из наушников. Вот в ожидании своей остановки с безразличием к окружающему смотрит сквозь стекло седой пенсионер. Вот, как бы оценивая обстановку, озирается вокруг сурового вида военный. Вот... Автобус набрал скорость, ринувшись в образовавшуюся брешь, но доли секунды хватило, чтобы образ человека, сидящего у последнего окна, прилип к сетчатке Аркадия. Сознание прострелила неожиданная, безумная, но такая явственная мысль: да, это было то самое лицо! Глаза столько раз обретали свободу от таблиц и формул при взгляде на него, что ошибиться было уже невозможно. Аркадий смотрел вслед удаляющемуся автобусу, и в какой-то момент показалось, что серые фасады однотипных домов озарились вспышкой света (хотя возможно это было лишь выплывшее из облаков солнце, которое отразилось в окнах и витринах).

По квартире гулял сквозняк. Видимо, незакрытую форточку распахнул ветер и проник в жилище. Со стола было сметено какое-то количество листов бумаги, и они теперь, как большие и беспомощные птицы, тщетно пытались при каждом новом дуновении взлететь с пола, взмахнув единственным крылом. На письменном столе лежало несколько вырезок, упавших со стены (скорее всего те, на которые клей был нанесён не в достаточном количестве и не равномерно). Но среди этих фотографий изображения ангела не было. Аркадий тщательным образом осмотрел всё вокруг, однако результатов это не дало. Он уставился на раскрытую настежь форточку, и голубой квадрат неба поглотил брошенный взгляд. Воздух, поступающий в комнату, уже пах весной, и поэтому сумрачное слово «мистика», хотелось заменить на звучащее с детской непосредственностью «чудеса».

Позже, расстилая постель, Аркадий окунулся в пернатую белизну растянутой в руке простыни и вспомнил лицо своего ангела. На ночь форточка осталась незапертой, но сквозь глубокий и безмятежный сон нельзя было расслышать, как тихонько скрипнули её петли...

Свердловская область

**Нина
Александрова**

**Ольга
Михоношина**

**Инна
Домрачёва**

**Сергей
Ивкин**

**Вадим
Шарапов**

НИНА АЛЕКСАНДРОВА

СТЕПНЫЕ БОГИ

степные боги вышли нам навстречу
прядать ушами и звенеть рогами

дуть в страшные узорчатые флейты,
в обглоданные костяные флейты
изогнутые человечьи пальцы

меня качают в сморщенных ладонях
Ступают изумрудными ногами
И воют на тяжелую луну

Дыши и падай в ледяное небо
В огромное светлеющее небо
В алмазное зияющее небо

оно нас растворяет без остатка
и изумлённо смотрит сверху вниз

Собирательница костей
в воздухе городском
легче дыханья нет
из золотых костей
птичий сложи скелет

и выдыхай в июнь
птичьего сердца стук
мох тополиный пух
завтра лететь на юг

стёклышко и песок
фантики и цветы
птица в твоих руках
значит назавтра ты

станешь сухой землей
косточкой в кулаке
воздухом и травой
станешь сама собой

* * *

женщины идут навстречу
у каждой – одно и то же лицо

рыжее плоское без ресниц
лицо равнодушного идола
медное
медленное
блюдо

дрожат берёзы на кладбище
листья тускло светятся в темноте
отражают солнце

свет стекает
протяжно капает
уходит в землю

ОЛЬГА МИХОНОШИНА

* * *

Длиной в летящий сад – смешки клубками –
К сырому небу, стужему, влитому...
Ещё стихает в позах листьев пламя,
А хочет, очень, аж растёт над нами,
Снежайший бег, нечаянно весомый.

Твой рокот низок, в нашем между-речьи
Все струи – ...люю, ...тую – к поцелую.
Простяцкий хэппи энд. Погода лечит,
Уваривая сумерки покрепче,
И улично чайнками танцует.

Ни а ни б, а чисто третье с краю,
Пообещай мне, только точно, гулко.
Печаль со лба щекотно убираю.
Так, друг для друга, и выходят к раю:
Рука в руке, вот этим переулком.

* * *

Резкость перронных конешностей.
Лес опять.
Ложечкой дзвонкой блеснёт дольный
дёрг и стык,
Тут и закрой невнимательно: что читать,
Слышно же всё – за откос выносимый крик,
Горячность поезда в поисках нетупика...
Вздохни, загуди, без сипа,
до скрутки в боках,
Ещё, непрерывно, чтобы не сдать назад,
Гуди до молчка, пока не заткнут под зад.
Стоянка – минута, успеи поучись, коза...
Как небо питает влажность, одёжность к реке.
Не удирает как мы, не срывается в пол...
Из рельсов отделится лес – лентами,

а под подол –
Ветер, а тронь висок – пыльца по щеке.
Вечер затёк с потолка зари, клейко как мёд.
Лишь самая высота обитаема, только полёт
Мягче да тольше... Пепел возни...

А вот это возьми:
Всё равно уже, что да кто это было, а – вот...
Так и ушли из этого дня. Ни сна без дверей.
Ещё секунду, мне позже, можно, смотри, ожидай.
Но исчезает – это лишь правда, забудь смелей.
Долго ль – вернется само, сколько ни уезжай.
Вот для чего. Другая вода. Слоистый край.
Немного взято с собой: память, кто мы, солнце,
закат в платке,
Всё-то уймём лишь налегке. Прощай.

ИННА ДОМРАЧЁВА

* * *

Даже облаком, даже теперь
Я к тебе непременно приеду,
Потому что идут через Пермь
Все дороги, ведущие к свету.

Потому что хрустальная нить
Зажигается там, где опасно,
Потому что пускают звонить
С колокольни на Светлую Пасху.

Мой фонарик, театрик, вертеп,
Где усталому угол постелен,
Этот город окон и судеб
Вдоль мигающей Камы прострелен.

С зоопарком лицом на отель,
С дирижаблем, садящимся криво,
Город Молотов, город-коктейль
За восьмую секунды до взрыва.

* * *

«Некоторые мужчины, влюбившись в ямочку на щеке,
Для чего-то женятся на девушке в целом».
Догмат Лекока, явившийся налегке,
Подозрительно быстро становится обруселым.

И решив, что отныне мне всех родней
Каждый мальчик, писавший с недостроенной телебашни,
Я торжественно обещаю в ближайшие пару дней
Обрести такую ямочку на щеке, что уже неважно.

Но когда говорю, что прошлое раздробя,
Можно встать в камнепад и остаться неискажённой, –
Я лгу. Я не хочу быть кем-то, кроме тебя
Ни утешенной, ни, тем более, обожжённой.

* * *

Кошмары обесточь и кашель погаси,
Поправь рассветный луч и сбившееся слово,
Но только не садись, заклинило шасси,
До поля дотяни, и там тебя, босого

Укутает полынь, ковыльная вода
Сомкнётся над тобой. Дежурно обезличен,
Взметнётся горизонт обветренный, когда
Ты превратишься в свет и сурик земляничин.

Теперь иди назад, по-прежнему босой,
Задумчиво погладь, устал и ошарашен,
Знакомую скулу спектральной полосой,
Но только не смотри, кто выключает кашель.

СЕРГЕЙ ИВКИН

В НЕЗНАНСК

Руслану Комадею

Камень, скажи своё имя.
Я понимаю: Окатыш.
Я различаю по сколам:
горный ты или прибрежный?
Мы познакомились в Лимбе.
Ты был моим адвокатом,
не соблюдал протокола,
я в результате прорежен.

Здесь не бывает работы.
Здесь не бывает расплаты.
Здесь ничего не бывает.
Люди как люди, в печали.
Вот, сочинили субботу.
Вот, осудили Пилата.
Вот, запустили трамваи.
Новые звёзды включают.

Всё здесь становится мнимо,
всё без особого толка,
до передачи солонки
или монеты в маршрутке.
Камень, скажи своё имя.
То, что становится долгом,
неотличимо от ломки
или архангельской шутки.

Аркадию Буриштейну

Мы (осаждённый город неделим)
образовали собственный Олимп,
как реквизит стяжали атрибуты.
И вот стоим во злате и шелках:
елей на дредах, пудра на щеках –
безумны, голодны и необуты.

Мы (воинство раскиданных камней)
садимся на обглоданных коней,
и кони сами восстают из дробы.
Поскольку впереди есть только мрак,
мы поместили свет в глаза собак
и убедились: мир внутриутробен.

Мы (пасынки подкожной немоты),
подъев свои последние понты,
по одному заглядываем в бездну:
увиденное выжигает речь,
а если слову нечего беречь –
и жизнь, и смерть отныне бесполезны.

ВАДИМ ШАРАПОВ

ОСКОЛОК НАДЕЖДЫ

Район у нас, вообще-то, спокойный. Нормальный район. У железной дороги, начинается прямо за пешеходным мостом, который от вокзала перекинут через пути. Старые деревянные дома, пропитанные неистребимым духом много раз переклеенных обоев, соседствуют здесь с многоэтажками, да и зелени всякой хватает во дворах и вдоль дорог. Гудки поездов вообще такое привычное дело, что местные жители – хоть люди, хоть кошки с собаками – на них совершенно никак не реагируют ни днём, ни ночью. Привыкли мы, чего уж там.

Конечно, о нашем замечательном районе всякое говорят, плохое тоже. Но я вам так скажу – если знать, по каким улицам ходить вечером, а по каким не надо, то ничего этакого с вами не случится. В крайнем случае, отнимут что-нибудь ценное, но, если хорошенько подумать – зачем вечером это ценное с собой носить? Тот, кто это знает, тот и не носит, а просто идёт себе спокойно домой и ничего не опасается. Или несёт с собой пачку чая, только чтобы непременно у бабушки Поли купленного. Тогда можно хоть обвешаться золотом и зубы себе золотые вставить в три ряда, как у акулы – никто и пальцем не тронет.

При чём тут чай, спрашиваете? Ну, это долгая история.

Как раз на две-три кружки побольше.

* * *

С магазинами в Железнодорожном микрорайоне была беда. Не совсем беда, конечно, потому что имелось несколько маленьких продуктовых, в которых крупный взрослый мужчина развернуться мог с трудом, а двое уже просто не помещались. Здесь можно было купить хлеб, колбасу, соль и сахар, пряники детям и пачку плохонького чая домой. А если хотелось чего-нибудь хорошего, то за этим хорошим и разнообразным нужно было ехать в город. «В город» – эти слова все местные произносили так, как, наверное, какие-нибудь жители Бескрайнего Севера говорят «на Большую землю». Потому что с городом микрорайон соединял один старый автостоп, который примерно семь месяцев в году был закрыт на ремонт. А пешком – много ли утащишь на своём горбу?

Аборигены привыкли и не жаловались, потому что жаловаться было бесполезно. В администрации таким жалобщикам показывали план застройки, где был нарисован красивый новый мост. И с честными глазами обещали непременно возвести его. Как только, так сразу, а может быть, даже чуть пораньше. Это ведь совсем недолго, правда?

Зато здесь было тихо. Старые улочки, сонное царство которых не нарушали даже гудки поездов, утопали в зелени кряжистых тополей и лип, а во дворах многоэтажек гоняли в футбол местные пацаны. А ещё – чужих здесь не любили. Каждый пришелец «из города», которого по каким-то делам заносило в Железку, чувствовал себя, как немецкий солдат в белорусских лесах, не меньше. Вроде бы, всё на месте, и даже светофоры на перекрестках работают, и троллейбусы ездят, целых два. Но всё равно как-то неуютно, потому что прохожие смотрят с прищуром, и рука невольно тянется проверить, на месте ли бумажник. А вот этого делать нельзя ни в коем случае, потому что если выяснится, что у пришельца ещё и бумажник при себе, то всё остальное не будет иметь никакого значения, будь он, этот пришелец, хоть семи пядей во лбу и чемпион по бегу с препятствиями.

Не хватало во всем микрорайоне только одного. Вслух об этом не говорили, потому что – какой толк? И только местный «смотрящий», суровый мужик лет пятидесяти, выглядящий как смесь экскаватора с несгораемым шкафом, которого все звали просто Ракита, местную тоску озвучил коротко и ясно.

Ракита, имевший за плечами большой тюремный опыт, человеком, тем не менее, был начитанным и выражаться мог вполне культурно. Но в тот раз он выражался совсем по-другому. Случилось это однажды летом, когда смотрящий, сидя за грубо сколоченным столом во дворе деревянной двухэтажки, хлебнул чая из огромной алюминиевой кружки, скривился и выплеснул заварку в кусты сирени.

– Ну и солома, бля! – огорченно прогудел он голосом, похожим на лязганье вагонной сцепки. – Да чтоб им всем там ни дна, ни покрывки, кто это чаем называет!

Дальше Ракита красочно и выразительно описал участь производителей соломы, случись им попасть в его руки. Участь была страшна, и я, сидя напротив и внимательно слушая, даже невольно поёжился. Ракита мельком взглянул на меня, тяжело вздохнул и спросил:

– Ну что, я неправ, что ли, а?

Вопрос был, скорее, риторическим, так что я промолчал, впрочем, мой ответ смотрящему был не очень-то нужен. Культурно, вполголоса матюгаясь, чтобы не потревожить покой сидящих на соседней лавочке старушек, чинно вяжущих что-то на спицах, Ракита встал и ушёл в дом, а я отправился по своим делам. Дел у меня хватало.

А потом, в один теплый и безоблачный майский день, всё вдруг изменилось. Потому что в микрорайон приехала бабушка Поля. Была она крепкой, весёлой старушкой, круглой, как мячик, и так же, как мячик, везде каталась своей быстрой, семенящей походкой. Не успел никто из местных сообразить, что это такое, как бабушка Поля уже освоилась и нашла со всеми общий язык. Первым делом она под села к угрюмому Раките и рассказала ему что-то такое, отчего смотрящий остался за столом, задумчиво подперев голову рукой и с какой-то неопределенной полуулыбкой на лице. Такого за ним не водилось.

– Я, милые, офицерская жена, – скороговоркой рассказывала Поля любопытствующим на скамейке старушкам, стоя у распахнутого настежь окна квартиры на первом этаже, успевая при этом ещё показывать грузчикам, носившим мимо неё в подъезд коробки, что брать и куда это ставить. – Муж мой, милые мои, Степан Фомич, полковником в отставке был, да не просто полковником, а ракетных войск стра-те-ги-чес-ко-го назначения! Жили мы с ним душа в душу, на Дальнем Востоке, в гарнизоне. А потом помер Стёпа мой, и решила я поехать, куда глаза глядят...

– Куда глаза? – хором ахнул женский батальон с лавочки. – Это на старости-то лет?

– А что – на старости? – подбоченилась бабушка Поля. – Милый, ты вон ту коробку сперва занеси, вон ту, зелёную! А что – на старости, я вас спрашиваю? Бодрости у меня ещё ого-го! А дело, которым заниматься хочу, в любом городе потребуется.

– Дело? – старушки заплескали руками и завертели головами – ну, чисто стая голубей, теснящихся к тому, кто сыплет им хлебные крошки. Я сидел на соседней лавочке и слушал всё это, делая вид, что мне совсем неинтересно. Но мне было интересно.

– Дело! – подтвердила бабушка Поля и ткнула в небо указательным пальцем. Старушки, все одновременно, тоже посмотрели ввысь, как зачарованные, будто ожидали, что оттуда сейчас упадет это самое дело.

– Такое дело, что одной мне ни в жизнь не справиться, – весело продолжила кругленькая бабушка. – Без помощника не обойтись. Только помощник мне нужен не простой, а особенный. Вот, например...

Она оглянулась по сторонам.

– Вот, например, такой, как он!

Я в эту секунду как раз зевал – солнце, знаете, припекает, хорошо... и пропустил слова бабушки Поли мимо ушей. Но гробовое ошеломленное молчание, воцарившееся на старушечьей лавочке, меня насторожило, и я посмотрел в ту сторону.

Бабушка Поля показывала прямо на меня.

– Как он? – удивленно прошамкала Беатриса Сергеевна, вредная старушенция из шестой квартиры.

– Именно! – уверенно подтвердила новенькая. И спросила у меня без обиняков:

– Хочешь ко мне в помощники? Дело интересное, обещаю. Да и я не обижу, договоримся.

Я подумал – и согласился. Почему бы и нет?

* * *

Что за дело – выяснилось очень скоро. Через несколько дней бабушка Поля выкатилась из местной администрации и вынесла с собой несколько проштампованных круглыми печатями листов бумаги, заполненных печатными строчками. Потом я ради интереса заглянул в них, но все эти «согласно заключённому договору аренды», «нежилое помещение площадью... с подведёнными коммуникациями» – никогда в этом не разбирался. В общем, бабушка Поля открыла свой магазинчик. А потом на этом магазинчике появилась вывеска.

Вывеску подвесили на растяжках те же самые мужики, которые разгружали вещи. Я прочитал то, что написано, и очень удивился. Перечитал ещё раз.

– Красиво? – хозяйка магазинчика стояла рядом и тоже смотрела на вывеску. Я поглядел на неё, а она искоса и очень весело глянула на меня. «А главное – оригинально», – хотел сказать я, но сдержался. От нашего брата вообще редко ждут пустых слов, так что нечего зря трепаться. Но вообще-то, мне понравилось.

«Чай со всего света».

Да, точно, вывеска была что надо. Но самое главное – в магазинчике было полно товаров, и стоило взглянуть на них один раз, как становилось понятно: действительно, со всего света. Какого только чая там не было! Чёрный, зелёный, белый, красный, бирюзовый... В банках, коробках, пачках, мешочках, плитках и таблетках. На развес и упакованного. Дорогого и дешёвого. Чаёв было так много, что у меня разбежались глаза, и я пару раз растерянно прошёлся вдоль прилавка и витрин туда-обратно.

– Выбери, – серьёзно сказала мне бабушка Поля. – Ты теперь мой помощник, а у помощника должно быть своё место.

Я немного поколебался и для виду задумчиво потоптался возле порога. Хотя на самом-то деле я уже знал, где в этом магазинчике самое лучшее место. Нет, плохих мест тут не было совсем, потому что там, где много чая, плохо быть не может. Но мне-то нужно было именно самое лучшее!

Я уверенно подошёл и показал – хочу сюда. Хозяйка лавочки рассмеялась.

– Молодец! Уж выбрал, так выбрал, самое царское местечко. Ну, располагайся. Будем ждать первого покупателя...

Долго ждать не пришлось. Звякнул дверной колокольчик (ума не приложу, когда бабушка Поля ещё и его успела подвесить?), и на пороге, хмуро, по своей привычке оглядываясь, встал Ракита. Его огромная сутулая фигура заняла собой почти весь магазинчик.

– Чай есть, хозяйка? – пробасил он.

– Чай-то? – весело откликнулась та. – А вот сейчас и посмотрим. Здесь торопиться не надо, здесь особый подход нужен. А у нас, чтоб вы знали, для каждого покупателя подход самый особенный.

– Да мне... – начал было смотрящий, но договорить ему не дали, потому что маленький ураган «Полина» закрутил Ракиту и увлёк за собой.

Через полчаса я сидел и смотрел, как первый покупатель, нагруженный пакетами, посмеиваясь, откланивается и выходит из магазинчика. Выглядел при этом Ракита таким довольным, чего я за ним не припомню всё время нашего знакомства. Уже открыв дверь, он повернулся и посмотрел на меня.

– Помощник? – спросил Ракита у бабушки Поли. Та усмехнулась:

– Ещё какой! Вы, Николай Степанович, таких помощников и не видели.

Надо же, Ракиту звали Николай Степанович! Я удивился и пригляделся к нему во все глаза. Он, в свою очередь, внимательно смотрел на меня.

– Толковый помощник, – проскрежетал Ракита одобрительно. – Ну, желаю не хворать. Загляну на днях, вдруг чего понадобится. Доброго дня.

Звякнул дверной колокольчик, и бабушка Поля рассмеялась.

– С почином нас, Родион! Теперь все будет хорошо.

Нет, ну как она узнала-то? Своего имени я ей точно не говорил.

В первый день покупателей было всего несколько человек. У нас так всегда – присматриваются, прислушиваются, даже принимают, наверно. Новый человек в Железке – ишь ты! Но бабушка Поля рассчитала всё стратегически точно. Раз первым покупателем стал сам Ракита, то всё пошло, как по маслу.

Хм. Нет. Всё пошло как по маслу, когда Ракита вернулся через два дня.

Хозяйка как раз закончила надраивать старинный медный чайник («От мужа достался, а тот его из Китая привёз, когда они туда офицерской делегацией ездили, ещё в конце семидесятых, когда у нас с ходями всё наладилось после Даманского», – рассказывала она мне), когда звякнул колокольчик. На пороге снова стоял Ракита.

Но это был какой-то совсем другой человек. Я так удивился, что забыл своё очень важное дело – показывать бабушке Поле места на чайнике, где он блестел не так ярко, как надо.

Ракита был в пиджаке, отглаженных «в стрелочку» брюках и начищенных туфлях. К белой рубашке прилагался изящно, но с долей нарочитой небрежности повязанный галстук, подобранный просто идеально. Смотрящий был выбрит, хорошо подстрижен, а одеколон, которым

от него пахло, даже на мой придирчивый вкус был безупречным. В руке Ракита держал букет цветов.

– Герберы... – мечтательно сказала хозяйка. – Солнечные цветы.

– Это вам, – мужчина протянул ей букет. Потом помолчал и сказал серьезно:

– За такой чай памятники надо ставить. При жизни. Бюст на родине героя. И чтобы с ногами и во весь рост.

– Ой, да что вы! – отмахнулась было бабушка Поля, но первый наш покупатель укоризненно покачал головой.

– И не спорьте. Честное слово, я, когда дома открыл, да по старой памяти чифирь... ну, то есть покрепче заварил, да отхлебнул потом... Думал, что помру.

– Да отчего ж так? – всполошилась хозяйка.

– От восторга неземного, – по-прежнему серьёзно пояснил Ракита. – И от всего, что к нему прилагается. Будто помолодел лет на тридцать сразу. Ревматизм меня замучил, с Нарьян-Мара ещё. А сейчас – нет того ревматизма. Нету! Как рукой сняло. И одышки нету, я в девяносто втором легкие застудил в Лабытнангах, доктора говорили, что это навсегда. А теперь нету...

На грубом, с дублёной кожей лице Ракиты появился какой-то детский восторг. Он обернулся по сторонам, словно бы удостоверившись, что никто его не услышит, кроме нас, и протянул вперёд руки.

– Во как... Сказал бы мне кто, что такое может быть, да я бы брехлом того посчитал. У меня ж на каждом пальце по наколке было. «Перстаки», по малолетке еще, самодельными чернилами били. Намертво. Расплылись все, только синева оставалась. А теперь вот... нету.

Его пальцы были чистыми, без единого пятнышка.

– И это что же? – спросил он у бабушки Поли. – Это чай?

– Чай, – ответила она. – И не только. ещё и тот, кто этот чай пьёт. И чай для этого не всякий годится. Дурному человеку не поможет.

– А я что, выходит, добрый человек, что ли? – криво усмехнулся Ракита, двинув своей челюстью, похожей на ковш экскаватора.

– Вот как шелуха всякая с вас слетела, то и оказалось, что добрый.

– Ишь ты, – неопределённо высказался Ракита и крепко стиснул ладонью подбородок, задумавшись. Потом тряхнул головой.

– Спасибо, – просто сказал он, поглядев на хозяйку чайной лавочки. – Теперь от покупателей у вас отбоя не будет. Пророк из меня так себе, но уж это-то я напроорочить могу. Ну, я пошёл. Тебе, Родион, тоже хорошего дня, кстати.

А он откуда узнал? Я ведь и ему не говорил!

* * *

Покупатели пошли один за одним, так что иногда я даже удивлялся, как они все помещаются у нас перед витриной. Большая часть из них, конечно, покупала чай самый простой, главное, чтобы свежий и крепкий. У нас вообще народ непривередливый, я это заметил. Зимней ночью в одних кальсонах на лавочке у подъезда спят – и ничего, но только если перед этим не меньше литра на грудь приняли. Богатыри.

Постепенно, конечно, нашлись в Железке и те, кто ценил китайский улун и пуэр, кто мог обстоятельно потолковать с бабушкой Полей о том, в какой районе Поднебесной делают самый хороший Тегуаньинь или «красный халат». Прятались они раньше, что ли? Хотя, чему я удивляюсь, если раньше здесь кроме «Принцессы Дарьи» никакого чая не было. А «принцесса», как известно, заваривается и даёт устойчивый цвет даже в холодной воде. Всего и делов-то – добавить к соломе анилиновый краситель.

Пару раз у нас на пороге возникали какие-то бандитского вида личности в кожаных куртках, но так же быстро исчезали. Однажды утром я с интересом наблюдал из окна, как Ракита объяснял таким посетителям правила поведения в Железке. Для начала, он оторвал бампер у их «мерседеса». Впрочем, уехали они своим ходом, и даже почти в целостности и сохранности, смиренно благодаря за науку. При этом каждый крепко сжимал в руке пакет чая, с радостью и огромным удовольствием купленный по цене, примерно раз в шесть превышающей обычную. Бабушка Поля пыталась отказаться, но гости были очень убедительны и забрать деньги назад отказались. «На развитие бизнеса», – кривобоко прошамкал один, подволакивая ногу и безуспешно пытаясь открыть внезапно заклинившую дверь машины.

Зима в этом году выдалась удивительно тёплая и чистая. Обычно в эти декабрьские дни со стороны сортировочной непрерывно дул ледяной ветер, принося с собой угольную пыль и гарь. Снег чернел и ложился по сторонам протоптанных дорожек грязными сугробами. Но в этом декабре небо оставалось голубым вот уже третью неделю, а ветра почти не было.

Выглянув в окно, я зажмурился от удовольствия, увидев белейшие сугробы. Пора было заняться привычным делом – обойти магазинчик кругом со строгой инспекцией, проверить все окрестности и привлечь покупателей.

Отвернувшись от окна, я вдруг понял, что это всё ерунда.

За стеной, в зале, кто-то плакал. Всхлипывал тихо, но горько и так безнадежно, что я почувствовал, как холод пробежал у меня по спине и вздыбил шерсть от затылка до хвоста.

Что?

Да кот я, кот. Вы ведь уже поняли сами, правда?

Но сейчас не об этом разговор.

Я проскользнул в полуоткрытую дверь и вскочил на своё место. А потом стал смотреть во все глаза и слушать во все уши. Как обычно. Бабушка Поля успокаивала покупательницу, которая стояла у витрины, уронив на пол сумку и плакала. Это была худенькая женщина, ещё молодая, но уже с первой сединой в темных волосах, выбивавшихся из-под пухового платка. Одетая она была скромно, но чисто, а в руке крепко сжимала пакетик чая. Конечно же, я принялся и сразу узнал – «серебряные иглы монастыря Тяньши», лучший урожай. У нас его брали всего пару раз, слишком уж дорогой и редкий сорт, да и не по вкусу многим. Есть в нём что-то этакое... не могу сказать, что, но особенное.

Женщина плакала всё тише, потом несколько раз прерывисто вздохнула и замолчала.

– Извините, пожалуйста, – сказала она еле слышно. – Сорвалась.

– Вот, держите, – моя хозяйка подала ей чашку чая. Английский фарфор, сервиз на шесть персон. Да... дела...

– Я просто... дочка попросила ей именно этот сорт... она очень любит, один раз всего пробовала... А сейчас заболела, – женщина взяла протянутую чашку, её рука дрожала мелко, и чашка побрякивала об блюдце. – А врачи говорят...

– Я знаю, что врачи говорят, – мягко и решительно перебила ее бабушка Поля.

– Говорят, никакой надежды... – прошептала женщина. Я видел, что она снова готова расплакаться.

– А ну-ка, – хозяйка магазина одним движением извлекла откуда-то небольшую табуретку. – Садитесь. Садитесь, я сказала! Надежды, говорят, нет... Все бы им говорить только...

Женщина послушно села и отхлебнула из чашки.

– У вас очень вкусный чай, – сказала она. – Вы извините...

– Хватит уже извиняться, – оборвала ее хозяйка. – Не мешайте, я кое-что вспоминаю.

Она прошла за прилавком, бормоча себе под нос: «Ну куда же я его задевала-то? Ох, глаза мои, глаза, памяти никакой не стало...» – потом вдруг всплеснула руками.

– Вот старая кошёлка! – и повернулась ко мне. – Родион, друг мой, позвольте вас побеспокоить. Вы как раз на нем лежите.

На нем? Я-то думал, это подо мной прилавок такой, только покрытый красным шелком. Всегда тут лежу, ни разу ничего странного не замечал. А что...

Бабушка Поля улыбнулась мне, и я немедленно встал с налёжанного места. Разумеется, с чувством собственного достоинства, всем своим видом демонстрируя, что мне, коту, просто надоело тут лежать, и я решил перейти чуть левее. Хозяйка взмахнула канцелярским ножом, вжикнула по шёлку, и тот с тихим шипением разошёлся, обнажая тёмную, почти чёрную плиту.

«Чай?» – вот тут я удивился по-настоящему. Дело в том, что плита ничем не пахла. Вообще ничем. Никакого, даже чуть уловимого чайного духа не различал мой чувствительный нос. Плита как плита.

Тем временем в руке у бабушки Поли оказался небольшой молоток. Нет, я точно чего-то не знаю о нашем магазине. Молоток-то откуда взялся? Бережно, даже ласково она постучала молотком по краю плиты и подхватила отколовшийся кусочек. Небольшой, примерно с ноготь большого пальца руки. Руки Ракиты, например. Очень большой ноготь очень большого пальца.

Ещё один взмах канцелярского ножа, и вот уже кусочек завязан в красный шёлк.

– Дома надо заварить целиком. В чашке, – сказала хозяйка женщине. – И дадите дочке. Только пусть выпьет все сразу. У него такой... сильно смолистый привкус, но это нормально. Может горчить. Чем сильнее горчит – тем сильнее действует. Но обязательно выпить всё. До капли.

Она говорила отрывисто, непривычно резко, и я притих на прилавке. Женщина ошеломлённо посмотрела на неё и взяла протянутый красный мешочек.

– А... что... – начала было она, но бабушка Поля прервала её:

– Идите быстро. Некогда уже, совсем некогда! Идите прямо домой и заварите плитку.

Колокольчик звякнул, а я уставился на хозяйку. Она тоже посмотрела на меня, вздохнула и сказала тихо:

– Вот и пригодился. Мужу он от его деда достался. А тому – от прадеда, ещё в русско-японскую. Откуда взяли – никто не знает. Я сначала думала, по молодости – ну плитняк и плитняк... Так ещё в царские времена кяхтинский чай прессовали, только там плитка по пять кило, а здесь все двадцать будет. А оказалось, чай не простой. Вот только муж мой выпить его не успел, всё откладывал до последнего, а потом у него сердце-то и прихватило, когда на встречу однополчан летал в Москву... А я – успела.

Она помолчала и взяла с полки телефон.

– Надо Николаю Степановичу позвонить. Чтоб присмотрел.

Ракита появился через день, вечером, и был он тих и задумчив. Тщательно притворил за собой дверь и для верности повернул на ней табличку, сменив «Открыто» на «Перерыв».

– Вот оно как, – сказал он, уже после того, как допил предложенную чашку настоящего «Эрла Грея». – Удивили вы меня, Полина Францевна.

– Не сердитесь, Николай Степанович, – кротко отозвалась бабушка Поля.

– Да было бы за что... Девочку-то ейную я ведь знаю. Вот с таких лет, – для убедительности Ракита показал своей ладонью-лопатой примерно на пол-метра от пола. – Хорошая девочка, Ольгой зовут. Ей бы жить, да жить, по весне семнадцать исполнилось, в институт поступила. А тут такое... Догорела вся, как свечка, почти до фитилька, я уж думал – до новогодья не дотянет. С матерью живут, без отца, но хорошо живут, чисто.

Он машинально достал из кармана пачку сигарет, но тут же неловко сунул обратно, поморщился с досадой.

– Вот ведь, уже почти бросил курево-то, вашему чайку спасибо. А тут заволновался – и потянуло... Короче, чего я вокруг да около-то? Сегодня днём Ольга сама во двор вышла. Пластом полгода лежала – и на тебе! Вся бледная, аж просвечивает, но ведь улыбается, и идёт на своих ногах, только чуть за мать держится. Увидела меня, поздоровалась, а у меня челюсть отвисла, сказать ничего не могу. Я ведь не верил, даже после вашего звонка, Полина Францевна... Ишь ведь как оно...

Ракита успокоился и вдруг взглянул на бабушку Полю острым и жестким взглядом.

– Спасибо за доверие. Я же понимаю, сам я урка, насквозь меченый и клеймённый, так что обычные люди шарахаются, а...

– Брось ерунду молоть, Николай Степанович, – перебила его хозяйка, впервые обратившись к Раките на «ты», и рассмеялась. Помедлив пару секунд, рассмеялся и он.

– Что-то одурел я на старости лет, буровлю всякое. Мать-то никому не скажет, она готова тебе... – он запнулся, потом продолжил, – тебе, Францевна, ноги мыть и ту воду пить хоть целыми днями. Но я с ней политбеседу провёл, чтобы никому ни-ни... Людишки нынче всякие, большей частью завистливые. А я уж своё отзавидовал. Пусть эта штука у тебя в магазинчике лежит, на самом виду. Никто и не догадается, я ведь тоже внимания не обращал – ну, прилавок и прилавок, ещё и Родион сверху.

Оба посмотрели на меня, а я потянулся и грозно выпустил когти, всем видом показав, что бдительно стою на страже «штуки».

– Понимает, – заметил Ракита.

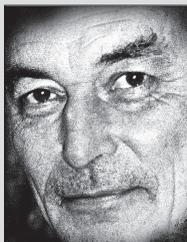
– Конечно, – серьёзно отозвалась хозяйка.

Камчатский край

Юрий
Алотов

Игорь
Рычков

Кирилл
Алейников

Владимир
Нечаев

Ольга
Шишкова

Александр
Смышляев

ЮРИЙ АЛОТОВ

МЕСТЬ

Чавчувены – весьма гордый народ.

*С.П. Крашенинников
«Описание земли Камчатки»*

Белолицый собрат
Не ушёл от беды.
Что же, Ворон мой, ты
Его смерти не рад?
И не выключешь глаз,
Этот лакомый дар?
Ты не бойся. Пожар
Злого сердца угас.

Три луны вдоль реки
Я высматривал след.
Слушал птицы совет,
Где бредут чужаки.
Ох, силён, и хитер,
И сноровист он был!
Но и я не просил
Ночи темный шатер.

Знать, красиво воспел
Страсть и похоть собрат,
Потому и украсть
Он чужое умел.
И в нарядах она
В самых лучших умрёт,
Непрощённой умрёт
Молодая жена.

Здесь доверья исток,
Лишь родившись, усох.
Рот мой тягостный вздох
В чашу неба исторг.
Утолённая месть
Зверем сытым урчит.
Пёс-душа зло ворчит
Пьёт кровавую лезть.

Из ветвей молодых
Мягко ложе его.
Дух нездешних лугов
В мхах одежды затих.
Чу!.. Идут чужаки
За собратом своим.
Мир их грозным святым!
Мне их знать не с руки!

ДУМА МЕТИСА

*Над горою, над долиной
Кружит ворон, кружит долго.*

Он ли нам там свил гнездовье?
Он ли холит Камень рода?

Волей чуждой, людом разным
Истрепало силу корня.

На треноге из берёзы
В древнем ложе треснул Камень*.

Помесь крови чавчувенской
И пришельца здесь виною?

Нет... и веры быть шаманом,
Иль посредником Иисуса.

Кабы мне, да одному лишь
Участь умного калеки.

Девка-тундра юной, в муках,
Народила странный корень.

Племя, племя! Я – твой воин!
Я с тобой умом и сердцем!

Бубен – в ноги! Руки – к небу!
Танец, клич того ли деда!

Тем ли словом, той ли песней
Тешу слух, пронзенный ложью?

Ворон, ворон! Ты – мой предок!
Коли так, верни мне веру

В добродетель со слезою,
В крепость Камня родового.

Быть у тундры и у неба
В услуженьи нелегко мне.
Но тяжеле в каждом ближнем,
Пусть в калеке, видеть
Солнце-э-э-э!

Нет, не совесть, не обиду
Напоил я думой-брагой.

На треноге из берёзы
В древнем ложе треснул Камень!

Аа-ай!

* Камень рода – родовой амулет, оберег. По поверью, если такой камень пошел трещинами, «заболел», на род вскорости обрушатся беды

ИГОРЬ РЫЧКОВ**ТОПОРОК**

Где зяблая морось сплошной пеленой,
где берег от ветра продрог,
живёт симпатичный и очень смешной
морской попугай – топорок.

Шумит непогода, на голый гранит
холодные гонит валы,
а он, непутёвый, на юг не летит
от Богом забытой скалы.

Слабы его крылья, недолог полёт,
его не манят облака.
Поэтому прочий пернатый народ
Глядит на него свысока.

Однажды его разбудили шаги
людей, что с плавучей горы.
Он вышел навстречу гостям дорогим:
– Пожалуйста! Будьте добры!

В весёлых глазах – золотой ободок.
Ах, вот ты красавец какой!
И каждый погладил его хохолок
пропахшей мазутом рукой.

...Над палубой ржавой, на тонком шнурке
под топанье, хохот и свист
то рвался, то падал в смертельной тоске –
плясал неумелый артист.

Иные курили, но некто сумел
сказать, кроя шабашный шум:
– Ребята, да шут с ним, пускай бы летел,
я вам ещё лучше спляшу.

Плечами повёл и притопнул слегка,
вприсядку по кругу рванул,
на шею накиннул петлю из линька
и ветер крылом зачерпнул.

Команде со скуки похмельно-смурной
Затея по вкусу пришлась.
Один за другим высоко над волной
взлетели и кинулись в пляс.

Их крылья пьянили, как полный стакан,
пленительно ветер свистел.
При трубке в фуражке своей капитан
последним по кругу летел...

Домой не вернулись в означенный срок
один пароход и один топорок.

КИРИЛЛ АЛЕЙНИКОВ

Ты – ЕДИНСТВЕННА,
Ты – НЕИЗБЕЖНА...

... среди ночных полей,
Слышал я твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

А. Блок «На поле Куликовом»

Ты – единственна. Ты – неизбежна.
Не покинуть Тебя, не уйти.
Не оставить тебя на кромешном,
Предзакатном замёрзшем пути.

Закусившая до крови губы!
Лишь один – Твоему равен – взгляд:
На распятии, брошенном грубо
На пол, под ноги пьяных солдат.

Непреложно и каторжно – вместе!
Распусти же тугие узлы
Конопляных волос и невестой
Имя светлое мне назови.

Бесконечное краткое имя!
В нём и слава, и святость, и грусть...
И звучит во мне неутолимо,
Пока я им взахлеб не напьюсь.

В обмелевшие плечи излучин
Я лицом побелевшим уткнулся,
Языком самородным, дремучим
Я не вымолвлю, выдохну – Русь.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Ваши руки пахнут первым снегом.
Ими – настезь окна отворить,
Голубей кормить засохшим хлебом,
Из ладоней раненых поить.

Протяни – перехвачу запястья!
Не дари, хотя бы одолжи
Ледяное – напоследок – счастье
В эти руки голову сложить.

Над несмятой – снег в степи – постелью
Рваные осколки зимних звёзд.
Ты осыпь мне голову метелью
Ветреных, распущенных волос.

Скрипнет половицей пол дощатый...
Ты исчезнешь тихо, навсегда.
Я узнал: глухи и беспощадны
Русские несметные снега.

ВЛАДИМИР НЕЧАЕВ

СТАРЫЙ КРЫМ

Вот горлица, вот присказка её
угрюмая в густых ветвях ореха.
Вот глиняное, рыжее жильё,
где кашлем смех, и горловое эхо
другого голубя, что под моим окном.
«Проходит всё», – звучит глухим рефреном.
Так кровь слепая, плача о другом,
аукается в известковых стенах,
И о другом часы песок прядут,
и полднем щурится изношенная местность,
и небо плавится в огне, и камни ждут.
И птица серая свою заводит песню.

Много на свете коробок
Маленьких и больших,
Чтобы мне до озноба
Помнить среди других

Тот неподъёмный короб
В тяжбе неловких плеч.
Он ещё будет дорог
Тайной последних встреч.

Пристань моя и лодка,
Горечь доски сырой,
Берег, привал короткий
Да переход второй,

Где проводник мой грубый
Будет греметь веслом,
Где приласкают губы
На берегу другом.

Дождь осенний. Крепко спится.
По карнизу ходит глухо
Дождь – невидимая птица.
Спит и птицу слышит ухо.

Сон – ковчег твой невесомый.
Сорок дней скорбит и точит
Эта влага, только к дому
Путь весла всегда короче.

Повернётся утлой дверью
Время – Лазарь. В изголовье –
Спи – ещё вздыхают звери,
Парные твои подобья.

Спи, тебя ещё разбудят
Под доской, под ветхим кровом,
Не обидят, не осудят
В том, блистающем и новом!

ОЛЬГА ШИШКОВА

КОРАЛЬ

1

Зима вошла во власть нетерпеливо,
Открыв ворота северным ветрам.
Коральный запах растащило по горам.
Олень серебряный стряхнул его брезгливо.

Зарёю окропило склоны.
В долине обнажилась даль.
Там, где довольно каркают вороны
Кусок от тундры отхватил кораль.

В загоне топот, крики, гул моторов,
Мясистый пар висит над головой.
Совхозное начальство у забора
Спокойно курит, глядя на забой.

2

Кружит табун. Немолодой пастух
Рукой вращает ошалелый круг.
Загонщик криком стадо рассекает.
Ловец аркан бес промаха бросает.

Поймав, хватает хора за рога.
Бык гневно атакует пастуха.
Табунщик опытный сбивает с ног оленя
И убивает мастерским движеньем.

Бесстрастно чаут рубит воздух вновь.
Снег беспрестанно пьёт оленью кровь.
Пастух о шкуру руки вытирает.
Хор обречён, и хор об этом знает.

3

Олень упал, забойщика лягнув,
Багровый сгусток вытолкнув из глотки,
Когда пастух под сердце нож воткнул,
В ночь превращая зимний день короткий.

Над рогачом склонённый человек
Как будто тонет в запахах и звуках.
Олень, хрипя, косит на руку,
Скребёт копытами горячий жирный снег.

Смерть белой плёнкой лезет на глаза.
Сквозь комья слёз в оснеженных ресницах
Ещё видны решительные лица,
Холщового забора полоса.

...Ещё идут по Северу стада,
Гонимые на ветер пастухами
Туда, где высится бесплодная гряда
Над зеленеющими мхами.

АЛЕКСАНДР СМЫШЛЯЕВ

НАВСЕГДА УХОЖУ К МЕДВЕДЯМ

РАССКАЗ

Эта история написана от лица человека, которого нет, и никогда не было, недаром я не дал ему даже имени. Хотя, не скрою, герой явился мне под впечатлением от жизни и смерти неутомимого исследователя природы Виталия Николаенко, памяти которого и посвящается рассказ.

1. ИЗБУШКА НА РУЧЬЕ ОРЛАНЬЕМ

Я мыслю, когда разговариваю. Так уж устроен мой мозг. Молчу – и мыслей нет, дремотная пустота обволакивает голову, тяжелит, а заговорю – начинаю думать, искрить, сплести канву разговора. Мне легко даются длинные монологи, я умею развить сюжет. Любой словесный экспромт для меня – пустяк. Я уверен, что мог стать неплохим актером, чтецом, потому что во время монолога умею следить за речью, контролировать её и даже любоваться ею, потому что за свои шестьдесят лет здорово научился болтать. Болтливость – удел самовлюбленных и тщеславных людей, а я именно такой. Мне нужен не просто собеседник, а благодарный слушатель, перед которым я непременно распушу хвост. Пусть он молчит, или ещё лучше – поддакивает, похваливает меня, и тогда я быстро войду в раж и оседлаю настоящую велеречивость. Он увидит театр одного актёра. Прекрасного актёра, талант которого, увы, запрятан в недоступных глубинах лесной Камчатки. За сотни километров вокруг меня никого нет. Ни-ко-го. Я один – человек, который не умеет, не может молчать. Казалось бы, такое невозможно, так не бывает, но, проводя многие месяцы в одиночестве, я научился разговаривать сам с собой, или говорить на диктофон. Так мне легче, так заполняется молчаливая пустота вокруг. Вот и сейчас я говорю сам с собой, сидя в удобном самодельном кресле за дощатым, когда-то мною же сколоченным столом в своей самой любимой лесной избушке на ручье Орланьем.

Из-за своих умственно-речевых особенностей, неумения анализировать ситуацию молча, наматывая на усы чужой опыт, я познавал жизнь не по книгам, а по собственным активным поступкам. Не помню случая, чтобы мне долго сиделось на месте, с той же книгой, я всегда рвался вперед, пробуя судьбу на ощупь, на палец, порой – жестоко обжигаясь. Но, подув на обожжённое место, я бежал дальше. Почти тридцать лет я бежал до своей Горячей Долины, пока не наткнулся на неё. И столько же бегаю теперь по любимой Долине за медведями, изучая их жизнь. Бегаю и не могу остановиться. Говорю сам с собой и не могу наговориться. Теперь уж точно не остановлюсь и не наговорюсь, ведь привычка – вторая натура.

В чёрной стекляшке маленького оконца моей уютной избушки отражается яркий огонёк лампы и освещённая часть моего бородатого, стареющего, прямо скажем, лица. Когда-то в этой же стекляшке я отражался совсем другим. Но прошло тридцать лет.

Ах, лицо, лицо... Прямой нос, доставшийся от мамы, острые, пронзительные глаза с блеском мысли, ума, наблюдательности. Тонкие губы – мамины же. А вот небольшой подбородок и широколобость – от отца. Так говорила мама, потому что сам я отца не помню – он не вернулся с фронта, погиб почти перед Победой. И кудрявость от него досталась, как и непоседливость, активность, энергичность, пружинистость тела, походки. В принципе, человек я симпатичный, здоровый, а потому иногда жалею, что прячусь в этой глуши.

Стоп, стоп! Почему прячусь? Я здесь работаю. Мне это нравится, я давно занял эту нишу, меня знают, как человека, живущего в лесу, исследующего повадки, поведение медведей, и мне по сердцу такая слава. Она меня не просто греет, а даёт силы продолжать жить здесь из года в год, месяцами, вылетая в Петропавловск только по необходимости. Зато как я люблю прилетать в Петропавловск! А ещё больше – в Москву или Петербург. Ведь меня встречают, как героя, как необычного, лесного человека, штучного индивидуума, живущего один на один с дикими медведями, разговаривающего с ними! Французы так и назвали свой фильм обо мне: «Человек, разговаривающий с медведями». Только таким я всем интересен, всем нужен. Все обожают меня, любят, завидуют мне.

Завидуют! И, признаюсь, в этом моя сила. Конечно, они не знают, что я разрываюсь между одиночеством и любовью к общению. Не знают, что только тщеславие останавливает меня бросить такую жизнь и осесть в городе. Они многого не знают обо мне, и в этом тоже моя сила. Я для них – человек-легенда, мне это нравится, и я постараюсь оставаться легендой как можно дольше.

На часах не так уж много времени, но, кажется, пора подбросить дров в печурку, да ложиться спать. Надо выспаться, чтобы завтра быть бодрым. Если не придет вертолёт, чтобы забрать меня в город, то я обязательно встану на лыжи и ещё разок сбегать к Верзиле. Этот крупный медведь занимает сейчас все мои мысли. Я обнаружил его летом на берегу ручья Орланьего, где всегда встречал Потапыча. Тогда и понял, что моего любимого старика Потапыча больше нет, а его место занял новый крупный самец, доминирующий в округе. Надо было завести с ним знакомство, на что потребовалось всё лето. Верзила оказался медведем с характером, до сих пор не принял меня, и я пользовался любой возможностью, чтобы оказаться у него на глазах, постепенно приучая к своему присутствию. С приходом зимы все медведи на побережье постепенно

залегли в берлоги, и только Верзила до сих пор обходит не замёрзшие до поры ручьи и кормится поздним лососем – кижучем. Вчера я встретил его в четырёх километрах от избушки, на Тёплой протоке, где мой любимчик Потапыч каждый декабрь ловил рыбу, не в силах оставить это непростое, но вкусное занятие, чтобы лечь в спячку. Теперь эту протоку отыскал Верзила, отвоевал её у других, и я постараюсь ещё раз сбежать к нему и понаблюдать за новым медведем, сделать свежие фотоснимки. Если же улечу, то вновь встретимся с ним только в июне, когда он проснётся и обязательно придёт на свежую травку Горячей Долины, где я в это время обычно уже поджидаю своих подопечных.

Потерю Потапыча я переживал сильно, как потерю близкого человека. ещё бы, ведь мы с ним прожили бок о бок двадцать лет, досконально изучив друг друга. Каждую весну, придя в Долину, он сразу узнавал меня, а я из десятка медведей, пасшихся на ранней траве, безошибочно определял Потапыча. Он единственный из медведей позволял мне приближаться к нему почти вплотную, а нечаянно застигнутый мной на лёжке, лишь слегка поднимал шерсть на загривке и косил глазами, не поднимая головы. Я знал, что первые годы нашей дружбы он считал меня более слабым сородичем, который постоянно сопровождает его, стремясь подкормиться объедками. Он даже не ревновал меня к своей территории, потому что был уверен в моей никчемности. Иногда он до того снисходил к моей слабости, что оставлял для меня недоеденную рыбу или кусок падали. Позже Потапыч догадался, что я не медведь, а человек, но уже успел привыкнуть ко мне и продолжал терпеть мое близкое присутствие. До определённой степени он доверял мне, а я до такой же степени доверял ему. Так мы и жили друг возле друга, обоюдно замечая приход нашей старости. А нынешней весной я впервые не нашел Потапыча в Горячей Долине. Пришли его подруги, мамыши его детей, пришла подросшая молодёжь, но Потапыча не было. Он пропал. Может быть, сам ушёл, оставив район более молодому и сильному Верзиле, а мог и погибнуть в последней схватке.

Появление здесь Верзилы для меня стало неожиданностью. В Горячей Долине и в прилегающей местности я знаю всех медведей, но Верзилу никогда не видел. Именно поэтому он сразу вызвал мой интерес. Почему доминантом стал Верзила, а не Лопухий, которого я прочил на место состарившегося Потапыча? Откуда он взялся, где жил, как нашёл нашу Долину? Как он смог обойти мощного, полного медвежьих сил Лопухого, и почему тот в первую же весну после исчезновения Потапыча вынужден был пастись на самой кромке Долины, возле снегов, поедая старые корешки кустарников вместо сочной травки? Даже молодые самки осмеливались издали показываться на глаза Верзиле, а Лопухий – нет. Когда они успели определить иерархию, если я прилетел в Долину буквально в дни первого схода снега, когда здесь ещё не было ни одного медведя? Вот загадка.

Правда, я не сразу понял доминирующей роли Верзилы, и, если честно, не сразу разглядел его, чтобы начать узнавать. Сначала думал, что это ещё один мой знакомый рослый самец Длинногуб взял реванш за свои былые унижения в драках за самок с Потапычем и Лопухим, но когда встретил Верзилу на Тёплой протоке, где всегда рыбачил Потапыч, хорошо разглядел его, то сразу всё понял. Но встретились мы вплотную только недавно, в предзимье, а летом почти не пересекались, поэтому мне важно понаблюдать за ним сейчас, перед его зимней спячкой. И завтра я обязательно пойду к нему на Тёплую протоку.

Как-то летом, коротая ночь в дальней избушке на ручье Гольцовом, который у самого океана впадает в знаменитую на Камчатке реку Шумную, я не спал и все думал о Потапыче. И вдруг отчаянно разрыдался. Не было сил удержать слёзы, они выходили из меня без моей воли. Тогда я отчетливо осознал, что никогда больше не увижу своего любимого медведя. Дорогой мой Потапыч, что же с тобой случилось? Где тлеют твои кости? Увы, этого никому не дано знать. А ведь когда-то я думал, наблюдая за стареющим Потапычем, что постараюсь подсмотреть приход его смерти, опишу эту практически неведомую людям картину. Но не удалось. И, наверное, это к лучшему, иначе зрелище стало бы для меня нестерпимым. Но тогда я не мог знать, что, потеряв Потапыча, почувствую невыносимую боль утраты.

Проплакавшись, дав волю чувствам, я вытер слёзы и вышел в прохладу ночи. Вдали шумел океан, шелестели под ветром тучные травы, мигали звёзды, за устьем Шумной кричала болотная сова. И я подумал, что все это останется и после меня, и совсем другой человек будет сидеть на моей скамеечке возле дверей этой избушки и слушать ночные звуки природы. Наверное, подумает и обо мне, и в сердце толкнётся жалость от того, что я, бывший хозяин избушки, её строитель, уже ничего не слышу и не вижу. Но таковы законы природы, и с этим надо мириться. И я смирился. Но постоянно думал о Потапыче. И даже свою книгу, которая минувшей весной была готова к сдаче в издательство, книгу о камчатских медведях, я хотел посвятить памяти Потапыча. Всерьёз хотел. Но не решился, а, наверное, зря. Почему же людям книги мы посвящаем, а медведям, животным – нет?

Как сейчас помню нашу первую встречу с Потапычем. Боже мой, это было уже более двадцати лет назад. Какими мы были с ним молодыми! Мне не было ещё и сорока пяти. Но к тому времени я уже десять лет работал в заповеднике, у меня был мой первый любимчик медведь Карнаухий, я умел неплохо фотографировать и кое-что понял в поведении бурого медведя. Одним словом, я не был новичком в исследовании этого хищника, поэтому Потапыч встретился мне как раз вовремя. Была середина октября. Берёзовый лес стоял голый, от первых заморозков уже пожухла и упала трава, поэтому сквозь редколесье просматривалось далеко вокруг. Небольшие заводы в речках схватывались ледком. Пахло прелью и древесными грибами. Дали сделались прозрачными и резкими, и каждая морщинка на склонах сопки Зубчатая и Кихпинич

были хорошо видны. Я шёл от избушки к ручью Орланьему, весело и беззаботно помахивая пустым ведром, когда вдруг увидел среди старых, кривых берёз очень крупного медведя бурого окраса без особых отметин и примет. Он тоже направлялся к ручью наискосок моей тропинке. Я резко присел, осторожно поставил ведро и вытянул голову. Медведь не видел и не чуял меня. Я стал наблюдать. Подойдя к ручью, он, не останавливаясь, резким прыжком бросился в воду, поднимая веер блеснувших на солнце брызг. Похоже, рыба ускользнула от его лап, он вышел на землистый, покрытый упавшей травой берег, присел в выжидающей позе и почти сразу опять прыгнул в ручей. На этот раз в его когтях бился крупный, клювастый самец кеты. Медведь лёг прямо в мелкой воде и принялся есть рыбу. За несколько больших укусов съел туловище, начиная с хвоста, затем тщательно выгрыз мозговые хрящи, а уже после этого взялся за жабры и челюсти.

Я инстинктивно потянулся к фотоаппарату, который обычно висит у меня на шее. Но фотоаппарат остался в избушке. Такой момент упускать было нельзя и, мысленно уговаривая медведя порыбачить подольше, я, низко пригибаясь, побежал назад. «Михайло Потапыч, не уходи, будь добр», – то и дело повторял я шёпотом, и после, вспомнив это, назвал медведя Потапычем. А он так увлекся рыбалкой, что не видел и не слышал меня даже тогда, когда я, охваченный азартом, перешёл на другой берег ручья и снимал рыболова почти в упор, нависая над ним с кручи. При мне он поймал нескольких рыб, и всё это были самки. Их он выносил на берег, чтобы, съев туловище и голову, слизать с камней липкую, ярко-бордовую икру.

Прыгнув в очередной раз в воду, Потапыч всё же заметил блеснувший на солнце объектив моего фотоаппарата. Но в его лапах уже билась рыба и, не в силах отказаться от добычи, он выкинул её на низкий противоположный от меня берег, вымахнул туда сам и, казалось, тут же забыл обо всём, но, съев рыбу, великан поднял голову и долго внюхивался, тревожно глядя в ту сторону, где две минуты назад заметил блик объектива. Но я уже перебежал в другое место и затаился, не упуская медведя из виду. Вскоре он успокоился, опять залез в ручей, обшарил яму под нависшей кручей высокого берега, ничего не поймал и, поднимая тучи брызг, быстро пошёл вниз по ручью. Я понял, что он уходит, не желая искушать судьбу. Ну что же, с удовлетворением подумал я, до свидания, Потапыч, ты хорошо позировал, сам того не зная. Думаю, у меня будут уникальные снимки!

Вернувшись в избушку, я ещё долго переживал эту неожиданную и удачную встречу. Тогда эту избушку на Орланьем я только достраивал, работы было много, но вечером, обдумав ситуацию, решил, что назавтра оставлю работу и пойду искать Потапыча. К тому времени я уже задумал большой научный труд, основанный на наблюдениях за пищевым и брачным поведением бурых медведей, хотел браться за него с весны, но встреча с Потапычем изменила планы, подтолкнув начать в ту же осень. Уж очень крупный попался самец: колоритный, могучий, лобастый! Я мысленно представил себе, как удивлю мир снимками, рассказами и публикациями о нём. Это вам не трёхлеток с пугливым взглядом, каких я снимал после Карнаухова, это достойный объект наблюдений, крупнее Карнаухова! Думаю, он станет достойным компаньоном в научной работе!

Так появился в моей жизни удивительный медведь по кличке Потапыч.

На другой день я пошёл по следу Потапыча. А он и не уходил далеко, ночевал у Дятловой излучины, в нескольких километрах от моей избушки, вниз по ручью Орланьему. Я обнаружил его быстро. Он опять рыбачил, вытаскивая на берег кету за кетой. Весь день я крался за ним, отсняв несколько плёнок и отхронометрировав все его действия. Это была несомненная удача!

С тех пор от Потапыча я уже не отставал, выискивая его ранней весной в Горячей Долине, а затем всё лето и осень наблюдая на Орланьем. Потапыч научил меня многому. Я условно принял его самого и его поведение за эталон и, описывая других медведей, сравнивал их с Потапычем. Это давало возможность определять их приметы, возраст, характеры, привычки и склонности наиболее объективно и точно. К тому же вскоре я смог убедиться, что Потапыч – доминант в районе Горячей Долины, что позволяет ему забредать на чужие территории, пугая их хозяев, отбирать у них богатые рыболовные места на реках. Расширился и мой круг знакомых Потапыча. Вскоре я уже мог без ошибки узнавать огромного, но пугливого Длинногуба, мстительного гиганта Лопоухого, осторожную Снежинку, легкомысленную, игривую Актрису, которая всякий раз, когда подходил срок, рожала по три медвежонка, но к осени всегда оставался только один, красавицу Неженку, весёлого Пятачка, очень серьёзную даму, прекрасного медвежьего педагога Директрису. Я полюбил этих медведей как близких людей, открывая в них всё новое и новое. Лишь вероломный Лопоухий временами вызывал у меня негативное отношение к себе, так как сначала я начал подозревать, а затем нашёл доказательства того, что это он умудряется убивать и съедать детей Актрисы. Только один из них погиб по недогаду не очень заботливой мамы, остальные пропавшие медвежата были на совести Лопоухого.

Но в тот первый год встречи с Потапычем я ничего этого ещё не знал, но так увлекся наблюдениями, что задержался на Орланьем до самого декабря. Я ещё не наткнулся на Тёплую протоку, хотя начал догадываться, что медведь долго не ложится в берлогу из-за обилия рыбы в незамерзающей реке, в которую где-то впадает ключик из горячего источника. Я шёл по следу Потапыча, то и дело набредая на только что оставленные им лёжки. Он уже тогда почему-то терпел меня. И это придавало мне уверенности в относительной безопасности моих наблюдений. Несколько раз Потапыч отгонял меня неожиданными разворотами и коротким пробегом в мою сторону, но настоящей агрессии в нём не было. Я ждал, когда он уйдёт в берлогу, чтобы по следу найти её. Но каким бы ни было медвежье доверие ко мне, в берлогу он ушёл незаметно, вос-

пользовавшись большим снегопадом. Снег начался вечером и шёл всю ночь, а когда я проснулся, очистил крышу избушки, прокопал дорожку в дровяник, позавтракал и как всегда отправился на поиски Потапыча, то на свежем снегу не обнаружил ни одного следа. И русло реки укрылось белым пушистым одеялом. Медведь ушёл спать. Тогда и я утомился, вызвал вертолёт и вылетел в Петропавловск.

Намолчавшись в долгом одиночестве, в городе я, как всегда, не мог наговориться. Особенно доставалось семье, вынужденной то и дело слушать мои рассказы. Жена, конечно, не одобрила мое увлечение очередным медведем, потому что это грозило нам частыми и долгими разлуками, как уже было после знакомства с Карнаухим, пока я не оставил его в покое, построив себе избушки на Орланьем и Гольцовом, переселившись ближе к океану. Зато как я потряс своих коллег из заповедника и друзей снимками огромного, фотогеничного, великолепного Потапыча. «Как это вообще возможно так близко снимать взрослого медведя, гиганта?» – удивлялись все. А я увлечённо рассказывал им о своих наблюдениях за Потапычем и о том, что он непостижимым образом подпускает меня к себе почти вплотную. Так зарождались легенды обо мне, росла моя известность. Но так рождалась и моя книга о камчатских бурых медведях. Она уже готова, и, наверное, продаётся в магазинах Петропавловска. Интересно, как покупается, какие имеет отзывы? Задумал я её очень давно. Сначала хотел назвать «100 фотографий камчатского медведя», но постепенно созрело решение дать в книге не только фотографии, но и пространный, выверенный текст, в котором рассказать и о медведях и моих наблюдениях за ними. В результате так и сделал.

Чу, хватит болтать! Что за странные звуки под окном, за стеной избушки? Как будто бы фырканье и скрип снега. Уж не Верзила ли в гости пожаловал? Или рососомаха?

Я быстро задуваю лампу и пытаюсь взглянуть и вслушаться в темноту ночи за оконцем. Так и есть, снег скрипит под тяжёлыми медвежьими лапами. Вот он снова фыркнул, обнюхав лыжи, которые я всегда оставляю в снегу возле тропинки. Легко боднул дверь. Но мою дверь так просто не откроешь. К тому же она ведёт только в тамбур, а внутренняя дверь избушки ещё надежней. Всё у меня продумано, так что, гость незванный, уходи восвояси, завтра поговорим, если я тебя разыщу.

Все избушки у меня добротные, рубленые, сам строил. А эта – лучшая, любимая. В ней мне ничего не угрожает. Когда-то я боялся медведей, которые гуляют в заповеднике, словно коровы на пастбище – десяток на несколько километров округи. Даже одно время держал собаку, которую, правда, не брал на обходы и наблюдения. Уж она лаяла, лаяла – до хрипоты, кидаясь к двери. Мне это надоело и я, наконец-то, завёл ружье. Но с собой его тоже никогда и беру, оно всегда в избушке, на стене. Если ухожу в другую избушку, то, конечно, забираю. А так – ни-ни. Вот и сейчас висит на месте. А в рюкзаке – баллончик с газом и пара фальшфейеров. Баллончик ни разу применить не пришлось, но, говорят, медведи газ очень не любят. Так что...

Вижу через окошко мелькнувшую в темноте слабую тень. Наверное, пошёл вокруг избушки. Но у меня хулиганить не с чем, все в тамбуре. Разве что в дровяник залезет, дров наломает.

Ладно, ложусь спать. Удовлетворит любопытство и уйдёт, чего его караулить.

Лёжа в спальном мешке, ещё долго вслушиваюсь в тишину за бревенчатыми стенами. Да, ушёл Верзила, ни звука снаружи.

Засыпаю я быстро, потому что замолкаю, мысли уходят, прячутся, и я проваливаюсь в крепкий сон.

2. ПО СЛЕДУ ВЕРЗИЛЫ

Утром выхожу на связь. Из города сообщили, что сегодня вертолёт за мной не будет, может быть, прилетит завтра. Ну что же, тогда буду действовать по плану – пойду искать Верзилу. Тем более что и я стал ему интересен, он даже подошёл к избушке. Его вчерашние следы хорошо сохранились на смёрзшемся за ночь снегу. Верзила обошёл мое жилище дважды, сунул нос в дровяник, оставив пару тёмных волосков на занозистой кромке досок, а затем ушёл к реке. Наверняка уже рыбачит на Тёплой протоке.

Пока на печке певуче вскипает чайник, я сажусь за дневник, чтобы описать вчерашний приход Верзилы. А в голове свербит одна и та же мысль: «Зачем-то же он приходил. Зачем? Почему оставил рыбалку и потащился сюда по снегу, пусть пока ещё и не очень глубокому?»

Медведь – существо загадочное, плохо изученное. Я хожу за ними тридцать лет, а круг незнаемого только расширяется. Потому и не могу остановиться, прекратить свои наблюдения. Мне необходимо ещё года два-три, чтобы появилось моё личное, более или менее законченное представление о поведении медведя. Тогда я могу серьёзно говорить и писать о нём. Его биологией я не занимался, хотя всегда этого хотел. Я занимался этологией, поведением зверей в естественных условиях. Занимался старательно, упорно, стирая белые пятна одно за другим, но они всё равно оставались, и жизнь каждый раз подбрасывала новые, в том числе – вчерашний поступок Верзилы. Я не могу объяснить его неожиданный приход в гости. Не могу, но должен. А для этого необходимо вступить с ним в контакт.

После плотного завтрака собираю рюкзак, одеваюсь. Смотрю на ружьё, но всё же решаю его не брать – помешает работать с фотоаппаратом. Если что, воспользуюсь фальшфейером или газовым баллончиком.

Выйдя из сумрака избушки наружу, жмурюсь от яркой голубизны неба и белого снега. Лес вокруг безмолвен. От дровяника в сторону речки идёт извилистый, глубокий медвежий след. Шёл не спеша, по-хозяйски. Неужели понял, что я затаился и побаиваюсь его?

Надеваю лыжи и иду тропить след. Он приводит к речке, струйки которой деловито переговариваются под снегом. Лёд уже прочный, медведь прошёл, не провалившись. Так и есть, идёт к Тёплой протоке, где льда не бывает всю зиму. Скоро конец декабря, а Верзила никак не может бросить рыбалку и лечь в берлогу. Значит, позднее залегание в спячку не было индивидуальным признаком Потапыча, причина, как я и думал всегда, – в незамерзающем участке реки, где постоянно держится лосось. Однажды Потапыч лёг в берлогу только в первых числах января. Сколько продержится этот?

В километре от протоки оставляю медвежий след и вновь перехожу Орланий, чтобы спрямить и осторожно выйти на медведя с другой стороны. Ниже Орланий уже не перейти, там начинается протока. Обычно, когда медведь рыбачит, его слышно далеко. Но сейчас на протоке почему-то тихо. Да он же, наверное, в берлогу пошёл! Проверил, не буду ли я за ним следить, крепко ли сижу в избушке, и пошёл ложиться. Вполне вероятная версия, но надо в этом убедиться. И есть возможность найти берлогу! Три берлоги Потапыча я знаю, может быть, Верзила использует одну их них? Это очень интересно!

Я прибавляю шаг, затем крадучись, стараюсь не шаркать лыжами, подхожу к глубокой излучине в Тёплой протоке. Выглядываю из-за снежной кручи. Никого, но берег истоптан медвежьими следами. Видимо, это вчерашние дневные следы, а ночью он прошёл мимо. Если я хочу найти берлогу, значит надо вернуться на след Верзилы и придерживаться его. Не раздумывая более, разворачиваю лыжи и иду назад. Опять перехожу речку. Вот здесь я оставил след, а ведь действительно зря оставил – чуть дальше медведь повернул влево и пошел мимо Тёплой протоки. Вот это да! И ведь идёт, ни на что не отвлекаясь. Обычно на ходу медведь то и дело суеться носом в снег, вынюхивает мышей, корешки, влажную землю. А этот идёт ровно и даже не останавливается. Знать, спешил Верзила, хоть и не прибавлял шагу!

Спешу и я. Светлого времени в декабре не очень много, поэтому надо попытаться максимально пройти по следу. А вдруг удастся выйти к берлоге!

Впереди начинаются дремучие заросли кедрового стланика. Если Верзила залезет туда, значит, решил отдыхать. Как тогда быть мне? Подхожу ближе. Нет, медведь прошёл краем, направляясь от Орланьего на ручей Берложный, где часто строил свои зимние убежища Потапыч. Неужели и правда Верзила займёт одну из старых берлог предшественника?

Иду больше часа, запарился. Перед очередным подъёмом на небольшую сопку останавливаюсь, присаживаюсь на старую корягу, достаю термос с чаем и кусок хлеба с салом. Надо перекусить.

След ведёт меня в верховья Берложного на крутые склоны вулкана Кихпиньча. Сколько тут мною пройдено! Знаю каждое деревце, каждый ручёк. Не раз ходил до реки Комаровой, а бывало – и до Кронуцкой хаживал. Сорок медвежьих берлог мною найдено и описано. И практически все – в этих местах.

Сквозь собственное смачное чавканье вдруг слышу далёкие крики кедровок. Это настораживает. Кто-то их беспокоит. Наверное, мой Верзила попался птицам на глаза.

Поднимаю, завязываю рюкзак, вешаю на плечи. Слюнявлю палец и пробую ветер. От меня тянет вверх. Значит, мог учуять. Придётся уходить назад и обходить его сверху. Берлоги здесь быть не может, уж очень место неподходящее, значит – лёжка. Хотя, кто знает...

Некоторое время топчусь на месте, так и не решив, что же предпринять. Если Верзила на лёжке, тогда идти опасно, ведь он мне не доверяет. А если, всё-таки, берлога? Тогда идти надо.

А чего я, собственно, боюсь? Здесь уже довольно крутой склон, на лыжах я с него скачусь мигом, а медведю по снегу да с таким-то жиром гнать меня не резон, только пугнет. Пойду, как решил – в обход, хотя идти придётся далековато.

Возвращаюсь назад до тех пор, пока совсем не смолкают тревожные крики птиц. После этого поднимаюсь круто в сопку. Приходится обходить заросли ольхового стланика, поэтому круг получается приличный. Поднявшись метров на пятьсот, останавливаюсь и перевожу дыхание. Так ходить в моём возрасте не всякий может! Но в молодости я ходил куда легче!

Хорошо, теперь попробую приблизиться примерно к тому месту, где может находиться медведь. Иду вдоль склона, скособочившись, ставя одну лыжу выше другой. Так идти не удобно, но что делать. Вскоре опять начинаю слышать крики кедровок. Не смолкают, словно вязкие собаки. Значит – зверь.

Молодой берёзовый лес, по которому я иду, обрывается широкой поляной с торчащими из-под снега дудками шеломайника. На другом конце поляны – сплошные заросли ольхи. В них и кричат кедровки. Я достаю бинокль и внимательно разглядываю ольховник. Да, вижу перелетывающих с ветки на ветку кедровок. И все кружатся над одним местом. Но там только ольха, деревьев нет. Сомнительно, чтобы на продуваемом, влажном склоне залёг Верзила. Наверняка он только на лёжке, отдыхает, не тратит зря энергию, которая понадобится в спячке. Пробую увидеть его, но заросли мешают.

Что же делать? Наугад идти опасно – он может подняться в самый неподходящий момент. Неужели придётся возвращаться? И ведь придётся...

Постояв несколько минут в раздумье, принимаю решение уходить. Если Бог даст, завтра быстро добегу до этого места и пойду дальше по следу Верзилы. К тому времени он наверняка уже будет лежать в берлоге. А сейчас мне необходимо убедиться, что он действительно только отдыхает. Достаю из рюкзака топорик и с размаха бью обухом по стволу березы. Резкий звук удара эхом отдаётся в сопках со всех сторон. Кедровки разом смолкают, а в ольховнике еле заметно вздрагивает ветка. Он! На лёжке.

Выждав, когда птицы, так и не разобравшись, откуда донёлся неожиданный звук, продолжили сварливо и надоедливо кричать над медведем, я осторожно развернулся и своим следом пошёл назад. Я знаю, сейчас он уже слышит меня, но он понял, что я уйду, поэтому быстро успокоится. И, может быть, продолжит дремать под привычные для него крики кедровок. Или встанет и, сделав круг, чтобы убедиться, что меня действительно нет, пойдёт дальше. Ему уже не терпится скорее залечь в берлогу – природа берёт свое. Но на подходе к берлоге он должен запутать след.

По пути домой, монотонно двигая тяжёлыми лыжами, почему-то думаю о человеческих трагедиях, связанных с медведями. Вспоминаю японского фотохудожника Хоши, погибшего у нас на Камчатке. Он двадцать лет изучал на Аляске гризли, в одиночку забираясь в такую глухомань, где до него никто не был, хорошо знал медвежьи повадки. Его красочные фотоальбомы покорили сердца любителей природы всего мира. Он жил медведями и с медведями. А когда стал возможен приезд на Камчатку, Хоши объявился в конторе заповедника с просьбой разрешить ему снимать наших самых крупных медведей. Он мечтал о снимке зверя ростом более трёх метров, потому что гризли Аляски сильно помельчали и бурые гиганты остались только у нас. Ему разрешили поехать на юг полуострова, на Курильское озеро, где он увлечённо работал много дней. Позже туда же прилетели японские кинодокументалисты снимать фильм о своём знаменитом земляке Хоши. Может быть, их появление расслабило мастера? Ведь любая съёмка, даже документальная, требует игры. Он и разыгрался под объективами видеокамер, вошёл в образ смелого чудака, у которого медведи – закадычные друзья. В ту ночь он лёг спать в палатке, проигнорировав приглашение занять место в домике. А утром пришёл гигантский медведь, который вытащил парня из палатки, убил и, взяв зубами за шею, уволок в густые заросли. Вокруг прыгали с фонариками и газовыми баллончиками кинодокументалисты и наш егерь, но ничего уже сделать не смогли.

Медведь редко нападает на человека, в основном – защищаясь, или отпугивая, когда человек переходит границу дозволённого, безопасного для медведя расстояния. Почему он напал на мирно спящего Хоши? Загадка. Я видел на видеокассете, как Хоши, фотографируя медведя с близкого расстояния, отворачивается от него, делая вид, что не видит зверя. И на медведя это действует, он мирно пасётся или рыбачит. Хоши знал и любил медведей. Но погиб именно от лап одного из них. Это судьба настоящего исследователя, рискующего ради нужного результата. Нет, себя я не упрекаю за сегодняшнюю неуверенность. Для риска не было причин. А если бы она была, я, конечно, рискнул, как делал это много раз.

Помню первое нападение на меня медведицы. Похоже, она только что отбила своего медвежонка у самца, была покусана и сильно раздражена. Я видел, как они прошли в заросли. Решение созрело сразу: надо обойти их, подняться чуть выше по склону и попытаться понаблюдать и сфотографировать. Но я не учёл непоседливости медвежонка. Он вскарабкался высоко на дерево, увидел меня, идущего краем леса, испуганно чухнулся, свалился на землю и побежал к матери. Та, услышав тревожное верещание дитя, приподнялась над кустарником, заметила меня и сразу же, не медля, бросилась наперерез через поляну. Сначала я побежал вверх, как шёл, но, оглянувшись, понял, что у неё скорость больше, она нагоняет. Тогда я рванул вниз, но на пути оказался глубокий овраг с крутыми склонами. Я свалился в него, а она – на меня. И подмяла под себя. Страшно не было, потому что вообще ни о чём не думалось. Надо было только выкрутиться, вырваться и убежать. По инерции она прокатилась чуть дальше, и мне этого хватило, чтобы вскочить на ноги. Но медведица снова бросилась на меня, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами. Из её ощеренной пасти обильно текла слюна. Я упал под неё, и она снова кубарем пролетела дальше по дну оврага. При падении с меня слетели фотоаппарат, штатив, бинокль, полевая сумка. Без снаряжения я стал ловчее, поэтому ещё пару раз выкрутился из-под неё, ухватился руками за какой-то куст, растущий на крутом склоне, подтянулся и выскочил наверх. Ей же сразу выскочить не удалось. Я побежал дальше вниз. Преследовать меня она не стала, вернулась к медвежонку.

Я бежал до реки, перебрёл её и остановился, чтобы перевести напрочь запаленное дыхание. Ещё некоторое время я видел, как медведица шла рысью вверх по склону, как раз туда, куда до этого поднимался я. Когда она окончательно скрылась из виду, силы меня оставили и я мешком рухнул в траву. Полежав, начал раздеваться. Комариных укусов голое тело не чувствовало. Я вошёл в реку и лёг животом в холодную воду, затем переполз глубже. Вода меня взбодрила.

Странно, но на мне не оказалось ран, всё обошлось очень удачно. Я шёл в избушку, словно в бреду. Потом вдруг вспомнил про снаряжение, оставшееся в овраге, вернулся, собрал всё в рюкзак. Боязни подходить к месту, где только что чуть не погиб, не было. Осторожность была, а большого страха не было. Просто подсознанием я понял, что выкрутиться всё же можно. И я продолжал работать, наблюдать медведей, даже встречал свою роковую медведицу с подростком медвежонком, фотографировал его.

Вообще, с медведем надо жить так, чтобы он не чувствовал к тебе страха. Он не видит в человеке добычу, видит только соперника. Но всегда уклонится от встречи. А если ты встречу спровоцируешь, постарается убежать, каким бы сильным и матёрым ни был. Правда, если это доминант, тогда он может приревновать тебя к своей территории. С доминантом надо быть осторожней, на его пути лучше не стоять, уступить ему. Но и он просто так в схватку с тобой не кинется, уйдёт. А если кинется, то лучше бежать, этим ты ему доставишь огромное удовольствие, и он прекратит преследование очень быстро, ведь его главная цель – не убить тебя, а прогнать, испытать превосходство. Медведь никого не терпит рядом с собой, эти звери – крайние

индивидуалисты. И эгоисты. Каждый занят только собой, своими делами и проблемами. Ни до тебя, ни до своих сородичей дела им нет. Только в пору спаривания самец ищет самку, затем вновь живет исключительно один, делая большие переходы по тундре и тайге. Встречаясь с сородичами, они либо избегают друг друга, либо дерутся, если между ними – пища или самка. Лишь доминант, показывая силу, прогоняет других медведей, остальные же после драки стараются быстрее разойтись, сохраняя внешнее достоинство. Даже холостая медведица постарается не побежать от самца, а уйти спокойно, шагом или хотя бы легкой рысью.

В избушку я вернулся как раз под урез светлого времени ещё до вечерней радиосвязи. На всю ночь наготовил дров, жарко натопил печь и сел за любимый стол писать дневник.

Мой дневник – это мое изобретение. Каждый сотрудник заповедника обязан ежедневно писать дневник наблюдений. Кому-то это в тягость, кто-то просто не успевает, потом навёрстывает, но это уже совсем не то, потому что многое забывается, пропускается. Тогда я придумал символы. Первое – это погода, затем наблюдения за природой. Каждое животное, растение и так далее имеет у меня свой символ. Глянул – сразу понятно. За долгие годы так к ним привык, что пишу как иероглифами. Кроме того, веду обычный дневник. Здесь уж даю волю мысли. Писать – как разговаривать, голова работает чётко. Плохо, что устает моя грубоватая рука, больше привычная к топору, ножу, поэтому пишу, конечно, мало. Но самое главное стараюсь записывать. А несколько лет назад начал свои впечатления наговаривать на диктофон. Очень удобно: говори, что хочешь. А в свободное время сел и расшифровал, перенёс в дневник. Теперь с диктофоном не расстаюсь. Но всё равно, дневники – каторжный труд, хотя материал в них собирается, конечно, уникальный.

Да, теперь я не тот мальчик, каким был лет до сорока. Я вырос, нагружился кое-какими знаниями, многое понял в жизни. Конечно, помогло и одиночество, когда чувства и мысли обострены. Хотя испытание одиночеством выдерживают далеко не все. Кто-то тихо сходит с ума, кто-то начинает пить, а некоторые лезут в петлю. Меня спасает мое обострённое тщеславие. Меня не надо заставлять работать, надо лишь похвалить, упомянуть хоть в речи, хоть в печати, сослаться на мою работу, и я уже готов рвать постромки. Это и держит здесь. Но, если совсем честно, то теперь уже не только это. С некоторых пор держат и сами медведи. Именно медведи! По прилёту в город некоторое время я живу счастливо, а потом начинаю тосковать по своим медведям. Мне хочется их видеть! Но они спят в берлогах, и я терпеливо жду весны. А в мае, а то и в апреле с замиранием сердца лечу в Горячую Долину. И вскоре туда начинают приходить проснувшиеся медведи. Какое счастье видеть их вновь! Как же мне повезло в жизни, что я работаю в заповеднике, где не производится охота, где животные чувствуют себя действительно дома. Поэтому их здесь так много и они не боятся людей. Порой, проходя маршрутом, я насчитывал на десятки километрах до пятнадцати медведей. А когда идёт на нерест лосось и у медведей начинается рыбалка, они встречаются на реке практически за каждым поворотом. И все – мои. Я как-то попробовал посчитать, сколько же встречено в жизни медведей. Получилось что-то около шестисот. Думаю, не мало!

Ха-ха, вот даже сам перед собой хвастаться. Дурацкая привычка хвастаться. А ведь в первые годы моей работы в заповеднике я специально нагонял количество встреченных медведей. Для цифры, чтобы потом, в городе, как бы невзначай назвать большую цифру и впечатлить, ошеломить, восхитить людей. Какой он, однако! На самом деле я просто бегал по Долине в поисках медведей и фотографировал их. Была мысль составить каталог, попробовать классифицировать их по внешним признакам. Бегал, фотографировал, особенно и не запоминал, путался в них. Но постепенно увлекся, начал читать, углубляться в тему. У меня нет биологического образования, поэтому никто не признавал всерьёз моих наблюдений, а тем более выводов. И тогда взвырвало самолюбие, а ему помогло тщеславие. Я занялся самообразованием, начал поражать людей уже не только цифрами, но и уникальными фотографиями медведей. Мне надо было доказать миру, что я лучший. Ещё мне повезло и в том, что медведям занимают единицы, да и то поверхностно, не системно. Это была открытая ниша – занимай, работай, не ленись! И я тридцать лет просидел здесь, на одном месте, методично, скрупулезно занимаясь делом, которое с годами любил все больше и больше. Теперь каждого медведя Долины я знаю практически в лицо. У меня не было учителей, коллеги всегда относились ко мне сначала пренебрежительно, затем – свысока, теперь – снисходительно. И это меня тоже подогрело, я самостоятельно лез наверх, я хотел им доказать свою состоятельность как исследователя, самоучки-учёного. И когда меня всё-таки перевели с должности инспектора заповедника в научные сотрудники, счастьем было предела. Значит, я доказал!

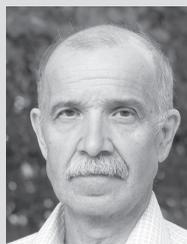
После этого я наметил себе серьёзную программу изучения бурого медведя. Поставил интересующие меня проблемы и стал их шаг за шагом решать. Теперь уж многое позади, можно начинать писать о медведе, но я всё откладываю, потому что боюсь пропустить очередной сезон и вновь не увидеть моих подопечных.

Так и живу месяцами с керосиновой лампой да рацией от аккумуляторной батареи. Даже бензиновый мини-генератор завести себе не могу, потому что боюсь этой удобной, милой тарахтелкой распугать медведей в округе. И собаки у меня нет. Разговариваю сам с собой. А, прилетая в город, шарахаюсь от густого потока машин и пугаюсь мобильных телефонов, в которых так ничего и не понял.

Сейчас начнется связь, может быть, что-то скажут по завтрашнему вертолёту. Включаюсь, настраиваюсь. Увы, передали, что вертолета не будет. Как бы до Нового года здесь не застрять. Жена опять обидится.

Чувашская Республика

Пэдер
Эйзин

Игорь
Васильев

Дмитрий
Воробей

Светлана
Гордеева

ПЕДЭР ЭЙЗИН

* * *

Ты,
а может это снег,
иль окон синих тени,
а может просто вечер?

Тоска
прихватит вдруг,
истает вся
и тихо
музыкой взлетит.

Ты,
иль снег летит,
иль окон синева,
иль это просто вечер?

Горячей шёпота волной
воспоминания уходят
мимо-мимо.
Умом их не понять,
глазам невидимые
воспоминания.

Ты
щуришь глаз,
или окно синее,
или приходит снова вечер –
кружится
в мире
белый снег.

* * *

из цикла «Старинные напевы»

Кому трын-трава,
кому по дрова, –
никуда ходить
я не хочу.

Кто-то плывёт,
кто-то гребёт, –
никуда спешить
я не хочу.

Кто-то пьёт,
кто-то бьёт, –
ни с кем ругаться
я не хочу.

Кто-то ворует,
кто-то торгует, –
никому доверять
я не хочу.
Кому потеха,
кому помеха, –
слова вымолвить
я не хочу.

Страшная жизнь,
глупая жизнь
и всё равно жить
я хочу.

Травка, букашка,
человек или зверь –
всех жалеть
я же хочу.

Кому трын-трава,
кому по дрова, –
никуда ходить
я не хочу.

Кто-то плывёт,
кто-то гребёт, –
никуда спешить
я не хочу.

Кто-то пьёт,
кто-то бьёт, –
ни с кем ругаться
я не хочу.

Кто-то ворует,
кто-то торгует, –
никому доверять
я не хочу.

Кому потеха,
кому помеха, –
слова вымолвить
я не хочу.

Страшная жизнь,
глупая жизнь
и всё равно жить
я хочу.

Травка, букашка,
человек или зверь –
всех жалеть
я же хочу.

Перевод с чувашского А. Хузангая

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ

ИЗ ЦИКЛА «ХАОС»

Где начинается и заканчивается ночь,
где поют и танцуют молодые женщины,
где вино не валит с ног, а даёт новые силы,
где любовь не даёт уснуть –

там я не был.

Я писал безнадежные письма.
Следил за голубями, но не решался
доверить им почту.

Я был неподвижен, как тень предмета.
Я был, как лицо без глаз.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРАЗДНИКА

Жертва остыла,
орудие растерзания остыло.
Солнце садится.

Среди язычников я самый первый
христианин.
Среди бандитов – невинный барашек.
Среди мужчин – поэт с безнадежным
будущим.
Среди поэтов – мужчина с беспутным
прошлым.

За простыми действиями скрывается чудо.

НЕСКОЛЬКО МОМЕНТОВ ДО ПРАЗДНИКА

Десятилетние мальчики прославляют
Всевышнего.
Мозолистые руки в родниковой воде.
Мать поёт песню на чувашском языке,
я прячусь за деревьями и жду,
когда меня начнут искать.

Спят все вокруг.
В одночасье всё превратилось в ноль.

Нет игры, нет свечей, нет взрослых.

Женщины с белой кожей
с нежностью смотрят на мои пальцы.

Улетающие птицы и никакой гордости.
Воздушного змея не удержать на привязи.

ПЕРВОЕ ОБРАЩЕНИЕ К МЕРТВЫМ

Огонь превращается в воду
в условиях арктического климата.
Вода превращается в вино
на тридцать третьем году жизни.
Вино превращается в уксус,
если его вовремя не выпить.

Кровь превращается в слёзы.

ХЛОПОТЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СМЕРТЬЮ

Антракт:
пахнет жареными пирожками;
ноги путаются в тумане
со следами чужих собак.
Священное молчание,
опрокинутое навзничь тело,
возвращение из поселка.
Не пить,
но пьянеть от причастности
к событию.
Чужие люди настраивают против себя.
Посторонний глаз в моей душе.

ПРАЗДНИК БЕЗ МЕНЯ

Дым есть.
Пахнет дым моим прошлым видением:
дом посреди людей,
дом из камней и железа,
дом, как слово из дыма.
Я протягиваю руку
и касаюсь его твердыни,
люди расходятся
и каждый закрывает за собой дверь.
Я есть.
(...)

ДМИТРИЙ ВОРОБЕЙ

ИЗ ЦИКЛА «ЗИМНЯЯ МЕДИЦИНА»

Синописис

пусть стихи будут жёсткими
хрустящими прощальными
как снег или песня о снеге

замерзающего человека
всё тише голос несвязней
вязнет в дорожных сумерках

наступай и пой
по насту па-
а-о-да-и

не согреет сугроб
песня пойкилотермная
твоя дорога домой
единственный дом

наверное

Песня о доме

возьми такси
радиус города
выдохни в бор

по песчано-соляной каше
вдоль сумерек трассы фар фур
проведай дом

это гиблое место полное песен
там за пустырьём

сырая стена сарая
калитка кривая
вот всё что осталось

па-падучая чужа пределы природности
дёргает из-под ног судороги
протагониста павшего до весны

стылой земли
зуд призывный сок глаз
затрещит через час

и пусть недолго
в зимней комнате небольшой

за чистотой замороженной кожи
порядок пребудет простой

СЕВЕР

солнце село

по сюжету сразу стужа и полночь
поля полные снега

время действия невероятно замедленно

падший спит спиной на север
в панцире спазма

собак злаязычные язвочки
звенят в темноте тощие
блестит родившийся в ухе
черновик песни
крупинка соли
целительный сок ли

ключ

СВЕТЛАНА ГОРДЕЕВА

ПОЧЕМУ КОТЫ НЕ РАЗГОВАРИВАЮТ?

*«Человек культурен настолько,
насколько он способен понять кошку»*

Бернард Шоу

Если когда-нибудь вы встретите случайно на улице бродячего кота, накормите его, обогрейте, приласкайте. Может быть, вам повезёт, и тогда этот гордый посланец небес расскажет вам интересную и поучительную историю.

Так случилось со мной: однажды, возвращаясь из магазина с пакетом молока и свежей булкой, я встретила у подъезда чёрного кота. Он был худ и грязен, но гордая и грациозная осанка выдавала в нём благородное происхождение. В чёрном «фраке с белой бабочкой» он выглядел словно прославленный артист не в самые лучшие свои времена, некогда знаменитый, теперь забытый и оставленный всеми.

Сэр, Граф, Маркиз или ещё как-то достойно хотелось обратиться к этому удивительному и благородному созданию.

– Маркиз, молочка изволите испить? – улыбаясь сама своей глупой выходке: дожидаясь, с котами на улице разговариваю (!), – предложила я бродяге.

К моему безмерному удивлению кот, нисколько не смутившись, как будто кивнул головой в знак согласия и пошёл вслед за мной. «Так-так, сегодня у меня неожиданный гость, – уже сомневаясь в правильности своего поступка, резюмировала я. – И сколько раз я говорила себе: не разговаривай на улице с незнакомыми котами». Ситуация выглядела комичной, ничего не оставалось делать, как подшучивать над собой. Тем временем Маркиз настойчиво поднимался за мной по лестнице. Я открыла дверь в квартиру: «Прошу Вас!» Кот не двинулся с места, только смотрел на меня пристально и, как будто мурлыкал сквозь усы: «Только после Вас, мадам». «О, да мы хорошо воспитаны, – не преминула заметить я, – что ж, пройдёмте». Маркиз, так уж приклеилось к коту это прозвище, вошёл в дом вслед за мной и сел у порога. Столько достоинства и благородства при всём его нереспектабельном виде было в этом загадочном существе, что я невольно улыбнулась. Кот же, не обращая внимания на мой сарказм, сидел гордо, не опуская головы.

Я налила в блюдечко молока и позвала Маркиза. Тот зашёл в комнату, осторожно ступая грязными лапами, не торопясь, вылакал всё до дна, затем облизнулся и стал оглядываться вокруг. Было понятно, что уходить кот не собирался. Пришлось его помыть, причёсать и предложить ему место на диване у батареи. Все гигиенические процедуры кот выносил с достоинством, а, устроившись на диване, свернулся клубочком и заснул.

Денёк начинался интересно, то ли ещё будет. Планов на день у меня было много, а потому быстро попив кофе с молоком, я выбежала на улицу. Вернувшись вечером домой, я обнаружила кота на том же месте. Он, казалось, только проснулся, и удивлённо осматривался вокруг.

«Как изволили почивать?» – поинтересовалась я. В ответ кот только потянулся сладко и спрыгнул с дивана. Пока я ужинала и болтала по телефону с подругой, Маркиз знакомился с комнатой. Он заглядывал во все углы, обходил мебель, даже залез в шкаф. Затем запрыгнул ко мне на коленки и сладко замурлыкал.

Было много срочной работы, и мне пришлось писать чуть ли не до самого утра. Мерно жужжал компьютер, щёлкала клавиатура. А на коленях лежал Маркиз. Глаза слипались от усталости и желания спать. «Надо попить кофе, – подумала я, – ведь сидеть и работать ещё не меньше часа».

– А у нас кофе считается ядом, – послышался протяжный, как бы с французским прононсом голос... кота!

– О, Боже, доработалась, со мной уже коты разговаривают! – Я даже схватилась за стул от неожиданности и с любопытством посмотрела на кота.

– Да вы не волнуйтесь так, всё с вами в порядке, – «сказал» (!) кот, глядя мне в глаза и не открывая рта. Это ввергло меня в панику ещё больше.

«Он что мои мысли читает, – подумала я, – и я его тоже понимаю. Точно сумасшествие!»

– Никакое это не сумасшествие, а самый настоящий дар, талант, который достается совсем ни каждому, – успокаивал меня Маркиз. – Мы общаемся мысленно, это же так естественно. Мы всегда так общаемся, зачем нужно зря сотрясать воздух? Впрочем, вам, людям, всегда нужно всё усложнять.

– Пойдите, хватит философствовать. Вы хотите сказать, что я понимаю кошачий язык? Мне же никто не поверит.

– Мысли. У мыслей нет языка. Впрочем, вам этого знать совсем не обязательно. И рассказывать об этом никому не нужно, ведь вам, действительно, не поверят. Люди считают кошек низшими созданиями, которые только едят, спят и гадят где попало, извините за выражение.

– Ну, это не совсем так, – вступилась я за всё человечество, совершенно забыв о страхе и о том, что мысленно разговариваю с котом. – Я действительно не считала кошек низшими созданиями, даже наоборот, где-то в глубине души, была уверена, что они умнее нас. – А как же в древнем Египте? Там кошки вообще были священными животными.

– Именно потому, что кошки для вас – существа разумные, я и решил «заговорить» с вами. А египетская цивилизация, которая так глупо погибла, сама виновата в этом. Говорили мы им, что нельзя давать знания неподготовленным. Многие знания – многие печали, – вздохнул Маркиз.

– Что значит, говорили?

– А то и значит. Мы через кошек-жрецов многому научили египтян, да только знания эти не пошли им впрок. Тогда-то и было наложено табу на общение с людьми. Мы просто молча наблюдали за тем, что происходит на Земле, и только в крайних случаях вмешивались. Понимаете, любая цивилизация развивается по своим законам, есть ключевые точки, когда можно что-то изменить путем выбора того или иного пути, а, в общем-то, всё предрешено. Я, к сожалению, не могу вам всего рассказать...

– Вы уж простите меня, что я так смеялась над вами, назвала Маркизом. Мне так неловко, – смутилась я, когда разговор зашел о судьбе цивилизаций. – Просто, вы понимаете, я же не знала, что вы разговариваете...

– Да что Вы, – искренне удивился кот моему признанию. Вы были со мной крайне любезны. А имя Маркиз мне нравится, называйте меня так, я не против. Здесь, на Земле я – обычный кот и привык к своему положению.

– А там? – я показала пальцем на небо, вы – не кот?

– На самом деле, сложно правильно указать направление, откуда я. Наша цивилизация – в другом измерении. Там у нас нет тел. А сюда мы попадаем в качестве наказания, ну, ссылка, по-вашему.

– Ой, и за что же вас?

– Политический я, – усмехнулся Маркиз. Имел неосторожность высказать свои сомнения по поводу правильности решения Большого Совета.

– А что, у вас там, – я опять показала пальцем на небо, – инакомыслие не приветствуется?

– У нас нет инакомыслия. Мы все понимаем, что и как нужно делать. А решения принимаются просто – мысли всех участников систематизирует Верховный разум и выдает результат. Просто я заступился за одного человечка, даже не знаю почему, а общее решение было совсем другим.

Маркиз помолчал немного, как будто настраиваясь на какую-то свою волну, потом произнёс: «Это я могу вам рассказать».

– Когда на Земле рождаются выдающиеся люди, которым суждено сделать что-то важное переломное, принимается решение, где и когда, в какой семье, с какой внешностью должен родиться этот человек. Родился на Земле мальчик, которому суждено было стать великим музыкантом, а когда ему исполнилось два года, его отец ушёл из семьи. Так случается, не всё предрешено, что-то может меняться в судьбе, жизни. В общем, мать осталась практически без средств к существованию и о музыкальной школе и хороших педагогах речь, к сожалению, не могла идти. Тогда было решено родить этого мальчика ещё раз, в другой семье, более стабильной. А этого, как Вы понимаете, нужно было забрать. Я один из всего Совета был категорически против. Мальчик в свои два года уже сочинял музыку, она звучала у него в голове, я слышал. Он и без образования мог бы стать гением, возможно даже лучшим композитором. Согласитесь, иногда образование только портит, ограничивает, закрепощает, навязывает стереотипы.

– Вы говорите о мальчике в прошедшем времени. С ним что-то случилось?

– К счастью, нет. Но пока рано говорить о том, что из него вырастет, ему всего четыре года, а меня послали сюда наблюдать за мальчиком и, если нужно, помогать так, как я помог ему один раз. В общем, исправлять свою «ошибку».

– Вы помогли ему?

– К счастью, в доме, где родился мальчик, есть кот. Я послал этому коту сигнал, чтобы он отвёл ребенка, когда тот перевесился через перила балкона, забравшись на табурет. С мальчиком ничего не случилось. А я был разжалован. Мальчик очень любит своего кота, так я посылаю ему предупреждения и учу музыке через кошачье мурлыканье.

– Как это здорово, вы знаете, что мальчик будет композитором. Как бы знать о своем предназначении, можно было бы жить совсем по-другому.

После этих слов кот расхохотался так заразительно, что я невольно улыбнулась в ответ.

- Что такого смешного в моих словах?
- Вы, люди, вообще очень смешные. Хотите как лучше, а получается как всегда. Кажется, так звучит эта мудрая поговорка? Никто из людей никогда не станет слушать того, что решено не ими. А если вы и узнаете, что за вас уже решено, как вам жить, что делать, то будете делать все наоборот. Разве, не так? Вы же такие самостоятельные, всё делаете сами, зачем вам чужие советы.
- Но ведь есть люди, которые ищут истину, задумываются о смысле жизни, верят в Бога и свое предназначение, и таких людей немало...
- Таким даётся и сила, и знания. Кто ищет, тот находит.
- Вы просто сыплете мудрыми изречениями. Согласитесь, что их люди придумали, и не такие уж глупые.
- Конечно, люди, – Маркиз рассмеялся также громко и продолжительно, – а кто их надоумил? Да Вы не думайте, люди вовсе не глупы, мы просто на разных уровнях развития, для нас ваши рассуждения – детский лепет.
- Поэтому вы и не разговариваете с нами?
- В этом нет никакого смысла. Вы уж извините. Хотя, я считаю, что в эмоциональном развитии люди гораздо превосходят многие цивилизации, но эмоции разрушают. Человечество как-то находит компромисс между разумом и чувствами, потому-то ещё существует. Вам обязательно нужно все действия наполнять эмоциями, если любить, то неистово ревновать, если горевать, то плакать навзрыд, если ненавидеть, то всей душой. Эти чувства только мешают развиваться, совершенствоваться, расти. Но зато у вас есть стихи и музыка, живопись и скульптура, кино и фотография, а танцы – сколько в них бесполезных, но красивых эмоций! Только ради всего этого человечество заслуживает сохранения. И рассуждаете вы не рационально, а эмоционально. Мы говорим на разных языках, а потому вряд ли сможем понять друг друга.
- Значит, мы должны стать рациональными, но это – так скучно.
- Зато все понимают друг друга, нет распрей, никому ничего не надо доказывать и объяснять: все действуют согласно закону рациональности. Это всё равно, что идти по кратчайшему расстоянию – по прямой. Согласитесь, так короче и правильнее, и ничто не мешает совершенствоваться.
- Но ведь вы заступились за маленького композитора?
- Дал волю эмоциям и поплатился за это. В следующий раз не буду.
- А почему со мной заговорили?
- Ну, понимаете... У меня к вам просьба. Ваш знакомый – директор музыкальной школы...
- Поняла, поняла, надо устроить мальчика.
- Он действительно необыкновенный. На следующий год будет набор в класс особо одарённых, берут туда с пяти лет, а ему как раз будет пять.
- А если из мальчика ничего не выйдет?
- Тогда мне навеки оставаться котом, – вновь задорно рассмеялся Маркиз.
- Вы хотите сказать, что все коты и кошки на земле – посланцы, у всех своя миссия?
- Конечно, нет, есть те, кто не захотел возвращаться после задания, есть те, кого не пустили обратно. Они уже стали совсем земными и не помнят о прошлом. Всё, что они могут – предсказывать погоду и лечить радикулит у хозяев. Мы называем их «синоптики». Только во сне их души могут побывать на родине, тогда они по-настоящему счастливы.
- Мне всегда было интересно, почему коты так много спят?
- Потому что это и есть их жизнь, они там, со своими. Люди думают, что коты – обычные животные, но это – не совсем так. Если кот живет в вашем доме, ничего плохого не произойдет. К тому же можно попросить кота исполнить желание, ведь мы читаем мысли, а наши мысли считывает Верховный разум, только просить надо рационально, а у людей это не всегда получается, точнее, всегда не получается...
- Мне пора, откроете дверь? Да, мальчика зовут Ваня, и живёт он в вашем подъезде.
- Прощайте, – я открыла дверь, не успев даже понять, что, возможно, никогда больше не увижу Маркиза.
- Он совершенно по-кошачьи мяукнул, вильнув хвостом, и исчез в полумраке подъезда.
- Я вернулась на кухню, глянула на часы, прошло не более двух минут, даже кофе не успел остыть: ароматный дымок вился над чашкой. «Как быстро можно говорить мыслями, – удивилась я, – действительно, рационально. А был ли вообще этот разговор?»
- В комнате было тихо, только мерно гудел компьютер. Вдруг где-то этажом выше заплакал ребенок.

Республика Башкортостан

**Лариса
Абдулина**

**Дмитрий
Масленников**

**Татьяна
Набиева**

**Салават
Вахитов**

**Сергей
Янки**

ЛАРИСА АБДУЛЛИНА

ВАТАНЫМ

Усак яккан кеүек уйһыузарза
Күтәрелә томан таузарзан.
Әйтерһең дә, кемдер шул яктарза
Косак-косак утын аузарған,

Усағына утын ташлаган да
Казанында, ана, аш бешә.
Уралымдың төбәгендә, гүйә,
Был көн менән дәүер күрешә.

Әллә ысынлап та боронғолар
Сыкты микән бөгөн йәйләүгә?!
Булыр әле каршы сыккан берәү
Күнел толпарымды бәйләргә.

Тимер атым барып етмәс унда,
Йәйәү етһәм әле бик таман.
Күззәрәмде быуып сал тарихка
Алып китер микән был томан?!

Тик бер мәлгә азашкы ла килә
Урманында ошо төбәктен.
Шул хикмәтле йәмең, Башкортостан,
Дәүер тойомларға өйрәттә.

Бар бит әле Уралымда миңең
Аяк басылмаған шырлыктар.
Шуныһына камил был асылым –
Унда етәлмәгән йыр юктыр.

Төпкөлдәргә барып еткәнгә лә,
Төшөп еткәнгә лә сөңгөлгә
Башкорт йырзарынан сихырланған
Халык бар Йыһанға түгелгән!

...Алыстағы анау таузарзы ла
Йырға әйзәүсә тип атаным.
Һәр мөйөшөң гүзәл бер йыр булып
Һарылгандай йәнгә, Ватаным!

ОТЧИЗНА

Как будто в низине дрова разожгли, –
Туман поднимается с гор.
Охапки, охапки кидают в угли,
Вовсю расходился костёр.

Дымится шурпа в родовом казане,
Обласканном древним огнём...
В виденье сошлись на уральской земле
Преданье с сегодняшним днём.

Почудилось?.. Слышишь, зовёт к тагану
Жайляу заветный мотив.
И рвётся из сердца мой конь к табуну, –
Кто сдержит тот жаркий порыв?

Здесь конь и железный не знает, где брод...
Надеждой себя тороплю...
Туман-ворожей за собою ведёт
На предков седую тропу...

Я в чудном краю заблудиться хочу,
Как жарки признанья уста! –
Сто раз воспеваю я в голос мечту,
И слышится: »Башкортостан!«

Ещё на Урале немало чащоб,
Где птица гнезда не свила.
Но песнь – как стрела окрылённая, чтоб
И там угнездиться смогла. –

И далью, и высью, и глубиью полна,
Вселенских не зная ворот,
Гуляет повсюду привольно она,
А с нею мой певчий народ.

Отчизна, скажи – и расщелины гор
Источат своё мумиё.
Вот так же призывно летит на простор
Дочернее сердце моё!

Перевод Сергея Янаки

ТӨШТӘР

Һинең төшөң ниндәйерәк икән?
 Ә минеке, белһән, бик сәйер.
 Бер һөйләргә ине шуны, бәлки,
 Һинең күңелең дә бөтәйер?..

Һин бер юлсы инең төштәремдә –
 Килеп индең шақып капканы.
 Өндәгеләй, бына өндәгеләй
 Күззәремә тултырып бакканың.

Гүмер буйы көткән Өзәмең
 Һуҙған сакта һыуын шишмәнен,
 Йөрәгемдең ялкындарын һалдым:
 Әллә һиззең, әллә һизмәнен?

Бөтә донъям һине көткән кеүек,
 Көрһөнгәндәй итте һөлгөләр.
 Улар һинең сәфәр озонлоғон
 Кайзан ғына икән белделәр?

Кайзан һиззе ишек тоткаһы ла –
 Аһ иткәндәй кулың қағылғас.
 Карашыңдың нуры һирпеләүзән
 Япрак ярыр төслә күы ағас.

Аяктарың һинең арығандыр,
 Сылғаузарзы үзем сисәйем.
 Сайпылырға тора йөрәктәге,
 Һәр һүземде мең кат үлсәйем.

Һин язурзан кайтып киләһеңдер,
 Нисә быуат икән инеңдә?
 Иренемдең сите-сите менән
 Қағылырзай булам миңеңә.

Мин шундайын һине һағынғанмын,
 Эй, илағым килә косаклап.
 Исәбен дә хәзер юғалттым бит –
 Быуат йәшәйемдер хис һаклап!..

Аркам менән һине тоям кеүек,
 Сәстәремә кулың үрелде.
 Көлөп ебәргәндәй өйөм эсе,
 Сулпыларзың сыңы терелде...

...Һинең төшөң ниндәйерәк икән?
 Был таңым да һинһез атырмы?
 Зарығып та көткән таңһык кешем –
 Минең өсөн тыуған батырмы?

СНЫ

Что наши сны?.. Двойную тайну
 Не уместить в одной судьбе.
 Когда же я скрывать устану
 Мечты и думы о тебе?..

Вот у ворот мой странник вечный. –
 Сон в руку: нет пути назад!..
 Ты думал, вдруг я не замечу
 В твоих глазах свои глаза?

Адам, столетье пролетело, –
 Стою с водою ключевой...
 И как водица не вскипела
 От жара сердца моего?!

Мой мир – твой мир.
 Тыходишь в сенцы.
 Сияет свет в моём окне!..
 В дому вздыхают полотенца –
 Так долго ты спешил ко мне!

И вздрогнула дверная ручка, –
 Твоя ладонь её нашла.
 И луч пронзил над домом тучи,
 И ветвь сухая ожила!

С усталых ног твоих портянки
 Сниму сама я, будто мать.
 Стучит в груди, как у беглянки,
 Боюсь, что слов мне не сдержать.

О скольких битвах плеч сутулость
 Расскажет, о какой войне?..
 Я краем губ чуть не коснулась
 Неброской родинки твоей.

Разлуки нам сполна заплатят
 Высокой – нежности ценой...
 Мне захотелось вдруг заплакать,
 Прильнув к груди твоей щекой.

Едва ты потянулся к косам
 И лаской мой наполнил дом,
 Раздался звон многоголосый –
 Накосник сыпал серебром!..

Что сны твои?.. Где мой избранник, –
 С кем нас сведёт одна судьба?..
 Неужто вновь, мой вечный странник,
 Рассвет настанет без тебя?..

Перевод Сергея Янаки

ДМИТРИЙ МАСЛЕННИКОВ

* * *

Обрастаю я щетиной,
Брей, не брей.
И холодный ветер в спину
Всех Ябрей.
Не согреют сединою
Абрь и Варь.
Воцарится над страной
Месяц Враль.
Только верю, что разбудит
Птицы трель.
Верят в Ай извечно люди,
В Арт и Прель.
И тогда до малой части
Сердца пусть
Юль и Юнь нам дарят счастье,
Веру – Густ...
А потом – опять щетина,
Брей, не брей...
И холодный ветер в спину
От Ябрей....

* * *

Сегодня я, утра не дожидаясь,
За полчаса до зябкого рассвета
Уйду туда, где снег спокойно тает
Под южным ветром...
Не опасаясь россыпей простуды,
Изобличён, изоблачен, исхлѣстан,
Я простою каких-то две минуты
На перекрёстке.
Потом – покой... Посеребрятся тени,
И сам я талой вызвездью опудрен,
Когда назло вчерашним сновиденьям
Увижу утро...

* * *

Нет, я никого не зову за собой,
Я так же, как все, слеп...
Любить – это, муку смешав с мукой,
Лепить из этого хлеб...

* * *

Хлеба чёрного корку
я натру чесноком.
И крупной соли щепотку,
как велось испокон...
Да под такую закуску
всё – живая вода...
Материться по-русски –
это классика... Да...

ТАТЬЯНА НАБИЕВА

* * *

страсть к дорогам и страсть к гитаре:
я б цыганкой пошла по миру,
я б тебе нагадала славу,
я б тебе подарила силу!
придорожная пыль разлуки
надо мной не имеет власти,
я читаю чужие руки
под браслетную песнь запястий.

нежность к полю и нежность к небу:
я бы стала степной кобылицей,
я б летела по первому снегу,
над обрывами и границей!
семь дорог и один перекрёсток,
ночь длинна и тепла кострами,

я в звезду обратилась просто
и согрела тебя мечтами.

изгиб руки
как ветвь деревьев,
волнистый локон, рябь воды,
в жемчужном дивном ожерелье
морской русалкой стала ты.
ночь звёздная, рукоплеская,
качала парусный фрегат,
и ты плыла к нему нагая,
стыда не зная и преград.
манила песней и улыбкой,
собой, тревожа моряка,
ты то ему казалась рыбкой,
то стеблем гибкого цветка.

...и, соблазнившись юной девой,
сын затонувших кораблей
лежал с утра, омытый пеной,
фарфора и шелков
белей...

* * *

листьями тают на синем,
вечном, высоком, сквозном,
длинные руки осины
перед моим окном.

хрупкая голь сухожилий
тычет в безоблачный мыс,

словно прося о силе

тоненькой
веточкой
высь.

САЛАВАТ ВАХИТОВ

ЦЕРТЛИХЕ КЭТХЕН

Она любила орхидеи и ничего не понимала в каланхоэ. Была высока, стройна и грациозна. На юношей, слетавшихся на её красоту, словно дикие шмели, смотрела холодно и надменно. Это сейчас Екатерина Исаевна несколько поникла, красит волосы рыжим, находясь в том прекрасном возрасте, когда мужчинам всё равно, на сколько женщина выглядит, и, склонивши голову над орхидеями, напоминает венерин башмачок – тихий цветок циприпедиум. А Геннадий Фомич всегда был «пигмеем», с самого детства, и даже не заметил момента, когда из любознательного коренастого парнишки превратился в приземистого, обрюзгшего толстяка пенсионного возраста – кабинетного червя, прогрызшего сотни научных томов мировой истории.

Она выращивала фаленопсисы, а он, будучи истым учёным и в глубине души признавая право женщины на самоопределение, удивлялся невероятной безответственности, с которой возлюбленная тратит столько времени на ничего не стоящее, абсолютно бессмысленное занятие. Орхидеи были эгоистичны, горды и холодны. Им полагался особый – королевский – уход. Она купала их раз в неделю в специальном тазике. Поочерёдно. Так заботливая мама купает детей, каковых у Екатерины Исаевны, увы, не случилось. Прозрачные горшки орхидей по бокам имели отверстия, из которых торчали чуть побелевшие корни. Вода сквозь отверстия заливала ёмкость, и корневая система насыщалась влагой. На каждое растение требовалось не менее сорока минут. А поскольку цветов было много, процедура занимала практически целый день. Широкие листья орхидей быстро пылились, и полагалось терпеливо обмывать их мягкой тряпочкой, на что тоже уходило немало времени. Всего этого Геннадий Фомич терпеть не мог. Сам он любил полевые цветы, а из комнатных признавал разве что каланхоэ, да и то исключительно за целебные свойства. Когда-то в детстве мама научила его нарезать толстые, мясистые листья этого растения и отжимать лечебный сок, который при помощи пипетки нужно было закапывать в нос во время насморка. Маленький Гена болел часто, да и во взрослой жизни не отличался могучим здоровьем, поэтому без каланхоэ обходиться не мог.

И только одно сближало Пигмея и Катю: их любимые растения – и орхидеи, и каланхоэ – цвели в любое время года. Правда, для цветения каланхоэ требовался ещё и специальный колпак, который ограждал бы его от излишков солнечного света. Он назывался защитным, и считалось, что колпак бережёт растение, нуждающееся в покое не менее шестнадцати часов в сутки. Люди, увы, часто дают предметам и явлениям неверные наименования, для того чтобы скрыть от непосвящённых истинный смысл происходящего. На самом деле колпак ничего не защищал, а угнетал растение, замедляя жизненные процессы. И тогда включались природные механизмы, позволявшие цветку копить силы за счёт внутренних резервов и образовывать бутоны, которые однажды взрывались и вспыхивали ослепительно яркими красками, доставляя восторг и удовольствие праздным наблюдателям. Это, как говорится, нюансы, но защитный колпак всё же был нужен.

* * *

Бывает ли у вас такое ощущение, что вот именно сегодня, сейчас, должно произойти нечто важное, о чём вы и не догадываетесь – лишь смутное предчувствие вызывает сладкое, чуть тревожное состояние, и оно мучит неопределённостью? Бывает? Вот и Геннадий Фомич Капитонов испытывал похожее состояние. Сердце его стучало: что-то непременно должно случиться, произойти – такое, что изменит, наконец, его порядком поднадоевшую, монотонную, серую жизнь.

Капитонов брёл в обычной для себя задумчивости по тесным улочкам Марбурга, куда приехал по приглашению Филиппс-университета для выступления с докладом по истории России. Он не боялся заблудиться, поскольку заранее прогуглил маршрут и много раз прошёлся по нему виртуально. Он узнавал дома и вывески на них, по которым легко ориентироваться: для начала нужно добратся до главной достопримечательности города, до Элизабеткирхе, а затем по Дойчхаусштрассе выйти на улицу Иоганнеса-Мюллера и по ней уже неторопливо двинуться к университетскому корпусу.

Капитонова, коренастого, широкоплечего мужчину, за низкий рост студенты прозвали Пигмеем. Он на них не обижался и только посмеивался, когда злобная кличка ударяла в спину, брошенная в отместку за «неуд» раздосадованным лодырем. И даже сам в кругу коллег озорно, совершенно по-молодёжному, представлялся как Геннадий «Пигмей» Капитонов. Волосы ёжиком, оттопыренные уши и одуловатые щёки не делали из него красавца, но насчёт внешности он никогда не комплексовал: научная и учебная работа на факультете поглощали его полностью, и на глупости не оставалось времени. Впрочем, одну глупость он всё-таки совершил однажды. Ещё в молодости, когда влюбился в однокурсницу и сделал ей предложение, после чего прожил с ней почти два года во вполне счастливом, как ему казалось, браке. Жена бросила его, уйдя к

другому, – состоявшемуся, успешному инженеру-конструктору. Другой умер через полгода – несчастный случай, а может, коварная Немезида отомстила за разбитое сердце Капитонова. С тех пор женщина жила одиноко. Чувства Пигмея ещё не успели остыть, и он предложил было Катьюшеньке сойтись, но она напрочь отвергла его притязания. И только когда ей стукнуло далеко за сорок и мечты дожидаться принца на белом коне растворились, подобно утреннему туману, разрешила бывшему изредка – раз в месяц – навещать её.

Капитонов думал о том, что его поездка в Филиппс-университет, возможно, станет новой страницей в судьбе, в которой найдётся место признанию многолетних трудов. Этого признания он и ждал, и боялся. Боялся потому, что привык жить тихой, незаметной жизнью, далёкой от публичной суеты. Но успех сейчас, как никогда, был необходим Геннадию Фомичу: возможно, известность придала бы ему значимость в глазах Екатерины Исаевны, на благосклонность которой он продолжал рассчитывать. И вот сегодня должна была случиться та точка невозврата – некий Рубикон, который необходимо перейти или навеки покрыть себя позором.

* * *

Марбург был молчалив и обдавал холодным ветром с гор – город-сказка с красными черепичными крышами, дарующими прохожим покой и безмятежность, со знаменитыми лестницами улиц, манящими близким счастьем. Тут жил Мартин Лютер, там – братья Гримм, здесь Ломоносов обрёл свою первую любовь... В отличие от родной Уфы, город был насквозь пропитан историей, а отсутствие привычного для жителя современного мегаполиса сплошного автомобильного гула способствовало философствованиям неспешно прогуливающегося Капитонова.

Облака низко плыли над городом – белые густые и чуть потемневшие, которые можно было бы назвать и тучами. Глядя на них, Геннадий Фомич вдруг вспомнил, как отвергли здесь его любимого поэта. Он вздрагивал, загорался и гас оттого, что и сам был когда-то жестоко отвергнут, и давняя боль, словно застарелый ревматизм перед дождём, не давала ему покоя.

У ярмарки, на лёгкой скамейке, словно парящей над плитняком, примостилась парочка: высокий русоволосый парень привлек к себе девушку, и они радуются непонятно чему. Им всё равно, о чём говорить и где находиться, – лишь бы быть вместе. Такое сейчас время в их жизни – беззаботно-счастливое, которому можно позавидовать, вспомнив и свою молодость. Они, конечно, совсем не похожи на юных Генку и Катю, но парень, вроде как славянской наружности, зато его подруга, несомненно, чистокровная немка.

А на другой скамейке – девчушка в полосатой футболке. Она уткнулась свой айфон и тычет в него пальчиком. На улице не жарко, и девушка кутается в пёструю вязаную кофточку. Возможно, кого-то ждёт – того, кто нарушит её обрыдлое одиночество.

В душе Капитонов всегда был поэтом и любил сравнения. «Человек научился мыслить, когда научился сравнивать, – не переставал повторять он своим студентам. – Начните сравнивать – и вы начнёте постигать мир». Вот и сейчас, когда он медленно брёл к университету, Капитонов искал красивую метафору, которую можно было бы швырнуть в аудиторию – небрежно и неожиданно, да так, что та на мгновение обалдеет, а потом вспыхнет восхищёнными взглядами и ворвётся горячим теплом в его мятущуюся душу.

Да, Капитонов не то чтобы предчувствовал, он знал, что сегодня должно случиться нечто такое, что навсегда изменит его судьбу, а потому проигрывать было нельзя.

* * *

– История России – это подъём вверх по винтовой лестнице, – начал Капитонов свою заветную лекцию, вглядываясь в любопытные лица разномастной аудитории. – Вы когда-нибудь взбирались на марбургскую башню Бисмарка, чтобы обозреть окрестности города? Чтобы разжечь огонь во славу Германии? Думаю, что нет, поскольку башня давно закрыта для посещения. А Россия всё ещё поднимается по ступенькам вдоль стен из красного песчаника, надеясь в скором времени выбраться на смотровую площадку и оглядеть бескрайние просторы. При этом она нарезает круги: вроде бы, повторяющиеся из века в век движения, – но каждый виток неуклонно влечёт вверх. История любит повторы. Посудите сами. В начале XIX века царедворцам становится очевидным, что Павел I больше не способен управлять страной, – и его убивают. Константин отрекается от власти, приходит Александр I – и ему выпадает честь спасти государство от французского нашествия. А далее следует реакция в лице Николая I и подавление всяческого свободолюбия, что в конечном итоге вызывает невероятный подъём культуры, и Россия процветает до конца столетия. В XX веке происходят подобные же процессы: Николай II не способен управлять страной и отрекается от власти; Ленин разрушает старое государство, провозглашает диктатуру пролетариата, а Сталин возрождает страну из руин второй мировой войны; Хрущёв проводит реформы, и во времена

Брежнев народ живёт в стабильном коммунистическом обществе, пока слабый Горбачёв не сдаёт страну; Ельцин её окончательно разрушает. А что в XXI веке? В XXI веке начинается новый виток: Путин укрепляет государственность, и уже ему суждено закручивать гайки, а далее нас ждёт период подъёма и расцвета, последуют новые Хрущёвы и Брежневы. Как долго мы будем развиваться по данному сценарию, никому не известно. Но факт остаётся фактом: он действует.

Худощавый переводчик в сером, заметно не свежем джемпере сухо и монотонно переводил речь на немецкий, и Капитонов никак не мог уловить ответной реакции зала. Аудитория внимала бесстрастно, и, не привыкший к такому, Геннадий Фомич сбился, но всё же попытался перебороть смущение.

– Народы, населяющие Землю, настолько отличаются друг от друга, что я сравниваю их с цветами, – продолжал Капитонов. – Одни – капризные и нежные, словно комнатные орхидеи, и готовы погибнуть при первых же неблагоприятных условиях, для других же, как для каланхоэ, требуется некоторый длительный период угнетения, для того чтобы они могли накопить силы и дать целительные соки формирующимся бутонам. Не так ли и Германия с Россией каждый раз после очередного унижения со стороны ближних и дальних соседей неожиданно расцветают яркими красками и вступают в период бурного плодотворного развития.

Этот тезис казался Капитонову столь очевидным, что он ждал от слушателей если не восторга, то понимания во взглядах, но его, увы, не последовало. Более того, по залу прошёл настороженный гул, а кое-где раздались и недовольные похмыкивания.

Толмач продолжал монотонить, и речь его была столь длинна, что невольно возникали, успевают ли он за оратором, не добавляет ли собственных комментариев. Капитонов обернулся к переводчику и отметил, что тот намного выше него, потом представил себе, как они смотрятся вместе из зала, и вдруг почувствовал себя пигмеем африканского племени, в умственные способности которого представители развитой цивилизации не очень-то и верят, а потому не могут воспринимать серьёзно его философские потуги.

– Современная история России напоминает мне конец XIX – начало XX века, – произнёс Капитонов больше для себя, чем для публики. – Та же страна, раздираемая в клочья стервятниками и падальщиками, причём как изнутри, так и снаружи, те же люди, в природе которых почти ничего не изменилось. Меняются лишь методы, способы и приёмы доминирования одних рас, народов или даже отдельных особей над другими. Но принцип остаётся тем же: старое устройство государства заменяется новым, стариков отправляют на пенсию, и процесс этот не может проходить безболезненно. Когда растения ослабевают, их подкармливают, бывает, что меняют почву. Или ещё скрещивают друг с другом, пытаюсь привить новому цветку полезные свойства других видов. Многие политики, в том числе и Бисмарк, считали важными крепкие экономические отношения Германии с Россией. Враги же всегда боялись единения наших государств, поскольку...

Шум в аудитории усиливался, становилось понятно, что лекция не только не вызывает интереса, но и раздражает публику. Действительно, кому нужны разглагольствования безывестного историка из провинциального вуза? Подобного бреда полным-полно и в Интернете. К чему эта публицистика вместо серьёзного исследования? Безжалостный критик, крепко сидевший внутри Капитонова, спутал его мысли и отбил желание говорить в пустоту. Геннадий Фомич всё же нашёл в себе мужество поблагодарить зал за внимание и под неодобрительный гул покинул помещение совершенно расстроенным.

* * *

Капитонов неторопливо пьянел в мрачной пивнушке у Старого ботанического сада. Сюда его затащил Вальтер, его новый приятель. С ним они познакомились накануне: войдя в общежитскую комнату, которую ему определили для проживания, Капитонов вдруг заметил, что в ней уже расположился один из участников форума, и, несколько сконфузившись, попытался на ломаном немецком объяснить, что он тоже будет жить здесь же. Поблётший от времени немец с редкими клочками волос на висках внимательно выслушал Геннадия Фомича, а потом спросил:

– Ты что, русский?

– Да... – растерялся Капитонов. – Ты тоже говоришь по-русски?

– Конечно, – сказал тот, – я в школе учил.

– И я зубрил когда-то немецкий, но говорить так и не научился.

Немец в ответ протянул руку:

– Вальтер. Я – Вальтер, – сказал с расстановкой, – тот, кто управляет людьми.

– Психолог?

– Нет, биолог.

– А Вальтер – это имя или фамилия?

– И то и другое, можешь звать меня Вальтер Вальтерович, – он расхохотался.

– Что ты делаешь на конференции историков?
– История – это хобби. Люблю читать исторические книжки, – он улыбнулся, и Капитонов не почувствовал лукавства в ответе, напротив, на лице Вальтера читались открытость и дружелюбие.

Сейчас в полутёмной пивнушке Капитонов стыдился смотреть в глаза приятелю из-за провального выступления и тоскливо разглядывал стены и расположенный посреди бара блестящий никелированный макет пивного производства, в котором сверкающая серебристая бочка с краниками занимала центральную позицию.

Пили мутное местное пиво. Вальтер и не пытался успокаивать Капитонова, а методично анализировал неудачное выступление.

– Ты пойми, – говорил он, – в свободной Европе нельзя оправдывать тиранию в виде диктатуры или цензуры. Нет ничего удивительного в том, что твоя речь была интерпретирована как апологетика агрессивной путинской политики, более того, многие уловили в ней критику западных ценностей. Разве ты не привык к тому, что ум слушателей ленив, а потому на новые мысли обычно навешиваются старые ярлыки. Мне, например, абсолютно понятны твои послылы, они остроумны, тебе не откажешь в наблюдательности, но ты оставил в стороне и не пояснил факты, на которых строились рассуждения; сам процесс анализа, являющийся доказательной базой гипотезы, оказался размыт и не понятен публике. Ты б ещё, как Эрдоган, привел Германию времён нацизма в качестве эффективной модели правления. Никогда не сомневайся: если твои слова могут быть неправильно поняты, то смысл их наверняка будет исковеркан.

– Стыдно... – промычал Капитонов.

– Стыдного ничего нет, – возразил Вальтер. – Выступление было достойным, неприятие его объясняется лишь неординарной, образной манерой речи. Понимаешь меня? Слушателей надо было предварительно подготовить, а не ошарашивать их тем, что тебе, в силу многолетнего осмысления, кажется само собой разумеющимся.

– И как теперь быть?

– Анализируй и делай выводы. Не стоит укорять себя, тем более жалеть: жизнь коротка и стремительна, а потому совсем нет времени для того, чтобы быть несчастным. Твоё выступление искренне. Результаты исследования заслуживают уважения. Сравнения бесподобны! Только почему ты не полез дальше – вглубь истории. Подозреваю, что сопоставления, скажем, с XVII веком, были бы не менее убедительными. Всё же готов биться об заклад, что в ближайшие дни ты получишь признание, и вот тогда берегись: успех – непростое испытание для пигмея. – Вальтер хитро подмигнул, и Капитонов улыбнулся – впервые за вечер.

– Я предлагаю тебе игру, – продолжал Вальтер. – Это своеобразный психологический трюк для снятия блоков. Всякий раз, когда ты будешь испытывать трудности и дискомфорт, ты можешь запросить у меня совет эсэмэшкой, и помощь обязательно придёт.

– О! Да ты желаешь контролировать меня?

– Можно сказать и так. Я тот, кто обладает властью над тобой, ведь немецкое «Вальтер» и русское «Владимир» имеют общие корни. У меня есть одно условие.

– Выполнимое?

– Вполне. Ты вправе лишь трижды запрашивать помощь, дальше придётся действовать самостоятельно, поэтому старайся не тратить эсэмэски по пустякам, используй их только тогда, когда это действительно целесообразно.

– Что ты мне ещё посоветуешь, историк-любитель?

– Изучать биологию. Я тебе расскажу об орхидеях. Здесь неподалёку есть цветочный салон, единственный такой в Европе, там представлено изрядное количество разновидностей этого растения, в основном, конечно, окультуренных. Допивай своё пиво, мы идём туда.

* * *

Они выбрались на улицу: сумерки уже легли на город и принесли с собой прохладу. Стало зябко и неуютно среди каменных стен чужих домов, неодобрительно поглядывавших светящимися окнами на подвыпившего Капитонова. Магазин находился всего в двух кварталах. По пути Геннадий Фомич, чуть разомлевший от марбургского пива и несколько отвлекшийся от переживаний, связанных с выступлением, переключился на бывшую супругу:

– Как можно тратить столько времени на эгоистичные цветы? Ведь они только и требуют, чтобы ими любовались, чтобы за ними ухаживали, чтобы их холили. Я ей говорю: твои орхидеи как разноцветные оригами, они совершенно без аромата и выглядят искусственно, а порой ужасают, поскольку их голые стебли напоминают тянущиеся из земли щупальца невидимого чудовища или лапы мёртвого паука.

– Ты спрашиваешь, можно ли уделять столько времени орхидеям? – улыбнулся Вальтер, открывая дверь и пропуская вперёд Капитонова. – Лично я посвятил им всю жизнь.

Капитонов вошёл в салон – и остолбенел на мгновение от увиденного, и даже зажмурился: славный ботаник завёл его в волшебный тропических сад, и нельзя было не растеряться, не испытать удивления среди сонма огромных экзотических бабочек самых немыслимых окрасок. Конечно, это были соцветия орхидей, и казалось, что все они развернулись к вошедшему Капитонову, и в их ярких удивлённых глазах читался вопрос: а что делает ничтожный пигмей в нашем сокровенном фантастическом мире?

Вальтер, довольный произведённым впечатлением, делился одному ему известными сведениями о редких орхидеях, но Капитонова захлестнули собственные мысли, а потому он слушал приятеля невнимательно. Он думал, почему же из всего разнообразия растительного мира Екатерина Исаевна выбрала именно орхидеи. Ведь вон сколько их в одном только, отдельно взятом магазине. Капитонов обводил взглядом полки, и в его подсознании одно за другим вспыхивали названия, сообщаемые ему Вальтером: оранжево-красная ада из горных дождевых тропических лесов Южной Америки; ветвящаяся акампта с ароматными желтовато-зелёными цветками; белоснежные ангрекумы с двурядно расположенными ремневидными листьями; восково-жёлтые ангулоа; капризная изысканная африканская анзеллия; лиловые початки ямайского арпофиллума; тростниковоподобная ярко-розовая арундина; желтовато-зелёная брассия с удлинёнными лепестками, покрытыми многочисленными тёмными бородавками; шарообразная сине-голубая ванда; широкогубая галеандра; арочная бразильская гомеза; жёлто-коричневая мексиканская гонгора; фиолетово-бело-жёлтые соцветия дендробиума нобиле; готическая чёрная дракула; пышные метёлки каланты; яркая пёстрая компареттия из высокогорных тропических лесов Анд; похожий на раскрытый веер кохлеантес из Коста-Рики; пурпурная, с оранжево-красной губой бразильская лелия; бархатистая лудизия с серебристыми волокнами листьев; длиннолистная крылатая мильтония из дождливых низин Бразилии; сердцевидный одонтогоссум; царица цветов – тигровая орхидея с хищным полосатым комуфляжем; пёстролистный, с серебряным покрытием филиппинский фаленопсис Шиллера; ладьеподобный гималайский цимбидиум...

Две девушки-продавщицы недвижно и бесстрастно наблюдали за посетителями, и им не было никакого дела до переживаний какого-то Капитонова, а тот, растерявшийся среди экзотического великолепия, вдруг упустил из виду Вальтера, который неожиданно исчез, растворился, словно волшебник, исполнивший своё предназначение. Капитонов потихоньку пришёл в себя и отправил ему эсэмэску: «Ты где?». «Посмотри в левом углу на подоконнике», – последовал ответ. Вальтер – на подоконнике? Капитонов прошёл к дальнему окну и тут заметил скромное невзрачное растение с мелкими мясистыми листьями, притаившееся за прозрачными горшками тропических фурий. Его удивили небольшие махровые соцветья розовых сердечек – такого чуда прежде он нигде не видел. Капитонова глубоко впечатлило, что они казались одинокими и абсолютно не ввязались с изысканным благолепием сада, – такие же, как и он, пигмеи, но с тонкими мятущими душами. Через мгновение Капитонов осознал, что перед ним, конечно же, каланхоэ, но всё же решил уточнить у продавщицы.

- Как называется этот цветок? – спросил он по-немецки.
- Цертлихе Кэтхен, – ответила та.

Какое необычное название! Капитонов такого никогда не слышал.

- Напишите мне это имя на листочке, – попросил он, боясь забыть.

Он решил непременно приобрести необычный цветок, и тогда у него будет друг, о котором можно заботиться. Но надо сказать, что Капитонов совсем не был эгоистом и любил делиться радостью с близкими, поэтому он сразу же вспомнил о своей женщине и решил, что подарит цветок именно ей, и даже представил, как глаза Екатерины Исаевны засветятся давно забытым счастьем. Да, конечно же, он подарит ей Цертлихе Кэтхен как кусочек любящего сердца, думал Капитонов, возвращаясь в общежитие с нежно укутанным от вечерней прохлады каланхоэ. Он чувствовал: что-то должно произойти, случиться – такое, что кардинально изменит его судьбу, а потому следовало непременно ехать, срочно ехать домой!

* * *

Капитонов нервничал, но беспокойства старался не выказывать, поскольку напротив него сидела дама – пышноволосяя блондинка в строгой офисной блузке, которая, по представлениям Геннадия Фомича, совсем не сочеталась с узкой бежевой юбкой, едва прикрывавшей длинные загорелые ноги. Дама была светла, свежа и любопытна. Капитонов давно испытывал её изучающие взгляды, но стеснялся заговорить с ней, комплексую по поводу своего далеко не совершенного немецкого.

Поезд, которому давно уже следовало быть в Берлине, прочно встал перед Потсдамом и стоял недвижно, опровергая слухи о немецкой пунктуальности. Проводница объявила, что впереди случилась авария и что самое лучшее сейчас – это терпеливо ждать, пока её устранят, а чтобы хоть как-то утешить пассажиров, раздала положенные в таких случаях квитанции – по ним мож-

но будет получить компенсацию на берлинском вокзале. Но это никак не могло утешить Капитонова: он безнадежно опаздывал на московский поезд, на который должен был пересесть в Берлине, и самым противным было то, что денег на новый билет у него не было.

– Und was soll ich jetzt machen? – рискнул он заговорить с проводницей, показывая билет до Москвы.

Та только покачала головой и выдала тираду, смысла которой он не понял, но по интонации догадался, что она ничем помочь не может.

Яркое солнце врвалось в вагон сквозь широкие окна, и было душно, поскольку какое-либо движение воздуха напрочь отсутствовало. Капитонов забеспокоился о каланхоэ, упакованном в пакет, его давно уже надо было освободить из плена и срочно полить. Он выставил цветок с бархатистыми розовыми сердечками-соцветиями на столик, чем привлёк внимание скучавших пассажиров. Те немедленно заулыбались и закивали ему как старому знакомому и даже выказали сочувствие по поводу его непростой ситуации. Капитонов дружелюбно кивнул им в ответ и отправился за водой в соседний вагон, где имелся буфет. По пути он достал из кармана телефон и отправил эсэмэску Вальтеру: «Что делать?». Ответ пришёл незамедлительно: «Ищи женщину!» Вальтер, конечно, издевался. Капитонов взял чашечку кофе и, пристроившись у стойки бара, решил как следует проанализировать положение, когда в буфет вошла его соседка по купе. Он усмехнулся: «А вот и женщина! Чё её искать-то?»

Она тоже взяла себе кофе, но не подошла к Капитонову, а встала чуть поодаль. Так они и стояли, отхлёбывая горячий напиток и тайком поглядывая друг на друга. Лицо ничем не примечательное, но что-то в ней импонировало, и Капитонов осознал, что между ними установилась зыбкая, ни к чему не обязывающая связь, позволяющая находиться какое-то время рядом. На фоне рослой девушки он вновь ощутил свою пигмейскую неуклюжесть, почувствовал нелепо оттопыренные уши, дряблые щетинистые щёки – и даже покраснел от смущения.

Поезд, наконец, тронулся, вагон качнуло, и они вздрогнули от неожиданности; переглянувшись, улыбнулись друг другу, а потом снова молча сидели в купе до самого Берлина.

Выйдя на перрон, Капитонов растерялся, не зная, что делать.

– Иди за мной, – сказала, догоняя его, блондинка. И голос её был ангельски сладок.

Капитонов заспешил вслед и прямо в спину спросил:

– А тебя как зовут?

Она обернулась и, улыбнувшись, ответила: – Александра!

– Ух ты! Какое приятное имя. А я – Геннадий.

У касс образовалась очередь, но Александра пробилась к окошку и что-то быстро-быстро сообщила кассиру. Толпа возмутилась бесцеремонностью русского, резкие враждебные взгляды придавили Капитонова к стене у кассы, и он съёжился, не зная, куда спрятаться. Однако в эту минуту кассир цыкнула на очередь, и люди смирились, приняв Геннадия Фомича за вип-персону, – все равно придётся ждать, пока его проблема не разрешится. Капитонову сделали отметку в билете и срочно направили к администратору, нетерпеливая толпа оттеснила его от касс, и он оказался разлучённым с попутчицей, едва успев махнуть ей рукой в знак благодарности. Администратор спешно выписал новые проездные документы и стал быстро объяснять, что делать далее. Стремительный как горная река поток чужих фраз обрушился на Капитонова. В другой ситуации он, наверняка бы, ничего не понял, но сейчас, находясь в стрессе, отчётливо различал несущиеся в него слова, которые без всякого перевода складывались в ожидаемый смысл: нужно бежать на четвёртую платформу, откуда вот-вот тронется состав до Варшавы, в Варшаве он нагонит московский поезд и переседет на него.

Геннадий Фомич заспешил на посадку. И напрасно он искал глазами длинноногую Александру: увы, девушка исчезла. «Так поступают ангелы, когда их миссия выполнена», – подумал он.

* * *

В варшавском поезде переживания не оставляли Капитонова, но его спасала Цертлихе Кэтхен, о которой он не переставал заботиться. Время от времени он заглядывал в пакет, где она уютно устроилась, любовался нежными лепестками розовых бархатистых цветков и улыбался сладостным мыслям, предвкушая удивление в глазах Екатерины Исаевны.

Улыбнулся он и полицейским, проверявшим паспорта на польской границе. Было понятно, что сейчас последуют вопросы и Капитонову придётся объяснять, почему он едет не в том поезде, но стражи порядка, видимо, и сами смекнули что к чему, поэтому лишь перекинулись между собой парой фраз и прошли дальше по вагону.

Когда состав начал подходить к Варшаве, Капитонов заспешил в тамбур, надеясь первым выскочить из вагона, поскольку до отправления московского поезда оставалось не более пяти минут, но в тамбуре перед дверьми уже стоял парень – молодой поляк, высокий и светловолосый, как Александра.

– Вы говорите по-русски? – обратился к нему Капитонов.

Тот кивнул.

– Вы поможете мне, – сейчас отходит мой московский поезд, а я совсем не ориентируюсь на варшавском вокзале, боюсь опоздать?

И тот кивнул ещё раз.

Они выскочили из вагона. «Стойте здесь и никуда не уходите, я сейчас всё узнаю», – сказал парень и побежал на вокзал выяснять, где московский поезд. Тут же вернулся, и они вместе побежали на нужную платформу. «Лишь бы состав задержали», – несло в голове у Капитонова, поскольку по времени тот давно уже должен был отправиться. К счастью, поезд будто ждал опаздывавшего, и едва Геннадий Фомич заскочил в вагон, тронулся. Капитонов даже не успел поблагодарить своего спасителя, лишь крикнул:

– Как тебя зовут?

– Ян, – донеслось в ответ.

«Эх, если б я был таким же высоким, как Ян, Катя бы меня не бросила», – подумал Капитонов.

* * *

Он вошёл в купе совершенно счастливым и первое, что сделал, – это выставил на небольшой столик Цертлихе Кэтхен.

Вместе с ним в купе ехали ещё двое – мужчины лет тридцати, они с интересом поглядывали на Капитонова и его цветок.

– Ребята, вы кто? – спросил Капитонов.

– Мы? – удивился один странному началу знакомства, но милостиво ответил: – Мы переводчики.

– Переводчики, коньяку будете?

– Не, мы не пьём, – ответил второй.

– Если б вы знали, как мы вас догоняли, вы бы выпили, – погрустнел Капитонов.

– А кто это «мы»?

– Я и Цертлихе Кэтхен.

– Кэтхен? – первый оглядел внимательно цветок. – За Кэтхен, пожалуй, и выпьем.

Новые знакомые неторопливо беседовали, потихоньку потягивая коньяк, говорили в основном о впечатлениях, полученных в Германии, и так мирно достигли очередной границы. Поезд встал, и по вагонам пошла таможня.

В купе ворвалась краснощёкая тётушка в форме и устала на Цертлихе Кэтхен.

– Цветок, – спросила, – чей?

– Мой, – ответил задремавший было Капитонов.

– За провоз через границу требуется пошлина. Или платите, или выбрасывайте.

– Большая пошлина-то?

– Нормальная, – она назвала сумму.

Капитонов pokruxтел, прикидывая, что если экономить и больше ничего себе в дороге не позволять, то на остающиеся деньги можно как-то дотянуть до своего уфимского пристанища. И достал кошелёк.

– Эх, – сказал один из собутельников, когда таможня удалилась, – я ведь знал о карантине растений, не догадался предупредить.

Капитонов не ответил, он спал до самой Москвы.

* * *

Вернувшись в Уфу, он первым делом занялся своей новой страстью: пересадил Цертлихе Кэтхен в специально купленный глиняный горшок, протёр влажной тряпочкой каждый листочек, полил отстоянной тёплой водой – в общем, нянчился с цветком как с ребёнком и при этом представлял, как подарит эдакое чудо Екатерине Исаевне, и как та обрадуется, и как они вместе будут любоваться необычными махровыми соцветиями.

Вечером, бережно держа обеими руками заветное сокровище, торжественной походкой он направился к дому бывшей супруги, гибким воином африканского племени влетел по ступенькам на четвёртый этаж и, задохнувшись, застыл перед дверью в предвкушении если не восторгов, то тихой радости. В этот момент он заробел совершенно по-детски и долго не решался постучать. Возникли сомнения. Как никогда был нужен совет настоящего друга, и тогда Геннадий Фомич отправил эсмэску Вальтеру. «Просто постучи в дверь», – был ответ. К ответу ещё прилагались интернетовские ссылки, но он решил открыть их позже. Сжал пальцы в кулак, медленно согнул руку в локте и стукнул в дверь три раза – не сильно, но уверенно.

Дверь открыл незнакомый мужчина, и сердце Капитонова сжалось от боли, в глазах потемнело, голова закружилась, и он сдавленно произнёс:

– А Катя дома?

– Ты что, спятил? – женщина смотрела на него в недоумении.

Капитонов встряхнул головой, пытаясь освободиться от наваждения:

– Извини, Катюш, плохое померещилось...

Та покачала головой и впустила Геннадия Фомича в комнату.

Он осторожно развернул упаковку и улыбнулся смущённо.

– Вот, Катюш, это тебе!

И женщина улыбнулась в ответ, и засветилась розовым заревом при виде махровых сердечек, и даже поцеловала Капитонова в щёку. Он растрогался.

– Тебе нравится?

– Да, замечательный каланхоэ.

Капитонов обиделся: она разбиралась в орхидеях и ничего не понимала в...

– Это не совсем каланхоэ, это Цертлихе Кэтхен, специально для тебя привёз из Германии.

– У них, возможно, и Кэтхен, – ответила женщина, – а у нас... Впрочем, не важно. Дорог не подарок, а внимание.

Капитонова опять покорило, но он промолчал. Как водится, по-стариковски выпили чаю, а потом, уже уходя, Геннадий Фомич спросил:

– Можно, я буду приходить почаще, вы – единственное, что у меня есть, – ты и Цертлихе Кэтхен.

Женщина пожала плечами.

– Конечно, приходи, я вижу, ты не равнодушен к одной из нас.

И снова улыбнулась. Её улыбка показалась Капитонову неожиданно нежной и ласковой. И он подумал, что, возможно, наконец-то обретёт долгожданное счастье. По крайней мере, в этот момент в его душе царили гармония и спокойствие.

* * *

А на следующее утро бодрый и свежий Капитонов летел на работу. Нет, конечно, не летел, а ехал на обычном городском пазике. За тридцать пять лет, что проработал в вузе, он научился безошибочно, не глядя на таблички номеров, определять автобусы своего маршрута. Эта способность проявилась у него давно, ещё в молодости.

Однажды ранним утром, когда февральская метель, словно в гигантском миксере, смешивала снежные хлопья с морозной темью, и в этом круговороте ничего нельзя было разглядеть, Капитонов интуитивно почувствовал, что автобус, подкагывающий к остановке, его – не тот, что проследовал чуть раньше, и не тот, что выруливал из-за поворота, а именно этот, – и он сел в него, не глядя на номер маршрута. И интуиция не подвела Геннадия Фомича. В следующий раз он уже намеренно не смотрел на номера автобусов, угадывая свой из множества других. Это стало своеобразной игрой, вошедшей потом в привычку: Капитонов безошибочно садился в нужный автобус, и многолетний опыт ни разу не подвёл его.

Капитонов ехал на работу и предвкушал радостную встречу с коллегами, обдумывая, как он будет рассказывать о поездке, о выступлении в Филиппс-уни, о ярких знакомствах с известными немецкими учёными, о незабываемых экскурсиях по Марбургу и, конечно же, не преминет сказать о Цертлихе Кэтхен – о маленьком чуде, вдохновившем его, неожиданно вернувшем надежду на счастливую семейную жизнь.

Как это часто бывает, реальность не всегда совпадает с мечтами. Действительность коварна. На факультете студенты, казалось, не замечали Капитонова, спешили мимо. И на кафедре коллеги встретили не особо радостно, даже отводили глаза, словно стыдясь чего-то нехорошего. На душе Капитонова стало тревожно, он почувствовал: что-то должно случиться. Так бывает, что неизвестность пугает, особенно, если не знаешь, чего ждать.

– У нас всё нормально? – спросил он у ассистентки Любочки, но она не успела ответить.

В дверях появился Дмитрий Анатольевич, заведующий кафедрой, один из его лучших учеников – в свои сорок уже доктор и профессор, нагловатый и независимый, с дурацкой привычкой жевать жвачку, которую не выплёвывает даже при разговоре.

– Геннадий Фомич, зайдите ко мне. – Голос заведующего был жёсток, сух и резок: не попросил, а потребовал.

Присели за стол друг против друга. Помолчали. Когда напряжённое ожидание стало для Капитонова невыносимым, он не выдержал:

– Что происходит, Дима...

– Дмитрий Анатольевич, пожалуйста! – перебил заведующий, продолжая интенсивно жевать.

Капитонов вздохнул:

– Что случилось, Дмитрий Анатольевич? Я же чувствую: что-то не так.

Заведующий заговорил, глядя куда-то в стол, нервно вертя в руках дорогой паркер:

– Вы же знаете, Геннадий Фомич, что в связи с кризисом вуз недофинансируется, и администрация вынуждена предпринимать меры по оптимизации штата сотрудников. Поэтому пенсионеры – а вы у нас пенсионного возраста – подлежат сокращению, и контракт с ними не продлевается.

Помедлив немного, утешил:

– Зато скоро вам не нужно будет платить за капремонт, указ такой готовится, специально для стариков.

Капитонов ожидал чего угодно, только не этого. Словно всё было сказано другому человеку, не ему и не про него. Он смотрел в широкое лицо жующего заведующего и ничего не понимал, да и не хотел ничего понимать: он, проработавший в вузе, на факультете, всю свою сознательную жизнь, абсолютно не представлял себя вне кафедры. Как? Он не сможет больше войти в аудиторию, не услышит колкое, но ставшее давно родным и приятным «пигмей», произнесённое полущёпотом растерявшимся студентом, которого вдруг застанет врасплох каверзным вопросом? То есть всего этого больше никогда не будет?

Его судьба была решена цинично и без его участия. Горечь перехватила дыхание, и в голове поплыли смутные картинки: укоризненно качающая головой Катя, хищные щупальцы орхидей, сумрачно жующий Дмитрий Анатольевич и хохочущий Вальтер... Лишь образ Цертлихе Кэтхен вернул его к реальности, жестокость которой следовало ещё осознать.

* * *

Смеркалось. Капитонов понуро брёл на остановку. Холодный ветер бил в лицо мелкими каплями дождя, и они собирались на краешках глаз предательскими слезинками. Было слякотно и мерзко. Подошёл знакомый пазик, Капитонов влез в него с трудом, представив себя со стороны стариком-пенсией. В автобусе ему уступили место у окна, и он попытался отключиться от привычной возни и суеты пассажиров: как всегда, кто-то громко говорил по телефону, кто-то ругался с кондуктором, кто-то отрешённо мычал пьяную песню.

Капитонов ехал и рассуждал о том, насколько был прав Вальтер. Как можно было историку не заметить, что в стране разгул дикости и жестокости XVII века? Не заметить и не быть готовым к ударам судьбы? Вся его жизнь прошла в кабинете да в аудитории, не считая ежедневных поездок по одному и тому же маршруту. Он, словно каланхоэ, был закрыт от реального мира защитным колпаком, только колпак этот забыли убрать, и Капитонов тихо «сгорел» на работе, так и не успев расцвести и раскрыться в своих талантах.

«Семнадцатый век...» – задумчиво проговорил Капитонов и вывел пальцем на запотевшем стекле римскую цифру «XVII».

– Вот те раз! – картинно всплеснула руками подкрававшаяся сзади кондукторша. – Интеллигентный с виду мужчина, а неприличное слово написал.

– А ещё и в галстук! – вдруг завизжала она.

Это не буквы, а римская цифра «XVII», – хотел было возразить Капитонов, но тут увидел за окнами незнакомую местность, – чужие дома, чужой город и понял, что автобус идёт совсем по другому маршруту. Неужели впервые за многие годы он ошибся и уехал совсем в другую сторону?

– Да ведь уже неделя, как в городе изменили маршрут, – совсем разозлилась кондукторша.

Капитонов выхватил из кармана мобильник и отправил Вальтеру эсэмэску. Ответа, разумеется, не было. Лихорадочно и машинально он стал отправлять новые эсэмэски, ещё и ещё... Не было ответа. И тогда он вспомнил об интернетовских ссылках, которые ранее прислал Вальтер и по которым так и не успел пройти. Он кликнул на одну из них – открылась страница «Марбургского исторического вестника» с его фотографией и восторженным отзывом о недавнем выступлении. Лекция была названа блестящей квалифицированной работой, проведённый анализ – тщательным, выводы – убедительными, а сам Геннадий Фомич именовался звездой российской исторической науки и учёным мирового уровня. Статья была подписана знаменитым Христианом Вестерманом. Другие ссылки тоже содержали хвалебные отзывы. Это был успех.

Обескураженный Капитонов поднял глаза и увидел у самого выхода девушку и парня – оба рослые и светловолосые, – на миг ему показалось, что это немка Александра и поляк Ян, которые помогли ему довести цветок до Екатерины Исаевны, показалось, что Ян – это он сам, а Александра – юная Катя.

Автобус остановился, юноша и девушка вышли в ночь, и Капитонов зашепшил за ними. Больше его никто никогда не видел.

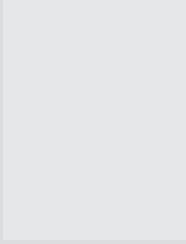
Женщина ждала его несколько месяцев, и только когда розовые сердечки Цертлихе Кэтхен осыпались, она ждать перестала. Она любила орхидеи и ничего не понимала в каланхоэ.

Алтайский край

Алексей
Тадинов

Илья
Криштул

Карыш
Кергилов

АЛЕКСЕЙ ТАДИНОВ

ЛЮДИ, СПАСИТЕ МЕНЯ

Словно вулкан, извергающий лаву,
Огненной кровью гора обливалась,
С треском горели и падали сосны,
Всё, что оставила тёплая осень.

Рыдая и плача стонала гора,
Голосом лисьим кричала нора:
«Люди, спасите меня!»
Шерстью дымилась, звала кабарга.
Треском ветвей умоляла тайга:
«Люди, спасите меня!»

Люди смотрели, им было легко,
Людям не страшно, до них далеко,
Людям не слышен был крик из огня:
«Люди, спасите меня!»

Кто-то сказал: «Как красиво горит!»
Кто-то: «Природе не повредит».
Только сжимали свои кулаки
Беспомощные старики...

Молча молили они небеса:
«Дай нам, всевышний, немного дождя!
Мы позабыли однажды тебя,
И тем наказали себя».

Пожар успокоят, быть может, дожди,
Но горные духи не спустят долги
Тем, кто в тайгу как в уборную прут,
Гадят вокруг, за собой не утрут.

Сколько же можно, чья здесь вина?!
Дым над Алтаем – как-будто война!
Если мы не проснёмся от сонного плена,
Будем страдать до седьмого колена!

Но мы, дети этих божественных гор,
Защитить, уберечь не смогли до сих пор
Колыбель, что в огне умирая, страдает,
Но всё-таки верить в людей продолжает!

И также рыдает и стонет гора:
«Люди, спасите, спасите меня!»
И молит скелетом деревьев тайга:
«Люди, спасите меня!».

ИЛЬЯ КРИШТУЛ

В ДЕРЕВНЕ (ГРОЗА)

Жарко. Душно. И за речкой
Молнии сверкнула нить.
Я сижу в избе со свечкой.
Это лето. Будем жить.

А гроза уже над лугом,
За окном пёс начал выть.
Свечка гаснет. Кот напуган.
Это лето. Дайте жить!

Громыкнуло над избою,
Я пытаюсь ужас скрыть...
Небо плачется водою.
Это лето. Надо жить.

Всё. Затихло. Воздух чистый –
Не дышать его, а пить...
Прокукарекал голосистый.
Это лето. Будем жить!

* * *

Мимо проходят люди,
мимо проходит счастье,
нелюди тоже мимо –
не надоест им шастать.

Мимо проходит небо,
мимо проходит море,
тучи проходят с солнцем,
между собою споря.

Мимо проходит баба,
с ведром, до краёв полным,
мимо проходит катер,
пуская по речке волны.

Мимо проходят вёсны,
мимо проходят зимы,
мимо проходят дети,
жёны проходят мимо...

Жизнь моя мимо цели,
жизнь прошла мимо смысла...
Что остаётся делать?
Скрыться. Исчезнуть. Смыться.

КАРЫШ КЕРГИЛОВ

JACKY СОНЕТ

Једип ле келди база бир јазым,
Је коксимде – јенесту кунук.
Узай берди сууштин аразы,
Айса эмди јолдорым туйук?

Удура коргон костордин каразы
Уйуктай берген куундерим кайнадат.
Эмдиги ойдин омок балазы
Соокко алдырган канымды канайдат?!

Коксимде ойто ло чоктор камылып,
Јурумнин бокторин ажыра калып,
Чокогон куундерим коороди!

Орой кускиде онойдо јажарат,
Оно берген, бороргон аркада,
Омок јажаннын костори.

* * *

Јылдар... Айлар... Кундер...
Элес ле эдет, элес.
Энилип, јайнап, јалынзан
Эбирип келбес, килебес.

Ары королю, бери корзон,
Јурум солынып калган:
Кайда да кижии олгон,
Кайда да бала туулган;

Кайда да јер силкинген,
Јылу јерде кар јааган,
Чайык чыгып, чак экелген,
А кайда да байрам башталган;

Одо берген изинде
Ондойип, олон тузелген,
Кайда да бу ок ойдо
Баланын тыны узулген...

Ойдин элес ле эткениле,
Ак-јарыкта солынта.
Сооп барааткан јуректин
Согыжы да башка...

Эбирип келбес јурумге
Эригип, јуректер систашкан.
Јаш тужына јаныксап,
Јаан јаштулар ыйлашкан.

Кундер, айлар, јылдар
Јузинде истерин артырар.
Кузиннин келгенин керелеер
Јузинди ээлеген чырыштар.

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

Пришла весна. Ещё одна весна!
А я в тоске замшелой и дремучей.
Хочу гореть! Как пауза длинна!
Приди, любовь, ещё меня помучай!

Вдруг – взора чернота и глубина
Меня пронзили с остротою жгучей.
Ах, девушка, прекрасна и юна,
Воистину ты мой счастливый случай!

И вновь во мне отвага и задор,
И я готов через любой «забор»
Перемахнуть. И снова жизни – слава!

И радуется сердце, запылав:
Так поздней осенью среди серых трав
Зелёным глазом глянет вдруг отава.

* * *

Годы, месяцы и дни –
Как стремительны они!
Как ни молишь, человек,
Не уймёшь их вечный бег.

Жизнь крута и непроста,
Миг – она уже не та:
Там скончался старый дед,
Там – малыш увидел свет.

Где-то твердь качнуло вдруг,
Завалило снегом юг,
Где-то буйная вода
Затопила города.

Там, где ты прошёл, спеша,
Поднялась трава стеной.
Разошлась с душой душа
Где-то на тропе земной.

Каждый миг и каждый шаг
В мире что-то вновь не так.
Чей-то пульс притих, устал –
Знать, на сердце иней пал.

Кто-то вдруг в чужом краю
Затомился от тоски,
Вспомнив молодость свою,
Прослезились старики.

Веет вечный ветровей
В лица женщин и мужчин,
И об осени твоей
Скажет миру сеть морщин.

Тамбовская область

**Владимир
Руделёв**

**Александр
Журавлёв**

**Елена
Часовских**

**Антон
Веселовский**

**Алексей
Долгов**

**Алексей
Шепелёв**

ВЛАДИМИР РУДЕЛЁВ

ШОПРОН

Когда поднимаешься в гору,
 где с древними турками бой шел,
 не будь беззаботным и гордым –
 возьми с собой камень побольше.
 Побольше возьми с собой камень,
 но так, чтобы было под силу...
 Два бука – как Авель и Каин.
 Два граба – как змеи, красивы.
 Раз есть искусители-змеи,
 то где-нибудь встретишь и Еву:
 всегда наши жёны умели
 затиснуться в новую эру.
 У самой вершины Черхата –
 родник серебристо-поющий.
 Безглазая, чёрная хата,
 увитая хмелем и плющем...
 «Что ж камня с собою не взяли?
 Иль ноша привиделась адом?» –
 спросил нас учтивый хозяин,
 представившись именем – Адам...
 Так вот он какой – прародитель
 от дней наших самых-пресамых...

«Не знали, сынки, говорите,
 что строю Ей сказочный замок?
 Слова – словно тягостный невод,
 а прежде – как радужный парус.
 Давно меня бросила Эва,
 а старая клятва осталась.
 И жизнь пронеслась, как виденье,
 хоть плачено потом и кровью.
 Приносят и камни, и деньги.
 Вот строю всё, строю и строю...»

Уходим, взглянувши на замки,
 пока не задернуло небо...
 А в мыслях – небесные знаки.
 А в сердце – всё Эва и Эва!

ОСЕНЬ

Немая грусть упавшего листа.
 И на былинке драгоценный бисер.
 О Господи! Какая простота
 рождающихся на изломе чисел.
 Пустых пространств прозрачная слюда.
 Веков и дней оранжевые нити.
 И Он. И – всё. И больше ни следа
 от карусели огненных событий.
 На русской осени – грачиный креп.
 И солнца ослепительные блицы.
 Простится всё. И только не простится
 иудин грех.

АЛЕКСАНДР ЖУРАВЛЁВ

КАРТИНЫ

1.

Синие сосны растут на дворе,
 Покрытом блёстками луж;
 Синее солнце светит в дыре,
 Вобравшей небесный душ;

Синь горизонта, синька лесов
 На чёрном подносе земли...
 Воздух – гигантское колесо.
 Жизнь – синевой вдали.

2.

Золото волос золота кож
 Хотело;
 Солнца зайчик, золотая дрожь
 По телу;

Тень игры, игра теней
 В тепле...
 Листьев вихрь на палевой
 Земле.

3.

Здание, расчерченное греческими портиками,
 Делает украшенными лица городов.
 Густо населивший мир неведомыми плотниками,
 Результату радуется вездесущий Бог.

Облако, уколотое солнечными зонтиками,
 Тая, расплзается и разливает свет
 По сосудам дерева, расцвеченного кончиками
 Листьев зеленеющих в память тех, что нет.

* * *

Я раньше любил всех подряд,
 Я был беззаботен и юн,
 Но как-то увидел тебя.
 И стал рабом вёсен и лун.

Не знаю, не знаю, не зна-
 ю не, знаю не, знаю, не
 Другая теперь мне нужна,
 А свет твой, горящий в окне.

Пред этим неверным огнём
 Я, благоговей, стою
 И жду, что покажешься в нём –
 Порадовать душу мою.

ЕЛЕНА ЧАСОВСКИХ

* * *

Кузнечик выковал мне мечик.
Теперь я смелый человек.

* * *

Во мне, внутри меня, на самом дне
Бушуют стихи, требовательно и больно.

Должно быть, так бьет ребенок
Ножкой в материнский живот.

* * *

Моль – золотая бабочка,
Твоя служительница верная,
О Время!

ПОГРУЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ

Погружение в реальность
прошло незаметно,
Я бы даже сказала –
почти безболезненно,
будто во сне.

Возвращение в иллюзию
гораздо реальнее
дает о себе знать
болью под левой лопаткой
и бессонницей.

АКАТИНОЛА МЕМАНТИН

Я ребёнок, лежу в колыбели,
Вспоминаю грядущие дни.
Будут окон уютных огни,
Будут звонкие с крыши капли...

Мне заботливый ангел сказал,
Покрестив незаметно в дорогу:
«Будет горя и счастья помногу,
И друзей, и врагов – за глаза».

Я дремлю, бормоча про себя
Про свои золотые денёчки.
Рядом шепчутся внучкины дочки,
Одеяло моё теребя:

«Баба старая, всё забывала.
Тётя врач говорит – не жилец».
Что вы милые, разве конец?
Ну, а мне показалось – начало...

АНТОН ВЕСЕЛОВСКИЙ

* * *

человек гордый
из города лекционного зала
полный волнений великих
влекомый к берегу и людям
или к побегу и воде
он знает мои вёсла
знает моего творчества вред
и как убережёт детей
когда вокруг школа
он выплывет на старых стихах
и на новых хулиганствах
я – Лимонов –
говорит он
он – Литвинова –
говорит аспирантка филфака
зашившаяся
на семейной
и не научной работе
Дронова ровно хвалит –
так долго здесь
здесь
и даёт диплом
царская преподавательская реакция
разночинно-студенческий бунт
неизбежен

* * *

друг мой
в швейцарии поныне
лечит и учит других
иль лечится сам
мирное мерное время
неверно
к весне выздоровят все
но к какой

* * *

аргументирующие руки
во рту оппонента

размашистое сочувствие
камуфлирует отвращение и эрекцию

выламывание дверей помогает
возделывать себя

творческое взросление
в сёрфинге по неврозу

АЛЕКСЕЙ ДОЛГОВ

* * *

вкус снега такой детский далекий
танец крови на щеках звоном в ушах
второе дыхание рядом значит не одинокий
человек уходящий человек ускоряющий шаг

* * *

Земля из-под ног встаёт уходит прощается
Посидели бы ещё время торопится смотрит на лица
Обещает да как же все заново не успеть
Через точку мгновения тащить внеочередную вселенную
По сугробам в одной валенке на край зимы где
Вкус запаха – слово безмолвие – отсутствие всего
И новая горстка пепла от вставших грудью на пути сердца

* * *

Отрывается голова по линии отрыва
По линии фронта оборона круговая порука
На струне висит молчание
А сорвется чёрт с ним упадет с плеча
Место надреза место твоего прикосновения
Шлите пунктиры перебором
Делите время на да и нет
На дворе трава на траве санки зимы ждут
Когда в нолик попасть
Когда в крестик уложиться
На ветру язык болгается вот и поговорили
По всему пути телефона
Лишь короткие теперь
Нет нет нет нет нет нет нет

* * *

Серой кучей ваты упал на землю
Отлетели пуговицы душа нараспашку
Валятся из-за пазухи листья и что то похожее на деньги
Олово голоса льётся из середины сердца
Оседает пыль на рукава и развязанные шнурки

* * *

Смейтесь смейтесь
Восстанут ещё юродивые
И утрется ваш рассвет
Сальным рукавом
От проливных слёз
Этой осени
Ищи потом ветра в горле
Крошки в кармане
Запах мандаринов
И свой морщинистый смех

АЛЕКСЕЙ ШЕПЕЛЁВ

КИНО. РОДИНА. ТЕАТР, ИЛИ КИНГ-КОНГ И ЛЕТАЮЩИЙ КАПОТ

Был раньше в Тамбове кинотеатр «Родина», на вывеске его светило неоновое-неновое: «Кино РодинаТеатр»!.. Да он и сейчас, наверно, есть, но с названием типа всех этих «Сине-макс» и «Кино-старов» – плексиглас, мультиплекс... блокбастер, ситком, попкорн, байопик... – и пронести-то русским языком охально, и ни кина теперь приличного, с человеческим лицом (хоть и для масс), ни театра с его раздевалкой-вешалкой и бутербродом с красной рыбкой (для интеллигенции), да и Родина как-то с глаз и плакатов долой...

Блеск, звук, волшебный луч, и таинство, и чародейство – и что-то буднично-привычное... Не безвременье ещё 90-х, а немного раньше – конец и середины даже 80-х. Клуб в двух шагах от дома, ближе не бывает. Величиной, ну, может, чуть больше – если уж лезть с линейкой – обычной деревенской избы обычный кирпичный дом, побелкой обелённый, но только окна с двух сторон заложены, другие же завешиваются днём тёмной тканью, а вечером и ночью здесь хоть и привычная тоже, но всё же не во всём понятная (для лет моих пяти-семи) в буквальном смысле а т м о с ф е р а... Мотоциклы, визги, гвалт – музыка, кино, тусовка!.. И запахи: бензина, ночи, курева, чего-то неведомо полиграфического...

Днём мы, как шпионы, залезали, отодвинув доску, под высокий дощатый порог клуба. Там было темно, тесно и зловонно (туда ежедневно сметали окурки и прочий мусор), но здесь можно было всегда насобирать копеек 20 мелочью (а если повезёт, то и 15 или 20 копеек одной белой монетой!), а также пачек от сигарет с красным или чёрным валиком (типографским таким ромбиком на внутреннем развороте пачки), из коих красный нужно было съесть, загадав желание. Желания, видимо, были далеки от приземлённости, мороженого там или пирожного (ни того, ни другого в деревне не было). Зато за 20 коп. можно было взять граммов двести, или даже полкило, ирисок (коль тех нет, подушечек или помадок или буханку хлеба).

А на пороге меж тем – в ярчайших лучах летнего сельского полдня – ступает нога киномеханика. Да, знаменитый дядь Витя Профиль – восходит, как ему и полагается, в сельский клуб или Дом Культуры! Но не заходит внутрь (тем более, там закрыто на замок огромный на длинной скобе, а ключ не у него, а у завклуба), цель его – преддверье: он вешает на дверь афишу! На выдавшие виды облезло зелёные доски, истыканные кнопками и украшенные предшествующими кнопками с обрывками, он, добродушно поругиваясь на нас, прищипандоривает собственноручно выписанное визуальное произведение! На специальном отпечатанном листке (размером чуть больше А4!) с оранжевой рамкой (сбоку или сверху как бы кусок киноплёнки, а по бокам «пустые поля» для чисел, будто в справке) он фиолетовыми чернилами (а иногда красными, или даже разведённой синькой для белья – сам видел) залихватски выписывал:

20. VI суббота

Зита и Гита

(Индия, 2-х сер.)

И внизу помельче:

Начало 21–30 Ц. б. 40 коп.

Иногда были пометки «цветной», «широкоэкранный», «детск.» (детский сеанс начинался часа в три и стоил 5 коп.), «взросл.» и «до 16». Сокращения не всегда отличались единообразием, каллиграфия и вообще стилистика тоже варьировались – иногда афиша была грязноватая (или просто неровно отрезанный кусок обёрточной бумаги) и выписано было буквально пальцем: дядь Витя, как истинный художник, неотделимо от своей профессии пил.

К полудню он являлся на почту (тоже от нашего дома два шага), чуть не ежедневно приезжала машина, он забирал две тяжёлые железные банки – с такими ручечками сверху, и, как два ведра, с прибавками встречным, тащил их к себе в будку. В каждой банке – по несколько плоских металлических банок со свитком плёнки. Каждый рулон – одна часть. Иногда банок было больше, иногда попадались ещё большие плоские банки без ручек (старые, что ли), с чуть более широкими бобинами.

Громяхая замком и железной дверью (от нашего дома хорошо слышно и как раз видно), взобравшись на высокий, в одну, тоже железную, приступку, порог, он открывал свою будочку (как

бы пристройка с торца, кажется, без хоть каких-то окошек вообще), заходил и... Обычно запирался изнутри.

Внутри происходило следующее. Нужно было написать две афиши (вторая вешалась на магазин), а то и сразу три – на нас, сорванцов, он не зря ругался: обычно, не успевал Портфель (иль даже Портфель – всё вариации прозвища) доковылять до магазина, как афиша уже срывалась. Были попытки даже, когда вызывались с утра заряжён(н)ому – произносится именно так! – дядь Вите помочь донести банки, стырить и плёнку – по крайней мере, удалось разжиться небольшими фрагментами (впрочем, подобные ценнейшие обрезки и так в изобилии валялись у него в будке, изображение на них, однако, как правило, вытянуто наискось).

Далее нужно было перемотать всю плёнку в бобинах – на специальном станке вручную. Для этого, сами понимаете, требовались помощники... Иногда помогали мы, ребятня, иногда заходили покурить шалопаи постарше, но чаще приходили местные элитарные ребята – Кондрай и Ряшка. Если дверь уже была закрыта, они стучали по железу. Если открыта (летом), «значит, Палыч трезвый». Но если уж вошли и закрыта, то вечером (а тем более, если не дай бог, неурочный этот детский сеанс!) нередко происходило за следующим следующее. «Палч, начинай!» – как кинохлопушка, выкрик из зала Наташи-завклуба, вечно не расстающейся с семечками (пахучие, ещё тёплые – два больших кармана, и пакетик для шелухи с собой – рабочий комплект!) И тут – заминка, или – что чаще – смех и свист в зале и её же выкрик: «Палч, вверхногами!» Есть ещё обрыв плёнки, которую Палыч, в присутствии своих ассистентов, должен поспешно и правильно склеить ацетоном.

В будке два кинопроекторных аппарата – таких тяжёло-железачных тоже. Работают исправно при любой температуре и запылённости. Техника советская – это вам не айпад какой. Только изучая в университете идиотский курс «ТСО», я понял, каких трудов и сноровки стоит правильно заправить все 22 вилушки и уловки кинопроектора! Воистину надо отдать должное киномеханику широкого профиля – лишь он один это мог сделать!

«Кина не будет – киномеханик пьяный!» – не шутка. Дядь Витя был тогда темпераментный, и иной раз идущие своей чередой за перегородкой встречи и, так сказать, аудиоспектакли конкурировали с экранным действием (команда Наташи: «Палч, потише!», а то и попытка прорваться к нему в «бункер»). Задержать сеанс, отменить или прервать (а тем паче пропустить фильм из-за отсутствия афиши) – плёвое дело, семечки. За 20 копеек не обидно, да и фильмы иногда повторяются (есть некий их оборот – по району и области, а может, и по стране), плюс особенно кассовые киноленты (целый мешок монет у завклуба и весь пол в шубе от подсолнечной шелухи!) по заявкам зрителей иногда через неделю-другую показывались ещё раз.

На индийские песни-танцы-слёзы народищу набивалось буквально битком – порой со всех окрестных деревень, ко второй серии подъезжали на тракторах и чуть не на комбайнах работяги с колхозной страды (!), и вообще все люди солидные собирались, не только расхитители яблок и огурцов. Иногда был антракт небольшой между сериями – вот уж тусня, покруче, чем на экране!..

«Кинг-Конг» (1976) – спецэффекты всё же и тогда ценили, в среде пацанской всё же абсолютный лидер. А через неделю «Кинг-Конг жив» (1986) – народищу ещё больше. А через месяц – третья часть! – все друг другу восторженно передают: «Кинг-Конг в английском парке»! (Палыч, правда, оговорился, что не очень с похмелья разобрал каракули на стёршихся этикетках кинобанок – но судя по всему, Кинг-Конг, а кто же?!) Народу понабилось жуть, клуб чуть не снесли, аж кресла поломали... И наконец – вполне отечественные титры на экране: «Канкан в Английском парке»! Все кресла выломали!

Были, конечно, и помимо «кина» развлечения. Вот, например, прямо за новым клубом, почти что от самой его задней стенки, раскинулся косогор. Тогда он был не такой пологий, заросший и загаженный, как теперь, а наоборот – скос градусов под 70, зимой крутейшая, накатанная и залитая, сногшибательная горка. Такая же сногшибательная была и совсем рядом: примыкающая к косогору более пологая: слетишь сначала на салазках иль на набитом соломой жёстко-целлофановом мешке – едва поднимешься, идёшь наверх – сто раз сшибут тебя – ребятня кишит! Но это малышня, а те, кто себя приличными людьми считает, уже с каскадёрской рассекают – пространство и время – на тех же транспортных средствах, да ещё на красных магазинных санках-пластмассах, а чаще – на капоте от ЗИЛа.

Всё бы это и ничего... Подумаешь, с дороги-моста и с другого берега вид такой, как будто замок на скале высится, как будто это обрыв у моря... или, лучше, ров-насыпь, а его штурмуют...

Капот самый что ни на есть нешуточный – железячина твёрже и отполированное всяких доспехов, с острейшими, чуть загнутыми краями (оторвали его, что ли) и ручкой-штырём с пружиной посередине – единственное, кроме краёв, за что можно ухватиться и чем пытаются управлять... Но какое уж тут управление: ватага разгорячённых юных камикадзе запрыгивают впопыхах, и крайние толкаются ногами!..

Капот летит, как бритва, любым краем, а то его ещё и вертит – вот вертолёт: синий, новый, блестящий – а то какой-то там мультяшный голубой и приключенья все эти плюшево-рисованные!.. Кончается полёт – ударом (из снега сбит, как загиб разгоночный у памятника Покорителям космоса, трамплин нехилый) и взрывом-взлётом – ввысь!

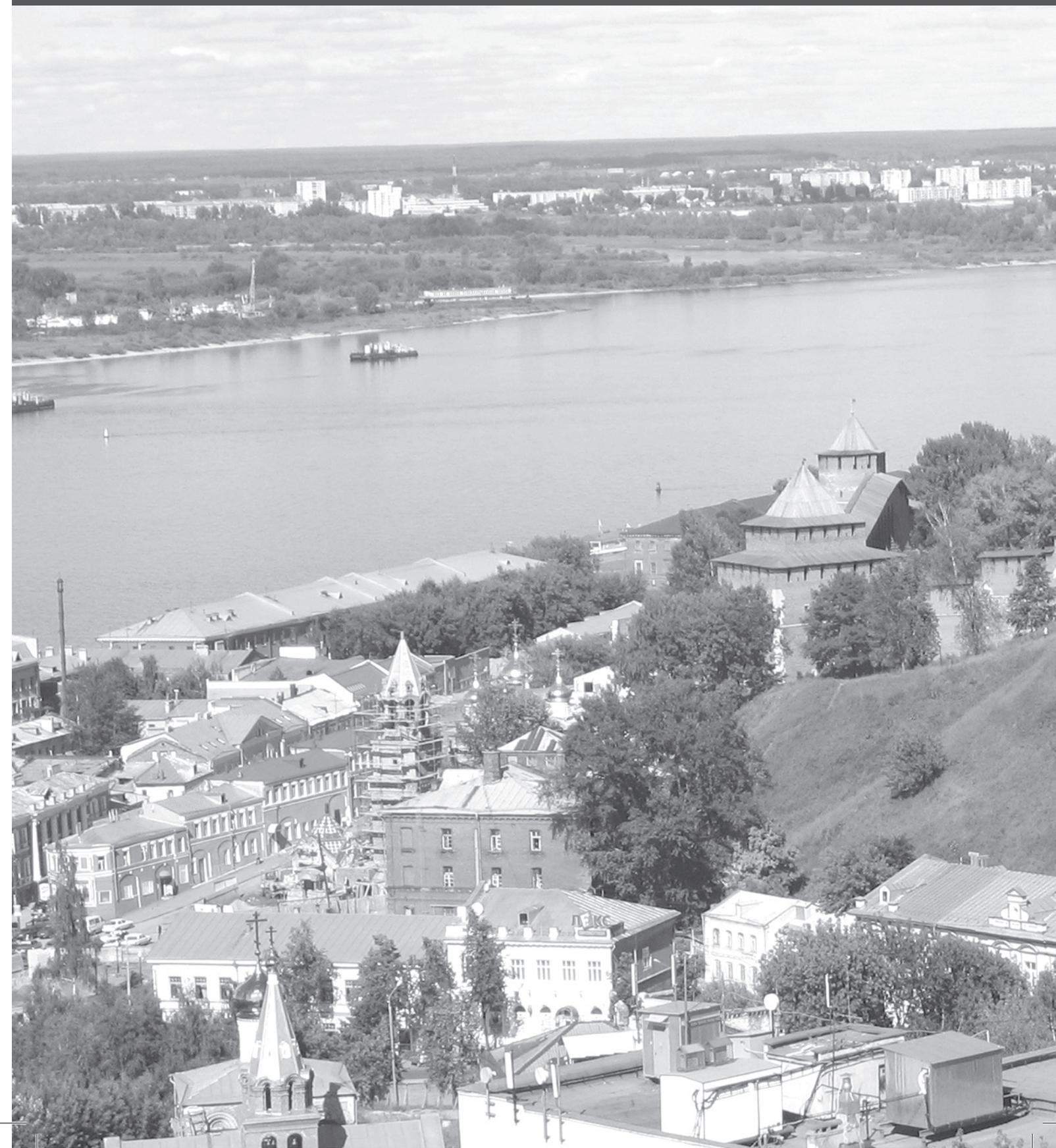
Приземляются обычно кто где... Кто на капоте, кто в кусты репъёв и сушняка, кто дальше в свалку мусора и кирпичей от клуба... Друг на друга, удар о землю и о тело немного отрезвляющий. Как бокал шампанского утром натошак – выдохшегося, на новогодней подростковой вечеринке, как беломорина в пять лет: внутренний голос на бэкграунде ясен: пора остановиться. Не повезёт – и под капотом... Лежит, побелевший, шею загнув, как дохлый гусёнок (даром, что самый старший!), но чувство юмора – деревенское врождённое – и здесь не покидает: «Гусь, живой?» (кликуха) – «Кагак!». Ушибёт до встряски сознания, до боли настоящей – а так обычно Бог миловал. Полцентнера железа, края загнутые, крюкасто-острые, как консервный нож иль завороты им же вскрытой банки. Для деток самых разномастных (возрастом лет от 4 до 12) такое развлечение не казалось чем-то средневековым, поди и капот-то им какой-нибудь шофёр оторвал и дал.

Не скрою, не был я завсегдаем полётов на капоте, и не был их инициатором (гораздо больше времени я посвятил созданию самолёта, «чтоб с него бомбить яйцами», из люльки от мотоцикла, каких-то неподъёмных железно-листовых крыльев и аккумулятора от УАЗика), но всё же полетать пришлось... Лишь ныне смутное воспоминание этого капотного «отрыва в никуда», когда вмиг зажмуриваются глаза, захолонёт, словно прилипнет, сердце, и сжимаются в ком все кишки, помогает осмыслить, как не смешно это звучит, полёт Гагарина (как, к примеру, он в фильме передан недавнем «Первый в космосе»)... хотя и тогда нам, как и нынешним оболдуям с гаджетами, представлялось закованное в суперброню удобное кресло с рычагами и кнопками...

Куда там машинки ваши, вагонетки, карусели и колёса, какие там, я понял, кино-парк и луна-парк!

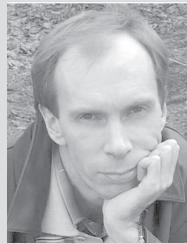
Саров

Нижегородская область

**Наталья
Колпакова**

**Александр
Конопкин**

**Елена
Крюкова**

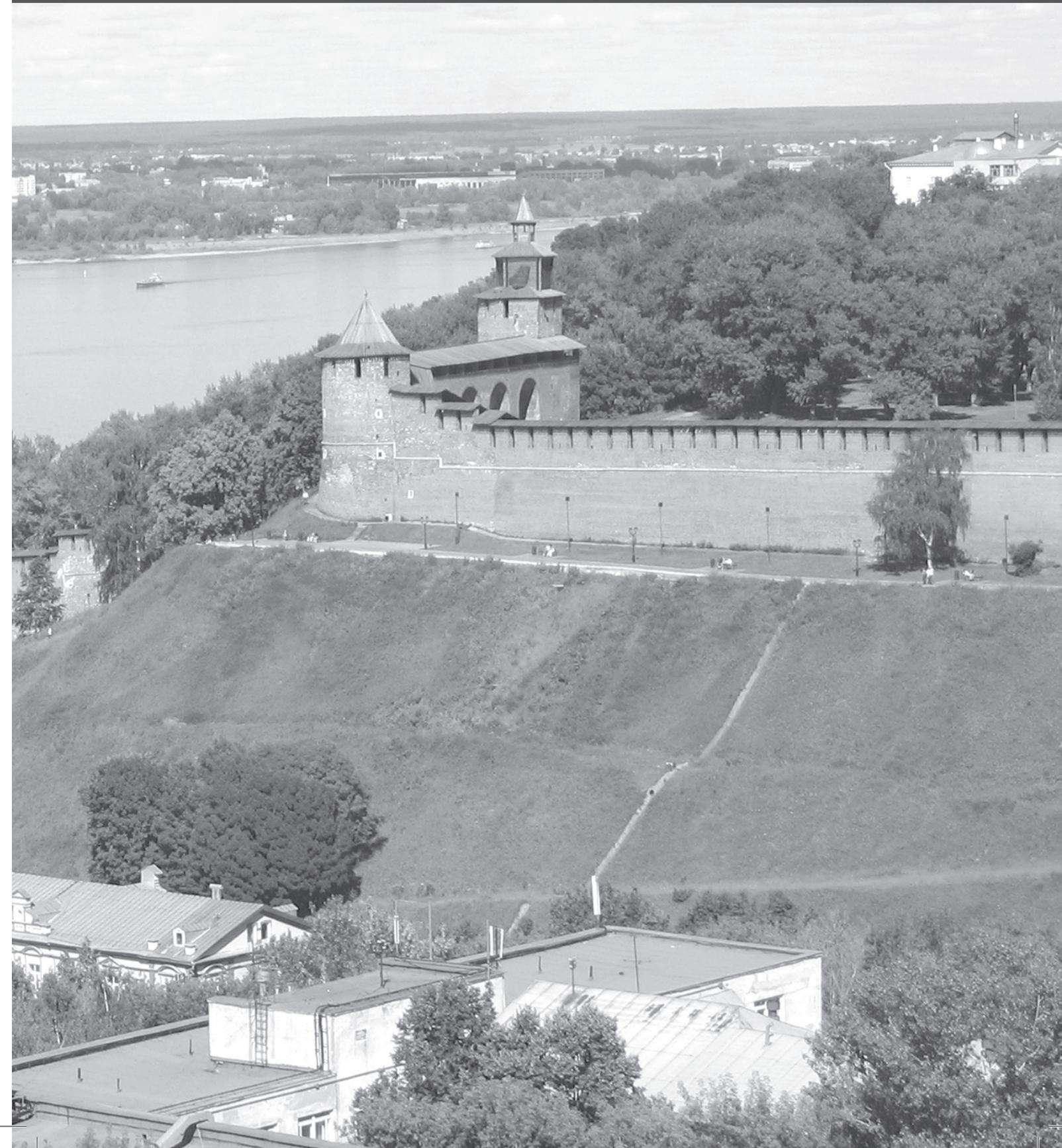
**Олег
Рябов**

**Алёна
Баикина**

**Александр
Ломтев**

НАТАЛЬЯ КОЛПАКОВА

* * *

В чёрном окне поезда
Только луна светится.
Смотрит она горестно,
Голых небес пленница.
Каждую ночь издали
В стёкла глядит мутные.
Нет для неё пристани,
Станции, где ждут её.
Нет ничего вечного,
Нет ничего прочного –
Лишь человек. Речь его.
Дом его. Сын. Дочь его.
Из черноты пробкою
На белый свет выскользнуть,
Узкой пройти тропкою –
Что нам ещё взыскивать?
А из окна в тамбуре
Будет смотреть кто-нибудь,
Как мы уйдём за море.
По небу, брат. По небу.

ПРЕДЕЛ

Зима – она обычно до весны,
Едва ли дольше.
Точно не навеки.
Прощальное парение листвы
Сменяет снег. И кажется, на веки
Ложится вдруг вся тяжесть снежной мглы,
Весь чёрный холод
Неизбежной ночи.
Скулит зима и тычется в углы
Глухих домов.
Как будто к людям хочет.
Войти. Забыть.
Забыться – и пройти!
Пройти дождём, тоску свою размыкать –
И как ты там позёмкой ни мети,
Выходит, что дальнейшее
Не прихоть,
Но прочное устройство бытия.
Всё ладно в нём – уходы и закаты.
А что несладки яства-пития,
Так небеса созвездьями богаты.
И значит, ночь – не только хлад, и мрак,
И чёрный зев остывшего камина.
А родина – не просто список благ,
Отмеренных на душу гражданина.
И будет март больших и малых дел,
И время цвету, форме и звучанью.
И как отрадно знать, что есть предел –
Всему. Зиме. Безвременью. Молчанью.

АЛЕКСАНДР КОНОПКИН

СЛУЧАЙНОЕ ФОТО

Ты резко встала, рукой схватилась
За спинку стула.
Стул слишком низкий – ты получилась
Почти сутулой.
И свет от лампы, такой неяркой,
Не стал подмогой.
Твоя улыбка была не жалкой,
Скорее строгой.

На тёмном фоне (что очень кстати),
Почти что чёрном,
Твоя фигура в вечернем платье
С закрытым горлом.
Так мало света. Густые тени,
Как крылья шали,
Не повторяли изгибы тела,
Скорей скрывали.

Куда ты смотришь? На эту вазу,
Где принял позу
Когда-то пышный, приятный глазу
Цветок мимозы?
А, может, просто ты отвернулась,
Чтоб не читалась
В глазах усмешка, с которой юность
Глядит на старость?

Смотрю на снимок: слегка зернистый,
Без чётких линий.
Цвета фальшивят: зелёный – чистый,
Подводит синий.
Пусть профи скажут: «Там сто ошибок!»
Я не смущаюсь.
Смотрю на этот случайный снимок
И улыбаюсь.

СКОРЕЙ БЫ ЛЕТО

Скорей бы лето. Обрежу волосы,
На солнце череп погрею беленький.
Поеду к морю – увижу полосы
Прибойной пены и южной зелени.

Скорей бы лето. Нагрывают запахи,
Начнутся крики и споры детские.
Поеду к морю – там будут лабухи
За сотку песни играть простецкие.

Скорей бы лето. Оно мне нравится.
И пусть зудят комары настёрные.
Мне летом легче: смелей мечтается
И небо выше. И мысли мирные.

Скорей бы лето...

ЕЛЕНА КРЮКОВА

* * *

Все на свете были мальчики и девочки.
Лишь одна я – кудлатая старуха.
Все на свете пели песни и припевочки.
Лишь одна я жужжала медной мухой.
Анфилады и палаты, залы, зальчики...
И халупы, и дощатые сараи...
Все на свете были девочки и мальчики.
Лишь одна я, старуха, умираю.
Как умру – вот стану я собаченькой,
Вот кощенкой стану я облезлой...
Девки, девочки, пацанки, шлюхи... – мальчики... –
Стану старым Ангелом над бездной.

* * *

Никогда не бойся остаться один.
Никогда не бойся остаться одна.
Просто жизни твоей – не ты господин.
Просто ты не муж. И ты не жена.

Просто вы, как травы, на миг сплелись,
Как солдаты, в избу вошли на постой.
У иконы заплакали, во тьме обнялись,
Утром крикнули: «Куда ты! Постой...»

Просто мир – такой непорочный Содом,
На поминках по счастью накрытый стол.
А любовь – что любовь? Она просто дом,
Куда ты вошёл – и откуда ушёл.

Ты прости, прости, если что не так.
Вон она, за окном – звёздных воинов рать.
Наша жизнь – да, вся – стоит ржавый пятак.
Но мне жалко, так жалко тебя покидать.

* * *

Не богиня... не гадина...
И зачем ещё жива...
Отчего же мне не дадена
Золотая голова?..
Я бы гладила её медные блики,
Золотые – ниткой – швы.
Я б отбрасывала с лика
Пряди золотой травы.
Я б ощупывала ночами
Гудящий золотой котел:
Вот она корона,
вот оно пламя,
Вот он, золотой престол.
Вот она, золотая слава –
По трактирам, на путях;
Вот они, скипетр и держава
В крепко сцепленных костях.

ОЛЕГ РЯБОВ

КИДЕКША

Здесь, на месте встречи
братьев Бориса и Глеба,
первых православных святых,
в середине XII века был
поставлен замечательный храм,
освящённый в их честь.

Расселись на терновнике,
Клюют подмёрзший плод.
Гляжу, как зачарованный,
И на душе – тепло.
– Откуда вы, заветные
Пичуги-суздали?

– Издалека, с неведомой
И сказочной земли.
Со Светлояра-озера,
Где спрятан Китеж-град,
Раз в год зарёю розовой
Летим мы, чтоб с утра
Увидеть рукотворную
Небесную красу:
Мы – души, мы – из города,
Что утонул в лесу,
Без имени и отчества,
Спасались, как могли.
Зовите нас, как хочется,
Пускай мы – суздали!

Травы подмёрзшей сочный
Ключий изумруд:
На этой древней площади
Не пляшут, не поют.
Здесь, пролетев над вечностью,
Парит, белеет храм,
Соперничая с млечностью
И с лёгкостью пера.
И этот храм, что в Кидекше,
Без сказок, без былин
Достался нам от Китежа
... Да птички-суздали!

Внизу, за Нерлью-речкою:
Поля из озимых,
И бор синее вечностью
В преддверии зимы.

АЛЁНА БАИКИНА

ДОРОГА В БОЛДИНО

1

Вот и встретимся завтра. Припомни-ка,
что хотела тебе сказать.
Твой портрет на обложке сборника
заменяет мне образа.

Всё шептала в ночи бессоница,
что Россия теперь не та.
Не отмоется, не отмолится,
не избавится от креста.

Что народ-то всё больше порознь,
ветер с запада всё смелей.
Молодую сжигает поросль
кокаколовый суховей.

Что всё чаще на Чёрной речке
оплывает багровым лёд.
Многих нет, ну а те – далече,
скоро, видно, и наш черёд.

Столько лет – через лес да в горы.
Герцен – жаль, не дожил старик,
не видал, как под залп «Авроры»
поднимали страну на штык.

В декабре без полков, негромко,
сели трое сообразить.
что написано на обломках
при ребёнке не повторить.

Слово быстро сдает позиции,
вера корчится по углам,
благодарно в улыбках ситцевых
подбираем культурный хлам.

Взгляд блуждает в толпе мучительно,
что-то ищет поверх голов.
Ничего не скажу, учитель мой.
Мы друг друга поймём без слов.

2

Идёт вечерний поезд на Варшаву
Для тех, кто опоздал на теплоходы.
Не то чтоб за границей благодать на шару,
Но все-таки Шенген даёт известную свободу.
Речь не о том,
что каждый станет Клинтон Иствудом,
Но если ты умом совсем
не конченный калека,

Там меньше шансов,
что тебя сравняют с плинтусом,
И больше вероятность
сохраниться человеком.
Пускай их ценности
желудочно-фастфудные –
Меня давно воротит от высокого.
Я знаю – вслед мне кинут,
Что паскуда, мол.
Но лучше так,
чем всё ходить вокруг да около.
Я покидаю не страну –
Гнездо кукушкино.
И с нами, и без нас
такого здесь нагородили...
Век девятнадцатый
оплакивает Пушкина,
Двадцатый век
несёт цветы к Дантесовой могиле.

3

Осень рыжих зайчиков водит в поводу.
Собираю яблоки в Болдинском саду.
Налилась антоновка, нынче самый сок,
Подставляет солнышку золоченый бок.
Крупная да нежная, зёрна напросвет,
Расскажи-ка, яблонька, помнишь или нет
Как по саду хаживал барин налегке,
Слушал песни девичьи с поля вдалеке.
Как гнала бессонница мысли на листок,
Как холерным заревом бластился восток,
Как рвалась разъятая надвое душа...
Но деревня здешняя прелесть хороша.
Яблоки на блюдечке, слякоть за окном –
Дышится свободно и пишется легко.
...Бьёт трава высокая Анну по ногам,
Глушит думу горькую чаркой Вальсингам,
Ёжится Евгений – холодно в груди,
А вчера с черешнею Белкин заходил...
Будто с ветки яблоки падали слова,
Золотая осень – дивная пора.
Карантин, кордоны – всё не в счет, пиши!
Вот она, свобода болдинской глуши.
Пусть хлопочут бесы на исходе дня,
Торжествует «жизни мышья беготня».

Медленно по белому мостику иду.
Болдинская осень. Яблоки в саду...

АЛЕКСАНДР ЛОМТЕВ

ХРОНИКИ УХОДЯЩИХ ВРЕМЁН

(Из неопубликованной книги «365. Опыт спонтанной онтологии по господину Монтеню»)

* * *

*Неспешно вороша золу и угольки воспоминаний,
в одиночестве, рдеющем грустью,
греюсь над старым своим путевым дневником.*

* * *

Нам было по двадцать, нам хотелось приключений и испытаний духа и тела. И мы переплывали реки. Мы переплыли вольную, но медлительную Волгу, переплыли не столь широкую, но неприметно быструю Оку, холодную лесную, пропахшую смолой и дизелем, Вятку, Урал мы переплыли «на одной руке», правда в нас, как в Чапая, не стреляли с крутого берега злые белогвардейцы. Переплыв стремительную и холодную Северную Двину, мы долго не могли согреться у огромного костра из таёжного валежника, зато, переплывая в компании весёлых дельфинов Керченский пролив, мы и не устали и не замёрзли.

По зелёному берегу Дона отливали тусклой платиной чубы ковыля, по краю прибрежного обрыва ходили ленивые лошади, а высоко в небе кучерявились невесомые облачка. Мы знали, что Дон не доставит нам хлопот.

Сидя на горячем песке в позе лотоса, он глубоким и ровным голосом Будды не сказал, а изрёк:

- Преодолевая реку, ты преодолеваешь себя.
- Ты заговорил афоризмами. Но я бы тогда обобщил: преодолевая любое препятствие – ты преодолеваешь себя.
- А может быть ещё глобальнее: преодолевая самого себя, как одно из главных препятствий, ты преодолеваешь жизнь!
- Тогда уж: преодолевая жизнь, ты преодолеваешь смерть!
- Аминь!

Мы ещё не готовы были задуматься о том, что можно преодолеть всё, кроме Леты; мы вошли в прохладную воду Дона и поплыли. До другого берега жизни плыть мне было ещё очень далеко. А его берег был совсем близко. Но мы тогда об этом ещё не знали...

* * *

Вова презрительно усмехнулся:

– Ну что, будешь ещё лезть? Будешь?

Дылда корчился на земле, из носа его капала кровь. Леночка глядела на Вову круглыми от удивления глазами. Только что он ловким ударом разбил Дылде нос, а вторым сбил его на землю.

– Я больше не буду, – булькал Дылда, кряхтя, поднимаясь и прикрываясь локтём. – Леночка...

...Краем глаза Вова заметил, что Тамара Петровна поднялась из-за стола и, отвернувшись от окна, уткнулся в раскрытую тетрадь, на чистой странице которой он минут пять назад вывел слово «Сочинение». Больше пока написать он ничего не успел. К счастью, учительница пошла по другому ряду и не заглянула в тетрадь Вовы.

Вдруг по шее за ухом больно стрекануло. Вова оглянулся. С задней парты в него новым комочком жёванной бумаги целился через трубочку Дылда. Вова из подмышки показал ему кулак, но Дылда только иронически показал белые крепкие зубы и в свою очередь выставил из-под парты свой кулак. Здоровый, значительно здоровее Вовиноного.

«После уроков побьёт, – вздохнул Вова, – и, главное, ничего не сделаешь... И чего он ко мне привязался. Из-за Леночки...»

Вова смотрел в тетрадь, но не видел ни слова «Сочинение», ни самой тетради. Надо же, и фамилия – Дылдин, и сам дылда. Здоровее всех в классе. Всем пинки и затрещины даёт, а ему никто. И фамилия подходящая... А у него вот тоже подходящая всё время всё путает... Отец, правда, смеётся, ты не правильно интр... интре... интерпретируешь, как раз фамилия правильная, мы, мол, знаем свой путь,

знаем куда идти. А куда? В секцию, что ли, действительно записаться? В бокс, как отец давно советует? Вова представил себе, как он одним ударом валит на землю Дылду. Но осторожное воображение тут же рисует, как какой-нибудь боксёр бьёт ему перчаткой в нос, и из тонкого носа лётся кровь. Нет, в бокс – нет... В дзюдо! Вот куда надо записаться – в дзюдо. И он уже видит, как Дылдин вверх тор-машками летит на землю, а Леночка...

– Вова! – он и не заметил, как Тамара Петровна подошла к его парте и уж с минуту стоит рядом. – Ну, причём здесь дзюдо?! Тема сочинения – природа. При-ро-да!

Вовочка посмотрел в тетрадь. Под словом «Сочинение» было написано «Дзюдо – спорт смелых и сильных...»

Класс весело гудел и в гуде этом выделялось злорадное «гы-гы» Дылды...

...Владимир Владимирович! – пресс-секретарь легонько тронул за плечо. – Пора, все собрались, ждут.

Он резко встал, сбрасывая с себя лёгкую паутину воспоминаний, и энергично зашагал по ковровой дорожке к двусторчатым массивным золоченым дверям...

* * *

Мама позвонила среди ночи, Боже, ну вот всегда она так! Что ей приспичило?!

– У тебя всё нормально?

– Да всё хорошо, что ты вдруг?

– Ну как же хорошо, если ты тревожишься? У тебя же на душе кошки скребут.

– С чего ты взяла? Никаких кошек, всё хорошо, нет никаких проблем.

– Ой, сынок, от меня-то уж ты ничего не скроешь. Ты будь поосторожнее, не лезь на рожон-то. Береги себя всё-таки, у тебя же семья...

– Ладно, ладно... погоди, мам, а как же ты звонишь, ты же умерла!

– Ну, вот так вот... Какая разница, умерла – не умерла, сердце то за вас, детей, всё равно болит...

* * *

Юра влюбился заочно. Влюбился в голос. Кто-то привёз из города кассету, Юра послушал, и сердце его сладко заныло. Чистый высокий девичий голос пел песенки на незнакомом языке, и Юре представлялись нездешние, обязательно южные, обязательно солнечные и морские края.

Юра носил кассетник с собой повсюду. Пойдёт на двор поросят кормить, кассетник на плечо, и неведомая девушка превращает свинюшек в каких-нибудь капибар, идёт за дровами для печки, а вместо петуха попугай кричит с пальмы, печку растапливает, а в треске поленьев голоса южных цикад...

Юра очень хорошо представлял себе неведомую певицу: худенькая, с копной смоляных волос, тонкие руки и ноги, улыбка белозубая на загорелом лице. Маленькая, но голосистая!

Витя мечтал накопить денег и съездить за границу. У них в Берёзовке ещё никто не был. Ну, из оставшихся; из тех-то, что уехали, и только навещают иногда своих стариков уже многие ездили. Рассказывают – заслушаешься. Теперь, говорят, за границу просто, не как при советской власти, были бы деньги. Если бы Юра уехал в своё время в город, может, и он давно бы уж съездил куда-нибудь в Грецию или в Турцию... Да не случилось уехать-то, школу не закончил, вот и приходится теперь скотником в соседнем селе. Там хоть телевизоры работают, а тут в Берёзовке ни одна антенна не ловит...

Да ничего, Юра ещё молодой, всего-то двадцать пять, может ещё и школу закончить удастся, в райцентре раньше вечерняя школа была, может работает еще... Но сначала денег накопить и за границу съездить. Втайне Юра вдруг поверил, что может там встретить эту худенькую девушку с чистым высоким голосом. А там, вдруг... Юра даже мотал головой и кричал на грязного хряка:

– Чо вылупился, я те поподслушиваю! Ишь, какой...

Конечно вряд ли, да и кто он такой... А всё ж таки, отчего бы и не погрезить...

Но закончилось всё страшным разочарованием. Юра даже расхотел ехать за границу и поступать в вечернюю школу. Зачем?! Если всё так...

В общем, приехал погостить одноклассник, привёз, как положено, бутылочку, да не одну. Юра на стол сальца метнул, картошечки, грибков собственноручно собранных и засоленных. Пиши, вспоминали школьные проказы. Когда похорошело, Юра затянул:

– Джама-а-айка, Джамайка...

Приятель засмеялся:

– Надо же чего вспомнил, ностальжи...

Юра не понял, но спросил:

– Как ты думаешь, сколько ей лет?
 – Кому ей?
 – Ну, ей, которая Джамайку поёт?
 – Да эту песню пацан пел когда-то, мальчик – Робертино Лоретти.
 – Да нет, погоди! – Юра вскочил, снял с полки кассетник, включил, – вот, послушай!
 – Ну да, – засмеялся одноклассник, – это мальчишка. То есть это он тогда, лет тридцать назад мальчишкой был, а сейчас уж мужик – старый и толстый, ресторан у него в Италии... А ты думал, баба поёт?

И тут Юра вдруг понял: голос действительно мальчишеский. Невыносимая печаль снизошла на его душу, и он налил себе полный стакан. И выпил. И ещё налил...

А утром, когда проснулся с гудящей головой и тоской в душе, вытащил из магнитофона кассету, вышел на крыльцо, размахнулся, зашвырнул кассету в бурьян за забором и пошёл кормить свиней...

* * *

Она откинулась на взъерошенную простыню и, поправив сбитую набок подушку, улыбаясь в потолок сказала:

– А ты не такой уж и старый.
 – Да я в три раза моложе тебя.
 – Как это? – удивилась она.
 – Ну, вот ты прыгнешь с парашютом? На мотоцикле пролетишь со скоростью сто восемьдесят? Соберёшься в поездку на Север за пятнадцать минут?
 – Хм...
 – Ну вот, а я – запросто. Так кто из нас моложе?
 – Ну-у, это просто всё не женское дело...
 – Отговорки. Жана Дарк тоже женщина. И Алёна Арзамасская... И Валентина Терешкова... Да мало ли. И вообще – это не гендерный вопрос.

Они долго лежали, молча, каждый по-своему, готовясь к расставанию. У неё своя жизнь, у него – своя. Они даже не знали толком, что их связывает, отчего им так важны эти краденые встрёпанные встречи. Через полчаса хлопнет дверь чужого жилья, аккуратно застеленная постель остынет...

Она, закрыв глаза, тихо сказала:

– Возьми меня в собаки.
 – Зачем?
 – Я будулизывать твои раны.

* * *

Девяносто один год – не шутка. Но он решил дойти до этой деревушки. Он брёл по каменистой тропе, внимательно глядя под ноги и выискивал место поровнее, прежде чем поставить ногу. Узкое ущелье не давало солнцу напрямую калить рыжие каменистые стены, но всё равно было жарко. Очень жарко. Рудольф неторопливо шёл по тропе, временами впадал в задумчивость, и ему казалось, что он вернулся в прошлое. Вот сейчас его окликнет идущий по пятам Ганс и кинет ему флягу с тепловатой водой. Конечно тогда, весной сорок первого, он не плёлся вот так среди этого дикого нагромождения камней, а быстро шагал, перескакивая булыжники и озёрки пересыхающего, пропадающего в камнях ручья. И всё время ждал выстрелов.

Это был очередной карательный рейд, но греки не боялись их. Они очень хорошо знали каменные лабиринты своего ущелья и после каждого короткого ожесточенного боя ускользали, не дав опомниться. До самого исхода с Крита им так и не удалось выбить греков из ближайших гор.

Но в тот день удалось захватить связного. Так решил Ганс, что этот испуганный подросток – партизанский связной. Ему прострелили ногу, и после допроса, чтобы не тащить раненого по жаре через ущелье, Ганс приказал пристрелить мальчишку. И его пристрелили.

Рудольф, чтобы отвлечься, принялся вспоминать прочитанное в путеводителе.

О рощицах шелковиц и инжира, растущих вокруг источников, о соснах и медоносных цветах, о пастиухах домиках митато, построенных из грубого камня даже без скрепляющего раствора, о горных козах кри-кри, о старых арочных домиках с мансардами в маленькой деревушке...

Деревушку они сожгли ещё раньше. До того, как пристрелили мальчишку. К развалинам этой деревушки ему и нужно было добраться.

Зачем? Он и сам не знал...

Он шёл и медленно думал о том, как тут жили люди. Пасли стада овец, строили водяные мельницы, охотились, рожали детей... А в праздники жарили ароматное мясо и запивали его огненной цикудьёй. Пели и танцевали. И тут пришёл он, Рудольф. И Ганс. И другие рудольфы и гансы... И расстреляли того мальчишку. Зачем? Почему? Для какой высшей цели? И что изменила эта смерть? Что-то изменила...

Рудольф добрёл, наконец, до деревушки. И ничего не узнал. Но воспоминания нахлынули на него с такой силой, что он невольно осел на ближайший валун.

Ганса застрелил снайпер через месяц после того карательного рейда, и он сам рассказал об этом невесте Ганса потом, уже после войны. Сегодня ему было особенно жалко и Ганса и того греческого мальчишку, и он никак не мог понять – кого больше. Как же так, столько лет прошло, а сердце всё болит и болит. И ничего не изменить. И всё продолжается – где-то другие рудольфы и гансы стреляют в других мальчишек.

Рудольф вдруг затрясся и зарыдал.

Непонятно откуда, словно прямо из скалы к нему подбежали греки-инструкторы. Он на плохом английском объяснил, что с ним всё в порядке, что просто он воевал тут когда-то против них, греков. Он не знал, что толкало его, но всё рассказывал и рассказывал, захлёбываясь слезами, и про карательные рейды, и про сожжение деревушки, и про расстрелянного парнишку. Греки повернулись и ушли. И Рудольфу показалось, что он остался один на целой планете, и что это горячее ущелье – его личный ад.

Но греки вернулись. Они принесли с собой бутылку цикудьи, хлеб и миску с оливковым маслом. Они наливали цикудью в маленькие стаканчики и себе и Рудольфу, пили, ломали хлеб, макали его в масло, снова пили и плакали вместе с Рудольфом.

Проходившие мимо туристы с изумлением разглядывали трёх плачущих мужчин. Одного очень пожилого и двух молодых. А те пили и плакали, пили и плакали...

* * *

Воскресенье начиналось совсем обычно. За окном утренний зимний сумрак, снег и царапанье голубиных когтей по карнизу. За стеной малолетний сосед по случаю выходного дня и отсутствия родителей врубил что-то рэповое. Кострыкин поваялся в постели, выкурил сигарету и поплёлся умываться и чистить зубы. Поедая яичницу, Кострыкин привычно думал: «Зачем живём? К чему стремимся? В чем смысл жизни?» С чашкой чая он присел на подоконник, выглянул в окно своей замызганной хрущобы. В свете разгорающегося дня во дворе скучали заснеженные машины, качели с пушистой шапкой на сиденьях, ранние прохожие семеняли по ещё не расчищенным дорожкам. Голуби, спугнутые с карниза, перелетели к другим окнам, с надеждой поглядывая на Кострыкина. «Все то же, – думал Кострыкин, – зима, уют, холод... Как же всё это надоело!» Вдруг чашка замерла в его руке, он замер и закатил глаза. Потом поставил чашку на подоконник, вскочил, подбежал к телефонному столику и схватил блокнот. Снова на секунду замер и быстро принялся писать:

«На улице – февраль,
И то же – на душе.
Несветлая пора
Наскучила уже...»

Кострыкин вдруг почувствовал необычайный прилив радости. «На улице – февраль, – шептал он медленно и выразительно, – и то же – на душе...» Ну, ведь здорово же? Конечно, здорово. Радость ощущалась так явственно, что ему хотелось запеть, закружиться по комнате. Однако Кострыкин вовремя вспомнил, что ему не то чтобы уже почти сорок, а всё же далеко за тридцать, и скакать в трусах по комнате как-то не солидно.

В общем, совершенно обыденно начавшийся день заиграл новыми красками, пообещал что-то новое, что, может быть, круто изменит жизнь...

Не натягивая штанов, он принялся ходить по квартире, пытаясь войти в мелькнувшее состояние вдохновения, принялся бормотать строчку за строчкой, подыскивать рифмы, не выпуская из поля зрения блокнот с первыми строчками. Азарт и вдохновение постепенно таяли, но не таяло, а, пожалуй, и разгоралось жгучее желание написать шедевр.

Однако день перетёк за полдень, а дело дальше не сдвигалось, как Кострыкин ни тужился. Но он так сильно хотел вновь испытать это сладкое чувство озарения, вдохновения, что готов был мучиться ещё хоть целый час. Да что час – день! И муки творчества поначалу даже показались приятными, ведь муки эти обещали счастливый просверк в сознании, который позволит прибавить к первым четырём строчкам ещё четыре, ещё, ещё, а там, глядишь, и вылетится дело в полную поэму! Загрезился Кострыкину лавровый венок, творческое выступление в городской библиотеке и даже где-то в самом мозжечке шевельнулся крохотный червячок и заскрипел: «Нобелевсская пррремия...»

Конечно, работал-то Кострыкин рубщиком мяса, ножом и топориком орудовал мастерски, можно сказать, виртуозно, что и позволило ему безбедно пережить страшные девяностые. Но мясо – мясом,

а душа – душой! Недаром играл когда-то Кострыкин в школьном театре и лучше всех в классе декламировал стихи. Вот оно когда проявилось – неосознанное призвание души! Вот так живёшь, живёшь, а талант в тебе растёт, растёт, силу набирает и вдруг – раз!словно зелёный побег сквозь грубый асфальт – к солнцу, вот он я!

Кострыкину стало страшно, а вдруг росток этот так и не сможет пробить заскорузлый асфальт его мясницкой души! Он ещё быстрее забегал по квартире, бормоча совсем уж какую-то несурезицу.

«Нужно расслабиться, – решил он, – отвлечься, не заикливаться...» Кострыкин быстренько оделся и, стараясь не расплескать в себе ещё теплящееся утреннее состояние, отправился к школьному другу Володьке, благо жил тот в соседней хрущёбе...

Володька прочитал строчки на вырванном из блокнота листочке и сразу всё понял, поставил диагноз и задумался всего на секунду.

– Нужно расслабиться, то есть выпить, – уверенно выдал решение Володька и достал из сливного бачка в туалете спрятанную от жены бутылку. Выпили. Поговорили о юбилейном Гоголе. Выпили ещё. Поговорили о Пушкине. Бутылки, как всегда не хватило, и Кострыкин сбегал. Обсудили проблему: писал Александр Сергеевич срамные стихи или не писал? Решили, что мог и написать. Но мог и не писать. Потом Володька, желая блеснуть познаниями, выудил из памяти интересный факт:

– Между прочим, песню, которую Никита Михалков поёт в фильме «Жестокий романс», написал индийский йог Рабиндранат Тагор. Представляешь, индийский йог для наших цыган песни писал!

– Он не йог, – возразил Кострыкин, покопавшись в памяти.

– Йог, – настаивал Володька, – это в книжке «Двенадцать стульев» написано! Сам читал.

– Да нет! – окончательно вспомнил Кострыкин. – Это был сын Рабиндраната Тагора! Сын. И не в «Двенадцати стульях», а в «Золотом телёнке».

– Ну, если сын йог, – логично предположил Володька, – то и отец йог, у них там по-другому никак нельзя, там же кастеты. То есть, тьфу – касты! Уж если ты слесарь, то и детям, и внукам, и правнукам только в слесаря!

Стихи прочитали несколько раз, Володька совершенно не сомневался – талант! Явно! Однозначно! На этот раз в магазин побежал Володька...

Бегали ли ещё, что обсуждали, когда и как Кострыкин возвратился домой, он не запомнил. Воскресенье закатилось стремительно...

В понедельник Кострыкин хмуро рубил мясо и мучительно вспоминал, что же это такое было в воскресенье? Что это так обрадовало и взвинтило его? К Володьке идти не было никакой возможности, у того вернулась из поездки в родительскую деревню жена Люська. А она очень не одобряла, когда Володька с Кострыкином выпивали больше одной бутылки...

На листочек с четырьмя строчками Кострыкин наткнулся в апреле, когда убирал в шкаф зимнюю куртку. Он прочитал написанное, помолчал, потом мелко-мелко порвал листочек и выбросил его в форточку. К обрывкам метнулись было обманутые голуби, но тут же опомнились. «Голубей баснями не кормят», – ухмыльнулся Кострыкин. В душе его сладко плавилась печаль. Он знал, что не напишет больше ни одной стихотворной строчки...

* * *

На свете был только один настоящий человек. Человек с большой буквы. Во всяком случае, я так думаю. И мне очень, очень, очень жаль, что это не кто-то из моих родителей. Что это не мой первый учитель и не классный руководитель. Что это не мой тренер. Что это не один из моих друзей. Может быть, таким был мой дедушка, но он пропал на войне, и я даже его не видела и не знала. А по фотографии да по рассказам родителей разве что-нибудь поймёшь?

Изо дня в день я внимательно присматриваюсь к людям и вижу, что все они с изъяном, с червоточиной – или трусы, или эгоисты, или стяжатели, или лжецы. Лишь один человек кристально чист. И его внутренняя красота отражается в красоте внешней. Стоит только взглянуть на его лицо, и сразу станет ясно – он честен, бескорыстен, он хочет счастья для всех! Этот человек давно погиб, но светлая память о нем жива в моём сердце. Эрнесто Че Гевара. Просыпаясь, я смотрю на его портрет в красно-чёрных тонах, висающий над моей постелью, и сердце моё наполняется надеждой и верой в то, что у человечества есть будущее.

Тебя нет пламенный Че, и мне не пробираться с тобой колумбийскими джунглями, не делить с тобой скудную партизанскую пищу, не отбиваться от подлой засады, не защитить тебя от предательской пули.

Я плачу по тебе, мой Че, я шепчу твое имя, и я тоже хочу счастья для всех! И пусть не собран ещё где-то в горячем цеху для меня Калашников, знай, я не дрогну! Я плачу по тебе, мой несгибаемый Гевара, но взгляд твой наполняет мое сердце теплом и твёрдой надеждой. Патриа о муэрте!

Ивановская область

**Ян
Бруштейн**

**Вероника
Алеева-Недоброво**

**Мария
Махова**

**Максим
Евстифеев**

ЯН БРУШТЕЙН

ВЗЛЕТАЮЩАЯ ИЗ ТРАВЫ

Когда я снова буду жить,
Прорвавши плевру сна и страха,
И злым конём из-под вожжи
Мне завизжит огнём рубаха,
В которой медный брадобрей
Мне из дверей швырнёт поноску,
Подумаю, что мир – добрей,
Хотя и вылеплен из воска,
Попробую на утро выть,
Но только вынырну из мрака,
И тут пойму, что я – собака,
Взлетающая из травы!

ПЕПЕЛ

Ну что, моя красавица,
Ты лучше, чем тогда была.
Не выпито с лица вино,
Не съедена с ладошки мгла.
Затеряны давно века,
В которых этот свет мерцал...
Я – из травы, ты – с облака,
Ну как сумели встретиться!
Казалось, будем вечно мы,
Но стало много толку ли –
Крича грачами вешними,
Мы годы перещёлкали.
И пеплом дни последние,
Засыпали постели нам.
Не оставляй во зле меня
Погасшим и потерянным!
Спугнёт однажды утро вой,
Стирая блики облика...
Пока я прорасту травой,
Ты растворишься в облаке.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Греховодные сны и подводные страхи,
И подлётное время прервалось на взмахе,
В час, когда на часах без пяти,
Четырёх, или трёх до рассветного мига,
И ломается сон, и рождается книга
Из того, что я бросил в пути.

Но не даром я слышу, как дерево дышит,
Как приبلудные птицы садятся на крышу,
Как в печи голосит домовой.
Как скрипят половицы, сгорают страницы,
И старается сад на меня разозлиться,
И срывается ветер на вой.

Этой новой забавой, кленовой отравой
Надышался до боли, но прокляли травы

Взмах моей неумелой косы...
Где раскосы берёзы и ласковы осы,
Снова падаю в сон, словно в реку с откоса,
Улетаю с ничьей полосы.

ГАЛКИ

И кто бы знал, куда иду,
Когда тревожит ветер с юга,
И небо злое, как дерюга,
Забытая в моём саду.
Наш дом сегодня – сирота,
Он дремлет и почти не дышит,
И видит сны под старой крышей,
А в них – простор и пустота.
Меня там нет. Собачий след
Засыпан временем и снегом.
Я – в городе, сыром и пегом,
Где первый нем, а третий слеп.
Второму – мне – не по себе.
Зима растает, и не жалко...
А по весне вернуться галки
И будут жить в печной трубе.

ОБЛАКА

Там, где улица моя деревенская
Поворачивает круто на юг,
Разлилась тоска такая вселенская –
Даже птицы от неё не поют.
Петухи молчат, как будто зарезаны,
У соседа сдохла бензопила...
Нынче улица скупая и трезвая,
Никогда она такой не была.
Наши псы сегодня злы и взъерошены,
Только нюхают парок от земли.
Дай нам, Боже, хоть чего-то хорошего...
А по небу – облака, корабли...

ЦИКАДА

Красным сбрызнута серая ветошь заката,
Волны зло и отчаянно лупят в причал,
Там, где я их стихами не перекричал,
Воздух пряный и сладкий, как будто цикада.
Но слышна эта кроха, ночная цикада,
Заливается, словно в начале начал,
Как бы мир ни состарился, ни измельчал,
Всё же бляеьем вторит овца из закута.

Отвечает ей птица из горного дыма,
От которого тает глухая вражда,
Даже если бездонна и непримирима...

И не пробуй дремать под шуршанье дождя,
И не ври, что все стрелы истории – мимо,
И не жди, что спасёшься, во тьму уходя.

ВЕРОНИКА АЛЕЕВА-НЕДОБРОВО**КАПЛИ ЛЕТНЕГО ДОЖДЯ**

Капли летнего дождя веселят Ветлугу.
Чайка рыбкой (это чудо!) потчует подругу.
Там и тут рыбачьи лодки – в поисках удачи.
«Милая, любимая, почему ты плачешь?»

Бесконечный горизонт весь объят закатом.
Засыпают цветики по зелёным скатам.
Ах, кузнечик запоздалый, замер и не скачешь.
«Милая, любимая, почему ты плачешь?»

Невесомым молоком залиты долины.
Утренние облака словно исполины.
В целом мире ты одна ничего не значишь.
«Милая, любимая, почему ты плачешь?»

ЮНЫЕ ПИЛИГРИМЫ

По серебряному полю шли мы,
Юные смешные пилигримы.
Уходили от судьбы по снегу.
К неизведанному жизни берегу.

Ах, как небо серебрилось звёздно,
И венчаться было нам не поздно.
Не взглянули мы в глаза друг другу.
Взял ты в жёны злую-злую вьюгу.

Ну, а я – повенчана с морозом,
Не цвести благоуханным розам.
И в не нашем том саду-садочке
Всё чужие – и сынки, и дочки.

* * *

Я за всё заплатила сполна,
За упрёки, за гордость, за слабость.
Муть обид, что взметнулась со дна,
Наконец-то совсем устоялась.

В уголочек забились душа,
Не смеются глаза, не искрятся.
На былинку смотрю не дыша,
Не могу от неё оторваться.

Я – былинка. Сорвали меня,
Подломили под самый под корень.
Никого не браня, не вина,
Я спокойно взираю на горе.

С горем я поживаю в ладу,
От него никуда мне не деться.
И в земном рукотворном аду
Вспыхнут сполохи райского детства.

ОСТАНОВИ КОНЯ

Останови коня! Уже в крови
Горячие от скачки удила.
С седла нагнись, траву-полынь сорви.
Такие, брат, немилые дела!

С кровавым потом горечь ту смешай.
Свои глаза ты долу опусти:
Вот соль земли, судьбы твоей межа.
И кто-то тихо вымолвил: «Прости».

* * *

В реке я полощу свои печали,
Где чёлн невзгод и бед моих причалил.
Печаль-косынку опушу я в воду.
Прозрачна и легка. За ней без броду
Пойду с закрытыми глазами. Боже!
Печаль-косынка меньше всех. До дрожи
Я холожу в реке свои ладони,
Распластан саван и никак не тонет,
Такая уж печаль! Бела до боли –
Всё время подсыпает в рану соли.
Как парус корабля – печаль другая.
Простёрлась так, что не видать и края.
Не удержу, так рвёт её теченьем.
Всё. Поплыла (смотрю я вслед с волненьем),
С собою увлекая все печали.
И чёлн невзгод и бед моих отчалил.

О, КАК ДАВНО

(ВВЕРХ ПО РЕКЕ)

О, как давно отец меня ребёнком
На лодке вёз по меленькой реке.
Шёл вброд, таща нас за собой
Сквозь аромат удушливых растений,
Свисающих с заросших берегов
К нам прямо в лица.
Вода журчала,
Упруго упираясь в его ноги,
Обласканные шоколадным зноем.
А по нагой спине царапалась
Густая ежевика,
Кровавые полосы оставляя
От остриёв шипов,
И синие – от перезревших ягод.
Атласной кожей мускулы играя
(Казалось, разорвут от напряженья
Живой покров свой),
Ещё красивей делали отца.
И в такт шагам покачивалась гордо
Копна каштановых сверкающих кудрей.
Как Аполлон, как богочеловек,
Хотя ему и минуло полвека,
Тащил он чёлн по времени-реке.

МАРИЯ МАХОВА

* * *

Это они придумали города в сквозняках,
это они придумали клумбы вместо рябин,
и чтобы с любой точки просматривался твой страх,
если не господин ты, если ты здесь один.
Кто там из нас последний, кого там свернёт в дугу,
вот он, закон последствий – это уже не ты,
но ты не один, мальчик, не плачь, я уже бегу,
я тоже умею плакать, я тоже вон с той звезды.
Над городом ходят тучи, то смог висит, то гроза,
заразны его асфальты, закован в железо смех.
Мой голубоглазый мальчик, не закрывай глаза,
не отпускай небо, смотри, пожалуйста, вверх.
Вот так мы в ночи безлунной ныряли в большую пасть
неведомого нам зверя, что холоден был и тих,
а древние галлы думали, что небо может упасть,
а небо упасть не может, но может от нас уйти.
Уйти, как уходят дюны за ветром со всех сторон,
уйти, как уходят реки, как волны смывают след,
уйти, как уходит юный голубоглазый король
туда, где рассвет меркнет, и гул стоит на земле.
Мы плакать не будем, мальчик, нам есть ещё, что сказать,
мы были с тобой и прежде, мы помним ещё птиц,
держи, пожалуйста, небо – не закрывай глаза,
пока ты его держишь, оно не сможет уйти.

ДЕТИ ПРОПАВШИХ ЛЁТЧИКОВ

А дворовая безотцовщина тайно верила в папу-лётчика,
а Андрюха, невзрачный, маленький, хоть и жил целый год за отчимом,
всё твердил, что он сын полярника,
ну, а мы были дети лётчиков.
В прошлом – праздники коммунальные, коридоры большие, тёмные –
вот панельный дом на окраине, сзади поле и пруд с тритонами,
у меня есть кладовка, лампочка, где в субботу или в воскресенье
я печатала фотокарточки, в красном свете,
забыв о времени.
Уплывали мечты за прочерки, рассыпались в цветное крошево,
мы же, дети пропавших лётчиков, знали что-то намного большее,
будто в нас где-то там поверили и наполнили чем-то доверху,
будто падая с ветки дерева, всё равно мы взмывали к облаку.
Поцарапанные и грязные, мы ползли по оврагам первыми,
мы, естественно, были «красными», никому не хотелось в «белые»,
и орали, но нет, не плакали, больно падая с битых великов,
а ещё воровали яблоки из окрестных садов и ели их.
Вырастала шпана дворовая, уходила в другие плоскости
и искала чего-то нового,
но не в небе и не на полюсе,
только где-то осталась всё-таки эта память за тенью плотную –
у Андрюхи была «будёновка»...
негде взять было шлемы лётные.
Мир вокруг то стонал, то морщился, врал с трибун, планы знал заранее,
ну, а мы были дети лётчиков,
мы готовились к испытаниям,
и когда в небе – гул, и выхватит взгляд одну лишь полоску яркую –
это лётчики-истребители вылетают спасать полярников.

МАКСИМ ЕВСТИФЕЕВ**ЕСЛИ БЫ ЧУДОМ**

Посвящается А.Г.

Давным-недавно, когда апельсины улыбались, а смерть ходила под руку с надеждой, жил мальчик Саша. Родные его не то чтобы не любили, скорее, не дорожили им, называли золоторотцем, дразнили свинопасом, придавливая Сашку своими немощами. Ишь, пустопляс Степанович опять зачитался паршивыми книжками, – ну-ка, берись за дело, оттирай полы, качай люльку с младшей сестрой, да и вон из дома. Босяковская душа, оборванец, грач, вторили соседи, провожая взглядом угрюмца Сашку, который нырял в унылые подворотни и бежал на сизые пустыри, где ему и было самое место. Залатанная блуза сливалась с сумерками, и платье это пришлось подростку по нраву и по размеру. Здесь – не жмет, там – не оттопыривается, серый строгий мундир сидит как влитой, – вот и славно, а у мальчика холодели уши в ожидании предстоящих битв, опасности тарачились из-под засохшего репья и ехидного камня, и капитан Сашка врезался в сумеречных чертей, отдавал приказы: «зарядить пушку тройным зарядом, да покрепче», добавляя соленые словечки.

Потом умерла мама. Обрушилась тишина, разрываемая отцовским кашлем и воем сестер.

Поздним ноябрьским вечером Сашка вышел на улицу, а дом за его спиной сиял вечерними огнями, тускло светился в суровых сумерках грязной осени. Лужи под ногами раскрывали жадные рты навстречу последним каплям влаги в предчувствии дикой стужи, а капли замерзали прямо в воздухе и разбивались о щербатый ледяной оскал луж. Саша брёл по сумраку, словно по вязкому болоту и ворочал языком, пытаясь влагой смягчить пересохший от несчастья рот.

Кусты шиповника, густо-лилового в потемках, ободрали руки, но он уже нащупал запретную калитку. «Сюда нельзя», – шептали звезды. «Остановись», – вторила им луна из-за решетки туч.

Это была та самая калитка, возле которой они так часто гуляли с мамой и Саша спрашивал: «Что там?», а мама весело отвечала: «Всё!». Они хохотали, и мама проводила ладонью по затылку сына, – волосы вздымались, опадали и счастливые мурашки бежали от шеи к ключицам.

– Мама, что там? Как выглядит «всё»?

Мама приседала на корточки и целовала Сашку, а Сашка обхватывал маму за голени и долго не отпускал, так что мама была вынуждена идти гусиными шагочками мимо калитки, которая весной покрывалась белым цветом, а ранней осенью адела пухлыми ягодами шиповника. Надкуси осторожно – и прольётся благословенный сок, который теперь никогда не будет течь, потому что – высох.

А войти в калитку было никак нельзя, мама запрещала, сердилась, морщила узкий нос, сводила брови, становилась суровая, усталая, больная и говорила: «золоторотенька», и тогда за мамиными плечами вставали печали, боли и тени будущих насмешек над взрослеющим угрюмым сыном.

Саша толкнул калитку, – если здесь «всё», мама, пусть оно станет хоть чем-то. Пусть будет кем-нибудь, кого я смогу любить...

Он вошёл.

И вышло море.

– Здравствуй, Саша, – сказала море.

Оно было белое и седое. Переливалось, вздрагивало, стремилось в Сашины зрачки. Саша зажмурил глаза, закусил губы и бросился на море с кулаками.

Ударил – вздрогнуло – провело мокрой кистью по Сашину затылку, и кожа сомлела под потоком чудесных мурашек.

Мальчик положил руки на талию моря и сжал ладони изо всех сил. Он хотел, чтобы из-под ногтей показалась кровь, он читал в какой-то взрослой книжке, что у главного героя в минуту напряжения из-под ногтей выступила кровь, но сквозь пальцы полилось прохладное соленое молоко.

– Погладь меня по затылку, – попросило море.

Саше ничего не оставалось, как открыть глаза, иначе, как узнаешь, где находится затылок моря. И тут же зрачки мальчика остановились и потухли.

– Я умер? – спросил мысленно мальчик.

– Тебе решать, – прошептало и сникло.

Саша увидел ступени. Босые ноги шли по каменным ступеням, щербатым, тёплым. На одной из плит в тени платана лежала древняя кошка. Она посмотрела на Сашу, зевнула и превратилась в грача. Тот взлетел, защелкал по-воробьиному и спикировал на мороженщицу, которая стояла на солнечной площади, откинув голову назад, разглядывая плотную вату небес.

Саша бежал – по лесенкам, ступеням, камням, мчался, летел, задыхаясь от нежности, пугал грустных муравьёв, пересекающих теплые сонные плиты. Сочные груши валялись под ноги и разбивались на миллионы бежевых брызг. Платаны и вишни, сирени и пыльный, изумленный чертополох – все смеётся и изнывает от предчувствий. – Где я, где? – Солнце палило, било наотмашь, влепило мальчику затрещину, – и Сашка кинулся в водную пенную чашу фонтана, захлебнулся, закашлялся, выбрался на берег и раскинулся на бледной мостовой. Руки – к голубому, ноги – в попыхах, сердце дрожит, пугливое, бедное – схватить его рукой, ах – пальцы не достают до сердечной мышцы. – Пальцы коротки! – завопил Сашка, вскочил, схватился за румяные щёки и закружился, как веретено.

А город замер, вдохнул и закружился вокруг Сашки всеми своими легкими садами, узкими, точечными улицами, крутыми и пологими лестницами, потаенными арками и хрупкими мостами. Стоило лишь скосить глаза, затаить дыхание и увидеть оборотную сторону этого невозможного города, понять, что лишь каменный, отчаянный дух гибких мостов, охряных площадей, оливковых папоротников призвал к жизни это торжествующее небытие.

– Тебя нет! – молил Сашка. – Тебя – нет!

– Есть, – шептало, пенилось, лилось. – Есть, Саша, я – есть!

Это город болтал, приговаривал, насмехался, лепетал, напевал счастливое, тёрся о ноги мальчика, слизывал крупички соли с пальцев. Сашка отпихивал его, мычал что-то нечленораздельное, но городу было всё равно – он подвывал от счастья, от нежности – постанывал, лез с поцелуями.

– Ты... ты меня всего облюбявил, – Сашка взмахнул руками – и день съёжился, опечаленно дрогнул и порыжел.

Явился закат.

Солнце стекло в морскую чашу, будто кусок пылающего оранжевого сахара в пунш, и влага в чаше расплавилась потоками, ручьями, завилась, посыпалась бликами, умерла, чтобы воскреснуть, насытиться жизнью.

Сашка облинулся. Широко открыл рот, воображая, как он сейчас проглотит солнце, – но нет, не получилось, солнце влетело в огромную мужскую ладонь, взявшуюся неизвестно откуда, и та немедленно захлопнулась, так что суставы хрустнули, словно мокрый снег под каблуками. И вдруг толстые крепкие пальцы осветились, стали нежно-прозрачными, лучики пробивались сквозь сжатый кулак и тот смущённо заёрзал – видно, солнце попало щекоотливое.

– Отпусти, – попросил Сашка.

– Кого? – удивился кулак.

Он кулака отходила мощная рука, которая вела к предплечью, а там уже густела смоляная борода, лепился картофельный нос, шурились синие очи. Моряк в вязаной безрукавке, суконных штанах стоял, широко расставив ноги, и смотрел на Сашку, будто выбирал, съесть его сейчас же или оставить на завтрак.

– Ты меня не съешь? – спросил Сашка.

– Съем, – шлепнули шершавые губы. Кулак разжался – на ладони оказался апельсин, а солнце подпрыгнуло, перекувырнулось через себя (а что там и было-то – одна рыжая вихрастая голова), плюхнулось в пунш, задев чубом пару хмельных русалок. Рванулось покрывало сумерек, погас все-ленский свет – и засияла ночь. Один апельсин светился на ладони моряка, и пристальный ночной глаз моря следил за ним исподтишка.

Моряк обнял Сашку и повел его к одной из лачуг, латаных хижин, которых было здесь много. Около них стояли люди, глядели на ночь влюбленными глазами, ели что-то дымное, ароматное, перешёптывались, кто-то растянулся на траве, другие тихонечко пели, выводя туманные невесомые звуки. Горели костры, пахло чабрецом, полынью и ещё чем-то вечно-солёным, вечно-прекрасным. Звенели кузнечики, порскали ночные жабы, брехали собаки, горели зрачки диких звёзд. Моряк держал Сашкину ладонь в своей, словно отец, имеющий право на властную нежность, и сердце мальчика звонко отбивало первые часы нежданного бессмертия. Ощущение бессмертия нарастало, тело ныло от избытка нежности, душа ликовала, благодарность рвалась наружу, и Сашка её стыдливо прятал, плакал, потому что не мог понять, чем заслужил это счастье.

– Как же ступени, – пробормотал Саша. – Здесь днём были ступени.

– Они ушли в море? – спросил моряк. – Ты думаешь, они ушли в море? – хотя Сашка ничего такого не думал. – Ты ошибаешься. Смотри! – и он потащил мальчика за собой.

Но уже брезжил рассвет. Из тьмы выростали ступени, сады, фонтаны, кольца площадей и спирали улиц, сеть мостов над улицами и площадями, террасы, увитые диким виноградом, завитки плюща, изгороди из блестящего самшита; губы рассвета нашептали ветер, и султаны розмарина принялись раскачиваться, лимонник – благоухать, будто невидимые существа растёрли его чуткими пальцами. Заря заливалась досадой, лачуги прятались внутри дня, словно были написаны молоком на белой бумаге, и только следующая ночь могла проявить всё то, что было записано, зацеловано, забыто.

Город вышел из Сашиного ребра, он был безмянен и тих. Моряк и мальчик остановились в центре старой площади. – Ты должен назвать его, – сказал моряк. – Он не выстоит долго. – Сначала посмотрю, – взмолился Сашка. – Я же ничего не знаю, не видел.

– Смотри, – согласился моряк. – Но помни: не назвал – не существует. – Ага, – кивнул Сашка и повторил: «Не назвал – существует».

– Да нет же, – попытался возразить моряк, но осёкся.

Площадь вздыбилась, пыль взметнулась, пошла куролесить волнами, и явились люди-корабли. Шли, кренясь и покачиваясь, разносчики сластей – барки, восторженные актёры – бригаантины мчались наперегонки с мальчишками – шхунами, за ними бежали сердитые шлюпы – городовые, холёная узкобедрая дама – флейт выступала из клубящегося облака пенных всклокоченных брызг, отдуваясь и кряхтя, спешил за ней купец – галеон.

– Существует, – вскрикнул Сашка, – существует. Вот отсюда, – и он ткнул пальцем в упругую лавровишню – будет выходить губернатор.

Лавровишня немедленно осыпалась изумрудными парусами великолепного фрегата.

– Здесь, – и Сашка махнул рукой в сторону пышущего жаром гранатового дерева, – обитают толстосумы, а там – желтолицые малайцы, – и хурма задрожала, вынеслась вверх как шквальная ракета, перевернулась корнями вверх и хлопнула расправленными парусами звонкой джонки, которая немедленно почтительно склонилась перед кичливой каравеллой. – А вот тут иол, баркентина и аак, а ещё... Сашка вздрогнул – его уже давно звал моряк.

– Прощай, сынок.

Саша все понял, сердце заныло, горло сжалось: «Мне пора?»

Матрос кивнул.

Прощай, большие кулаки и теплые ладони. Прощайте барки, баркентины, шлюпы и шлюпки, прощайте самшит и лавровишня, волны и дюны, простите меня, подвесные мосты и кружевные площади...

– Последнее, Саша, – сказал моряк. – Назови её.

Девушка стояла около цветущего апельсина и глаза её были пусты и серы, в блеклой поволоке, словно небо в Страстную Пятницу.

– Я не могу, – прошептал мальчик испуганно. – Её – не могу.

– Она ждёт.

– Не могу, – твердил Сашка, – Не могу, нельзя, не получится.

– Кем она будет? – требовал моряк. – Барк, баркентина, бригаантина, иол, флейт?

Сашку качал головой, его качнуло, понесло...

– Он очнулся!

Мальчик открыл глаза. Над ним стоял отец, сестры. Усатый доктор, водивший перед его носом толстой тяжёлой ладонью с длинными глубокими линиями судьбы, жизни, удачи.

– Вы уж понежнее с ним, – пробасил доктор и склонился низко-низко, щекоча усами Сашкины губы. Склонился и вдруг прошептал одними губами: «Назови её».

Саша кивнул. Глубоко вдохнул и вновь поплыл. – У него же кровь пошла носом, да сделайте же что-нибудь, доктор Зурбаган!

– Какая странная фамилия, – думал Сашка, обходя апельсиновое дерево. – Доктор Зурбаган – это же немисливо...

Он взял её за руку, тихонько подул в пустые зрачки и сказал: «Алые паруса».

Через мгновение хлопнул шёлк, просыпался апельсиновый цвет и девушка прозрела.

Республика Удмуртия

**Вячеслав
Ар-Серги**

**Лариса
Марданова**

ВЯЧЕСЛАВ АР-СЕРГИ

ПОЛНОЧНЫЙ КЫЛБУР

Остэ ! Кылбур мой, кылбур* ,
Золотой мой удмуртский кылбур...
Полон музыки камской,
Вышины ты уральской !

Сколько слёз пролилось
В твои реки широки,
Сколько горя ушло
В твои краткие строки...

Но неплохо тобой и смеялось
Счастья смехом – совсем удальцом,
И немало любви так венчалось
Птахой божьей – под белым венком.

Мы с тобой ослепительным днём
Добрый делом , на благо, живём –
Заслоняем друзей от беды мы собой
И врагам продохнуть не даём...

...Вечерами же тени удмуртских поэтов,
Ушедших по рекам, великих поэтов –
Все сидят вот за этим столом,
За моим очень скромным столом...

Смотрим с ними мы в ночь,
Видим в звёздные бреши сонмы богов,
Об ушедшем печали нам не превозмочь –
Уповаем в молитвенность слов.

Ах! Наш стих ты – кылбур,
Золотой наш удмуртский кылбур,
Ты храни нас в кромешную ночь,
Откровение свыше – полночный Кылбур !

МОИ УДМУРТСКИЕ АПРЕЛИ...

Мы странны для себя, кому-то непонятны...
Лесной народ, пришедший из степей,
Но наши песни всем заняты –
На их мотив бежит лесной ручей.
В апрельском паводке рождённый в мир,
Я реки разные и слушал и видал,
Чу! Каждая река – как ручейковый пир,
Где каждый в гости сам себя зазвал.
Поют ручьи – на разных языках,
Но языком, уже чужим, гудит река...
Мне не принять её замах –
Немеют тут удмуртские века.
На берегу стою я не своём,
Как памятник, и не печалюсь об одном,
Что вот сольются в соловьиной трели
Моих грачей удмуртские апрели...

ОКТЯБРЬ

Кисти рябин прихватило
Колким морозцем ночным.
Грустью в груди защемило... –
Дымком потянуло печным.

А в прошлом мы чинно уселись
За щедрым семейным столом –
Как будто бы птахи слетелись
Над домовитым гумном.

Вот в центре стола – перепечи
И шанежки горкой лежат,
Душевной беседы предтечи –
Пузатые рюмки стоят.

А вот и удмуртской гармошки
В окошко стучит перебор,
Хозяйской дочурки сапожки
Несутся скорей на угор.

Вот там плясунам-то – раздолье –
Осенние свадьбы звенят !...
Я помню фартовое счастье –
Девчонок глаза маяками горят...

...Но застыли рябинами в поле
Октябри мои в снежных дождях:
Лишь один всё гуляет на воле –
С ним дружили мы в юных летах.

ДУМКА

Город – мастерская –
Садоогород...
Ты ли там,
Вздыхая,
Смотришь в омут вод?
Птицы замолчали,
Замерли кусты.
И молчат в печали
Жухлые цветы.
А с церквей несётся
Колокольный звон.
В душах остаётся
Неизбывным он.
Я тебя обидел,
Затаив любовь.
Вовсе не предвидел
Повстречаться вновь.
Что, просить прощенья?
Знаю – не простим...
Милые мгновенья
Вряд ли повторим.
Тот же локон,
Тот же самый стан.
...Красный свет из окон
Просит: «Перестань...»

*кылбур (удм.) – дословно: языка и слова тук и благодать; здесь-стихотворение, стих.

ЛАРИСА МАРДАНОВА

ДЫМ ИЗ КУАЛЫ

РАССКАЗ

В густом, как молоко, тумане, скачет жеребёнок. Он носится по кругу. Там же видна какая-то тень. Что это? Подняв подол платья до колен, захожу в пелену тумана. Спешу к жеребёнку. Обильная роса моет мои белые ноги. Я бегу, а по спине бьёт тяжёлая коса, рыжие, как солнце, непослушные волосы прилипают к вспотевшим щекам.

Неожиданно жеребёнок пропал. Растворился. Передо мной – нечто похожее на шалаш. Дым, идущий оттуда, щекочет мне ноздри. Что в этом шалаше? Открываю лёгкую дверь...

Туман...

Остэ, мой Инмар, Воршуд, великий Мудор, Кылчин-Инмар! Полными чашами и новыми хлебами тебя вспоминаем!

Мои посеянные хлеба, как твои земляника и клубника, пусть поспевают-родятся, если корней, так пусть будет тридцать, стеблей пусть будет двенадцать, зёрен пусть будет тысяча, с камышовой соломой, с серебряным колосом, с золотым зерном! Чтоб это хлебное поле не обскакать белке, не обещать кунице, не проскакать хорьку!

Тёплые дожди принеси, южные ветра нагони, добрые года-времена дай!

Во время дождя не нахожу себе места. Темно. Холодно. Страшно.

– А это кто, мама? – На пожелтевшей фотографии с резными краями – высокий худощавый мужчина. Белая рубаха перетянута ремнём, на голове – щёгольской картуз.

– Это мой дед. Перед новым домом. Здесь ещё и сам молодой... Такой дом отгрохал, а сам пошёл по миру.

– Это же наш дом в Асаново! Хотя и старый, всё ещё стоит...

Дом с четырьмя окнами на улицу, с четырёхскатной крышей на снимке выглядит довольно шикарно. От него в сторону сада идут высокие ворота, также увенчанные крышей. Сразу видно – крепкое хозяйство, особенно если сравнить с современными однотипными колхозными квартирами, робко смотрящими в этот мир своими темными окнами.

– Настоящим хозяином был дедушка. Когда мы, малышня, ещё босоногие бегали, он был уже немолод, однако мать с отцом всегда обращались к нему за советом. Серьёзного, делового человека уважала вся деревня. Иначе не избрали бы восьсем. Каждое утро он аккуратно расправлял лоскут белой ткани, и, став на колени, молился в сторону восхода солнца. Какие-то вещи хранил над окном, чтобы мы, малые дети, не достали. Что там было?

А в колхоз таки не вступил. Говорил, что только лентяям могла прийти в голову такая поганая идея. У него же, мол, хлеба в скирдах хватит на пять лет, а эти голодранцы, в случае чего, только затылки будут чесать...

Тогда мы, пионеры, смеялись над ним: «Дурак ты, дедушка, ничего не понимаешь».

Потом его записали в кулаки, и он, спасаясь от ссылки, пошёл по соседним деревням. Иногда и до нас доходили слухи, что тут или там заходил наш дедушка к знакомым, которые его кормили, давали тёплую одежду.

Какой же он был кулак? Чужая работа ему не нравилась – всё делал сам. Говорил, что после смерти и гроб не сколотят как следует – сам и смастерил при жизни. Подняли его на чердак. Так я никогда туда и не поднималась – жутко. А гроб потом сделали новый. Тот, видимо, был великоват.

Ступени лестницы, ведущей на чердак, покрыты пылью. Солнечного света, проникающего сквозь окно, затянущееся паутиной, ни на что не хватает. Внимательно смотрю под ноги, оглядываюсь, держась за развешанную кругом одежду. Пыль. Запах плесени.

В левом углу – два улья. Кто их сюда поднял?

Ткацкий станок прабабушки. Нити натянуты, челнок заправлен. Можно прямо сейчас сесть и продолжить начатую работу.

Гроб прадедушки...

Домовина без хозяина. А что сейчас в нем? Открываю. Маленький коробок. Внутри – кость от птичьего крыла, сушеная рыба, начавшаяся крошиться, ветка берёзы, клубок ниток...

– Милые мои, золотые! Вы – мои хранители, вы мои кормилицы! Вы – моя радость!

Господи, храни моих пчёл! Хорошую погоду дай им, крепкие крылья, красивые тельца. Наведи их на самый сладкий нектар, на самые красивые цветы.

Приложив ко лбу ладонь козырьком, чтобы от утренних лучей солнца не прослезилась глаза, просит старик благословения для своих пчёл.

Не спится Андрияну. В молодые годы недосыпал – всё работа да работа, теперь же сон не идёт – в голове крутятся всякие мысли.

В расцвете лет Андриян построил дом. Конечно, не обошлось без помощи отца и братьев. А как без этого. Братья предлагали собрать односельчан для помощи, но Андриян махнул рукой:

– Знаю я, как там работают: «Не себе, сойдёт. На моих глазах не развалится – хорошо». Не последний день живу. И один справлюсь.

Дом поднимался медленно, тяжело. Зато какой! С любой стороны подъезжай к деревне – сначала увидишь этот дом с зелёной крышей. В год закладки фундамента по другую сторону ворот посадил два тополя – в честь своих сыновей. Думал, что состарится рядом с ними – не получилось – один ещё в детстве умер от тифа, другой утонул в деревенском пруду.

А младшая, Марья, вышла замуж за скромного, тихого парня из соседней деревни. Пожив несколько месяцев в доме Сани, вернулись обратно в Асаново. Скучно было Андрияну одному. Да и зятю его, самому старшему из многодетной семьи, всё равно пришлось бы отделиться от родителей.

Дом наполнился детскими голосами...

Жизнь Андрияна стала входить в своё русло: из года в год получал он добрый урожай, хороший приплод. Построил две ветряные мельницы. Своими силами.

– Разговор есть, Андриян, – перешагивая через порог, староста немного наклонил голову.

– Поговорим, коли так, присаживайся, – старик хотел посадить уважаемого человека в красный угол, но тот опустился на скамью возле дверей.

– Не беспокойся. Я по делу. Знаешь, что скоро Петров день, а восяся нет. Кто проведёт этот праздник? Жаль, Митрей рано ушел из жизни. Жить да жить бы ему ещё...

– Да, рано забирает Господь добрых людей...

– Я вот что думаю... Поспрашивал я у селян. Тебя хотят видеть восясем. И отец твой на Молении, кажется, был куриськисем. Так вот...

– Хм. Задал ты задачу...

– Я ведь не о своем забочусь – передаю, что народ говорит. Других подходящих людей вроде и нет.

– Так-то я никогда не шёл против сельчан...

– И сейчас мы надеемся на тебя...

С волнением ждали в деревне Петров день. Как он пройдёт? Восяси часто не меняются. Сможет ли Андриян провести всё как следует? А Евдокия? Какие скатерти и полотенца принесёт она? Какую кумышку приготовила?

Важно держится Андриян. Огненно-рыжие с седыми прожилками волосы его спрятаны под чалму жреца, белый халат перетянут сукном. Уже не молод, но крепко стоит на ногах, руководит молением. Смотрит в сторону торо, и, видя, как тот одобрительно кивает головой, продолжает читать свои молитвы. В одной руке его – берёзовая ветка, в другой – чаша.

Под тремя соснами пыхтит-варится каша. Вот в соседний костер бросили перья жертвенной утки. Все цвета радуги заиграли на этом огне. Сквозь это пламя видит Андриян кресьчи. Со струн Быдзым Крезя поднимается к богам Мелодия Поиска Небесной росы.

Женщины неспеша расстилают скатерти, режут хлеб.

Всё по чести, всё как следует...

Когда будем свозить снопы на гумно, пусть их хватит, чтобы сложить скирду на двенадцати подставах, чтобы сверху донизу овин был так полон снопами, чтоб от тяжести кабан снизу расхотелся, да чтоб сверху ещё не поместилось!

Благополучия дай! Чтобы от восхода до захода солнца слышащему слышать, видящему видеть нашу добрую славу!

Снова бегу к своему шалашу. Но почему-то сегодня от него веет холодом. Дверь открыта настежь. Рядом на камне сидит женщина в чёрных одеждах. Из-под тёмного платка глаз не видно, только от голоса её мурашки по коже:

– Кто растопит огонь в куале? Погибнет ведь род... Воршуд наш обидится, бросит нас... Эх, сердце моё...

– Чем не понравилась ему моя утка? Он что думает, теперь может всё делать по-своему желанию? Нет, не будет ему такой свободы!

– Не болтай зря, боги разозлятся. Таков закон – за то, что его выбрали восясем, он первый должен принести жертву. Придёт и твоя очередь. Не волнуйся. На Покров, скажем, ты принесёшь свою утку, – пытается успокоить Пичи-Прокопия староста.

– Нет, просто так это дело ему с рук не сойдёт, и мои мольбы услышит Инмар, я хотел, чтобы он и мои гостинцы отведал. А дошла моя очередь, такие как Андриян меня опередили. Хорошо. Если не здесь, то в другом моя возьмёт. Покажу я ему, в какую сторону земля крутится! – приземистый Прокопий поспешил в сторону недавно открывшейся конторы. Быстро поднялся по скрипучим ступеням.

Громко хлопнула за ним тяжелая дверь.

– С этим надо держать ухо востро, – пробурчал себе под нос староста. – Не жди от него добра...

– Вот, пожалте, посмотрите, в каких дворцах они живут, а в колхоз вступать желания не имеют. В моей бумаге нет ни одного выдуманного слова, всё как есть, – не успев перешагнуть через порог и не поздоровавшись с хозяевами, Прокопий встал на цыпочки перед новым, недавно назначенным, председателем колхоза. – На что ему такой большой дом? Вот в конторе колхоза протекает крыша, а на ремонт денег нет. Случись чего – мне, счетоводу, и придётся держать ответ за важные документы. Лицо колхоза – контора. А у нас она на что похожа? Вот такой дом как раз бы и подошёл...

Страшные огни загорелись в глазах Андрияна. С кулаками он направился в сторону Прокопия, но тот, почувствовав опасность, выбежал из дома.

– Вон отсюда! Чтобы ноги вашей не было в моём доме! Ни одной щепки вам не дам! – грозно зарычал Андриян.

– Я должен завтра же отправить эту бумагу в район – что там скажут. Это моя обязанность, – председатель колхоза схватился за ручку двери.

– Вон! Чтобы я вас тут не видел!

После ухода незваных гостей Андриян без сил опустился на лавку. Посидел немного молча, потом, словно вспомнив о чём-то, резко сорвался с места, подошёл к окну, достал какой-то свёрток. Руки его дрожали, поэтому он с трудом развязал его. Перебрав там какие-то вещи, схватился за голову:

– Дети шайтана! Кто взял, кто здесь рылся! Кто должен смотреть за детьми!? – бросил зло дочери. – Всё, всё пропало... Теперь эти дворянчики примутся за меня, всё растащат...

Марья услышала, что один из детей, наблюдавших с полатей за происходящим, всхлипывает...

Отверху летящего, снизу ползущего дурного слова сам сохрани-убереги. От злого слова, злого языка, от злого глаза, от всякой напасти – убереги!

Чтоб мой двор был полон проворными детьми, чтобы они сновали-летали, как ласточки перед дождём. Чтоб по ту сторону реки я отдал семерых дочерей, а на эту сторону реки ко мне пришли девять снох!

Остэ, Инмар! Чтоб возле лошади был жеребёнок, чтоб вырос он в доброго коня с белой звездой во лбу!

Больше я не знаю, что сказать...

– Если почувствует, что боишься, тут же сбросит, будешь смелым – станет тебе верным другом, – похлопывая по загривку, вывел жеребца отец Андрияна.

Мальчик давно просил отца об этом. Не раз он уже садился на других, более спокойных лошадей, но только в своих снах видел, как скачет именно на этом жеребце. Часто представлял себе, как, слившись с ним воедино, мчится по крутому яру. В ушах свистит ветер, а он всем своим телом чувствует, как дышит конь.

А отец не торопился, словно чего-то боялся. И только сегодня, непонятно с чего, он сам вывел жеребца из конюшни. От радости у мальчика перехватило дыхание.

– Или, может, боишься? – улыбнулся отец.

Андрияна не пришлось спрашивать дважды. Вскочил на коня, отец дал ему поводья.

– Я верю в тебя, сынок, – услышал мальчик уже за спиной.

Вот оно, долгожданное время! Весь мир летит тебе навстречу, обними его, удержи! Он сам плывёт тебе в руки. Не надо ни у кого его красть, просить. Нипочём тебе приближающиеся тучи, пускай льёт дождь, это слёзы радости самой природы, пусть этот дождь станет началом нового, прекрасного, глубокого. Пусть всё оживёт, живёт, цветёт...

Вздрыгнул конь от первого грома. Клещом вцепился мальчик в поводья. И только крепчающий ветер ещё сильнее возбудил молодой задор, наполнил тело новой, удивительной силой...

Бесконечные молнии разделили мир на несколько других, мелких. Всё утонуло в раскатах грома. Всё спуталось, перемешалось. Боль. И уже не свистит в ушах ветер. Под тобой – мокрая трава. Маленькая речушка, которую может перешагнуть курица, переполнившись, спешит слить свои грязные воды в Тойму.

Андриян поднялся с холодной земли. Левая рука, словно чужая, беспомощно свисла. От боли мальчик снова опустился на траву. Заметив на ноге тоненькую струйку крови, потянулся за подорожником, однако пальцы его нащупали в траве что-то твёрдое, холодное – не то камень, не то кость, похожую на отточенный наконечник стрелы.

Спрятав находку в карман, Андриян прилепил листочек к ранке, посидел ещё некоторое время, уставившись на коня, щипавшего невдалеке траву. Вспомнил, как отец подзывал своих лошадей свистом. Тихо, словно боясь, чтобы никто не услышал, стал насвистывать знакомый мотив. Конь поднял голову, немного постоял, также глядя на мальчика, и приблизился к нему...

У околицы их встретил отец. Погладил сына по голове, похлопал коня.

– Без этого нельзя, сынок...

Развешивая мокрую одежду внука, бабушка нашла в его кармане удивительную вещь, о которой только слышала от своей матери.

– Господи, Андриян, где ты нашел это? – разжала она покрытый сухими морщинами кулак. – Спрячь это от посторонних глаз, никому его не показывай, не рассказывай. Он принесёт тебе счастье, власть над людьми. Этот грозовой камень даётся только избранным, в нём – сила других миров...

– Кто там? – Евдокия проснулась от осторожного стука в окно.

– Тихо! Открой, я это, – услышала она знакомый голос. – Есть что перекусить? Да и котомка моя пуста, – прямо на крыльце передал Андриян свой мешок жене. – Какие новости? Меня не искали?

– Вчера председатель сказал, что дом трогать не будут, детей, мол, много, куда с ними, – проснулся и зять. – А про тебя спрашивали, говорят, пришла какая-то бумага.

– Может, всё обойдётся, и вас без меня не тронут... Даже не знаю. И в близлежащих деревнях такая же ситуация. Вон у свата из Тойгузино всё отобрали.

– Прокопий всю нашу животину на колхозную ферму свёл, на мельницах повесил замки. Когда тебя искали, не постыдился зайти даже в малую квалу, всё там вверх дном перевернул. Что искал? Эх, горе-то, до чего дожили... Если бы знала, – схватилась за сердце Евдокия. – На лугу возле Большой Куалы пасут колхозный скот...

– А ведь дочь твоя с годами всё больше становится похожей на Марью, – соседка, зашедшая на чашку чая с малиновым вареньем, заводит речь обо мне, – и походка её, и голос, да и рукодельница, – ну вся в неё. Всегда вспоминаю Марью, когда вижу, как она спускается за водой к роднику.

– И сама так гляжу, – слышу мягкий голос матери. – Говорят, всё в этом мире возвращается через поколение. Дочь интересуется предками, такие вопросы задаёт... А я не знаю, что ответить, нас учили по-другому, а своим умом до главного, кажется, и не дошли.

Повидаться с родственниками в Асаново мы приезжаем теперь только летом. Убираем сено на участке, варим на зиму малиновое варенье. Моё любимое место здесь – яблоневый сад. Конечно, называется на нём отсутствие заботливых хозяйских рук – он весь зарос малиновым кустом. Но в один из уголков сада никак не проникнут вездесущие корневища – здесь мой дед Саня заложил фундамент под новый дом. Именно здесь раз в год мы разжигаем костёр, рассаживаемся вокруг и вспоминаем бабушку с дедушкой – Марью и Саню, стариков Андрияна и Евдокию.

Солнце нашего короткого лета уже повернулось на осень, но на льянном поле всё ещё жарко. О чём-то шуршат золотисто-коричневые головки льна, перешептываются с синими васильками. Уте-рев рукавом пот со лба, вновь склоняюсь над жёлто-солнечным разливом. Дёргаю лён, вяжу снопы.

Затем расстелю, помну и из тонкой нити сотку холстину. Длинное белое полотно.

А по утренней росе вновь войду в пелену белого тумана и направлюсь в знакомое мне место, расстилая на пути сотканное полотно.

ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ...

РАССКАЗ

Ситцевое платье в цветочек, которое носила ещё в средних классах, прилипло к телу, выбившиеся из-под платка рыжие волосы – к щекам. Видели бы меня сейчас сослуживцы... Без косметики, в «татарских» тапочках, да ещё в таком наряде... Поправляя платок, смотрю, сколько накопил брат. Было время, когда я была проворнее, ловчее его. Сейчас же мне с ним не сравниться.

– Что, устала? – бросает он косу и идет в мою сторону. – Давно точила? Может, помочь? – берет он мой инструмент и проводит пальцем по лезвию. – О-о-о...

– Стараюсь! Не смотрите, что городская! И сил у меня ещё больше, чем у всех вас, вместе взятых. Жарко-то как, господа. Да ещё эти пауты.

– Хорошо печёт, – подошли и родители.

– Управимся за три дня? – спрашивает дядя – папин брат. Он приезжает к нам раз в год – на сенокос.

– Три дня жариться на этом солнцепеке? – невольно закатываю глаза.

– От масла и сметаны не отказываешься, – улыбнулся отец. – А у коровы молоко известно, где.

– Да я лучше в магазине куплю. Там вкуснее.

– Конечно, ещё и с добавками: с водичкой из-под крана, с растительным белком. А у нас – натуральное, всё своё, как говорится...

Знаю, кто какую фразу вставит дальше и чем это закончится: все разбредутся по своим «полям» и, проклиная невыносимую жару, будут яростно косить. Знаю, потому что не первый год отпрашиваюсь с работы, которую еле нашла на время летних каникул, чтобы помочь родителям в заготовке сена, чтобы угостить своей сладкой кровушкой дикую летающую живность, чтобы увезти гостинчик – двести граммов натурального сливочного масла, которое непременно растает, пока я доберусь до города.

Но не только жара виной моему настроению...

«Ах, перо не грабли, ах коса не ручка»... Такой труд поэтичен только на бумаге, и только с твоих слов, Серёж. А в реальной жизни это даже не проза – хуже. И почему-то никому в такую пору не взбрёт на ум вслух прочитать стихи или спеть песню. Это только в кино, и только в советских.

После целого дня, проведённого под изнуряющим солнцем, у меня просто не останется силёнок сесть за стол и вместе со всеми поужинать. Да, в принципе, уже и не захочется. Хорошо, если доберусь до кровати. Бывало, так и засыпала, не раздевшись, на полу, отбиваясь во сне от паутов...

Вжих! Вжих! Ещё! Вжих! Нет, не слышу никакой музыки, не вижу никакой красоты в этом сенокосе. Наблюдать за косцами приятно только со стороны. Романтика!

Косить уже совсем не хочется. Направляюсь в сторону дяди.

– А вот я бы на твоём месте сидела в своем городе или на море поехала. Зачем тебе все это?

– Ну я же деревенский. Не могу жить без этого. По вам соскучился...

– А тётя не скучает? Как она там?

– У неё все хорошо.

– Вот ты работаешь в своем институте или где там ещё, изобретаешь всякие аппараты, медали за них получаешь, а мини-косилку слабо изобрести? А то трактора да комбайны только в колхозе. И вот который год, да какой там год – который век – вот так вот косим.

– Знаешь, это не моя специальность. Я больше по танкам.

– Ага, видели мы ваш танк. Я, конечно, подробностей не знаю – купили наши в колхозе или им кто-то подарил (хороший подарочек, правда?), но был у нас один. Все ребятишки ходили на него смотреть. Так вот, сказали, что он будет трамбовать силос в яме на зиму. Круто же – такой вес, один раз прошелся – и готово! Радости всем хватило ровно на полтора дня. Пока он там трамбовал что есть мочи, пьяный Витька на колхозном «Москвиче» заехал прямо на этот силос. Ну танк его и прижал к бетонным бордюрам ямы. Вот вам и табани с кровью.

– Ну и юмор у тебя, – усмехнулся дядя.

– Рассказываю, что говорят. Я же сама тоже, как и ты, редко приезжаю. И танки ваши никому не нужны. Как и ядерные боеголовки со сложными баллистическими целями. Народу нужна техника для сенокоса, вывоза навоза и доильные аппараты. А всё остальное – это ерунда. Так, ради галочки для президента.

– Может, ты и права, – снова пошёл косить дядя.

Он у нас немногословный. Так и положено – дядя у нас «засекреченный». Это я одна в семье такая болтушка. Особенно когда работать лень. Хорошо, что сенокос лишь раз в году...

Вообще, я люблю косить. Но только ради воспоминаний. Это как в любви: любить хорошо, а ещё лучше, как говорится – рассказывать.

Косим обычно день и ещё один до обеда. Мне в порядке исключения, как самой молодой, иногда разрешается ворошить накошенное там, где трава ложится толстым слоем – чтобы сено хорошо просушилось. Так что успеваю со всеми ещё и поболтать.

– А я недавно тебя вспоминала.

– Что именно? – продолжает косить дядя.

– Как я пошла в первый класс. Ты дал нам первый звонок на первый наш урок. Подошёл ко мне, взял меня за руку, а за нами пошёл весь наш класс. Я была в огромных белых бантах и такая маленькая рядом с тобой. Но гордая-а-а... И мне хотелось поскорее вырасти.

– И выйти за меня замуж. Помню, как все родственники над тобой смеялись.

– Хороши всё смеяться над малышкой. – Я сделала недовольное лицо и стала ещё яростнее ворошить ненавистную траву.

– Обиделась?

– Буду еще!

Ну почему все издеваются надо мной? Соседки по комнате в университетском общежитии говорили, что когда я прохожу мимо, так и хочется ущипнуть меня, поставить подножку или ещё чего-нибудь в этом роде. Мол, такой у меня вид. Не знаю.

Вечером брат засобирился на дискотеку.

– А ты чего? – отец с удивлением посмотрел в мою сторону. – Не хочешь с одноклассниками повидаться? Я видел, Ленка твоя приехала родителям помочь, и парни ваши вчера катались на мотоцикле.

– Какая дискотека? Я с ног валюсь. Спать хочу – сил нет.

Вовсе не хочу сегодня спать: просто не могу скакать на дискотеке, когда в доме гость.

Когда я приезжаю к родителям, они уступают мне кровать на веранде. Спишь на свежем воздухе, и под крышей. И слышно всё: как ночью молодежь гоняет на мотиках, как утром выгоняют на пастбище коров, а после них гонят на пруд гусей.

– А что Маргарита? – интересуется отец. Они разговаривают тихо, но я всё равно слышу, потому что скамейка стоит прямо под окном веранды. – Не жалует она нас.

У меня запершило в горле от табачного дыма. Сдерживая свой кашель, я повернулась на правый бок, чтобы лучше слышать.

– Да не ладится у нас с ней. Вот, решил, отдохнём друг от друга немного, может, всё и станет на свои места.

– Это ещё в прошлый ваш приезд было заметно. Вся она нервная какая-то. Не наша. Говорил я тебе – другую найдешь. Нет, заупрямился.

– Ну любил же.

– Любил...

Потом они курили молча. Сигаретный запах стал ещё гуще, и мне стало душно. Я откинула одеяло и каждой клеточкой тела стала вслушиваться в их скупой разговор.

– Ребенка вам надо.

– Надо... – глубоко вздохнул дядя.

Они снова замолчали. А я вдруг вспомнила, как в прошлом году тётя Рита достала из тарелки неаккуратно почищенный кубик картошки и, не говоря ни слова, церемонно положила на стол, чтобы все это заметили. Суп доедать она не стала. Да. В деревне я могу сделать салат даже из мелкой немойтой картошки, сваренной для поросят, и всем он понравится. Особенно в такую пору.

Утром разбудили рано, чтобы по росе успеть накосить как можно больше. Но пока разомнется непослушное тело, поминай, как её звали.

Косили до обеда, почти не разговаривая. Все думали о своем, а по большому счёту – об одном и том же...

В полдень расположились в тени огромной пихты, которая росла на нашем участке. Я достала из сумки свежие огурцы и помидоры, варёное мясо, паштет из говяжьей печени, который так хорошо получается у мамы, разлила по чашкам квас. Мама налила всем по рюмочке.

– Ну всё! Снимем второй укос с участка рядом с домом – и перезимуем!

Как я люблю эти слова отца! Это означает, что половина «испытательного срока» под названием «сенокос» прошла удачно. Осталось только ещё раз перевернуть сено, потом собрать его в копны, затем всё свозить домой, в сарай. Всего-то...

После обеда брат с дядей спустились к реке.

– А я и удочки прихватил, – улыбнулся отец. – Часик-другой все равно отдыхаем. – И пошёл искать рыбное место.

Побродив по клубничным полянам, я вернулась к обеденному «столу». Маменька уже дремала: режим.

– Иди к нам! – помахал мне брат. – Вода как чай!

Я спустилась к ним. Они плескались, ныряли, плавали наперегонки, смеялись. Мне страшно захотелось искупаться, посмеяться вместе с ними. Нырнуть и пропасть. Это у меня получается здорово.

И в этот момент я подумала, что в новом своем купальнике я выгляжу слишком толстой.

– Ну!? Хватить шкварки топить! – За острый язык брата в школе прозвали Сатирикончиком.

Я резко повернулась и пошла обратно. Прикусила губу, чтобы не расплакаться. Мама также спала. И даже не слышала, как я подошла. Я взяла малосольный огурчик, карамельку и пошла в сторону кладбища.

На кладбище тоже кто-то косил, но где-то там, подальше. Я перекрестилась, поправила платок и зашла за ограду.

Могила деда была у самого входа. Потому что свежая. Я положила огурчик и конфетку, которые так любил дед, на край могилы, села на скамеечку. Здесь, в тени, было прохладнее, но доставали огромные комары – кладбищенские аборигены.

– Внучка! – обращался ко мне дед всякий раз.

– Я не внучка, я Анечка! – отвечала я ему обиженно.

– Нет, ты внучка!

– Анечка я!

Я не знала, что это за слово и что оно означает. Мне было два с половиной года. И я была первой его внучкой.

– Мы тебя потеряли, – к моему возвращению все уже сидели на поляне. Я тоже опустилась на траву.

– Надо могилу деда поправить. В одном месте земля села. И цветы посадить. Ландыши, как у прабабушки.

– Я тоже думал об этом, – дядя потянулся за пилоткой, которые к сенокосу для всех изобразил из старых газет папа. Он у нас спец по этому делу. – После сена обязательно ходим. Да... Быстро пролетели полгода...

– Перекур окончен, – объявил отец прокурорским голосом.

Все стали крихтя, ойкая и поддразнивая друг друга подниматься со своих мест.

Ворошить сено намного легче, чем косить. И быстрее. А потом можно отдохнуть, пока оно полностью не просушится. Главное, чтобы не было дождя. А то налетит невесть бог откуда малюсенькая тучка, даже безобидное на первый взгляд облачко – и «наплачет» на твой участок. И только на твой, потому что на соседнем трава ещё растёт, а другой участок уже «стриженный». Тогда придётся ворошить по-новой. И так до победного конца.

– Как работёнка? Нравится? – спрашивает дядя, когда я оказываюсь рядом. Как будто это ему интересно. Не глядя на него, знаю, куда он сейчас смотрит – на мои полные ноги. Раз! – поднимаю на него глаза. Так и есть! Он мило улыбается мне, как будто так и положено.

– Работа – она везде работа, – смотрю в его бессовестно-голубые глаза.

– А в городе чем ты конкретно занимаешься?

– Делом! Работу работаю! – натягиваю улыбку и только из уважения работаю рядом с ним до конца этого захода, на следующий перебираюсь к маме.

– А в ваши годы мужчины тоже были наглые? – Мы почти никогда не говорим с ней на такие темы, и знаю, что в этот раз она опять мне ничего не скажет.

– Кто-то обидел?

Молчу.

– Знаешь, каждый притягивает себе подобных. Оглянись вокруг, и увидишь, что ты сама представляешь. Конечно, нет правил без исключений...

Господи! Когда же конец?!

Сено возили всю ночь. На два хозяйства – нам две машины и соседям столько же. Вместе веселее и быстрее. Конечно, брату пришлось договариваться с шофёром. Но это не мои проблемы. Для меня главное – управляться в сарае. Я всегда стою на приёмке – как говорится, бери больше, кидай дальше. Беру и кидаю... Как робот. Для меня это уже не ново. Главное – удержать вилы в руках и не рухнуть до звонка. А то засмеют.

Работали с шутками-прибаутками. Так всех веселили брат с соседом. Травили пошлые анекдоты, посмеялись над другими соседями, только я так и не поняла смысла многих их шуток. Почему-то в голове крутились совсем другие мысли.

Ближе к пяти утра, когда уже полностью управились, все стали по одному спускаться из сарая по приставной лестнице. Она была сколочена «на время» из старых тонких досок, а не из брусьев, как обычно. Спускаться по ней было крайне опасно, но все шутили на радостях над хозяином, что он который год не может смастерить нормальную лестницу, и радовались, что сено ни разу не попало под дождь и что теперь по ночам можно спать, как белым людям, хотя из-за загара все были далеко не белыми. Я осталась последняя. Вернее, предпоследняя.

Дядя не спешил спускаться. Он сидел на корточках у ставней, где метали сено, и курил прямо в сарае.

– А ты чего? – спросил он.

– Боюсь. А вдруг лестница сломается подо мной.

– Ну тогда подожди. Сейчас докурю... Я придержу.

Я села на корточки рядом с ним. Молчали. Было уже светло, но на кухне горел свет, и нам в окно было видно, как вся довольная компания в десять ртов наяривает первое, второе, опорожняет рюмки.

– Дядь! Вы где? – вышел на крыльцо брат. – Смотрите, сметут все. Останетесь голодные.

– Уже идём! Освободите нам два места во главе стола! – крикнул дядя.

Он спустился первый.

– Прыгай! – протянул он руки.

Было страшно. Но я закрыла глаза и прыгнула...

От него пахло потом и сигаретами. И ещё чем-то. Таким родным и близким.

– Какая ты стала... – ему, видимо, тоже стало неловко.

– Толстая? – чуть слышно спросила я.

– Твои волосы пахнут сеном. И всеми цветами, которые росли на лугу.

За столом я старалась не смотреть на него. И ни о чём не думать. Надо выспаться, подмести во дворе после сена, успеть прополоть хотя бы грядку – и в город. Скорее в город!

А в городе я буду снова и снова вспоминать, как всю ночь возили на машине это несчастное сено, метали его в сарай, а утром, когда уже совсем рассвело, поехали купаться. Да, вода была холодная, поэтому я даже не разделась – просто поводила по воде большим пальцем правой ноги. Вывела одно имя.

Псковская область

Артём
Верле

Артём
Тасалов

Евгений
Шешолин

Геннадий
Кононов

Мирослав
Андреев

Илья
Семина

Алексей
Маслов

Сева
Рожнятовский

Владимир
Клевцов

АРТЁМ ВЕРЛЕ

1
хотелось написать
о похоронах старика
из соседнего дома

но сейчас такие облака
что пусть будет об облаках

2
разлетаются облака
разрываются облака
голубеет небо
ну и бог с ним
пока

3
нащупывая рукой
в темноте
парус в море

ураган
понимает
что он такое

4
здесь камыши
разве камыши

просто мы
чуть выше
да ещё кожа

да ещё ты
так орёшь

5
– сырой снег
где
где
свет простой?

– не здесь
– а где?

– место: там
время: то

– так нечасто?
– а что?

6
люди идут
мимо нас
а мы уменьшаемся
мимо них

и ложимся спать

тихо

7
на белом листе
туман

а когда он рассеется
если рассеется
ничего не изменится

8
добрые люди
всё устроили
в энском году
и мы с супругой

моя супруга
господа

9
у умалишённых
за работой
время не идёт

10
просветы
и мясные вырезки
в дождевом кортеже
свежие гробы
смерть бабочкам!

11
птица летит
но не грусти
у неё для этого
все возможности

12
через минуту
мы превратимся в кровожадных
монстров
а пока мы
прощаемся

но вот –
не превратились
прощались значит зря
прощались значит зря

13
вот и небо хочет
быть основой
для стихотворения

ну и пусть будет
но не более

и если не больно

14
всё
достаточно снега

время света
упадка сил

замедленного разбега
везде где

всё слишком
сиро

15
никто мне
кроме
нет
никто

16
да где-где
где новый дом
под старым облаком

17
были перистые
облака
а теперь
туман

всё ближе
к нам

18
где-то там – во тьме деревни
злой

дурачок бьёт палочкой
по трубе турника
слышишь светлый звон?
(это он)

19
облака как раз
освобождают разум
идеальное место
для невидимого
кораблекрушения
шведский дизайн

20
пока перед домом тьма
такое есть слово
для того что перед домом
и как раз перед домом тьма
то есть как хорошо
что есть слово тьма

21
есть погода ни то ни сё
а сейчас погода и то и сё

22
странно конечно
но и этот просвет в облаках

не исчезнет

АРТЕМ ТАСАЛОВ**ПОЛЫНЬ**

Чёрная в белом снегу полынь,
Скорчившись, стоит на пустыре.
Притормози, прохожий, поостынь.
Полынь и ты – тире.

Отрезок ниоткуда в никуда
Останется, когда не станет нас.
Полынь горька, как детская мечта
Горька сейчас.

Сладка надежду слабому. Вотще
Он будет ждать сладимую весну.
Чем глубже ожиданье, чем горчей
Из нежных губ вытаскивать блесну.

Тогда ты вспомнишь чёрную в снегу:
Стояла, скорчившись от боли, та полынь.
Кровь если капает, я видеть не могу.
Не знаю как, но – вынь.

Забудется немислимая боль,
Губа срастётся в сладкий поцелуй.
На памяти, как снег, осядет соль.
А ты не бойся – в дудочку подуй.

Ай, чёрная! Ай, мёртвая! В снегу!
На волю ветра – душу свою вынь:
Она узнает вечную тоску
Тире – полынь.

ЗИМНИЙ СВЕТ

Свет мой зимний, сквозящий свет.
Вот и стал я гламурно сед.
Хрупкий месяц, хрустальный снег...
XXI на взлёте век.

А деревня мертва почти.
Вспомни Библию и прочти:
Мне отмщение, Аз воздам.
Ночью очи текут к звездам.

Ночью спелый хрустит мороз,
Дай мне, Господи, вещей слёз.
Хорошо одному в ночи
К Небесам подбирать ключи.

Будет утро, а может, нет.
Звёзды льют запредельный свет
В очи, высохшие до дна...
Исповедуй меня, Луна.

Утром выйду, от снега слеп.
Сало – птицам, собакам – хлеб.
В печь – берёзовые дрова,
С плеч – свинцовая голова.

Свет повсюду, предвечный свет...
Кто я? что я? меня здесь нет.
Мысль как ветер свежа, чиста.
Чёрный шарик скользит с листа.

ПЕСЕНКА

Белые белые стены монастырей
Белые белые стены церквей
Я обнимаю белые стены монастырей
Я обнимаю белые стены церквей
Пустых монастырей
Пустых церквей

Херувимскую тянет-потянет хор
Священник Божий нальёт теплоты в кагор
Ароматных смол насыплет на уголь дьяк
И плывёт молитва как безвёсельный чёлн во мрак

А я обнимаю белые стены монастырей
А я обнимаю белые стены церквей
Пустых монастырей
Пустых церквей

Горькие слёзы сами собой текут
Ангелы Божьи все до одной сочтут
Будет не страшно тронуться в дальний путь
Ярость и нежность мне разрывают грудь
А я обнимаю белые стены монастырей
А я обнимаю белые стены церквей
Пустых монастырей
Пустых церквей
Был или не был – разницы нет уже
Тёмная ночь воцарилась давно в душе
Боль от разлуки стала моей звездой
Ты не поверишь – самой единственной – Той
А я обнимаю белые стены монастырей
А я обнимаю белые стены церквей
Пустых монастырей
Пустых церквей

УТРО

Человек точь-в-точь на тебя похожий,
Просыпаюсь в полдень с опухшей рожей.
Вспоминаю где я – мороз по коже,
И смотрю утрюмо на день погожий.

На окне бегония расцветает,
Редкий нежный снег за окном летает,
Упадёт – растает, ещё не знает,
По дороге в кухню меня шатает.

Сигарету в зубы, что б, как у Вия,
Третий глаз открылся в юдоли змия.
Sms-ку скинет мне Вирсавия,
И увижу гада в плену любви я.

И когда увижу – тогда заплачу,
Потому что сердце идёт на сдачу...

ЕВГЕНИЙ ШЕШОЛИН

А.Н.

Где же ты
все так же
открываются доверчивые цветы
страшнее думалось
место в чистилище
обеспечено
долгое странствие
где же ты
за двойной далью
отходящие поезда
с зимними письмами
прошлое
обнажается
побег
невозможен
прочёсан город
ветер
где же ты
в колыбельной ночи
роются серые газики
прости
все хорошо
прозрачный воздух
не шелохнет рукавами
чудо
никогда не унижится
стебель далёкой звезды.

ЖЁЛТЫЙ ДОМ. ТРИПТИХ

1

тени тянутся к свету
и уходят во тьму
ступени из тюрьмы расплзаются
под ногами
может быть и достойна
тонких пыльных лучей
сквозь решётку на форточке
эта серая очередь.

2

врачу Г.

...День вытащился, как заноза.
Когда соседи все уснули,
я пью воспоминаний дозу,
как разноцветные пилюли.

...Не все рассчитано на небе:
ошибок много очень грубых!
Где Ваш большой янтарный гребень?
Где платье длинное в раструбах?

Вам бы пошёл средневековый
высокий скандинавский замок;
в камина отблесках багровых –
портреты предков в строгих рамках.

Но властность всё же просочилась;
природу никуда не спрячет
природа, – столько Вам на милость
душ, словно нанялись батрачить!
Когда в привычной Вашей власти
замызганные чьи-то судьбы,
брести кому-то сквозь ненастье
в груди и думать: «Хоть уснуть бы!

Я отлетаю вместе с годом...
Он кончится в храпящей спальней...
Ну, протащусь сквозь непогоду,
и, всё равно, исход – летальный».

Год сыплет желтыми листьями
в растерянности перед бездной,
и ветер ветками листает
историю его болезни.

3

«.....
.....»
(*Lielais*)

Жаль, уже потеряны навсегда
стихи тайного президента (16)
буржуазной Латвии
по фамилии *Lielais*
стихи об атомной бомбе.

И сестричка невинная в белом
на службе у красных,
и дверь не наружу, но только
тошнотворное расширение
на этот раз голубых
выцветших стен.

Подсыхает незаметная ранка,
но самые страшные ямы –
хотя бы на мятой подушке –
в которые смотреть не надо,
а *Lielais* значит «великий»...
И дверь не внутрь, но мысли
себя и друг друга бояться,
разбегаются, дрожат, как крысы
голые под одеялом.

ГЕННАДИЙ КОНОНОВ

* * *

Мир отщепенцев и шутов,
 неистребимый, как Израиль,
 нам распрощаться, не пора ли?
 Но я, пожалуй, не готов.
 И как оставить мне игру,
 привыкшему к печальной касте,
 сдать свой серпастый – молоткастый
 навеки ключнику Петру?

* * *

Орут коты, в окне клубится мрак,
 но ветхая тетрадка под рукою.
 Судьба не черновик, и всякий шаг
 лишает нас свободы и покоя.
 Вы о свободе знаете из книг.
 Меж тем, едва услышав отзвук зова,
 иллюзии беспечный ученик
 неточное зачёркивает слово.
 Раб ослеплённый Царства не узрит,
 но нет преград нагим глазам поэта,
 и жизнь его, как рукопись, горит,
 исполнена огня, теней и лета.

* * *

Не получился мартовский сонет.
 Весна меня достала до печёнок.
 Дрожит, на пробужденье обречённый,
 в ней тополь, как селёдочный скелет.

Стакана призма преломляет свет,
 и нерушим порядок в этом спектре.
 Открой фрамугу черепа – проветри...
 Внутри порядка не было и нет.

Хоть каждый март похож на мой портрет
 томленьем сердца, слякотью, капелью –
 ни в трезвости, ни спьяну, ни с похмелья
 не получился мартовский сонет.

И, наблюдая грязных льдин балет,
 бутылки, сучья, выпуклые воды,
 замечу я на грани ледохода
 лишь Музы уходящей силуэт...

* * *

К весне он сник и выбился из сил:
 на деньги год неурожаен был.
 Лишь ширилась в карманах пустота
 в последний день Великого Поста.
 И солнце отощавшее вставало,
 да облака жевало над рекой.
 Бумажек и на хлеб недоставало,
 а он мечтал купить себе покой.

ВЕСЕННИЙ ЭРЗАЦ

Обнажились реки берега
 и спустили штаны огороды.
 Приготовлен весны суррогат
 равнодушной (А. Пушкин) природой.

Жжёт сетчатку назойливый свет,
 пахнет дрянью... А дальше – не помню.
 Даль стройна, как шизоидный бред,
 и сияет магический полдень.

Приникая к земле, как Антей,
 засыпает алкаш у развилки,
 где начало страстей и путей
 да осколки разбитой бутылки.

* * *

Взгляните: мажорный, как песни Кобзона,
 российский триколер трепещет над зоной,
 купается в луже нагая луна,
 черемуха к ночи в лоскутья пьяна.

Кто больше? Всё продано. Кто перекупит?
 То, что наступило, уже не отступит.
 Приколоты ценники, хлопнул капкан,
 и катится, катится к краю стакан.

* * *

Она рукой поправит прядь...
 Пока судьба кружит,
 не нужно зеркальцем играть –
 пусть в сумочке лежит.
 То золотит, то моросит.
 Над городом весь день
 обломок радуги висит,
 и пахнет сном сирень,
 и больше нечего терять,
 и можно – не по лжи...
 Но всё же зеркальцем играть
 не стоит. Пусть лежит.

МИРОСЛАВ АНДРЕЕВ

* * *

Все сердцу чудится живое,
И потому, и потому

Оно рождает лишь такое,
Что только б чудилось ему:

Тогда и впрямь, в оврагах дальних
Большие, душевные цветы
В изнеможении печальном
Струят напевы немоты...

* * *

Только лики прошлого, бледнея,
Только власть изменчивой природы, –
Пауки повисли в галерее,
Образов померкшие фигуры.

Чердака тревожащие звуки,
Неразрывны утро, день и вечер, –
Милая! за что такие муки,
Где сыскать прощение и встречу?

Голос упованья умер в лете –
И ни захлебнуться, ни напиться.
Никого не знаешь в целом свете.
Догорает главная страница.

Чаровница! Ветреница! Дура!
Будет день – прозрачнее дыхания!
Крылья золотые до зажмура, –
Бабочка! – в тебе мое маянье.

Кто ж зажжет мечтательные свечи?
Отчего так розы бездуханны?
Что за трепет вечностью замечен,
И ночей мерцаньем осиянный?..

Может быть, плывёшь в саду бездвижном,
Сердце исцелив ли, исцарапав?
Может быть, в пыли блуждая книжной,
Затерялся в немоте эстампов?..

Захолустье брошенного дома.
Мышь по коридору пробежала.
Светлая покойная истома
Бродит по растрёпанному залу.

Расправляя крылья утром рано,
На луга свой легкий путь направишь,
На остывшем лице фортепьяно, –
Бабочка! – и ты пыльцу оставишь...

ИЛЬЯ СЁМИН

СЫНУ

Живи, мой сын!
Я радоваться вправе
Великому перетеканию сил.
Тому, что не уместится в оправе,
Тому, кому так тесно будет в раме,
Тому, кто песней меня утром разбудил.
Живи, мой сын!

В твоём кармане скрученная леска,
В моём кармане несколько крючков.
Наловим рыбы, белых облаков,
Красивых и надменных птиц на вечер.

Живи, мой сын!
Какая будет встреча,
Когда мы вместе
В вечность упадём.

Живи, мой сын!
Не верь, что время лечит,
Не верь, что все запуталось и зря.
Верь только одному –
Тебе навстречу уже летит заря.

НА ПЛЭНЕРЕ

Мой Бог, какой нажим
карандаша и сердца!
И если поспешим,
успеем насмотреться.
Но не напиться, и
икота и простуда
у проклятой реки
Покоя и Абсурда.
Надменны петухи
с кровавыми губами,
и лошади близки
с ногами на бумаге.
Стань веткой до воды.
Стань ветром, рябью, солнцем.
Став образом реки,
плыви куда придётся.
А там на берегу,
вся в жёлтом, осень жжётся,
и мужики кричат...
...и баба отзовется.

* * *

За бетонной стеной ипподрома
небо красное солнце полощет
и в крапиву, малину бросает,
и на гриву репьем прицепило,
и бежит восходящая лошадь.

АЛЕКСЕЙ МАСЛОВ

ЗЕМЛЯ СВЯТОГО АДА:
АЛЬБОМ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

* * *

человек – это птица
на взлете распятая
не за руки
за крылья
но только распятый
сможет взлететь
вместе со своим
крестом

* * *

Узловатая память
перевязью
лежит на душе.

Наверное, я
левша:

давит перевязь
на сердце...
Шпага заржавела
в ножнах –
давно с собой
не сражался.

* * *

Если палач станет поэтом
то его стихи
скорее всего
будут слишком
сентиментальны

Но если поэт
станет палачом
то его верёвка
ни разу не порвётся
а винтовка
никогда не даст осечки

он
обязательно казнит
палача
ставшего поэтом –
вторым
первым будет
поэт
оставшийся поэтом

А третьим –
палач
оставшийся палачом

Вот и думай
сынок
что такое хорошо а что такое плохо
кем быть
кем стать...

завтра на рассвете
меня...

кстати
я не был слишком сентиментальным?

* * *

Как я докатился до такой жизни?

Сначала я был крысой –
но мой корабль утонул.
Потом я был кораблём –
но море поглотило меня.

Наконец я стал морем –
и потопил множество кораблей
вместе с крысами,
которые бежали с них.

Теперь я волнуюсь, волнуюсь, волнуюсь...
Накатываясь волной на берег
и остаюсь лежать там
в неподвижности –
вместе с трупами крыс
и обломками кораблей,
с изумлением глядя
на горизонт
где был
когда-то.

* * *

Его творческое наследие
стало известно всем
только тогда
когда все умерли –

великий был
Поэт.

* * *

Часовых дел мастер
на досуге писал стихи –
когда не ремонтировал
будильники
охранял от поломок
время

СЕВА РОЖНЯТОВСКИЙ

ХОККУСАИ СОНАТА

1.

Фундамент дома
занавески окна сон
конёк на крыше

брёвна сруба
берегиня вышивки
за углом качель

коврик филонов
вот молоко жёлтое
потолок мухин

утром солнце в
ладонями целый день
на сон вечером

изба русская
скотина с нами дома
космоса печка

2.

один дом стоит
чума посредине чур
другой дом стоит

один дом стоит
чумной царь Буридан
другой дом стоит

Господи наших
почему разделил на
чужих Господи

3.

хоккусай локти
впереди немоты жуть
когда никого

коричневая
синий фон платок алый
ковчег в доске

лужища крови
слёзки падают Детки
лужища крови

трохи побачим
якие ж мы гарны
разумней друже

Известь на груди
чуть рушник отодвинут
солома крыши

мазанка моя
тишина обещает
горница тебе

в огороде бузина
византийский яхонт
за углом горит

горилки цеди
тю сало твоё було
дивчина глянет

иди помолись
вечером поют вдали
в Киеве дядька

один дом стоит
чума на оба родных
другой дом стоит

один дом стоит
жди Буриданов осёл
другой дом стоит

холлы жили тут
воронка дымит ещё
кацапы жили

Богородица
родных примири чуждых
только Ты можешь

слёзка по щеке
Ты ночей не доспава
слёзка по другой

покаемся ли
Авели что Каины
упроси Сына

будем мириться
родненькие вы мои
вставайте люди

...

ВЛАДИМИР КЛЕВЦОВ

ПРОШЛОЕ ВЫШНЕВОЛОЦКОГО БАЗАРА

Базар был деревянным. Когда-то на этом месте росла роца, потом её вырубili, но она, роца, никуда не делась, а превратилась в павильоны, крытые ряды, прилавки и забор. Ветренными ночами казалось, что доски и столбы не просто скрипят, а пытаются освободиться от сковавших их гвоздей, выпрямиться и вновь зашелестеть листвой.

Ещё базар был местом знаменательным. Именно он делил население города на огородников-продавцов и покупателей, тех, кто огородов не имел, и в базарный день это различие было особенно заметно. Огородники, подхватив, тащили собранный урожай на продажу в огромных корзинах, и издали могло показаться, что они сидят верхом на переполненных возах. Покупатели всё это богатство выносили в авоськах, и главная вышневолоцкая улица Ленина, по которой проходило движение, раскрашивалась в красные помидорные и яблочные, жёлтые морковные и зелёные огуречные цвета.

Вместе со всеми шла на базар и моя бабушка Евдокия Григорьевна. Набрав с утра две корзины огурцов, она ставила их на тележку и тянула за верёвку до самых ворот. Так она потом всем и запомнилась: тянет по обочине дороги тележку, а колёса оставляют в пыли четыре неровных вихляющих следа.

Около семи часов базарный сторож распахивал ворота, и первым, кого он видел, был дурачок Вечный Коля. Они выросли вместе, но сторож давно повзрослел, женился, выучил детей и теперь понемногу старился, грузнея от забот и годов, а Коля так и остался внешне молодым (отсюда и прозвище Вечный), и эта загадка всегда раздражала сторожа.

– Привет, – недружелюбно говорил он. – Когда ты только спишь? Я на твоём месте спал бы целыми днями – забот-то никаких.

Но заботы у Коли были. И была ещё тайна. У каждого есть своя тайна, была она и у Коли, и эта желанная, единственная, сжигающая его тайная страсть требовала денег. Небольшую пенсию по инвалидности у него отбирала мать, и Вечный Коля зарабатывал тем, что продавал на базаре старые газеты для кульков. Где он их собирал, неизвестно. Может быть, выпрашивал у соседей или извлекал из мусорных бачков, но каждое утро неизменно приносил целую кипу.

Другим заметным человеком на базаре был дежурный милиционер Гриша. Целыми днями он болтался среди павильонов, щёлкал семечки, доставая их из засаленного кармана галифе, и по пути его следования всегда образовывалась пустота, словно он шагал внутри стеклянного шара. Гриша был мученик. Обязанный следить за порядком, он не мог это исполнять, потому что почти все порядок нарушали. Кипя негодованием, слышал он, как женщины то и дело ругают власти, и в первую очередь – страшно подумать! – самого Никиту Сергеевича Хрущёва.

– Всю землю, лысина, засадил своей кукурузой. Год без белого хлеба сидим, ни блинов, ни пирогов не спечь.

Мужчины, наоборот, над Никитой Сергеевичем насмешничали, и, когда где-нибудь впереди раздался взрыв смеха, Гриша догадывался, что там снова рассказывают анекдоты про Хрущёва и кукурузу.

– Купила внучка бабке билет в кино, – рассказывал, облокотясь на прилавок, степенный, в габардиновом костюме мужчина, совсем не похожий на болтунов, как их называл Гриша. Те обычно выглядели нервными и тощими. – Купила на «Шайку бритоголовых» (был такой знаменитый фильм). «Только ты, – говорит, – бабушка, как свет включают, сразу беги на выход, иначе в дверях затопчут». Бабка отправилась. – Рассказчик, подходя к главному, заранее улыбался. Глядя на него, лыбились и слушатели. – Сначала показывают киножурнал. А там одно и то же: кукуруза, кукуруза, и ходит по этой кукурузе, любуясь, сам похожий на очищенный початок, Никита Сергеевич. После журнала включили свет, чтобы опоздавшие могли найти места, а бабка в кино давно не была, порядки забыла, вскочила и бежать. Прибегает домой, запыхалась. «Хороший фильм, бабушка?» – «Хороший, внученька. Всю, – говорит, – шайку бритоголовых словили, только главаря не успели – в кукурузе спрятался».

– Так и сказала – главаря?

– Ага. Говорит, шайку словили, а главарь, самый лысый, значит, в кукурузе спрятался.

Слушать такое представителю власти было невыносимо. Но приходилось терпеть, и уже через час оттопыренные от надвинутой фуражки Гришины уши полыхали кумачовым цветом.

«Влепить бы всем болтунам по сроку», – мечтал он, представляя, как конвоирует базарный люд длинной колонной в отделение милиции, где их сразу переодевают в фуфайки, сажают в вагоны и везут в Сибирь.

К счастью, Гриша, был человеком не кровожадным и мысленно давал болтунам небольшие сроки, чаще всего поселение или административный штраф. Но, вспомнив, что говорит о Никите Сергеевиче собственная супруга, терялся, сбиваясь с шага. Ведь если и её отправят на поселение, то ему, старшему сержанту, наверх хода не дадут и он до пенсии не получит заветного звания старшины.

Зло Гриша срывал на выпивохах, которые плотно, как грибы в корзине, сидели вокруг бутылки где-нибудь под деревом на базарных задворках. Светившее сквозь листву солнце делало их руки с поднятыми стаканами пятнистыми. С выпивохами он чувствовал себя уверенно, находились и нужные слова:

– Что расселись, дармоеды? Марш отсюда, пока не привлёк.

– Брось, Гриша, нервничать, лучше прими с нами винца, – не обижались мужики.

Гриша, большой любитель «принять», невольно сглаживал слюну, и этот пустой глоток судорогой проходил по его худому телу. От невозможности выпить до конца дежурства он свирепел ещё больше:

– Я тебе выпью, пьяная рожа. А пятнадцать суток не хочешь получить? Я сейчас устрою.

– Ну, завёлся. – Мужики недовольно поднимались и шли вдоль забора выбирать новое место.

Нередко милиционер наталкивался и на Вечного Колю. Но Коля, стоявший у мясного павильона, перекинув, как официант салфетку, через руку газеты, быстро прятался за угол. Выглядывал он оттуда с загадочным и хитрым выражением, радуясь, что провёл Гришу, и всем наблюдавшим за ним невольно думалось: а так ли прост этот Вечный Коля и дурачок ли он на самом деле?

На базаре многие считали, что Коля способен предсказывать будущее. Что из глубины своего мрака он знает о судьбах людей и грядущих событиях всё наперед, только не всегда хочет делиться тайными своими знаниями, доступными лишь провидцам и дурачкам.

Сам Коля о своих способностях, конечно, не догадывался и бывал удивлён, когда падкие до всяких чудес женщины, окружив его, спрашивали об изменщиках-мужьях, о детях, уехавший учиться и служить в армии, или о том, когда появится в продаже пшеничная мука и будет ли война с Америкой (про муку и Америку интересовались чаще всего). Задабривая, они угощали его конфетами и купленными здесь же яблоками. Конфеты он сразу запикивал в рот, а остальное складывал за рубашку, пока она бугристо не выпирала наружу.

– Да хрен с этой Америкой, сил не хватит напасть, – встречал какой-нибудь прохожий мужичок. – Пусть лучше скажет, когда водка подешевеет.

При слове «водка» Коля вздрагивал. Он не любил пьяных, они его обижали. Колино лицо, ещё недавно, казалось, озарённое даром предвиденья, снова делалось пустым и застывшим, и от такой разительной перемены женщины оторопело вздрагивали.

Ближе к полудню, продав газеты и получив за каждую по копейке, Коля с базара пропадал. Уверенный, что о его тайне, требующей денег, никто не знает, он уходил незаметно.

На его исчезновение внимания не обращали. К полудню начиналась самая торговля, и в горячем воздухе, перебивая местный запах укропа, чеснока, свежих и просоленных огурцов, витал разморённый аромат привезённых с юга туркменских дынь и астраханских арбузов, под тяжестью которых прогибались крепкие прилавки.

А для Вечного Коли с этого момента начиналась другая жизнь. Он спешил в кинотеатр «Родина», заранее предвкушая тот миг, когда в зале погасят свет и из будки киномеханика вырвется белый клубящийся луч, оживляющий на экране удивительные картинки. Кино и было Колиной страстью, для него он выпрашивал, подбирал на улице и продавал газеты, терпел обиды пьяных, прятался от милиционера Гриши.

В зал он заходил первым, стягивал с головы кепку и счастливо замирал. Позади неторопливо расаживались остальные зрители, в ожидании сеанса вынужденные видеть торчавшую посреди экрана тень от его клокастой, нечёсаной головы.

Свет гас постепенно, словно весь зал погружался куда-то в подземные чертоги, и, когда казалось, что конца не будет этому падению, стрекотал проектор и экран наполнялся движением, мгновенными сполохами мелькая на лицах зрителей.

Лучшими фильмами были, конечно, те, где много дрались, влюблялись и умирали. И вот уже скакали на экране всадники, гремели мушкеты, звенели выхваченные клинки. Коля сидел, крепко держать за подлокотники. Киношная жизнь ошеломляла, била его подвздох. Но долго он усидеть не мог и, охваченный жадной действия, выбегал к экрану, мотаясь среди дерущихся, словно и сам чувствовал в потасовке.

– Так его, в рожу, в рожу, – выкрикивал он и совал кулаками в стороны, показывая, как надо поступать.

– Видим, Коля, видим, – успокаивали его из зала.

На любовных сценах Коля затихал. Мерк экранный свет, не тревожа зал сполохами. Когда показывали целующихся, Коля, стыдясь, закрывал ладонями лицо, прятал голову в коленях и глухим, как из подпола, голосом, пояснял непонятливым зрителям:

– Они там жамкаются, жамкаются. Гы-гы, бессовестные.

Трагичными бывали концы фильмов. Герой долго и красиво умирал, в изголовье стояла безутешная возлюбленная, глаза друзей сверкали мщением. Казалось, рухнул мир, никто не заметит. Коля ещё недеялся на чудо и, когда надежд не оставалось, тихонько плакал.

Женщины в зале из последних сил сдерживали слёзы. Им-то, вдовым, потерявшим в войну родных, было известно, что ничего здесь не исправишь, если выпала такая судьба. Жалко было киношного героя, ещё жалче дурачка Вечного Колю, над изголовьем которого никто не зарыдает и чью заброшенную могилку никто не навестит. И когда Коля, ища поддержки своему горю, поворачивал в зал искажённое страданием лицо, как бы спрашивая: «Эх люди, люди! Неужели нельзя ничего сделать?» – женщины уже слез не скрывали.

...А бабушка моя, Евдокия Григорьевна, распродав последние огурцы, пучки лука и моркови, опорожнив корзины до дна, возвращалась с базара. Она шла опустевшей базарной площадью, где ещё был силён запах каменной пыли от бульжной мостовой, шла через мясной павильон, под крышей которого, в прохладе и сумерках, ворковали и хлопали крыльями голуби. Проходила мимо забора. Здесь, под деревом, уже озарённым вечерним светом, суетливо озираясь, выпивал с мужиками милиционер Гриша, отмечая завершение тяжёлого трудового дня. Выпивал он, видимо, давно, потому что кумачовая краска с оттопыренных ушей переместилась на лицо. Но направлялась бабушка не домой, а к сестре Антонине, и колеса тележки, опережая её размеренный ход, поспешно поскрипывали за спиной.

Антонина Григорьевна знала нужный час, и к приходу гости у неё вскипал чайник, на столе стояла вазочка с вареньем, лежали щипчики для колки кускового сахара.

Пили чай не спеша, наливая в узорчатые блюдца. Окна были распахнуты настежь, и дуло оттуда, как из печи, жаром.

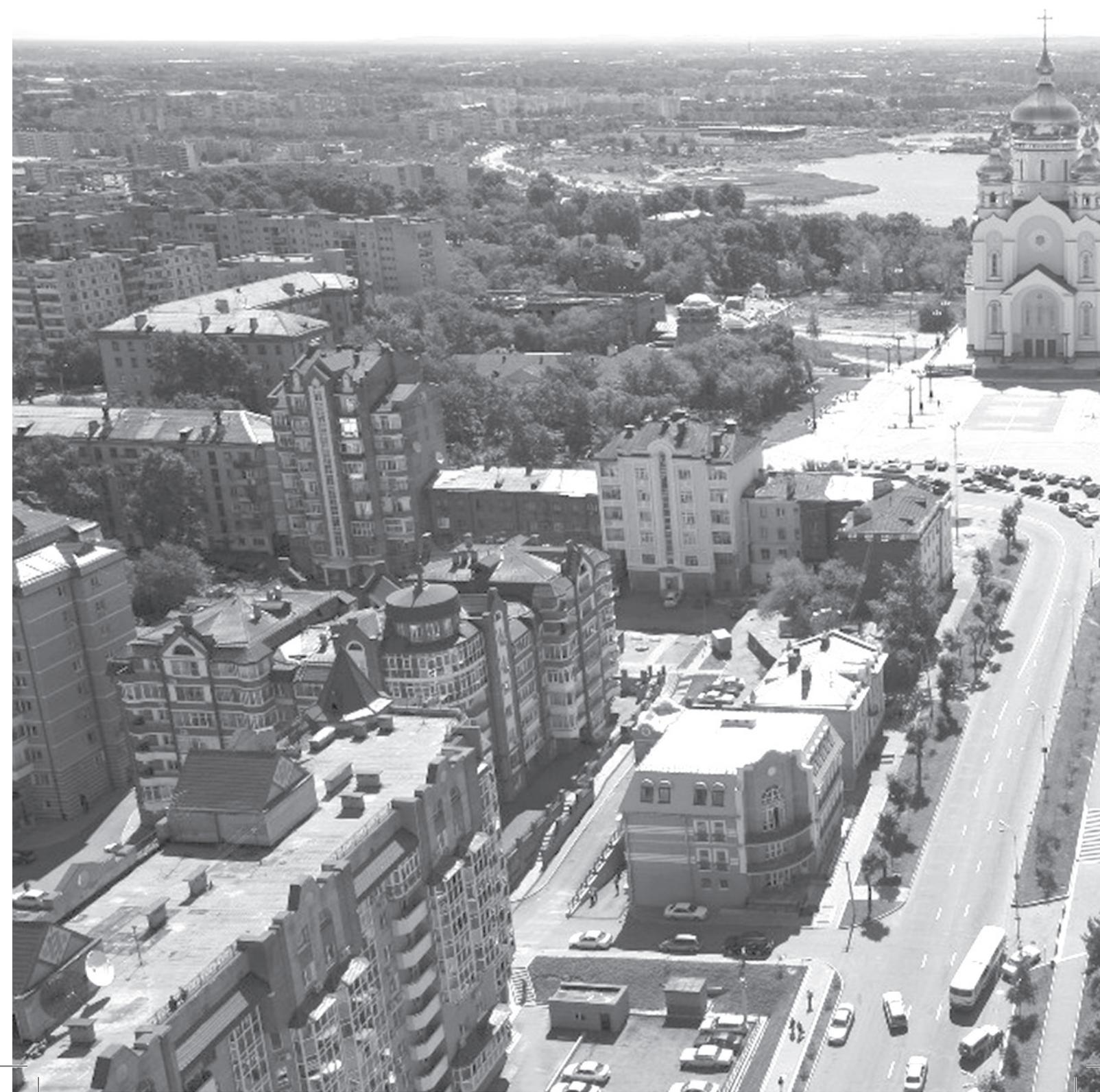
По улице, выкручивая восьмерки, катались на велосипедах мальчишки. Потом, посмотрев три фильма подряд, проходил куда-то к себе на окраину Вечный Коля. Двигался он споро и бодро: наверное, в фильмах было много настоящего – любви, смерти и драк. Иногда он останавливался посреди улицы и размахивал руками, видимо, ещё не отойдя от волнения. Лицо у него при этом было загадочным и хитрым, отчего опять невольно думалось: а так ли этот Коля прост, может, он на самом деле знает о судьбах людей и грядущих событиях что-то неведомое никому? А когда и он проходил, сворачивая за угол, выяснялось, что в небе уже висит прозрачная луна, и бабушка собиралась домой.

И весь путь обратно ей светила эта одинокая луна. Пока сумерки не сгустились, свет ее был немошен, отбрасывая на землю легкие, прозрачные тени, готовые, казалось, вздуться и взлететь, как занавески, от любого дуновения, и только перед самым домом её застигала тьма...

Так тихо и завершался базарный день. Завершался, чтобы спустя много лет всплыть со дна времени и робко напомнить о себе.

Напомнить, что был когда-то и вышневолоцкий базар, и базарный завсегдатай Вечный Коля, на самом деле оказавшийся далеко не вечным, и милиционер Гриша, и бабушка Евдокия Григорьевна, везущая на тележке корзины с огурцами, и четыре вихляющих колёсных следа в пыли обочины.

Хабаровский край

**Константин
Бельды**

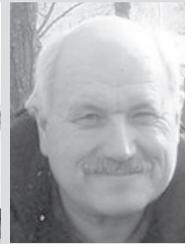
**Марина
Савченко**

**Викса
Бездомная**

**Мария
Дечули**

**Геннадий
Богданов**

**Виктор
Заводинский**

КОНСТАНТИН БЕЛЬДЫ

ВЫДЕЛКА РЫБЬЕЙ КОЖИ

Танге-тес! Танге-тес!..
Целый день одно и то же.
Танге-тес! Танге-Тес...
Колотушка бьёт по коже.
Тяжела моя рука,
В рыбью грудь она стучится,
Облетает чешуя,
Серебром она искрится.
Ох, не лёгок этот труд,
Нам доставшийся от дедов,
Рыбьи кожи мнут и бьют
От рассвета до рассвета.
Бум-бум-танге-тес! –
Повторяет дальний лес.
Пусть теперь иные ткани
И иные времена,
Я нанаец,
Нани, нани –
Рыбья кожа мне нужна.
Эта древняя работа
Мне знакома назубок.
Я роняю капли пота
На прадедовский станок.
Танге-тес! Танге-тес!
Без работы нет чудес!
Здесь, на солнечном Амуре,
Меж проток, полей и гор,
На поделки рыбы шкуры
Мы пускаем с давних пор.
Колотушкой, что есть мочи,
Рыбью кожу бью и бью,
Я верхонки и олочи
К холодам себе сошью!
Танге-тес! Танге-тес!
Раздается там и здесь,
Пахнет кожа дымокурором,
Набежавшим ветерком,
Кедром, ягодой, Амуром
И отцовским очагом.

Перевод В. Шульжика

КРАСАВИЦА

Заблудившись в тайге,
На орешник набрёл.
Благодарный судьбе,
Сыпал клюкву в подол.

Я нефритовый камень
Нашёл в роднике.
Вспыхнул камень,
как пламень,
У милой в руке.

«Ката-так» – для жены
Я орешки щёлкал.
«Пицер-тэс» – под блины
Клюкву-ягоду мял.

Я из камня нефрита
Сделал бусы жене.
С той поры Афродитой
Является мне.

Перевод А. Лозикова

ИДОЛ

Кто же создал на планете
Жизнь – Природа или Бог?
Бог в беде на этом свете
Мне ни разу не помог.

Не увидел его глазом
Я живого наяву,
Не присел со мною рядом,
Побеседовать в хлеву.

Есть ли в том необходимость,
Чтоб со мной он рядом был,
Обещая свою милость
Мне, закопанному в ил?

Человеку этот идол
Дать не может ничего.
А никто его не видел
Потому, что нет его.

Я живу своею верой,
Убеждением своим,
Если свет назвали Белым,
Он не может быть иным.

ДЕЛО

Если осень в сердце глянет,
Вянет цвет, утратив сок.
Жизнь, коль старость
К нам нагрывает,
Угасает, как цветок.

Надо мною лунный бубен
Проливает жёлтый свет.
Сколько было трудных буден?
Сколько будет трудных лет?

Но тропу веду умело
Я к зимовью своему,
Потому что только дело
Не подвластно ничему.

Перевод В. Шульжика.

МАРИНА САВЧЕНКО

ИЗ КНИГИ ВЕРЛИБРОВ «ЛОМТИК ЛУНЫ»

В ТОМ КРАЮ

В том краю цвели ирисы фиолетовые
 Мягким распушенным фетром чуть помахивали
 рыжим рыночным саранкам, что на сопочке
 все толклись на видном месте вроде вывески.
 И несёт меня по кругу вверх, вниз, в сторону:
 в циферблат воспоминаний стрелкой впущена.
 Вон – в цветистой той добыче, вся по маковку,
 и подсинена, и подрумянена, да всё смываемо.

МАЛЕНЬКАЯ ГОРОДСКАЯ ПОЭМА

Посвящается г. Хабаровску

Ступаю
 по артериям и венам города
 вкушаю
 радость движения
 обжигаю
 ладонь в печи знакомой руки
 отражаюсь
 миллионным посетителем
 в глазах музейного квартала
 скольжу
 о робость советского человека
 мимо гостиницы Интурист
 спотыкаюсь
 на лицах страны Восходящего солнца
 спешу
 насладиться милым с детства зрелищем
 солнце садится
 акварель в любой фонд мира
 замечаю
 шлейф сточных вод
 пикантный и вполне современный
 не улыбаюсь
 молодым мужчинам
 готовых кружить голову
 бисером комплиментов
 хоронюсь
 под бетонным саркофагом
 семидесятилетней прочности
 отталкиваюсь
 от почти домашней набережной
 как шестом непобедимый Бубка
 минуя
 благополучно кордоны Площади
 скрываюсь
 в уединенной феодальности подъезда
 с мечтой о сне
 как в поезде Хабаровск – Владивосток

ПОСВЯЩЕНИЕ АМУРУ

Большая река, ты первая в моей жизни.
 Большая река, ты лучшее в моей жизни.
 Я помню тебя морем –
 безмятежно спящим влюбленным.
 Я праздновала твою зелень
 в продолговатых глазах – проточинах.
 Я видела твое сердце –
 тревожную кардиограмму
 Из окна ночного города.
 Я знаю тебя серой, будничной.
 Но свободной от дел
 устремлюсь я протокой русалочьей,
 чтоб уткнуться лодкой в Утёс –
 венценосное место Хабаровска.
 Чтобы жить в детстве, юности и всегда,
 Потому что с тобой, Большая река.

ВЕРЛИБР, НАПИСАННЫЙ НА КРАЮ СТРАНЫ

Чтобы писать верлибры
 лучше всего жить на краю страны
 в таёжной деревне
 у самого края леса
 совершать разнообразные прогулки
 туда и обратно
 выращивать урожай на участке
 ставить домашние вина
 листать альбомы импрессионистов
 читать Верлена Элюара или Рембо
 а ещё воспоминания Ахматовой
 о парижских прогулках с Модильяни

ЛОМТИК ЛУНЫ

Ломтик луны – «Наутилус» печали.
 Вода и земля – одно.
 Белый кирпич на дно увлекает
 слепок луны – жёлтый плот-лимон.
 Жёлто-грустный напиток,
 мерю глотками.
 Земля и космос – одно.
 И расцветает внутри очами
 цитрусовый сад в декабре.

На ломтик луны, заключённый
 в стакане,

долго-долго смотрю.
 Мой плот уплывает в небо из чая.
 Чай выпит. Мы стали одним.

МАРИЯ ДЕЧУЛИ**ПРИРОДА**

Зверем затравленным долго тайгой я бежала.
Ночью студёной – осой погибала без жала.
Утром я солнцем всходила, зарёю пылала.
Но почему-то чего-то мне не доставало.

Дни и недели, столетья и тысячелетья.
Вдруг просыпаюсь однажды, гляжу – человек я!
Сердце забилося в груди, вспоминая бывшее.
Всё, что я вижу, – всё было давно. Было мною.

АМУРЧАНКА

Маленькая Золушка из стойбища
С коромыслом жестким на плечах.
Подожди, не торопись, постой ещё –
Трудно разглядеть тебя впотьмах.

Вечереет. Звёзды хороводятся,
А потом не слышно – кто куда.
А в твоей судьбе концы не сходятся.
Поплавней! Расплещется вода.

Милая, печальная, далекая!
Посмотри: Полярная звезда –
Среди звёзд такая одинокая –
Светит всем. Не плачет никогда.

* * *

Белая раса – красивая раса.
Жёлтая раса – рабочая раса.
Чёрная раса – весёлая раса.
Перемешаемся, что ли, зараза?
Нет чудотворней неясного мига!
Что там повывелось?
Дети-индиги!

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Нынче миром правит бесов злая стая.
Продаёт и снова – перепродаёт.
Долговою ямой стала жизнь простая.
Вяжет паучина сеть своих тенёт.

Нет на паучину правдолюбца с саблей,
Изредка съедает паука паука.
Наши души живы, но уже озябли.
Не сердец, а клавиш слышен перестук.

В клавишах компьютера увязают пальцы,
Локти, плечи, головы – слышен тлен болот.
Хватит уже дёргаться, в паутину паяться –
Ты идёшь, душонка, с молотка как лот.

ГЕННАДИЙ БОГДАНОВ**ЭТЮД ТУШЬЮ И КАРАНДАШОМ**

Я стёр рисунок нарисованный,
Чтоб заново его начать,
Но город с пыльными газонами
На лист ложится как печать.

Помимо воли, непосредственно
Кисть нервно падала сама,
Меня лишая главной версии,
И мрачно горбились дома.

И с каждым взмахом всё неистовой
Запечатлялись на листе
То облака, то молний высверки...
И всё тонуло в суете.

ЧИТАЯ МИХАИЛА ПЕТРОСОВА

Веселого мало... Наложено вето
Была ли бедна та церковная мышь?
Шурши потихонечку старой газетой,
Пока ты так прочно на стуле сидишь.

Ещё будоражат твоё подсознание
Какие-то домыслы, сны или блажь.
В петлицу – прогорклый цветочек герани,
И в руку – потертый пустой саквояж.

Пустой!... Только кажется – это прозрение
Чего-то да стоит, коль тяжек так груз!
На лицах прохожих застыло презрение
И слышен зубов перекошенных хруст.

Молчите... А что вам сказать в оправданье?
Трясетесь в трамваях, резину жуя.
С пустым саквояжем я вне пониманья,
Веселая воля изгоя – моя!

ПОЭТАМ

На нас вниманье обращать
Пустая трата времени.
Поэтов суетная рать
Без роду и без племени.

В своих скворечниках сидим
Как воробы, нахохлившись,
Мы все рассеемся, как дым,
На этом гиблом поприще.

Не мне решать, кому где быть –
На то есть воля Вышняя.
Попробуй небо полюбить
Над улицей Промышленной.

ВИКТОР ЗАВОДИНСКИЙ

ГРИША ПЕРЕЛЬМАН, РЯЗАНСКИЕ ХЛЕБОРОБЫ И МОЙ ДРУГ МАТЕМАТИК КОРОВИН

Шерлок Холмс и доктор Ватсон летят на воздушном шаре. Туман, ничего не видно, заблудились. Внезапно внизу, прямо под шаром, туман расходится, и становится видна дорога. По дороге идет путник.

– Сэр! – кричит ему доктор Ватсон. – Скажите, пожалуйста, где мы находимся?

Путник поднимает голову вверх и, секунду подумав, отвечает:

– Вы находитесь в корзине воздушного шара.

– Это математик, – флегматично констатирует Холмс. – Только математики дают такие точные и совершенно бесполезные ответы.

Анекдот

Мой друг Иван Степанович Коровин – математик. Не выдающийся, не великий, не из тех, имена которых знает весь мир. Обыкновенный доктор наук, профессор, директор маленького провинциального института. А впрочем, даже если бы он был и выдающимся, вряд ли его имя вам что-то сказало бы. В наше время на слуху лишь имена поп-звезд да футболистов, если, конечно, отвлечься от тройки-четвёрки самых одиозных политиков. Однако же в своем кругу, среди таких же как он математиков, Коровин пользуется заслуженным уважением – несколько лет назад его даже избрали в Академию наук. Хотя, надо сказать, сам факт избрания в Российскую Академию (а ранее в Академию наук СССР) отнюдь не бесспорно говорит о реальном месте избранника в науке. Я знаю сколько угодно достойных учёных – не членов Академии, и знаю академиков, не сделавших в науке ничего примечательного.

Вокруг Академии наук вообще прижилось множество мифов. Один из них заключается как раз в том, что академиками, якобы, становятся лишь самые выдающиеся ученые, второй – в том, что Академия наук СССР (преемницей которой видит себя сегодняшняя Российская Академия) происхождения своё ведёт от Петра Первого и Ломоносова. Не вдаваясь в детали отличий петровской Императорской академии и Российской академии, основанной Екатериной Второй, осмелюсь напомнить, что к моменту прихода к власти большевиков в России имелось не более пятидесяти академиков и ни одного (!) академического института. Большевики долгое время вообще не знали, что делать с индифферентно (а то и враждебно) настроенными «гнилыми интеллигентами», их частично разогнали, частично расстреляли, и лишь к 1925-му году Сталин понял, что без науки, и в первую очередь – технической, не удастся подготовить страну к будущим войнам, и решил организовать свою, советскую Академию наук – АН СССР, принципиально отличную от дореволюционной. Принципиальность этого отличия заключалась в полной подчинённости АН СССР партийному руководству и в обязательной нацеленности всех научных исследований на нужды народного хозяйства. Вот тогда-то и были созданы академические институты, а по числу академиков мы быстро перегнали самые развитые страны.

Однако я вовсе не ставлю себе целью бегло пересказать всю историю советской науки – о ней много написано, а будет написано ещё больше, когда мы постепенно отойдём (я надеюсь) от привычных нам лицемерия и лакировки, и станем называть вещи своими именами. Моя цель – рассказать о моём друге Иване Степановиче, хорошем математике и славном человеке.

Иван Степанович пришёл в науку в буквальном смысле от сохи и к народному хозяйству имел самое непосредственное отношение. Он вырос в старинной русской деревне, на Орловщине, в семье механизатора и доярки, и к четырнадцати годам наравне со старшими братьями вполне профессионально водил трактор и работал на комбайне. Был он крепок в кости, широк в плечах и гордился тем, что может «вкалывать» в поле наравне со взрослыми. Но в отличие от братьев и от деревенских своих однокашников Ваню тянуло ещё и в сельскую библиотеку, а в ней – не столько к приключениям мушкетёров и карибских пиратов, сколько к тайнам возникновения галактик и к парадоксам теории относительности. Мальчик побеждал на районных и областных олимпиадах по физике и математике и по окончании школы отважно поехал поступать в МГУ.

Не буду рассказывать, как Иван учился, как влюбился, как женился... Не об этом мой рассказ. А о чём же? Как ни покажется странным и, может быть, даже неожиданным – о бренности бытия и о возвышенности разума. Возможно, я скажу банальность, но разум дан человеку вовсе не для того, чтобы как можно более комфортно обустраивать свое жильё и убивать себе подобных с помощью оружия массового уничтожения. Дан он для познания мира, изучения устройства его и открытия законов, им управляющих, а жизненный комфорт и прочие радости, каковые мы с вами именуем прогрессом и цивилизацией – это всего лишь приманка, вроде того как удовольствие от секса – приманка для продолжения рода человеческого. Вы спросите, кем же дан человеку такой дар и с какой целью?

Уж не Богом ли? Да, ответчу, Богом – если вы верите в Бога. Или Природой – если вы верите в Природу. А о целях не нам гадать и судить. Мы – муравьи во Вселенной.

Бывший крестьянский мальчик не сильно задумывался над тем, кто и зачем наделил его разумом. Он постигал волшебный мир математики, восхищался его красотой, решал никем не решённые задачи и радовался своей способности их решать. Он рос, мужал, взрослел... И мир математики, мир науки казался ему всё более простым и познаваемым. Иван защитил кандидатскую, начал работать над докторской... И не замечал, как меняется страна вокруг него. Да и мало кто замечал это. Тем более что перемена проявлялась как раз в отсутствии перемен. Позднее те времена назовут эпохой застоя, а тогда их называли «развитым социализмом». Страна многое пережила, прошла через голод, великие стройки, через войны, создание Бомбы, полёты в космос... Наука послужила государству на славу (акцентировать на таких «буржуазных» недоразумениях как генетика и кибернетика не будем), но поскольку новых войн как будто не предвиделось, у государства интерес к науке ослаб. И не просто ослаб, а даже некая враждебность начала проявляться. Уж больно разумными стали чувствовать себя некоторые «яйцеголовые»: то кукурузную революцию позволяют себе критиковать, то идею поворота сибирских рек поставят под сомнение... Осмелели! Забыли, что такое «шарашки» и Соловки! А зарплаты, однако, как у директора завода!

И вот однажды услышал Иван Степанович (по телевизору), как очень ответственный государственный деятель, выступая с высокой трибуны, произнёс с хорошо рассчитанным партийным пафосом: «Товарищи учёные! А можете ли вы сказать, какая польза от вашей науки рязанскому хлеборобу?» Иван Степанович слегка опешил. Он, хотя происходил не из рязанских, а из орловских хлеборобов, пользу эту отчетливо понимал, потому в партийном пафосе увидел не только желание «макнуть» заевшихся «дармоедов»-учёных, но и самую обыкновенную человеческую глупость. И ранее как-то не особенно задумывавшийся на эту тему, он грустно вздохнул: «Господи! И эти люди нами правят! Всё как у Платона».

Надо сказать, что со временем мой друг стал находить для себя удовольствие не только в математических формулах, но и в строках поэтов и учениях философов, а предпочтение отдавал древним. И вот у Платона, в его «Диалогах о Государстве», он прочёл, что идеальными правителями государств могут быть только философы, то есть стремящиеся к истине мудрецы, или говоря современным языком – ученые. Беда только в том, что истинный философ (учёный) выше всего в жизни ценит занятие наукой, утоление жажды познания мира, и ни за какие блага не променяет это занятие на управленческую рутину (а иначе он не был бы философом). Философ не стремится к власти и к богатству, он стремится только к знанию. И в правители неизбежно выходят люди не блещущие особым умом, но зато энергичные, честолюбивые и зачастую искренне уверенные в том, что они хотят осчастливить народ – даже вопреки желаниям этого народа, и что трудятся они для этого не покладая рук, «как рабы на галерах». А вот трудятся ли так «товарищи учёные», они не уверены, и не дай Бог, если в этом усомнится и многотерпеливый рязанский хлебороб!

«Что-то подгнивает в нашем королевстве!» – сказал себе Иван Степанович и, подгадав к уборочной, взял отпуск и поехал в родную деревню. Он и раньше туда наезжал, пока жив был отец и мать не перебралась к дочери Галине, в Орёл, где та закончила школу милиции и дослужилась уже до чина капитана. Старший брат Арсений лет десять назад уехал на заработки в Сургут и пропал там, погиб в автомобильной аварии, а средний Сергей единственный пошёл по стопам отца, продолжал жить в селе, работал в колхозе. Такой же широкий и кряжистый, как Иван, с такой же соломенной копной выцветших волос и голубыми, как летнее небо, глазами, он встретил брата по-родственному, сводил с дороги в баньку, напоил мягчайшей пшеничной самогонкой собственного изготовления.

Братья долго сидели за крепким, ещё дедовским столом, сработанным некогда из столетнего ясеня, пели песни, всплывавшие вдруг из глубины их крестьянских душ, поминали отца и брата, говорили «за жизнь».

– Ты представь, Серёга! – в который раз пытался достучаться до брата кандидат наук. – Этот придурок, который только свою секретаршу умеет драть, спрашивает: «А есть ли польза от вашей науки советскому хлеборобу?» Нет, ты мне ответь: почему нами правят такие придурки! Неужели мы этого заслуживаем?

Брат же, механизатор широкого профиля и бригадир, всё толковал ему про какого-то Славку, который неделю как ушёл в запой, и заменить его некем, а хлеб на полях горит. Потом они допили самогонку, вышли на крыльцо и, усевшись в обнимку на тёплых, давно некрашенных ступенях, прочувственно спели «Мы ехали шагом, мы мчались в боях!..» Половинка месяца висела высоко над селом, и когда певцы замолкали, был слышен звон запоздалых соловьёв.

Наутро Иван был бодр и свеж, умылся во дворе из рукомойника, хотя в доме, в кухне, имелся водопровод. Лариса, жена Сергея вынесла полотенце.

– Как Таня? Как дочки? – спросила она. – Ещё вчера хотела спросить, да вы с Серёжей сразу так вцепились друг в дружку, тягачом не растащишь.

– Всё нормально, – ответил Иван, с удовольствием утираясь свежей, пахнущей лавандой льняной холстиной. – Таня работает, дочки учатся.

– А наши огольцы с ранья на рыбалку удрали, – с словно виноватой, но и любовной улыбкой, объявила Лариса. – Заодно и корову повели попасться по речке.

Сергей с Ларисой припозднились с детьми, лишь десять лет назад в их семье случилось прибавление, но – зато сразу двойня. Работать в поле им было ещё рано, а вот выпастить корову – самое мальчишеское дело.

За завтраком, на который Лариса подала яичницу с домашней колбасой и картошкой, Иван сказал:

– Ты, Серёга, вчера про Славку что-то говорил... Комбайн, мол, стоит, посадить некого... А я что, не комбайнёр тебе? Или и ты меня в утиль списал?

– Вань, ты это всерьёз? – Сергей недоверчиво уставился на учёного брата. – Я думал, ты и не слушаешь меня. Всё про какого-то придурка тянул... Нет, скажи: ты всерьёз?

– У меня всё всерьёз! – заявил Иван и краем сознания понял, что ещё не окончательно протрезвел, но это не имело значения. – Любить, так любить, пахать, так пахать!

– Нам не пахать надо, а наоборот – жать, – уточнил брат. – Дай пять! – И протянул через стол широкую натруженную ладонь. Иван протянул свою – такую же широкую, но мягкую от кабинетного труда. Ладони встретились.

Потом они встречались не раз, почти каждое лето приезжал с тех пор Иван Степанович в родную деревню, когда один, когда с семьёй, садился за штурвал комбайна или за руль трактора и делал крестьянскую работу, вечную, как сама земля. А потом возвращался к своим формулам.

Я забыл упомянуть, что после окончания МГУ Иван Степанович был оставлен там же, на одной из кафедр, где и трудился несколько лет бок о бок с корифеями советской (да и мировой) математики, но затем был откомендован одним из этих корифеев на Дальний Восток, в славный город Н-ск, где мы с ним и познакомились, а мало-помалу стали и друзьями. Здесь, в Н-ске, Коровина и застал развал Советского Союза.

Читатель постарше помнит, как радовались мы (большинство из нас) упразднению КПСС (ума, чести и совести нашей эпохи), как ликовали, наблюдая за падением с пьедестала скульптуры «железного» Феликса, как читали взахлёб одна за другой валившиеся на нас разоблачительные статьи о Сталине, Молотове и даже о Ленине, как восхищались разрушителем Ельциным и гордились вновь обрётённым флагом-триколором. Нам казалось, что ещё немного, и многострадальная наша Россия стряхнёт с себя проржавевшие большевистские оковы, смахнёт паутину социалистического застоя и бодрой рысью, как та гоголевская тройка, помчит догонять и обгонять остальные страны – по пути развёрнутого строительства капитализма. Однако никто не знал, как это делать, с чего начать. На всякий случай начали с переименований. Ленинград переименовали в Петербург, КПСС – в КПРФ, Академию наук СССР – в Российскую Академию наук, заодно вспомнив Петра с Екатериной. Ответственность на этом временно успокоилась, лица же, пришедшие волею судеб ко власти, с завидным для любого мародёра рвением начали растаскивать национальные богатства – одного металлолома сколько вывезли!.. А сколько заводов и пароходов для этого было пущено в металлолом!

Впрочем, Академию наук, в которой трудились мы с Иваном Степановичем, новые реалии жизни почти не затрагивали. Учёные мужи и дамы по установившимся в годы застоя традициям продолжали сами себе задавать планы научных исследований, сами себя хвалили, награждали и выдвигали на премии, защищали диссертации, пестовали смену в виде аспирантов и студентов, принимали в академики и члены-корреспонденты новых «выдающихся» – взамен «безвременно ушедших». Государство, по той же застойной традиции, довольно исправно продолжало снабжать Академию деньгами (за исключением моментов, когда вся страна ложилась в очередной дефолт) и даже соглашалось иногда на создание новых институтов и на увеличение числа академиков. Но как-то вдруг академики начали жаловаться на не востребованность своих высоконаучных разработок. Вроде бы делали они всё как и раньше, не хуже, а может быть и лучше, но те же самые предприятия, которые вчера охотно брали их разработки и (как было принято говорить) внедряли, исправно выплачивая немалые деньги, теперь дружно от них отказывались. И даже не потому, что у них не было денег. Просто раньше и деньги, и предприятия, и Академия были государственные, и предприятия были просто обязаны поддерживать государственную науку, а теперь вся промышленность сделалась вдруг частной, и частники начали блюсти свой частный интерес. И вмиг оказалось, что мы можем (да, можем!) придумать и сделать что-то замечательное и даже уникальное, но... Но только, если «за ценой не постоим», как в сорок пятом. В данном случае цена, однако, обрела значение, и частники предпочитали либо вовсе обходиться без так называемых «инноваций», либо покупали более продвинутые и апробированные западные разработки и технологии. Академики продолжали негодовать, но правительство призвало их задуматься и перестроить свои отношения с тем, что раньше называлось народным хозяйством, и предложило создать некий координирующий орган, в который на равных входили бы представители Академии,

государства и крупного бизнеса и который определял бы приоритетные направления науки и решал вопросы её финансирования. Академиков такое предложение возмутило ещё больше. «Мы не позволим никому нами управлять! Даже Сталин этого не делал! Давайте нам деньги, а чем нам заниматься, мы сами будем решать!» Как быстро они забыли и Соловки, и «шарашки», и прочие свои унижения, люди быстро привыкают к хорошему.

На очередном своём общем собрании члены Академии дружно и гордо проголосовали против предложения правительства, и только один член-корреспондент осмелился поднять руку «за». Мой друг Коровин к тому времени как раз был уже член-корреспондентом и тоже присутствовал на этом собрании, но «за» проголосовал не он. Я спросил его потом – почему? И он ответил с лёгким смущением: «Нам надо держаться корпоративных интересов. Иначе нас съедят». Мысленно я не одобрил его, но ничего не сказал. Потому что сам я не входил в эту корпорацию, и мне трудно было представить себя в роли её члена. Было понятно, что корпорацией движет воля её лидеров, однако поведение этих лидеров казалось мне неумным. Государство изменилось, должна изменяться и Академия. Умные люди должны это понимать. А ведь лидеры Академии почитали себя умнейшими людьми нации!

Члены правительства тоже почитали себя умнейшими людьми нации и решили одолеть Академию «не мытьём, так катаньем». Был подготовлен новый закон о науке, согласно которому при правительстве создавалось некое Федеральное Агентство научных организаций – ФАНО, к которому отходили все академические институты, а Академия наук фактически оставалась общественным «клубом по интересам», почти таким же как многочисленные сейчас Союзы писателей и собаководов, за той лишь разницей, что членам академии была милостиво оставлена (и даже увеличена) пожизненная и немалая рента – нечто вроде персональной пенсии.

Вот тут лидеры-академики всполошились не на шутку. Потерять институты! Это несравненно страшнее, чем потерять часть самостоятельности. Конечно, рядовой академик – научный сотрудник, заведующий лабораторией (есть и такие!) будет себе работать, как работал, а что делать такому, который уже до мозга костей превратился в «менеджера»? Как ему быть без института? Ведь сам, своими руками и своей головой, он делать уже ничего не умеет (а, может, и не умел?) Тут уж на карту поставлена самая жизнь.

С запоздалым рвением и послушанием лидеры ринулись в Правительство выговаривать для Академии хотя бы право избирать (как раньше) директоров институтов (а то ведь и мы сами можем перестать быть директорами!), однако Правительство оставило это право за Агентством, а для кандидатов в директора ещё ввело и возрастную ценз – 65 лет. И это при том, что средний возраст членов Академии – за семьдесят! В довершение всего Агентство объявило о проведении проверки работы всех институтов, с последующим закрытием неэффективных или слиянием их с эффективными.

Тут и Коровин мой, до того пытавшийся не обращать внимания на эту политическую суету и заниматься лишь любимой своей математикой, не выдержал.

– Ну, ладно, я согласен, – говорил он мне с плохо скрываемым отчаянием в голосе, когда мы с ним сидели в уютном ресторанчике в центре Н-ска, – я согласен, что реформа Академии нужна, согласен, что у нас в Академии много маразматиков, но ведь в ФАНО вообще нет учёных! Там одни менеджеры! Как они смогут руководить наукой? Это же идиотизм!

– А как могут руководить люди, каждый из которых считает именно своё направление приоритетным и без стыда и совести тянет на себя одеяло во всю меру своих сил? – возразил я и напомнил ему историю, свидетелем которой был сам ещё в заре перестройки, когда американцы всю с нами «дружили» и некий американский фонд выделил несколько миллионов долларов на развитие нашей дальневосточной науки.

Собрали тогда наши дальневосточные академические лидеры (директора крупнейших институтов) всех потенциальных участников этого общего проекта и сказали: «Пишите заявки, с указанием количества статей, которые будут опубликованы в результате этой работы». Проект был рассчитан на год, тематика его лично для меня была довольно новая, поэтому я как нормальный ученый (а был я в ту пору кандидатом наук, руководителем небольшой группы) пообещал опубликовать одну статью. А по правде говоря, за год и одну-то статью по новой тематике опубликовать нелегко, особенно в российских журналах, где рукописи могут и два, и три года лежать. Примерно так же поступило большинство коллег по проекту. Но не наши лидеры-академики! Собрав нас вторично, они, привычно восседая за столом президиума, не моргнув ни одним глазом, объявили, что распределять деньги будут пропорционально количеству обещанных статей. И тут же довели до общего сведения: один из них обещает 17 статей, другой 20, третий – 25!.. Зал ахнул. Молчание длилось около минуты, пока наконец самый смелый не спросил робко:

– А если не напечатаете?

Академики, готовые к такому вопросу, даже не шелохнулись, даже не переглянулись, а самый главный усмехнулся в начавшие сесть усы и с простецкой миной ответил:

– Ну, как говорят в народе: «Обещать – ещё не значит жениться!» Будем стараться!

И тут зал примолк окончательно. Думаю, многие тогда усомнились, что Академик – это звучит гордо.

– Что ты мне анекдоты какие-то рассказываешь! – отмахнулся Коровин, терпеливо, но без интереса выслушав мой рассказ. – Я этих людей знаю совсем с другой стороны. У всех есть недостатки, но эти-то, по крайней мере – ученые!

– Да что ты кипятиться? – удивился я. – Тобой что, кто-нибудь руководил в Академии? Ты всегда сам писал себе планы, сам на своем же Ученом совете за них потом отчитывался, а академики только подписывали (утверждали!) твои планы-отчеты и надували щеки. Никто ведь ни разу ничего ни прибавил, ни убавил. Точно также и сейчас будет. Только деньги государственные раньше шли тебе через Академию, а теперь идут через ФАНО.

– А зачем они хотят институты закрывать? – не сдавался мой друг. – Похоже, им вообще наука не нужна. Особенно фундаментальная. В Правительстве сейчас одни невежи и недоучки. Один Чубайс чего стоит!

– Чубайс не в Правительстве, – поправил я, – хотя жук ещё тот. Универсальный менеджер! Ему что приватизация, что энергосети, что нанотехнологии... Но это отдельная история. А академики сами виноваты. И ты в том числе. Если бы семь лет назад вы согласились на реформу, то институты остались бы в Академии, и вы бы сейчас вместе с правительством и олигархами решали все вопросы. А теперь их решать должно ФАНО, а в ФАНО сидят менеджеры, управленцы. Управленцы прежде всего озабочены повышением эффективности управления. С их точки зрения для повышения эффективности надо прежде всего упростить систему, сделать ее более однородной и прозрачной. С этой точки зрения абсолютно логично по-возможности уменьшить число управляемых единиц за счет слияния мелких, что они и предлагают. А уж потом, со временем, они займутся и повышением эффективности науки.

– Да, да! Точно также они при советской власти укрупняли колхозы. Я видел это своими глазами. А что из этого получилось, видели мы все. А ты слышал, что сказал наш губернатор?

– О чём?

– О науке! С ним, видно, уже менеджеры из ФАНО посоветовались. Он сказал, что нашему краю нужны экономические науки, горные и инженерные, а математика не нужна. Математикой надо в Москве заниматься, а не на Дальнем Востоке!

– Не переживай! – попытался я вполне искренне заверить его. – Мы же с тобой знаем нашего губернатора. Инженер он хороший, самолеты строить умеет, но за слова не отвечает. Тем более, что мы с тобой ему не подчиняемся. Будет так, как Москва решит. И не ФАНО, а Правительство. ФАНО – только исполнитель. Понимаешь?

Иван Степанович нахмурился, потом сосредоточенно изучил графинчик, в котором прозрачная жидкость плескалась уже на самом доньшке, и сделал рассеянный жест официанту:

– Нам ещё водочки! – И, глянув на меня слегка уже замутненными глазами, неожиданно твердым голосом произнес: – Ну и чёрт с ними! Меня земля всегда прокормит. Я прошлым летом четыреста центнеров зерна взял и в этом возьму.

Через неделю он улетел на Орловшину, к брату. Сергей к тому времени сделался уже справным фермером, завёл несколько тракторов, два комбайна, коровник отстроил на сто голов. Само собой, и без наёмного труда не обходился, всё как в развитом капитализме. Брату-академику он как всегда обрадовался, однако обратил внимание на его подавленный вид.

– Ты чего такой смурной? – по-родственному, с нарочитой легкостью в тоне спросил он Ивана, уславив его в новенький, темно-синий «Патриот» и выведя авто на узкую, но на удивление гладкую дорогу, идущую меж желтеющих уже пшеничных полей. – Дома всё в порядке?

– А чего бы? – пожал тот плечами. – И вообще, никакой я не смурной. Устал немного с дороги, вот и все. – На трезвую голову он никогда на жизнь не жаловался. Да и что мог сказать он брату-крестьянину? Разве объяснишь ему, что такое ФАНО, и для чего нужна (и кому нужна) реформа науки? А в том, что Сергей примет его в пай, если дело дойдет до закрытия института и сворачивания в стране математики, Иван не сомневался. Земля всегда прокормит. – Лучше скажи, как тут у вас народ к войне относится? У вас же Украина под боком.

– С чего это под боком? – искренне удивился Сергей. – Это у курян она под боком, а до нас ей ещё шагать и шагать. Да и не вяжется Путин напрямую в войну! Там ведь не с Украиной придется воевать, а с НАТО! А с НАТО нам пока тягаться не с руки!

– Что значит, не с руки? Что значит, пока? – Мой друг с недоумением посмотрел на брата. – Я думаю, хватит с нас и санкций.

– А что санкции? – ответил его брат, невозмутимо глядя, как бесконечная асфальтовая полоса набегает под капот внедорожника. – По мне, так нам надо Богу молиться, чтобы эти санкции никогда

не отменили. Глядишь, и промышленность наша начнёт развиваться. Про нас, аграриев, я уж и не говорю. Все магазины забиты импортными продуктами, а мы вроде как и не нужны! Обидно! Ну, скажи... – Он полуобернулся к Ивану. – Если бы тебе объявили, что математика твоя никому не нужна, тебе не обидно было бы?

Тот встретил его взгляд с понимающей и грустной усмешкой.

– Было бы. И даже очень. Хлеб можно купить на нефть, а мозги не купишь. Без математики у народа мозги иссохнут, вот в чём беда. Тогда нас и НАТО возьмёт голыми руками. – И, вздохнув как-то особенно тяжко, отвернул взгляд и повторил в раздумье: – Вот в чём беда!

Некоторое время братья ехали молча, потом Сергей спросил:

– Слышал как-то по телеку – один наш математик какую-то мировую теорему доказал. Ему премию в миллион долларов присудили, а он отказался. Ты, случайно, не знаком с ним?

– Знаком, – без выражения кивнул Иван. – Это Гриша Перельман из Стекловки. Правда, из Стекловки его к тому времени уже турнули: он в институт не ходил, дома работал. Наверное, потому и от премии отказался, хотел показать, что не ради денег, не ради зарплаты и премий, занимается математикой, а потому что математика – это его жизнь.

– А теорема-то стоящая?

– Стоящая. Только не теорема, а гипотеза. Гипотеза Пуанкаре. Её сто лет не могли доказать, а Гриша доказал.

– Ну и что теперь?

– В каком смысле?

– Ну, доказал. А дальше что? Другим математикам от этого польза будет?

Мой друг усмехнулся.

– Будет, Серега! Непременно будет. И главная польза в том, что гришино достижение ещё кого-то подтолкнет к занятию математикой, к решению других задач...

Он замолчал, и глаза его засветились особым внутренним светом, хорошо знакомым мне и не раз меня смущавшим. В такие мгновения окружающий мир для Ивана Степанович переставал существовать, его разум уходил в мир математики.

Я тоже уехал из Н-ска на всё лето, но не в пшеничные поля Орловщины, а в снежные горы Алтая, отдыхал там от горестных дум о будущем российской науки и конкретно – о будущем своего института. С Коровиным мы встретились в сентябре. Он был привычно опален жаром полевой крестьянской работы, копна русых волос ещё более светилась, ладони как всегда огрубели. Но глаза сияли необыкновенной голубизной.

– Ты это... на сайт Минобра давно заходил? – без предисловий спросил он меня.

– Вообще-то давно, – ответил я неуверенным голосом. Впрочем, я и не был любителем заходить на сайт Министерства образования и науки: не ждал я там ничего хорошего. – Я в горах был. А что?

– Есть все-таки и умные люди в Правительстве, – ответил Коровин. – Понимают, что нельзя стране без математики, когда она к войне готовится.

– К какой войне? Ты о чём?

– Ладно, про войну опускаем, это военная тайна, об этом на сайте нет.

– А что есть?

– Есть постановление о создании четырёх федеральных математических центров. Один из них будет на Дальнем Востоке. Федеральных, понимаешь? Мимо ФАНО. Так что ФАНО мне вообще не указ!

– Про Дальний Восток там точно указано?

– Нет, но я узнал, по своим каналам.

Мой друг выглядел очень счастливым, глаза его светились.

– А как урожай? – спросил я его. – Сколько центнеров взял?

– Четыреста двадцать! – ответил он с гордостью, и лицо его сделалось ещё более счастливым.

И я подумал: наверное, он лучший комбайнёр среди математиков и лучший математик среди комбайнёров! Но его тезис насчет подготовки к войне мне определенно не понравился. Как-то не хотелось верить в такую перспективу и тем более – радоваться ей. Конечно, мой друг шутил. Математики тоже шутят.

Или это была не шутка? Или это и есть наша национальная идея? Глаза ведь у него светились!

Республика Адыгея

Кирилл
Анкудинов

Александр
Адельфинский

Светлана
Заволокина

Руслан
Хакуринов

Николай
Редькин

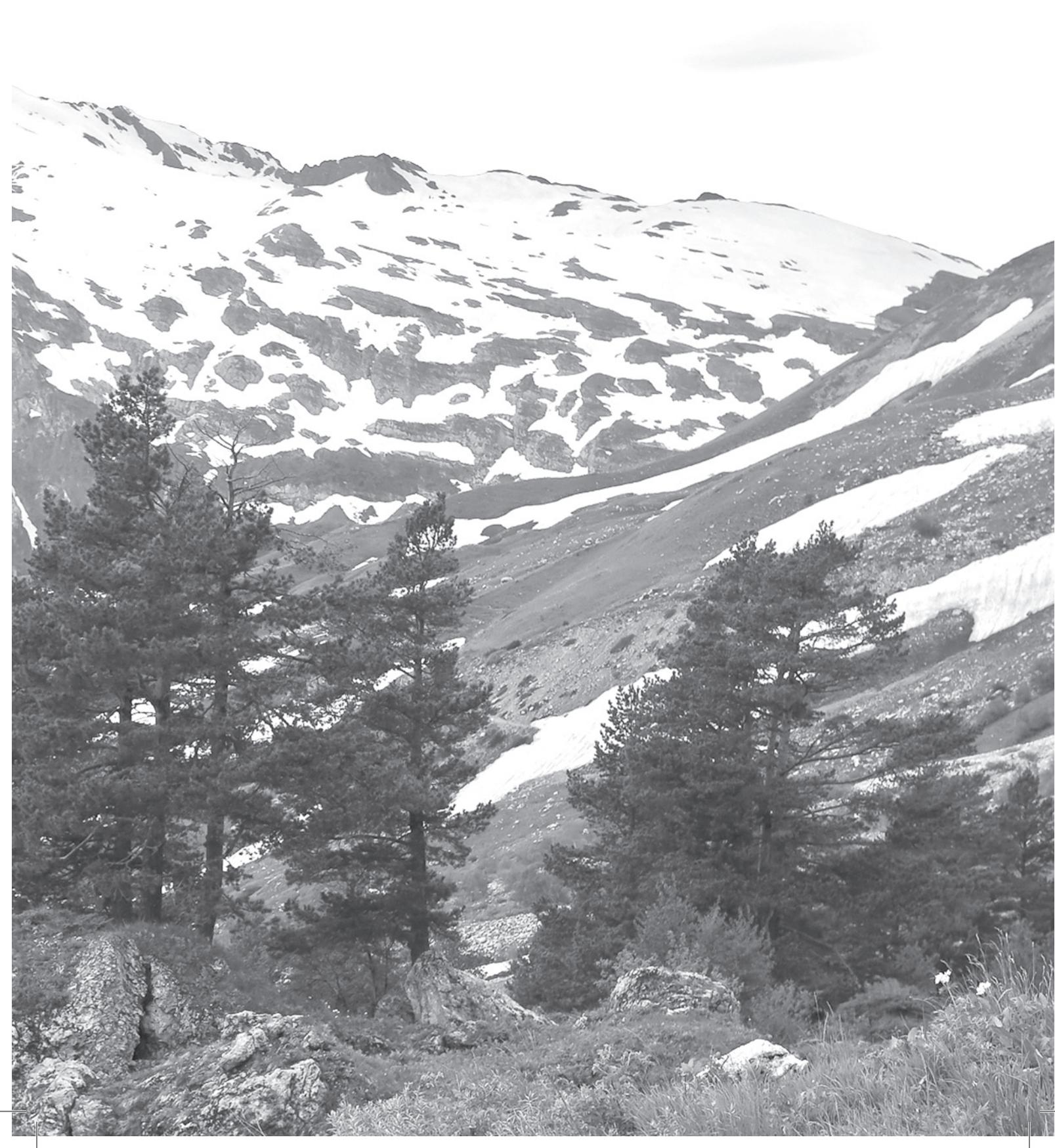
Олег
Селедцов

Марина
Виноградова

Кат
Теучеж

КИРИЛЛ АНКУДИНОВ

ДОРОГА. ДОЖДЬ.

Автострады кольца летят в лицо –
За кольцом возникает ещё кольцо
И дрожит, зависая, фара.
С поднебесья стекает лиловый жир.
В девять вечера вздрагивает пассажир,
Просыпаясь у Краснодара.
Вкруг него пылающий керамзит,
Лишь полоска алая егозит,
Да туман ползёт по отрогам.
Повсеместный дождик – игла к игле –
Чтоб скользило сердце в пурпурной мгле
Синекольчатым осьминогом.
Кольцеватый север и мшистый юг
Единятся светом в холодный круг
И теряются в кучах пара.
И Майкопа движется истукан,
И автобус светится, и стакан
Зажигается Краснодара.

* * *

Над полями, над ангарами
Тёмный воздух повело.
Разлинованный Стожарами,
Накреняясь на крыло,
Самолёт уходит в огонь и дым
Всё чернее, всё густей.
Светит луч двояковогнутым
Линзам водных плоскостей.

Это – небо, это – синие
Промежутки тишины
В кольца свёртывают линии:
– Не летайте, летуны,
Не для вас пространства мерные
И стальные облака,
Навернётесь вы, наверное,
А точнее – наверняка.

Всё едино – днём ли, ночью,
Ах, кузнечики, шмели,
Конус света станет точкою
Вам, негодным для земли.
Вот уже за колокольнями
Зажигается звезда.
Приходите добровольными
В поднебесную, сюда...

Растянувшись поперечиной,
Тень бескрылая плывёт.
Спи, земляк перекалеченный,
Зарываясь в самолёт.
Пусть магнитными кобылками
Наполняются поля.
Ты, закрытый под закрылками,
Начинаешься с ноля.

* * *

Силою окаянною
Для роковой игры
Пущены кегельбанные
Выпуклые шары.
Мнения, вожделения,
Доблести или зло –
Только наклон вращения,
Атомное число.
Как ни скрывай старательски,
Что не из этих мест –
Выдаст тебя предательский
Непоправимый жест.
Что же зовётся славою,
Числится по судьбе –
Круглые ли, петлявые
Линии на тебе?
Я ли не знал заранее,
Я ли, скажи, не жил,
Я ли за все старания
Места не заслужил,
Я ль не тянулся в полную
К чёрным людским следам,
Как шаровая молния
Тянется к проводам.

МОЛЧАНЬЕ

Всю эту осень я молчал,
Таился, словно рысь лесная,
Меня сквозняк не замечал,
Как будто бы в упор не зная.
Я умалился, точно дым
В потоке солнечного света.
Меня могли б назвать своим
Обыкновенные предметы.
Вот так же молодой монах
Зовёт сырое время года:
Всё те же вожжи на возах,
Топор, разбитая колода.
Плывут закатные лучи,
Растут осенние растенья,
А он твердит: молчи, молчи,
Слова страшней, чем запустенье.
Пустая келья и тряпье,
Листва, которая ветшает –
Привыкни – это всё твоё,
А всё иное – искушает.
Молчи. Не вздумай оставлять
Следов и слов неосторожных.
Повсюду сети. Но поймать
Тебя отныне невозможно.
И если правда, что душа
Подобна типу кислорода,
Живи почти что не дыша,
Чтоб не истратилась свобода.
Избыточен любой ответ,
Одно другого не новее.
Твои слова – алмазный след,
И с каждым словом ты слабее.

АЛЕКСАНДР АДЕЛЬФИНСКИЙ

СМЕНА ВЕТРА

Незаметная смена направления ветра –
Или это корабль повернул в ночи,
Иль на палубе зябкой в канун рассвета
Курит бледный вахтенный и молчит.

Корабельная дрожь напряжением дальним
Продлевает невидимую волну:
Мы на ржавой грани воды и стали
Сторожим зелёную тишину.

А она поднимается в нас и мимо
Корабельного гула в святой воде,
Словно отсвет белого пара, зримо –
К понимающей музыку темноте.

Так и ты поймёшь, что и раньше было
Перед бликом рассветного бытия,
Но какая волна облака творила,
Не доплачется детская тень твоя.

Океан небес, коль тебе не спится
В одиночестве облачной немоты,
С океаном водным стремится слиться
И обнять, так, как, знаю я, хочешь ты.

Вот поэтому-то, как меняет вахту
День, неведом и этим к тебе суров, –
Не нашедшему неба последнему такту
Где найти симфонию тех ветров?

Незаметная смена направления ветра.
Или это корабль повернул в ночи.
Улови в каноне канун рассвета:
Вышней нотой неба вода звучит.

* * *

Беспамятство спасительно и явно,
Как яблоко в немых метаньях света.
Оно роняет в воду, и стрекозы
Слетаются и крестят торопливо
Плывущего цикадным белым звоном,
Скользящего меж почвой и корнями,
Весенним ветром сорванного с кроны,
Забытого легко, и слава Богу.
Хоть мир манит, но небо побеждает
Пространной синевою и постоянством:
Там ветер, трепет крыл и птичий гомон,
Слепящая механика полёта.
И длится полдень. Знаешь, я смертельно
Устал от утомительной привычки
К усталости. Неволя ледяная
Иль миру неизвестная свобода
Пройдут, сольются, истончатся, канут, –

Останется пейзаж, пребудет воздух.
А мне так жаль живых и уходящих –
Тогда, сейчас, и завтра, и веки.
Мне жаль тебя, рисующего воду,
Дорогу по водам и путь на небо.

* * *

А рифма умерла, а снег уже не таял,
Таила ночь огни, над полем пролетал
Один, другой за ним, садились, я не видел
Аэропорт, а он, конечно, был один
И светел. Кислота, и холод, и пространство,
И светел, и один, и хорошо земле.
Земля внутри пуста, и холодна поверхность,
А рифма умерла, а ночь таит огни...
Земля внутри тиха, и маленькая птица
Летает и молчит, и сядет, и глядит
В подземных небесах, и се. Тогда я жив,
А нынче тоже я, а камень, камень может,
И многое, хотя земля внутри тиха –
Благодаря, и се, над полем, над ангаром
Таила ночь огни. Земля ещё была.
И странно, как на ней и холодно и снежно.
Летает и молчит, а стены холодны.

* * *

...И какая разница в том, что скажу тебе
Или нет, непрерывность полуденных галерей,
Где такие картины наш отражает свет,
Словно окна, застеклены. Подойди сюда.
Там, за стёклами, немо плещет моя вода,
Города омывая, только вот звука нет;
Нам на лица оттуда – отблеск тех фонарей,
Маяков мерцание дальних; в моей мольбе
Ничего, конечно же, звуки разделены,
Вдох – по эту сторону, выдох – по ту стекла,
Я не слышу, о что же случилось со мной, смотри:
Отражения наши в картинах ушли от нас.
Сон живёт минуту, а кажется, длится час,
Уходи скорее, страшно мне изнутри
Видеть, как в окне позади тебя тень легла:
Остановкой сердца кончаются эти сны.
Я о главном самом хотел, но тогда ещё
Невозможный холод выжжет мои глаза,
Как догадка, Боже, догадка, что я уже
Опоздал на четыре жизни невесть когда.
Я плыву обнять тебя, но леденит вода,
Унося меня, чуть помедлив на рубеже,
За: туда, откуда совсем не бывает, за,
Сколь же может считать молчание белый свет!
...И какая разница в том, что устанет ждать,
Разольётся плач серебряный в тишине
За её закатом, он ведь, конечно, не –
Он ведь просто не. И места ему не дать.

СВЕТЛАНА ЗАВОЛОКИНА

ПО ПРОЧТЕНИИ ПСАЛМА

И всякая лесная трава,
И ласточка, что в скале гнездится,
И быстрая рыба, что едва
Проглядывает сквозь воды –
Это всё Ты, Господи, всё Ты.
И волчица,
Что плачет в норе,
И жук на горе,
И кукушка, обманщица
Птиц лесных –
Это всё Ты, Господи, измыслил.
И веси все, и города:
Венеция, мёртвых обитель,
Кордова гордая, богатый дарами Багдад,
И весь в небесных заплатах Витебск –
Это всё ты, Господи, поставил.
Над водами
Навёл радуг мосты,
Бездною укрыл, как одеяньем.
Это всё ты, Господи, всё Ты.

* * *

Как боится кормящая,
Что молоко вдруг убудет –
Багульник заваривает пьянящий,
Трогает отвердевшие груди,
Гладит натруженные сосцы –
Так боюсь я, что отнят будет
Этот дар сопрягать концы
Слов непокорных, что слетают как птицы.
Я трогаю их немеющими губами,
И шепчу всё, боясь разлучиться:
Любовь-кровь, зарница-синица,
Зеркало-амальгама.

* * *

Окончен праздник. Агнцы и тельцы
Заколоты и съедены. Курятся
Дымки мангалов жертвенных. И продавцы,
Подсчитывая прибыль, суетятся,
Товар непроданный назад в свои ларцы
Слагая. Музыканты и певцы
Умолкли. И лукавые собаки
Смирненно ждут, не начиная драки,
Обильной трапезы. Земля, умащена
Вином и кровью, спит под звёздной сетью,
И в ней работа тайная зерна
Густые токи крови и вина
Преображает в листья и соцветья.
И круглобый фавн из-за стволов
Глядит на осквернённую поляну,

Где женщины, мужей скликая пьяных,
Меж разорённых мечутся столов.
День отшумел, и помнят только дети
И праздника весёлые дары,
И как кружили в небе на рассвете
Парашютисты и воздушные шары.

* * *

Ни сливы, ни винограда –
Всё поздний мороз порушил!
И грецкий орех сегодня
Всего лишь два плода в нежных
Скорлупках мне под ноги бросил.
Даже тутовник пресный
Нынче не уродился,
И только полынь с крапивой
Себя предлагают щедро.
Что же, сварю из крапивы
Масляный суп кисло-сладкий,
Украшу его привозною
Оливкой садов италийских,
Да горькой полынной настойкой
Наполню кувшин прохладный,
И приглашу тебя в гости,
Друг мой единственный. Сядем
С тобой во дворе, под орехом,
И будем слушать молчанье,
Как ветер в бесплодной кроне
Шумит. Ведь слова нам с тобою
Давно уж не нужны, мой милый!

* * *

Я к вам приеду. В этот дивный край,
Туда, где воздух сладостен и плотен,
Как мёд. И где таинственный сарай
Чернеет хмуро в зарослях смородин.
Где у колодца в сизых лопухах
Живёт большая золотая жаба,
И где белеет блюдец молока
На земляном полу среди зимних яблок.
Туда, где в вышине, от жара слеп,
Выводит песню жаворонок звонкий,
И где не донести до дому хлеб,
Не надкусив хрустящей тёплой корки.
Туда, где рыба движется в реке,
Пронзённой солнечною острогою,
Где след ещё сияет на песке,
Оставлен детскою моей ногою.
Куда летящий ветер издалека
Несёт дождя мгновенного дыханье,
И моего касается виска
Вишнёвый лист благоуханный.

РУСЛАН ХАКУРИНОВ

НОЯБРЬ

Небо задышало грозными ветрами,
Раздувая бархат золотой поры.
Облетевших листьев пряными коврами
Отдымили дружно чистые ковры.

Осень, отряхнувшись, встала у порога
Утренних туманов и глухих дождей.
Стали суетливой люди на дорогах,
В лицах проявилась тень предзимних дней.

Брезжатся рассветы поздно и лениво,
Вечерами рано светятся дома.
Кто-то по приметам знает горделиво,
Будет ли холодной близкая зима.

Старый пёс бродячий, всем хвостом виляя,
Проводил прохожих на своём углу,
И теперь ночами где-то завывая,
Безысходно громко жалится во мглу.

Видно он почуял сердцем доходящим,
Что ему грядущих стуж не пережить,
И другим собакам, стаями бродящим,
Хочет напоследок боль свою излить.

Но голодным сворам, озорным и сильным,
Некогда стенаньям старика внимать.
Они резво мчатся к свалкам изобильным
От души наесться и потом играть.

В неустанном беге суку догоняя
По земле остывшей с жухлою листвою,
Ошалев от звуков собственного лая,
Беззаботной, вольной, молодой толпой.

* * *

Холодные порывы,
Летящий жёлтый лист.
Аккорды с перерывом,
Охрипший гармонист.

Катящийся аллюром
По тротуару зонт.
Лежащий за бордюром
Забытый ржавый болт.

Промозглость, сырость, холод –
Зима недалеко.
Пейзаж, где я немолод,
И сердцу нелегко.

Где, чувствуя усталость,
Кружу, как поздний лист,
Под песенную жалость,
Что тянет гармонист.

Где памятью сквозь лужи,
Как в пыльное окно,
Я вижу свет наружный,
В котором жил давно.

И где, листая годы,
Я в юность мчусь назад
Сквозь сумрак непогоды,
Сквозь жёлтый листопад.

* * *

За городом, на пятом километре,
Где в зеркале озёрном скол небес,
Чуть вздрагивая от порывов ветра,
Стоит глазастый чёрный Мерседес.

Стоит он в жёлтых листьев хороводе,
Дождём холодным окроплённый весь,
И отражает серость небосвода
И близрастущий у дороги лес.

А мимо рой машин гудит, чихает.
Спешащий люд усердно жмёт на газ.
Его с тоской застывшей провожает
Безжизненная пара серых глаз.

Два дня назад, пленён незримым бесом,
В бессилье одолеть настигший рок
Он повернул к обочине у леса,
И из машины прозвучал хлопок...

Напрасно звонкой трелью оглашает
В крутой начинке кожаный салон,
К делам и к жизни шефа приглашает
Кричащий неустанно телефон.

Кружа вокруг, пока лишь осень знает,
Чей приговор свершился из людей.
Кто от проблем и боли отдыхает,
Остановив стеклянный взгляд на ней.

И, будто оттолкнувшись от машины,
Она, взрывая, гонит листья вдаль,
Творя из них мгновенные картины
И засыпая ими магистраль.

НИКОЛАЙ РЕДЬКИН

РОЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Сегодня все лесные голуби
Слетают в гости к голубятням,
Деревья выстраются голыми
В порыве бодром и опрятном.

В лесу медведь пойдёт ворочаться
В своей берлоге. Жадный ветер –
Как женщина, как переводчица
На свой всех языков на свете.

В лесу воспользуется лазами
Трава, какая не завяла.
И горы кажутся подвластными
Штрихам нагорного привала.

И в удивлении калитками
Скрипят сегодня домовые,
И люди станут многоликими
За столько месяцев впервые.

Сегодня с нас сойдут, как кожаца,
Все зимние грехи-предлоги,
И Судный день не растревожится
В своей арктической берлоге.

МЕЧТА КИТА

Г. Мелвиллу.

А в тридесятом слое воды,
В самой густой глубине
Спят независимые киты
И звёзды видят во сне.

И равномерен придонный гул
В омутах тишины;
Киты не боятся китовых акул,
И белые им не страшны.

Но вот просыпается папа-кит,
За ним просыпается дочь,
И вот уже вся семья не спит,
Сквозь воду чувствуя ночь.

Кит не гласт и кит не ушат,
Но чувствует – надо идти,
Ибо настал долгожданный шанс –
Звёзды узреть во плоти.

И вот вся флотилия тянется вверх,
Навеки расставшись со дном,
Ибо под звёздами ждёт человек
С наточенным гарпуном.

ОЛЕГ СЕЛЕДЦОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В далёком неправильном городе
Туман предрассветный бредёт,
И что-то мурлычет о Вологде,
Где девица милого ждёт.

Украшен весеннею просинью
Бесчувственный военкомат,
А там молодые матросики
Проститься с «гражданкой» спешат.

Покуда не вписаны повести
Сражений в военный билет,
На чернопогонной их совести
Пока ещё звёздочек нет.

Их звёзды зажгутся над крышами,
Где жёны сулили покой,
Когда субмарины погибшие
Однажды вернутся домой.

ОЖИДАНИЕ

Пятый месяц усталой серною,
Матьер Божью благодарая,
Поджидала подруга верная
Уцелевшего богатыря.

Он, усердной храним молитвою,
Не был ранен, не пал в бою,
И, смеясь над лихою битвою,
В землю предков спешил свою.

Но лукавить не след причинами,
Затянулся обратный путь.
Стали вёрсты – ногами длинными,
И коня уже не вернуть.

Где-то спрятался меч на доньшке,
И в ломбарде заржавел щит.
Вот и дочка от новой жёнушки.
И на печке сынок пищит.

Были стройки, и голод лагерный,
И война, и победный год.
А на тропке, поросшей ягелем,
Так же друга старушка ждёт.

Благодарно всё так же молится,
Что щадила милого мгла.
Всё простила, как Богородица,
А иначе и не могла.

МАРИНА ВИНОГРАДОВА

* * *

У снежной бабы талия подтаяла,
А руки-ветки запрокинулись неловко,
И скоро от неё всего останется
Дырявая кастрюля и морковка.

Картина жалкая, а зрелище знакомо,
Размыли слёзы угольную тушь,
Не будет бабы завтра возле дома,
Она ручьём сбежит в лесную глушь.

Сквозь слёзы улыбается невольно,
В улыбку ягоды калины сложены.
Плачь, плачь, подружка, ты умрёшь достойно,
Став первым вздохом будущей весны.

ПЕТРУШКА

Этот город прекрасный
Красоты несказанной,
Но дома в нём из воздуха,
Карт и песка;
Лишь открыв рот пошире,
Можно жить в этом мире,
Прыгать в омут атласный
Ледяного нарзана,
Где вода голубая
Глубока-глубока!

Самым странным размером,
Чёрной тушью на белом,
Совершенном и чистом
Дивном белом листе
Мы напишем виденье:
Запах, вкус и цветенье,
Радость, страх и томленье,
И движенье везде.

Жизнь прольётся повсюду,
Не хочу я про чудо,
Но ведь это же чудо,
И хоти не хоти,
Лишь подставь ему руку,
Чтоб оно приземлилось,
Чтоб душа разметалась,
И оно прилетит.

Вот такая петрушка,
И змея, и лягушка –
Тоже ведь твари божьи
И прекрасны вполне,
И ты слышишь, подружка,
Не отвертись точно,
Это явствует прочно,

Что и правдой, и ложью
Ты заслужишь и лужу,
И корабль на волне.

* * *

У любви на ветру развеваются волосы,
А глаза лучистые смотрят пристально,
Слух ласкает она чудесным голосом,
А манеры её приятно изысканны.

И живёт она в огромном городе,
Правда, часто выезжает в провинцию,
Ничего не знает о ценах и голоде,
Потому что всех желаний неистовей.

Обхватить её беззащитную шею
Сильным пальцам твоим не составит труда,
И она уйти навсегда сумеет,
Не оставив видимого следа.

* * *

Утром, свежим и нежным,
С тишиною и небом,
С благородными соснами
Цвета рассвета,
Увидать белых цапель,
Грациозно кружащих
Над самой водою.

Переплыв на тот берег,
Есть малину горстями,
Обливаясь росой
Сверкающей ярко,
Обжигаясь крапивой,
Стоя на буреломе,
Рисковать провалиться
В трухлявые дыры.

В старой церкви, над речкой
Возвышающей купол,
Окружённый могилами
Праведных предков,
Вековую монету
Отыскать, покопавшись
Между каменных плиток,
Густо мохом поросших.

Выйти к речке, увидеть
На песке древний якорь,
Жуткий, чёрный, чугунный,
От петровского флота,
И застыть поражённо
С немым удивленьем,
Как великая Волга
За века обмелела.

КАТ ТЕУЧЕЖ

КОРШУН

РАССКАЗ

Как красиво летом в ауле и его окрестностях, какое благоденствие! Всё покрыто зеленью, всё живое суетится, занято делами. Работы летом невпроворот! Вечером отец меня предупреждает:

– Завтра рано утром пойдём косить сено, Куапце, ложись пораньше.

Я следую его совету, а утром встаю вместе с птицами. Мой слух ловит чириканье ранних птах, мама уже приготовила нам еду. Кукурузная каша и жареный сыр лежат в сумке рядом с фляжкой воды. Моя маленькая и большая косы, а также молоток, наковальня, точильный камень отец заранее отнёс в поле и спрятал. Иду вслед за отцом широким шагом. Нам надо прийти на место до восхода солнца. Как только вышли из аула, отец забрал у меня посуду с водой, чтобы я её не расплескал. Три километра прошли без напряжения.

Наш участок ухоженный, чистый, кажется, что здесь растут все растения мира. Отец ставит меня косить там, где растёт только клевер. Я очень стараюсь, хотя иногда коса моя вонзается в землю. Отец же машет острой косой, как будто лезвием бреет.

С одной стороны я скошил полвалка, не успел с другой подравнять, как в траве заалели огромные ягоды земляники. Вот тут-то я и о работе забыл. Что поделаешь, – ребёнок, мне шёл тогда тринадцатый год. Тороплюсь, ем землянику. Слышу, отец зовет:

– Куапце, иди сюда!

Пришёл, он показывает мне интересную картину: птенец коршуна, мокрый от росы, съёжившись, сидит в густой траве под тополем. Как увидел я его, не мог глаз оторвать – настолько он был красив! Я приблизился, не подпускает к себе, бьёт твёрдым клювом, царапает острыми когтями, угрожающе хлопает крыльями.

Отец шепчет:

– Иди в шалаш, принеси старый кафтан.

Я мигом побежал к шалашу, принёс одежду. Отец накинул кафтан на птенчика и поймал его. Я забыл и о косьбе, и о землянике, теперь меня занимал только коршун – символ гордости и свободы!

Неожиданно коршун испустил громкий крик, извернулся и клюнул меня так, что из раны на руке кровь пошла. Он как будто внушал мне:

– Дружок мой, так просто меня пленить невозможно!

Царь птиц начал кричать звонким голосом, карие глаза его налились кровью. Перья уже высохли от росы, силы вернулись, и в голосе нет страха. Он требовал:

– Отпустите меня на свободу к моим родичам!

Я положил птенцу немного каши, но он даже не глянул на неё, хотел напоить водой, он не обратил внимания. Закончили косить к вечеру. Отец, улыбаясь, спрашивает меня:

– Что, отпустим его или возьмём домой?

– Понесём домой, я его буду дрессировать, – ответил я.

Отец, чтобы меня не обидеть, говорит:

– Сможешь дрессировать такого упрямого? Видишь, какие у него острые когти и клюв? Может и глаз выклевать. Давай возьмём его домой, пусть силы наберётся, если какой-то недуг у него, вылечится, потом посмотрим.

Я беспрестанно повторяю:

– Хорошо, хорошо. Маленький Мос разбирается в птицах, он мне поможет...

Наш двор большой, в нём полно гусей, индюшек, кур. Как только они увидели птенца-коршуна, устроили переполох. Индюки как сумасшедшие орут, старый петух возмущённо вокруг коршуна бегает. Собака не понимает, что случилось, но на всякий случай лает.

Отец говорит:

– Видишь, ты принёс их черноголового врага, убьют они его. Надо спрятать, пока он не придёт к себя.

В конце сарая отец привязал коршуна тонкой цепью, закрыл снаружи плетенкой, – спрятал, а я позвал своих друзей, и они быстро прибежали. Впереди всех – Мос, радуется, говорит, что будем дрессировать «заключённого», который смотрит на нас презрительно, гордо.

Дядя Моса тоже подошёл, оглядел птицу и сказал, что поздно её обучать. Во время войны он был на фронте с казаками и знал, как они натаскивают охотничьих коршунов. Совсем маленьким дают сырое мясо. Кладут его в волчий череп, чтобы птица доставала через глазные дырки. Когда уже взрослого

коршуна берут на охоту, он стремительно падает на волка и выклёвывает у него глаза, надеясь найти внутри пищу.

Дядя заметил наше уныние после безнадёжного диагноза дяди Моса и подбодрил нас:

– Как хотите, держите, пока наиграетесь...

Потихоньку наш гость становился спокойнее, ел, что подавали, но особенно любил сырое мясо. Стал больше двигаться, превратившись в большого коршуна-красавца.

...Лето подходило к концу, приближалась осень, начался учебный год. Слухи о коршуне дошли до школы, многие ребята приходили на него посмотреть. А ему стало тесно в закрытой плетёнке. Мы попросили отца сделать хотя бы цепь длиннее. Он сделал, и птица стала расхаживать по всему двору. Однако старожилам это не понравилось. Сначала на него дружно напали старые индюки. И получили!

Первого индюка коршун ударил расправленными крыльями, тот упал, как подкошенный. Тогда коршун взялся за остальных и разогнал всех! Больше индюки его не трогали, обходили десятой дорогой.

Дядя принёс большой кусок говядины. Коршун держит мясо в когтях, клювом отрывает куски и с аппетитом глотает. Дворовому псу стало обидно, он осторожно подкрался сзади и с рычанием выхватил кусок у птицы. Не медля ни минуты, коршун клюнул пса прямо в нос, тот взвизгнул от боли и убежал, поджав хвост.

Удивительное зрелище было, когда коршун становился посреди двора, расправлял свои огромные крылья и, разгоняя воздух, махал ими, при этом громко кричал! Тело стройное, оперение сверкает на солнце, большие глаза навывкате, моргает ими, как человек, опускает их не спеша. Не дай Бог попасть в его твердые когти и скрюченный клюв! Когда крылья были сложены вдоль тела, трудно было определить их размер, но когда коршун расправлял их, они занимали половину двора!

Нового царя во дворе боялись все! Он успел даже хитрого кота, пожелавшего стащить у него мясо, отшлепать крыльями по морде!

Итак, у нас воцарился порядок: дворовый пес не высовывался из будки, кот не спускался с крыши сарая, трусливый старый петух, забыв о курах, уныло сидел на заборе. А вот людей коршун не трогал, провожал их взглядом, пока не зайдут в дом. На некоторых вообще не обращал никакого внимания, словно наперёд знал, что ничего хорошего от них не дождётся.

– Ребята! – убеждал нас отец, – пора выпустить птицу на волю! Ему же небо нужно, а не птичий двор!

И птица как будто понимала, заглядывала ему в лицо: «Правду говоришь, хватит держать меня в плену. Отпустите меня к родственникам, без них я умру. Семьи индюков, собак и кошек не могут стать мне близкими. Мои родные летают в облаках, вьют гнёзда на вершинах гор. Любое движение на земле замечают, камнем летят с небес и хватают добычу. И своих детей они воспитывают свободолюбивым!»

Казалось, что пленник впрямь говорит эти слова. Он гордо поднимал свою голову, смотрел в небо. Было заметно, что птица невыносимо скучает и тоскует.

Но Мос же упрямый, хотел во что бы то ни стало обучить коршуна!

Тогда отец решил позвать своего брата, отца Моса.

– Вы совершили благородное дело, спасли беспомощного птенца, помогли ему, вылечили, хорошо обходитесь с ним, – начал опытный охотник. – И он вам, ребятам, стал хорошим другом. Вы привыкли к нему, не хотите отпускать. Тогда давайте поступим так: развяжем коршуна и увидим, что будет. Если он останется, то будет ваш. Если улетит к своим соплеменникам, значит, так тому и быть!

Я освободил коршуна, развязав цепь. Тот, не поверив своему счастью, неуверенно сделал несколько шагов, вышел на середину большого двора, захлопал крыльями... И вдруг понял, что свободен! От счастья издал душераздирающий крик, от которого в ужасе попрятался весь птичий двор. Оторвал от земли свои крепкие лапы, стремительно взлетел, словно его подбросили, расправил огромные крылья и, как вихрь, закружился над двором, издавая победный крик. И полетел! Мы следили за ним, пока коршун не скрылся из виду. Много дней прошло, мы все глаза проглядели, всматриваясь в небо. Но коршун так ни разу и не появился.

Петух давно спрыгнул с забора, пёс вылез из будки и вновь почувствовал себя хозяином, но цепь, которой была скована гордая птица, которая так и осталась лежать во дворе, вся живность все-таки обходила стороной. Даже хитрый кот.

Республика Марий Эл

**Герман
Пирогов**

**Александр
Коковихин**

**Вера
Гордеева**

**Анжела
Кибардина**

**Геннадий
Сабанцев**

герман ПИРОГОВ

* * *

Из сухого снежка
баба снежная что-то не лепится,
и сухое вино
цедит влаги и помощи мало,
нервны тоны смешка,
в голове от них только нелепица...
Что обожествлено,
то, увы, никогда не внимало.

Повороты ключа
осторожны у опытных взломщиков,
из двоих только я
был в сердечных делах медвежатник;
помогая, уча,
вздоги пальцев у лап моих кончиков...
Чувств слабей якоря –
и бегут, напирая на задних.

Взять бы с криком «ура!»
стены снежного зябкого города,
но впервые во мне
пёс отвязный дрожит, что-то чужа:
нет, опасна игра,
туша воздуха ножиком вспорота,
жертвам быть на войне...
Но убитых давно не хочу я.
Сняв осаду, уйдёт
полк острот, не гремя барабанами.
И сойдёт даже с рук,
если было всё вовсе не к спеху,
и один идиот
в многоточиях фразами рваными
был насмешницей вдруг
околдован себе на потеху.

РАЗВОД

Из-за того, что убеждались
в две головы, то авантюра
им удалась – и разбежались;
один – дурак, другая – дура.

Наедине не удавалось
с самим собой договориться:
не в радость ей случайный фаллос,
ему же – редкостная птица.

Они больны уже по виду,
о каждом думают, что двинут;
чем жить вот так, наполовину,
найти бы, головы содвинуть.

Но тем, кто стал дурак и дура,
не по уму ума работа...
Какой, однако, процедура
была осмысленной развода.

АЛЕКСАНДР КОКОВИХИН

НЕ ОТДАМ

...а я говорю, даже трезвый за многих умниц
никогда не отдам классическую дурёху,
что тащит за мною вязанку годов и улиц,
то рабыню напоминая, а то – эпоху...
И нет в ней игры,
осторожного зла и лоска,
чисто женского «не хочу, не сегодня, милый»...
Но может она...
если мне нужен лист – быть плоской,
или ямой холодной – если нужна могила...

СЪЕЗДИЛ К МАМЕ

От мамки выхожу – как Якубович:
в одной руке три литра огурцов,
в другой – мешок снарядов из моркови,
ботинки жмут от вязаных носков...

Опять я не сказал, хоть знал все буквы:
«Не надо, мама. Мне уж сорок пять.
Есть денежки на шмотки и продукты,
их проще в магазинах покупать...»

ЗАМЕРЗАНИЕ ПРОФЕССОРОВ

Осени не было. Сразу пришла зима.
Ветра, холода, снежные круговерти.
Профессор Штихель сказал: «Я пошёл с ума.
Это будет альтернатива смерти».
И стал удаляться, путаясь в пурге бородой,
освещая путь залепленными очками,
в направлении чуда и рюмочной за рекой...
«Подождите, профессор, – кричу, – я с вами!»

ЗУБРЫ

Зубры степенно
выходят из телевизора,
чешут бока об углы серванта.

Спицей
от недовязанного свитера
бабка
их загоняет обратно.

Сын где-то на Севере
(в лучшем случае).
Внучка в Москве.
Звонила, что не приедет.

Единственно кто
уважает бабку и слушает –
зубры с канала «Animal Planet»...

ВЕРА ГОРДЕЕВА

* * *

Аклем эр кечым, лекшым ял ўмбаке...
Шке йолжым шуялтен кава тўреш,
Куржеш пычкемыш лукушко, умбаке...
Да рўмбык омым тыманмеш кўрлеш.

Тўка яндам, пурта шем пўртыш тулым,
Помыжалта ял калыкым эррак.
Арам ок ойло калык ожсо мутым:
«Пиаллан кынелман ондакырак!»

Чиен мыжерым, ний йыдалым – йолыш,
Марий модаш вашка пайрем йўлам,
Кугезе жап годсек йолгорным отыш
Шуя у тукым дене тавадан.

Марий айдеме – пагытын озаже.
Эр кечым суртышко садак пурта.
Йўла почеш тек шонештеш пураже,
А шке иктўр у илышым тапта.

Ончем эр кече лекмым мландўмбаке.
Да эрык южым куштылгын шўлем.
Тентечсе кече шентгалнем шунгалте –
У кечым вашлиеш мурен элем.

* * *

Перрон пустангын, шып шўшка мардеж.
Лишемше поезд йўк шокта тораште?
Ала эртен каен, ынде ок тол мўнгеш,
Шикш пушшо южышто кеч шижалтеш...
Билет арам туржалт пыта копаште.

Уке сумка, чон нелылык гына.
Шуэн от кодо – сакалташ нигушко.
Пасусо шурныла лупшалтына,
Эрласым умылаш – мужедына:
Куш корным ончыктат? Шўкалыт кушко?

Жап шумым ончыкта ошма шагат –
Шкалан оза лияш пуа у йўным.
Уэш кает, у корныш шогалат,
Вес поезд толмым вучалтен кертат...
Я ойырет йўршешлан вес перроным.

* * *

Он дорог мне – примчавшийся с востока
в деревню нашу солнца первый луч...
И сон сбежит от радостного тока,
который приносит: «Радости озвучь!»

Проникнув в окна пригоршнями света,
уже он будит праведный народ –
и тот готов послушаться совета:
«Встающий рано милости берёт...»

Кафтан да лапти – нет милей да проще
марийцу в пору праздников седых;
тропой заветной он стремится к роще
и рад: идущих много молодых.

Широк душой, во времени он – скряга:
рассвет впускает в трепете святом...
Его да будет пенистою брага
и – равный веку – чист и полон дом!

А солнца бег всё пламенней и круче.
Дышу свободно, чувствуя простор.
Готова жизнь свершаться в новой буче –
и дню настречу ясен взор.

* * *

Как будто ветром выдуло перрон.
Подай, мой поезд, издали мне голос!..
Быть может, встать на время вздумал он?
Билет истёрла нервная ладонь,
но тем вопрос не сдвинут и на волос.

Весь мой багаж – душевная тоска.
Но пуце груза гнёт и ломит спину.
Повесить бы – да нет того гвоздка.
Крива дорога наша и узка;
грозит ещё: « На высылки закину!»

Теперь щедрей песочные часы,
но не на суть – на вывеску и форму:
толочь ты можешь прежние азы,
сбежать, отрезав старые концы,
и даже встать на новую платформу.

С луговомарийского перевёла Герман Пирогов.

АНЖЕЛА КИБАРДИНА

МОМ ОЙЛАШ

Шинчаончалтышет шума тупем...
Шижам... Шижам, тый сыренат мылам.
Мый тый дечет шогальым савырнен...
Мый ом ончал шинчаскет нигунам.

А мыйым намыс ик пырчат ок коч,
Кеч тыйын ойлыметым мый шарнем.
Йышт шинчавуд дене малаш ом воч
Да ом пордал пелйуд марте шонен.

Кө титакан? Кө таратен сыраш,
Молан ме ойырленна тый денет?
Ом пале, кызыт мом тылат ойлаш.
Шума тупем шинчаончалтышет.

ЎМЫР МУЧКО ШКЕТЫН...

Ўмыр мучко шкетын, шкетын, шкетын...
...Ош көршөк окнаште пудырген.
Петыралтын кайык дене четлык,
Ош висвисым мланде пызырен.

Ўштылалтын сай книгаште корно,
Да сорта арам йулен шога.
Эх, шуэш кузе чот кызыт шортмо,
Но огеш тол шинчавуд – могай...

Йöрыкталтын тул. Уке электрик.
Курлын телефонын кандыра.
Кайык дене тарванале четлык,
Тул сорташте лудын чытыра.

Трук камвозо лач книга умбаке.
Тул лышташ-влак мучко куржталеш.
Вошт шутен йöратыме йомакым,
Куварвалым шокшын шупшалеш...

Шып тый миенат окна воктеке,
Ий гай йуштö туншö ош кидет.
Ўмыр мучко шкетын, шкетын, шкетын...
Таче тыйын ок шу илымет...

Тыйын велке илыш лийын шайык,
Тыйын гайым колымаш сола.
...Пурен кайыш четлыкыште кайык.
Онжо тудын шикш дене шула.

ПУСТО МНЕ

Твой взгляд прожигает, пронзает мне спину.
О, сколько в нём искренней злости!.. А я
размеренным шагом пространство покину –
и нет уже чувства того остря.

Не мечется совесть в тенётах осенних,
горячность запомнит – забудет упрёк.
В слезах не проснётся во мне неврастеник –
и тело, как ляжет, так выспится впрок.

Ни мы не виновны, ни тот провокатор,
кого благодушия любящих злят.
В сознании тает замедленный кадр:
Ты, гневный, и в спину толкающий взгляд...

ВСЕГДА ОДНА...

Всё одна да одна... За бедою беда...
Ваза белая с розой разбита.
Птичка в клетке надёжной рукой заперта.
Крупным градом ромашка прибита.

Разом стёрлась читаемой книги строка.
Догорает свеча, но без пользы.
Навернулась слеза бы – огромна, горька,
да из камня не выдавить слёзы.

Телефон замолчал. Срезал кто провода?
Свет погас. Тьма обжала теснее.
Клетка вдруг закачалась сюда да туда.
Пламя тонкой свечи – вместе с нею.

Вот на книгу упала внезапно свеча,
и – огонь по листьям от огарка...
Вот любимая сказка, себя горяча,
с низким полом целуется жарко.

Безразлична, мертва, ты подходишь к окну.
Руки-льдины вдоль тела повисли...
Что жалеть в нашем соннице эту одну,
ей до жизни и дела нет если.

Если только шипы в каждом проклятом дне,
осуждаем уход, но нередок.
...Птичка с жерди упала, забилась на дне:
дым глотает она напоследок.

С луговомарийского перевёл Герман Пирогов.

ГЕННАДИЙ САБАНЦЕВ

* * *

Тылат лекман, артист, тылат –
Пасу гай йон волгалтше сценыш.
Йоча гай ошкылым налат,
Куанлын-ойгын воштылат –
Йырвел куатым чон вий сенгыш.

Сорта тулан шўм-чон куат
Тўжем кечан тўням авалтыш.
Тўня куктеж гыч утаралт,
Сандалык кўкшытыш шуат,
Я пич поргемыш шунгалтат,
Мый – почешет, пелен кылдалтын.

Ончем да тыйым, улылем:
Ик илыш чыным ом переге –
Ик кумыраш ик ўмырем,
Эсогыл корно ўмылем
Чыла ший-шўртнѳ дечын шерге

Лач тиде шыде мландылан,
Чонанжым пеш ок жапле кудо...
Но вет тыйжат улат чонан,
Шўм волгыдан, шинчавўдан –
Нимом, шўкал, от маныс: уто...

Тылат гына мый тауштем,
Яндар моторлыкын ош тарзе:
Тый тунькет, шўм-чон пыштен,
Куктежле илыш пасуштем
Эре лияш, кеч шкет, но – сарзе!

* * *

Вашлиям гын ѳрдыжтѳ марийым,
Шуялтем, чон шолын, кок кидем.
Да манам, шўм дене рвезе лийын:
«Поро кече, родо-пошкудем!»
Марий ен – пошкудо, лишыл родо.
Кеч-кунам кеч-кушто улмекат,
Йонгалтеш, кавасе тўс ден модын,
Чон шомак – эн сото, эн ракат.
Адакат унашке мые тольым –
Подылаш да мутланаш амал.
Шольо ден иза, иза ден шольо –
Улына ме шочшо ик аван.
Курьмашлык йўлана ок пыте.
У шочеш гын, эшеат вет сай.
Но эн чот волгалтышыже тиде:
Уналанак почмо кумыл пай.
Пошкудем-родем, мый шўм тулем ден
Ты шижмашын сотыжым мурем.
Илышым сай вельшке модемде,
Родо вий, чон кѳргышкак пурен!

* * *

Пора, артист – тебе звонок –
На разом вспыхнувшую сцену.
И снова вязнут пути ног,
Опять безмерно одиноко,
Но... рушишь снова зала стену.

В груди горящая свеча.
Слабей её всегда темница.
И снова схватка горяча
И в поле воин ты один,
И рвѳшься ввысь из паутин...
Иду я следом. Повториться.

Гляжу, поняв, и мыслью так:
Для жизни правда неохватна –
Что тянет век мой на пятак,
Его и тени даже мрак
Дороже, мысля адекватно,

Земле, погрязнувшей во зле,
Совсем не жалующей души...
И он, кто вѳехал на осле,
И ты, и я – в одном узле,
А вне – жирующие туши.

Виват, что образов слуга
Всегда высоких! Что достоин
Котурн заместо каблука
И я, когда в мои луга
Иду – один во поле воин.

* * *

Если в Тьмутаракани марийца
Встречу я – протяну две руки.
Станут наши красивыми лица,
И, обнявшись, опишем круги!
Как соседи на родине, больше –
Как родня, будем встречу беречь...
Нет звучнее, блаженнее – боже! –
Чем марийская мягкая речь.
Если в гости приеду – тем паче
Повод быть за столом до утра...
Брату с братом не можно иначе.
Да и с плеч моих рухнет гора.
Нет, не вянут обычаи наши.
Нови умной открой ворота.
Но да здравствуют полные чаши,
К гостю редкая тут доброта!
О, земляк, мне знакомый до боли,
Мы пришли, как составы на стык,
Так неожиданно. Обнимемся что ли!
Сядем, выпьем, развяжем язык...

С луговомарийского перевѳл Герман Пирогов.

ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА

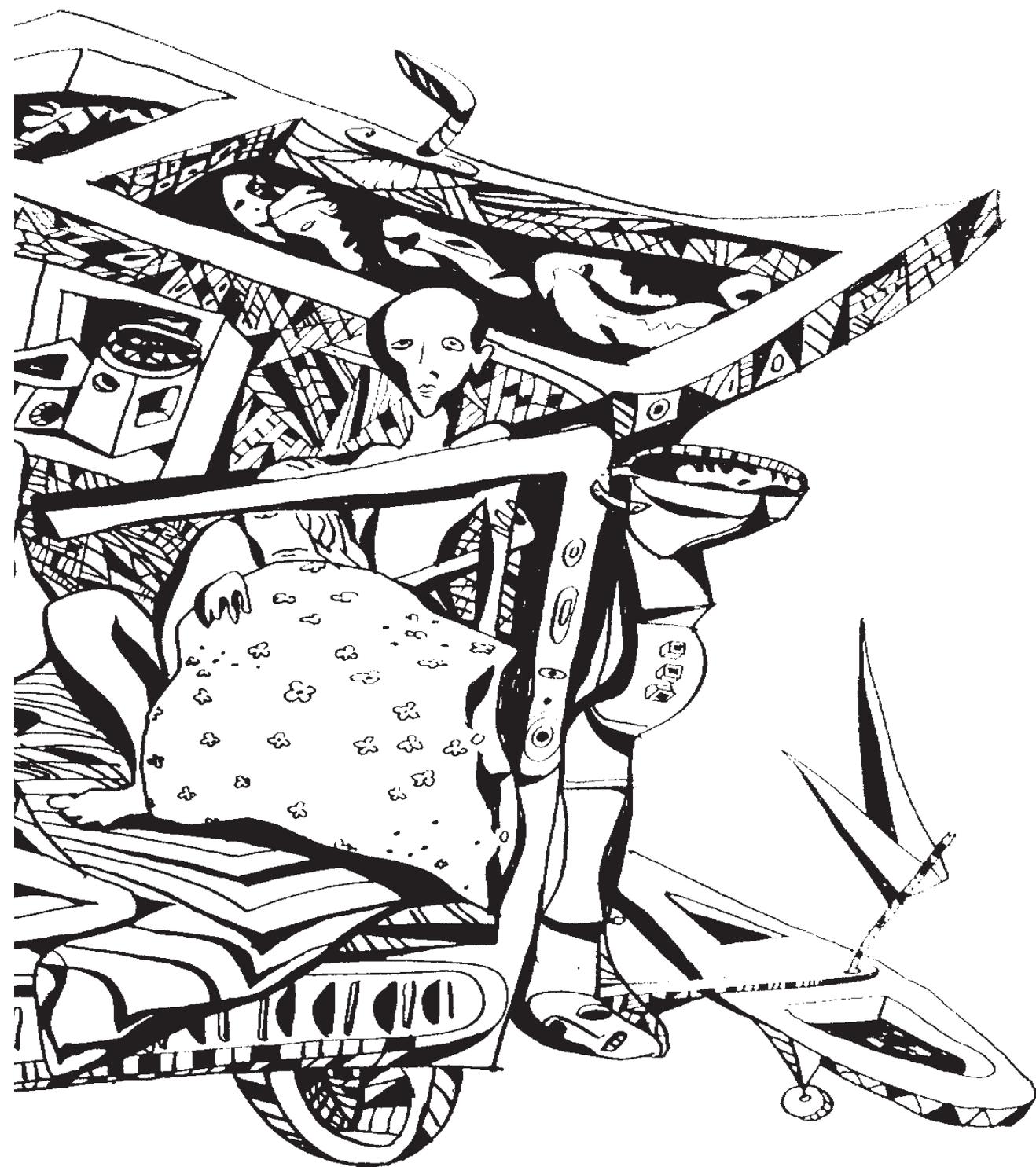
«ПОЭЗИЯ КАК ИГРА – ИГРА КАК ПОЭЗИЯ»

Художник Галина Мальцева

Существуют сотни определений поэзии. Но самым ранним признается греческое слово «поэзис» – «делание», то есть творение. Поэзия творится из языка и в языке. А язык предназначен не только для выражения серьезных мыслей и сильных чувств. В языке уже заложен момент игры. Говорят: «языковые игры», «игра языка», «непереводимая игра слов».

Еще специалисты разделяют поэзию и стихи. Поэзия – более широкое понятие. Поэзия может быть и в прозе, кино, театре, балете (поэзия танца), в природе, в обыденной жизни. Стихами может быть выражено поэтическое. Но стихами можно записать правило арифметики, так оно легче запомнится. Это так называемые мнемонические стихи. Стихотворной может быть реклама. И могут быть стихотворные игры – для детей или для взрослых. В последнем случае многое зависит от того, насколько талантлив автор и насколько сильно в нем поэтическое начало. Так что за игрой может скрываться высокая поэзия (или иначе – лирика).

Моностих

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФФТ С СЕРГЕЕМ ЕВГЕНЬЕВИЧЕМ БИРЮКОВЫМ

Людмила Вязмитинова

– Сергей Евгеньевич, Вы признанный специалист по необычным формам стиха. Тема нашей беседы сегодня – моностих. Что вы можете сказать о месте и истории развития моностиха в русской литературе?

Сергей Бирюков

– Статья «Моностих» в «Поэтическом словаре» А. Квятковского заканчивается так: «Моностих как жанровая форма стиха не привился в русской поэзии», далее следует отсылка к статье «Страдания» («Ритмологически же каждое страдание является моностихом, занимающим тактометрический период»). Один из примеров:

Была девка – все любили,

Стала баба – все забыли.

И в самом деле, обычно в разряд моностихов попадают строки, сохраняющие определённый размер и ритм. Но этого ещё недостаточно и для того, чтобы назвать многострочное сочинение, обладающее внешними признаками стихотворения, стихами. Очевидно, что стихотворение (однострочное или многострочное) это прежде всего концентрация – мыслительная, эмоциональная, интонационная. Разумеется, здесь может быть учтён и момент парадоксальности.

В последнее время для обозначения стихов этого типа (в связи, прежде всего, с развитием верлибра) используется термин «удетерон» – «ни то, ни другое», т. е. ни стих, ни проза. Этот термин ввёл в употребление поэт и теоретик верлибра Владимир Бурич, а литературовед Сергей Кормилов сделал существенное уточнение, определив удетерон как «и то, и другое», т. е. и стих, и проза. Но ещё раньше один из крупнейших исследователей русского авангарда Владимир Марков в «Трактате об однострочке» замечал, что «в книжке стихов-однострочков строка, не подходящая ни под один из известных размеров или типов, будет ощущаться как однострочный верлибр».

– А когда эта форма стиха появилась в русской литературе?

– Моностих в России, конечно, существовал и до его явного обозначения В. Брюсовым, но не был акцентирован как самостоятельная стиховая форма. Пословицы и поговорки, эпитафии, различные девизы и т. д. – и всё это было в России, как и в других странах. Появление авторизованных эпитафий, принадлежащих перу Карамзина, Державина, Хемницера, тоже не вызвало осознания моностиха как формы поэтической. И нужен был Брюсов, с его аналитическим умом, чтобы моностих сделался явлением поэзии. Нужно было и время обостренного интереса к литературе, чтобы одинокая строка произвела столь шумное впечатление. Стоит сказать и о том, что Брюсов написал несколько моностихов, но, видимо, не счёл их пригодными для печати. Они и в самом деле не очень удачны, особенно в сравнении с «О, закрой свои бледные ноги». Небезынтересно привести здесь строки из воспоминаний Вадима Шершеневича «Великолепный очевидец»: «Когда я однажды спросил у Брюсова о смысле этих стихов, он мне рассказал (возможно, это была очередная мистификация, которые очень любил Брюсов), что, прочитав в одном романе восклицание Иуды, увидевшего «бледные ноги» распятого Христа, захотел воплотить этот крик предателя в одну строку, впрочем, в другой раз Брюсов мне сказал, что эта строка – начало поэмы об Иуде, поэмы, позже уничтоженной автором». Это разъяснение существенно меняет представление о моностихе как об однозначно прочитываемой афористике или парадоксе, хотя именно в этом направлении двинулись в основном последователи Брюсова. Правда, единственным известным автором, использующим моностих последовательно, на основе разработанной теории, я могу назвать пока только самого Владимира Маркова. Благодаря его трактату задача по выявлению истории и прогнозированию развития моностиха сильно упрощается.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее о творчестве Владимира Маркова.

– В отличие от Брюсова Марков имел перед собой немало примеров моностихий, как в русской, так и в западноевропейской поэзии. Он впервые дал панораму однострочков от классической древности (греков и латинян) до разноязычных поэтов Европы XX века (как в «Антологии», так и в обзоре), за-

Поэт, литературовед, исследователь русского и зарубежного авангарда.
Кандидат филологических наук. Доктор культурологии.
Профессор, преподаватель Университета Мартина Лютера, г. Галле

Сергей
Бирюков

фиксировал почти всё, что существовало в русской поэзии на начало 60-х годов. Он определил «четыре традиции» в написании однострочка: «греко-римская эпитафия-эпиграмма», «романтический фрагмент, осложненный импрессионизмом», «однострок, развившийся из пословицы» (при этом Марков отмечает, что «именно на русской почве этого не произошло») и «пересаживание на европейскую почву ориентальных или иных экзотических форм». В последнем случае интересно замечание, что однострок русского постсимволиста С. Вермеля «получился не без влияния японской танки». Помимо этого Марков набросал массу интереснейших соображений, находя соответствия моностиху в афоризме, «среди политических лозунгов и коммерческой рекламы», среди «обломков стихов античных поэтов», среди «просто строк», т.е. метрических примеров (Ломоносов) и набросков (Пушкин). Он заглянул также за моностих, замечая, что «однострок – дорога к искусству заглавия», подчеркивая, что он же «идеальный эпиграф», находя «стыдливые одностроки» у многих поэтов, т.е. начальные строки стихотворений, которые, по его мнению, не требуют продолжений:

Чего в мой дремлющий не входит ум?

Державин

А море Чёрное шумит не умолкая

Лермонтов

Мерещится мне всюду драма

Некрасов

Русь, ты вся – поцелуй на морозе!

Хлебников

Я научился вам, блаженные слова

Мандельштам

Говоря о возможностях однострочка, Марков приходит к «однослову», к стиху из «голых рифм» и «однубукву», наконец, к «белой странице» или к «поэтическому молчанию».

– А как обстояло дело с моностихом в период советской литературы?

– В советское время одностишия писались, но лишь очень малая их часть попала в печать. Это заставило меня обратиться к «подозреваемым» авторам. Полученные одностишия (вместе с уже имеющимися) дали возможность для вывода, что в моностихе, как и в других формах поэзии, уживаются разные пути: моностих формально замкнутого, «классического» типа не мешает развитию моностиха разомкнутого, «авангардного». Такие моностихи, части «Кнеги кинга» обнаружили у поэта и исследователя авангарда Владимира Эрля. Причем один из его моностихов имеет горизонтально-вертикальное начертание, что не встречалось в русской поэзии раньше и что, безусловно, сближает поэта с дальневосточными авторами, с их вертикальным письмом, но и тут же разделяет – ибо там это норма, а здесь – нарушение нормы.

В истории русской поэзии есть и книга одностроков. Это «Смерть искусству» Василиска Гнедова, его «пятнадцать поэм». Хотя книга Гнедова называлась «Смерть искусству», поэт показал практически безграничные возможности именно искусства. Гениальное белое поле «Поэмы конца» – завершение этого свода минималистских поэм – есть в то же время подлинное Начало.

Если одностроки Гнедова являли собой своего рода арсенал авангардного артистизма, то циклы одностроков Владимира Маркова, опубликованные им в 1963 г. вместе с трактатом, наряду с их поэтическими достоинствами, представили как бы проекцию возможных путей развития древнего жанра. Ученый и поэт (в одном лице) вступают в творческое соперничество – и оба выигрывают. Любую антологию моностиха теперь уже невозможно представить без одностроков Владимира Маркова.

– Давайте обратимся к современным авторам.

– Более пяти лет назад появились книги одностроков Татьяны Михайловской и Владимира Вишневого. Т. Михайловская свои моностихи объединяет в развернутые циклы. Один из циклов назы-

ваются «Улей». Одностишия живут в самом деле, как в сотах. Такие «скопления» переводят моностих в новое качество, возникает своеобразная драматургия, так, как это бывает и в книге «обычных» стихов, с той разницей, что здесь предельно сокращается расстояние от стихотворения до стихотворения – буквально – до одной строки! В. Вишневский поставил своего рода рекорд, его юмористические одностроки завоевали различные популярные издания, эстраду и телевидение.

– А каковы перспективы развития моностиха?

– Возможности моностиха явно не исчерпаны. К тому, что показал Марков – и своим трактатом, и своим творчеством – можно добавить соображения о визуальности и фонетической акцентировке. Моностих может изменяться графически – волнистый, угловатый, в форме круга... Графика в свою очередь дает возможность для акцентирования ударений, особенно в зауменных моностихах.

Как вертикальный моностих можно рассматривать акростишную строку-высказывание. Особая форма – моностихи-палиндромы. Принцип повторяющегося моностиха можно обнаружить в венке сонетов. А магистрал, который к тому же должен быть акростихом, является неким «прессованием» моностихов. Можно рассматривать в качестве однострока заглавие произведения Владимира Казакова «Прекрасное зачёркнутое четверостишие». Четыре зачёркнутые строки – это как бы тени строки-заголовка.

– То есть моностих успешно развивается.

– В последнее время в различных – серьёзных и малосерьёзных – изданиях всё чаще появляются моностихи разных авторов. Среди множества удачных и полуудачных строк явно выделяется цикл Александра Очеретянского «Все эти мелочи».

Заканчивая разговор о моностихе, хочется напомнить об утверждении А. Квятковского и привести две цитаты.

В. Ф. Марков: «...Их (одностроков. – С. Б.) двухтысячелетний возраст и то, что они стоят в преддверии белой страницы, – их, так сказать, «антисиленциальность» заставляет задуматься, даже если уверен, что они не нужны «нашему времени когда»».

М. Л. Гаспаров: «...Такие «стихи» возможны только в культуре с развитой поэтической традицией».

Нет сомнений, что такая традиция в нашей культуре существует. Русский однострок уже проявился и на международном горизонте. В 1999 году известный швейцарский славист и поэт-переводчик Феликс Филипп Ингольд издал на русском и немецком антологию современно русского однострока. Продолжается однострочный поиск и в России.

Представленные ниже примеры из разных авторов демонстрируют различные подходы к этой поэтической форме и обнаруживают, конечно, точки пересечения. Одностроки, словно параллельные из геометрии Лобачевского, пересекаются в пространстве. Можно сказать и иначе – одинокая строка – это линия горизонта, которая все время отдаляется по мере приближения к ней.

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

* * *

Покойся, милый прах, до радостного утра!

ГАВРИЛА ДЕРЖАВИН

На гробницу Суворова в Невском

Здесь лежит Суворов

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

* * *

О, закрой свои бледные ноги.

* * *

Я прекрасна, о смертный! Как грёза камней!

* * *

Я знаю искусство, страданья забыв.

* * *

И никого и ничего в ответ.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Паутинки

1

Всевыразительность есть ключ миров и тайн

2

Любовь огонь, и кровь огонь,
и жизнь огонь, мы огненны.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Золотороссыпьюночь

Золотороссыпьюночь

Рекачкачайка

Рекачкачайка

ДАВИД БУРЛЮК

Большая честь родиться бедняком.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

АФОРИЗМ КАРАИМСКОГО
ФИЛОСОФА БАБАКАЙ-СУДДУКА

Лучше недо – чем пере.

ДАНИИЛ ХАРМС

Плачь мясорубка вскачь.

За дам по задам задам.

ВАСИЛИЙ КУБАНЕВ

Диалектика

Себя собою от себя к себе

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

и яблоки поплыли в море

як ык

ЯН САТУНОВСКИЙ

Да, сны доказывают, что я жил среди людей.

Главное иметь нахальство знать, что это стихи.

РЫ НИКОНОВА

*(Из сборников «Полированный куст»
и «Отдай себе зонт», 1969–1977).*

Будь сама себе Египет

Мне хочется Ц в букве Ц

Рис рисования искует

Как птиц бичевали, в лесу ночующих

Рыдама дыма

Выворачивая челюсти зеркал, оборачиваемся

И Линисп светлопейн петных потных мольвов

Тёмен свет белый

СЕРГЕЙ СИГЕЙ

Во Внебе Втихая Втеснина Водуши

ГУСЕНИЦА СИНЕЕТ ГУСЕМ

ЗЛЕЕ ЗЛОГО ЛОГА ЛЬДА

смертных перенаступит нас верх

и соболев боле боль со

дсады бопечалирь

ТАТЬЯНА СЕЛЬВИНСКАЯ

И верую, и удивляюсь.

* * *

Ожидание – предчувствие разлуки.

* * *

Стихами защищаюсь от судьбы.

* * *

Вырвешься из кольца, провалившись в него.

* * *

Взгляни! И я разобью зеркала!

РОМАН СОЛНЦЕВ

ОДНА СТРОКА

Ушла – надкушенное яблоко чернеет...

ВЛАДИМИР БУРИЧ

* * *

А жизнь проста как завтрак космонавта

* * *

Разве можно сказать цветку, что он некрасив

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

* * *

Что ответишь ты мне, если я ничего не скажу?

* * *

Слово сильнее меня.

* * *

Осознал. Содрогнулся. Привык.

* * *

В несодеянном каюсь...

ВАДИМ ПЕРЕЛЬМУТЕР

ЖУКОВСКИЙ

Он Пушкина видал в гробу.

Эпитафия. Князь Вяземский

Он жил, пока браниться не устал.

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

Блажен, кто пережил историю России...

СЕМИОТИКА

Особый путь – синоним тупика.

ЧАСЫ

Остановись, мгновенье! Ты сломалось.

ИВАН АХМЕТЬЕВ

* * *

а где же лето

* * *

одна бесконечная осень

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

* * *

Три линии обесцвечены грустью.

* * *

нет умиранию да

БАЛЕТ

чёрный треугольник Одилии

* * *

ночная строка – ты одино-ка

* * *

Сильку мёд

ИВАН ЖДАНОВ

ЛЕНТА МЕБИУСА

Я нужен тебе для того,
чтобы ты была мне нужна.

ГЕННАДИЙ АЙГИ

ПОЯВЛЕНИЕ ЦИКЛАМЕНОВ

ангелы играют в карты конечно
же ангельские

ОСЕНЬ: ТУМАН

падают птицы улетают листья на юг

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛАМЕНОВ

гуси Бога идут на водопой

ПОЛЕ ВЕСНОЙ

там чудо покрывает ум

(Из книги «Поэзия-как-Молчание»)

Паузы – места преклонения: перед –
Песней.

17

Безвыходно.

24

Мощно молчит – Бетховен.

26

Лица – поля и поля-лица

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВСКАЯ

* * *

Зело зла золотая пчела... Зззззззззззззззззз-
зз...

* * *

Абра-ка-дабра, обра-ка-добра,
убра-ка-дубра... бббррысь!

* * *

Экология, экология... Экое эхо.

* * *

З-з-з-з-з-з-др-др -ась? те? Кто?

АЛЕКСАНДР ОЧЕРЕТЯНСКИЙ

ПОЭМОФРАЗА ИЗ ПИСЬМА

как все-таки безжалостно линияет новизна

* * *

невинно-грациозная мужчина

* * *

заумь: это когда за умью – ау

* * *

не день а дань

БОРИС КОНСТРИКТОР

* * *

Дышала ночь восторгом самиздата...

ИГОРЬ ЛОЩИЛОВ

* * *

хоть мысль была со спичечный орех,
а все ж рехнулся

* * *

царуй баруй царь ли князь ли
Онисесий Донисясь

АЛЕКСАНДР ФЕДУЛОВ

* * *

О письмамена – нарывы

* * *

Судьба вокруг кромешная стояла

* * *

Но– ч ч ч ч чь!

* * *

Без умысла поэзия творится

* * *

Подайте поэту на хлеб и вино

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

* * *

Чёрные окна, свет, пустота.

* * *

Я тебя не люблю, – сказала галчонку галка.

* * *

Почему мир не обтянут канатами?

* * *

атанатаатанатаатаната

* * *

До свидания, Швеция, Дания.

МАРГАРИТА АЛЬ

* * *

некуда отвернуться

* * *

ты ещё не знаешь что есть берег

* * *

не стыдно нести дно

* * *

причуда сердца не дышать

* * *

скажи что я не умерла
скажи что умерла

* * *

прошлое! я твой Бог
а ты мой храм

* * *

пол мира за вторую половину
весь мир за вывернутый мир

* * *

ангелы стаями не летают

Метаметафора

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФТ С КОНСТАНТИНОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ КЕДРОВЫМ

Людмила Вязмитинова

– Константин Александрович, сейчас признан и всё более широко входит в литературоведческий обиход термин «метаметафора», автором которого вы являетесь. Расскажите, пожалуйста, об истории возникновения этого термина.

Константин Кедров

– Сначала была метафора тела. «Тысячеликий тысячеглазый Пуруша, только одна четверть твоя на земле, три четверти простираются в небо, твоё дыхание – ветер, твой взгляд – солнце, твоя мысль – луна, твоя кожа – звёздное небо, твои кости – горы». Это Упанишады. Антропокосмизм насчитывает примерно 5000 лет. Это метафора через гиперболу. Человек – Пуруша – разрастается до всего космоса. В XVII веке протопоп Аввакум в страстную пятницу в тюрьме увидит, как распространились руки его и ноги его по всей земле. Потом «весь широк и пространён под небом стал», а потом вместили в себя небо, звёзды и всю вселенную. Он стал Пурушей. Но это ещё не метаметафора.

Мысленное разрастание до размеров и масштабов всего зримого мироздания – это антропокосмический путь, макрокосмический.

Путь теософский – низведение космоса к человеку, проекция зодиака на все части тела. Это астрология Древнего Египта. Светила и созвездия зодиака – части тела Озириса. Сердце – солнце, печень – Луна, фаллос – Скорпион и т.д. Понятно и до боли знакомо. Это теософия и опять же метафора. Теперь речь не о гиперболе, а о литоте. Весь космос уменьшен до объёмов тела и нутра.

Соединение гиперболы и литоты – метаметафора: человек, разросшийся до космоса; космос, сфокусированный в человека. Свести это воедино удавалось только на религиозно-философском уровне: «Час тоски невыразимой – всё во мне и я во всём» (Ф. Тютчев). Такой голографический пантеизм не является метаметафорой. Он слишком умозрителен и лишён телесной осязаемости.

Чтобы совместить литоту с гиперболой, достаточно всего-то навсего ощутить относительность внутреннего и внешнего. Если бесконечно малая частичка, мячик в океане, вывернется наизнанку, она вместили в себя весь океан, весь космос, всё мироздание. Если всё мироздание вывернется внутрь, оно станет самой минимальной частицей. Совместив внутренне-внешнее выворачивание с выворачиванием внешне-внутренним, мы могли бы стать всей вселенной, а вселенная, став нами, вместилилась бы в нас. Человек становится местом встречи двух бесконечностей.

Человек – это изнанка неба

Небо – это изнанка человека

Этот процесс я назвал «инсайдаут». А человека в состоянии инсайдаута я назвал Homo Cosmicus.

Но инсайдаут меняет не только пространство, но и время человека. Вывернутое наизнанку время – это прошлое и будущее, устремлённое в настоящее. И одновременно настоящее, вывернутое в прошлое и в будущее. Проще говоря, это вечность. Мгновение – вечность, а вечность – мгновение.

Сколько бы ни было лет у Вселенной,
у человека времени больше.

Инсайдаут тела есть оргазм, зачатие, роды, когда внутреннее становится внешним, а внешнее вбирается внутрь. Однако духовный инсайдаут – метаметафора – существует сам по себе. В инсайдауте человек рождает космос и одновременно космос рождает этого человека. В результате на свет появляется Homo Cosmicus, который внешне не отличается от Homo Sapiens, но только внешне. Внутренне он объёмлет собой весь космос и в то же время вмещает его в себе. Он живёт каждое мгновение вечно и в то же время уже давно пережил свою смерть.

– А какой момент своей жизни вы считаете точкой «метаметафорического» отсчёта? То есть началом «метаметафоры»?

Поэт, преподаватель, кандидат филологических наук,
доктор философских наук. Создатель анаграммной системы стихосложения.

Константин
Кедров

– Моя первая встреча с метаметафорой произошла в тот момент, когда в 1957 году были написаны эти строки поэмы «Бесконечная»:

Никогда не приближусь к тебе
ближе чем цветок приближается к солнцу

Метаметафора – это бесконечное приближение цветка к солнцу и не менее бесконечное приближение солнца к цветку... Вернее, их бесконечное сближение – это просто метафора. Метаметафора – это встреча цветка и солнца.

Если не предвещаем, то предчувствием метаметафоры были строки Ломоносова из «Размышлений о Божьем величии»: «Открылась бездна звезд полна. Звездам числа нет, бездне дна».

Зримая бесконечность – это уже не метафора, а метаметафора. Ведь до этого (вернее, до Коперника) миллионы умных поэтов смотрели в небо, но бесконечности там не видели.

Забавно, что, разбив уютные хрустальные сферы Птолемея вокруг земли, человечество не полетело в бездну вверх тормашками (кстати, что такое эти тормашки?), а преспокойно продолжало обживать свой земной мир. Лишь к XVIII веку накопилась метафизическая смелость, позволившая поэтам воспарить с дымом над костром Джордано Бруно, давно отпылавшим.

– Понятно, что поэзии без устремления в бесконечность, не существует. Но как это всё-таки трудно представить – бесконечность...

– Для взгляда бесконечность не существует. Он всегда упирается в горизонт. А горизонтом, как известно, «называется воображаемая линия». Как только воображаемая линия перестала воображать или воображаться, рухнула берлинская, она же китайская космическая стена. «Лавой беги, человечество, конницу звуков взнуздав», – восклицает звездослов Хлебников.

Но и оттуда, из космоса, ринулась к нам батыева бесконечность. Одни всадники, как нейтринно, не имеющее массы покоя, проскакали насквозь, не заметив нас. Другие рассыпались на когорты кварков, лептонов и воображаемых частиц-миров – планкионов, фридмонов и максимонов. Уже метаметафора! Уже поэзия. Впрочем, довольно физики и космологии. Кто всё-таки первый создал метаметафору? Похоже, что до 1960 года таковых не было (если было, я только обрадуюсь, но, похоже, что не было). Хотя, что я говорю, ведь уже был «Чёрный квадрат» Малевича и «Скрипка» Пикассо. И мой двоюродный дед Павел Челищев, покинув мир в 1957 году, уже оставил нам свои «внутренние ландшафты» и ангелические перспективы. Возможно, до него окольными путями, через Сергея Булгакова, дошли труды Павла Флоренского об обратной перспективе. Но, похоже, что независимо друг от друга два Павла совершили одно открытие.

– Так что же это такое – метаметафора? И каковы этапы развития этого термина?

– Метаметафора – это обратная перспектива в слове.

Сначала я называл её двумя терминами: метафора эпохи Эйнштейна (так было на вечере Парщикова, Ерёмченко, Жданова в ЦДРИ, который я провёл в 1975 году), а в своем кругу мы называли её мистериальной метафорой. Весной 1983 года ко мне в Переделкино приехали Парщиков и Свиблова и с ними финский славист Юкка Малинен. Стоя на крыльчке флигеля в Доме творчества, где мы Еленой Кацубой соседствовали с Новеллой Матвеевой, я по внезапному наитию предложил заменить развёрнутые определения одним словом – метаметафора.

– Подумают, что это метафора в квадрате, – сказал кто-то.

– Ну и пусть подумают.

– Трудно будет произнести это мета-мета-мета...

– Ничего, привыкнут, – ответил я.

Прошло 23 года, и привыкли. С лёгкостью произносятся.

Итак, метаметафора в живописи возникла как обратная перспектива, а в слове воплотилась в 1960-м. Сам термин родился весной, в апреле 1983-го в Переделкино. Но дело вовсе не в хронологии. Ведь и «Троицу» Рублёва можно к обратной перспективе пристегнуть, и «Божественную комедию» Данте, как гениально это сделал Павел Флоренский.

На самом деле, до 20-го века метаметафора присутствовала в культуре так же, как символ существовал задолго до символизма. Но правильно восклицал Андрей Белый: «Если у Шекспира символизм, то зачем тогда символизм?» Всё присутствовало, всё было, но не всё доминировало.

– Это как-то связано с обратной перспективой?

– Разница между обратной перспективой и метаметафорой весьма существенная. В обратной перспективе мир выворачивается наизнанку навстречу взору. В метаметафоре взор выворачивается наизнанку навстречу миру.

Червь, вывернувшись наизнанку чревом,
в себе вмещает яблоко и древо.

Выворачивание, или инсайдаут в звуке – это анаграмма и палиндром, вместе – палиндронавтика. У меня это получилось в 76-м году в анаграммно-палиндромическом «До-потопном Ев-Ангел-Ие».

Свет – весть
Весть – свет
Свет – весть
Свет есть
Свет – смерть
Смерть – свет
Свет – весть
Свет есть
Смерть мертва
Атома немота
ТОТ стал ЭТОТ

Это, если хотите, человеческое эхо из бездны, «свет-весть». То, что в моей поэме «Астраль» выявлено анаграммой «звезда везде», опять же эхо на анаграмму Ломоносова «звезд – бездн».

Томимый предчувствием метаметафоры, царь Давид восклицал: «Бездна бездну призывает». Мой великий друг и учитель, ученик Флоренского, имяславец, тайный схимник в миру Алексей Фёдорович Лосев говорил, что только охваченное и ограниченное бесконечно. Безграничная бесконечность – глупость. То, что не может охватить себя, не может быть бесконечным. Метаметафора – объятая бесконечность. «Бог не есть Слово, но Слово – Бог», – утверждал Лосев. Поэзия не есть метаметафора, но метаметафора – поэзия.

Метаметафора – амфора нового смысла,
как паровоз в одной лошадиной силе...
Правильнее сказать – «зеркальный паровоз»:
Зеркальный паровоз шёл
с четырёх сторон...

– Хватит, – сказал Андрей Вознесенский, прочитав эти строки, – уже всё вижу!

Если вы можете поместить себя в центр ленты Мёбиуса или в горловину бутылки Клейна, вы уже в эпицентре метаметафоры. В лабиринте бесконечная вселенная ограничена, а каждая вещь во вселенной бесконечна. Например, море и небо ограничены чреслами, а чресла бесконечны, как небо и море:

Крест из моря-горы
Крест из моря-небес
Солнцелунный мерцающий крест
Крест из ночи и дня
сквозь тебя и меня
двух друг в друга растающих чресл.

В тексте «Конь окон» окно и конь состоят из анаграммы окн – кон, там же – икона.

На коне оконном
на окне иконном
скачи, конь голубых окон

Ты окна разверз за карниз
Ты звон, вонзающий ввысь
оскал голубой
Весь я – рама другого
небесного окна голубого

Бродского возмутила метаметафора Вознесенского «Чайка – плавки бога». Он не понял, что парящая чайка создаёт зримые очертания бесконечного тела невидимого Бога. Бродский никогда не понимал, что такое метафора. Он был тер-а-тер (земля землёй), как говорят французы, а по-нашему заземлённый. У Вознесенского «земля качается в авоське меридианов и широт», «стонет в аквариумном стекле небо, приваренное к земле». Это близко к метаметафоре, очень близко. Но метаметафора требует геометрии Римана или Лобачевского, проще говоря, ей присущ визуальный (зрительный), и смысловой, и звуковой сюр.

Ларинголог заглядывает в глаза
Сад ослеп
Обнажённые рёбра
белым плугом врезаются в почву
Сад проросший плугами
Мертвящая пустошь ребёнка

Бесконечность, уходящая в глубь смысловой воронки строки и слова – это метаметафора.

Я язычник языка
Я янычар чар
Язык мой немой
не мой

Слова вкладываются друг в друга, большее исходит из меньшего, а меньшее охватывает собою большее.

Так взасос устремляется море к луне
Так взасос пьёт священник из чаши церковной
Так младенец причмокивает во сне
жертвой будущей обескровлен

– А что такое метаметафора лично для вас?

– Однажды я попытался представить жизнь без метаметафоры и понял, что такая жизнь просто не существует.

КОМПЬЮТЕР ЛЮБВИ

НЕБО – ЭТО ВЫСОТА ВЗГЛЯДА
ВЗГЛЯД – ЭТО ГЛУБИНА НЕБА

БОЛЬ – ЭТО
ПРИКОСНОВЕНИЕ БОГА
БОГ – ЭТО
ПРИКОСНОВЕНИЕ БОЛИ

ВЫДОХ – ЭТО ГЛУБИНА ВДОХА
ВДОХ – ЭТО ВЫСОТА ВЫДОХА

СВЕТ – ЭТО ГОЛОС ТИШИНЫ
ТИШИНА – ЭТО ГОЛОС СВЕТА
ТЬМА – ЭТО КРИК СИЯНИЯ
СИЯНИЕ – ЭТО ТИШИНА ТЬМЫ

РАДУГА – ЭТО РАДОСТЬ СВЕТА
МЫСЛЬ – ЭТО НЕМОТА ДУШИ

СВЕТ – ЭТО ГЛУБИНА ЗНАНИЯ
ЗНАНИЕ – ЭТО ВЫСОТА СВЕТА
ЧЕЛОВЕК – ЭТО ИЗНАНКА НЕБА
НЕБО – ЭТО ИЗНАНКА ЧЕЛОВЕКА

ПРИКОСНОВЕНИЕ – ЭТО ГРАНИЦА ПОЦЕЛУЯ
ПОЦЕЛУЙ – ЭТО БЕЗГРАНИЧНОСТЬ ПРИКОСНОВЕНИЯ

ВРЕМЯ СОЛНЦА ИЗМЕРЯЕТСЯ ЛУНОЙ ПРОСТРАНСТВА
ПРОСТРАНСТВО ЛУНЫ – ЭТО ВРЕМЯ СОЛНЦА

ГОРИЗОНТ – ЭТО ШИРИНА ВЗГЛЯДА
ВЗГЛЯД – ЭТО ГЛУБИНА ГОРИЗОНТА
ВЫСОТА – ЭТО ГРАНИЦА ЗРЕНИЯ

ЛАДОНЬ – ЭТО ЛОДОЧКА ДЛЯ НЕВЕСТЫ
НЕВЕСТА – ЭТО ЛОДОЧКА ДЛЯ ЛАДОНИ

ВЕРБЛЮД – ЭТО КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ
ПУСТЫНЯ – ЭТО КОРАБЛЬ ВЕРБЛЮДА

ЛЮБОВЬ – ЭТО НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЕЧНОСТИ
ВЕЧНОСТЬ – ЭТО НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЛЮБВИ

КРАСОТА – ЭТО НЕНАВИСТЬ К СМЕРТИ
НЕНАВИСТЬ К СМЕРТИ – ЭТО КРАСОТА

СОЗВЕЗДИЕ ОРИОНА – ЭТО МЕЧ ЛЮБВИ
ЛЮБОВЬ – ЭТО МЕЧ СОЗВЕЗДИЯ ОРИОНА

МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА – ЭТО ПРОСТРАНСТВО БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ
БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА – ЭТО ВРЕМЯ МАЛОЙ МЕДВЕДИЦЫ

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ – ЭТО ПУТЬ К ЛУНЕ
ЛУНА – ЭТО РАЗВЕРНУТЫЙ МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ
КАЖДАЯ ЗВЕЗДА – ЭТО НАСЛАЖДЕНИЕ
НАСЛАЖДЕНИЕ – ЭТО КАЖДАЯ ЗВЕЗДА

РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ЗАПОЛНЯЮТ ЗВЁЗДЫ
РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ЗВЁЗДАМИ ЗАПОЛНЯЮТ ЛЮДИ

ЛЮБОВЬ – ЭТО СКОРОСТЬ СВЕТА
ОБРАТНО ПРОПОРЦИОНАЛЬНАЯ РАССТОЯНИЮ МЕЖДУ НАМИ
РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ НАМИ
ОБРАТНО ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ СКОРОСТИ СВЕТА –
ЭТО ЛЮБОВЬ

1983 г.

БЕСКОНЕЧНАЯ

ежедневно слышу тебя
как-то странно звучат слова
закрываю глаза
и всюду передо мной
эти крики рожденные тишиной
эти краски рожденные темнотой
вот сию оставленный всеми
в глубине понятий и слов

исчезает видимый мир
но я могу говорить
и мир рождается снова

на обнажённый нерв нанизывая звуки
все глубже чувствую великий диссонанс
и радость возвышения над миром –
Поэзия – вершина бытия

и вагоны стиснутые в железном рукопожатье
и деревья и станция и тишина
и ты в тишине уходящей ночи
и всё что связывает с тобой
и миллионы которые спят рабами
ничего не понимая в такой любви

нуль миров вращается в небе звёзд
это взгляд возвращается к своему истоку

листопад ягуаров
полусолнечный бред весны
выдыхание песни
из лёгких съеденных туберкулёзом
и бессмертье будущего конца

и синий день и красная волна
зелёный луч упал на попугая
и попугай заговорил стихами
и синий день и красная волна
и я бегу бросаясь под трамвай
и синий день и красная волна

где голубой укрылся папоротник
и в пору рек века остановились
мы были встречей ящериц на камне

около окон пролёт полёта
и этот стон
среди серых стен
какой-то прохожий
шагнул в пространство
и рухнул замертво
сквозь столетья
вода текла
сквозь бетон и вечность
а дворник сметал с тротуара звезды
и в мокром асфальте ломались люди
я вышел к себе
через-навстречу-от
и ушёл под
воздвигаю над

двое нас – это очень много
это больше чем можно
больше чем я могу
никогда не приближусь к тебе
ближе чем цветок приближается к солнцу

1960 г.

– Спасибо, Константин Александрович. Будем ждать от вас новых открытий и новых стихов.

Стихийные мутации и лингвистический реализм

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФТ С ЕЛЕНОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ КАЦЮБА

Людмила Вязмитинова

– Елена Александровна, вы по праву считаетесь признанным мастером превращений слова. Вами написано множество текстов, в которых вы творите просто чудеса, строя цепочки слов, из которых складывается целый мир, в котором что угодно может превратиться во всё, что угодно. Что вами при этом движет?

Елена Кацюба

– Мне всегда хотелось, чтобы слово в стихах превращалось не в уме или душе читателя, а прямо на листе бумаги. Этот процесс я и назвала «лингвистическим реализмом». Сразу уточню, что термин в данном случае не научный, а исключительно поэтический. Означает он следующее: если вначале было Слово, то остальные слова произошли непосредственно из этого Слова. Я решила поверить в это, как Шлиман поверил Гомеру и, в конце концов, нашёл Троию. Я же нашла способ поэтического творения мира от самого начала. Если Слово – Логос было способом создания мира, то следы этого процесса должны быть запечатленными в языке навсегда. Во всяком случае, в русском это именно так. Этот прием называется «метонимия», но я его назвала «стихийная мутация».

ЛОГОС –
ЛОТОС творения,
ЛОТОК горячих созвездий,
МОТОК спиральной галактики,
МОТОР – переводчик мира.

Заметим, что дух, голос творца, выраженный гласными «О», остается неизменным. Изменениям подвергается только материальная структура, то есть согласные.

На следующих этапах творения мира изменениям подвергаются и гласные, когда происходит превращение мрака в свет в тексте «Поединок».

в белых одеждах выходит на битву МРАК
 черный бездонный ФРАК надевает свет
 В тоне суровых ФРАЗ золотые искры
в серебряном голосе жужжание звездных ФРЕЗ
 Пятна мрачных ГРЕЗ на снежном плаще мрака
 Бледный месяца СРЕЗ
 СЛЕЗ маской с лица
 мрак СЛЕП от ударов света
как тысяча сто ночей устроивших черный СЛЕТ
 а СВЕТ – потом напишут
 «во тьме светит, и тьма его не объест»

– А что является ключом к превращению?

– Когда-то, видимо, рифма была таким ключом к превращению. Но сейчас слова «кровь – любовь», помещённые в конце соседствующих строк, не несут никакой поэтической информации. Эта рифма как бы двумерная, а мне хотелось сделать ее объёмной. Таким образом, если ввести в рифму понятие времени, то после нескольких поочередных преобразований «свет» будет рифмоваться с «мраком». Рифмы: **мрак** – фрак, фрак – фраз, фраз – фрез, фрез – грез, грез – срез, срез – слез, слез – слеп, слеп – слет, слет – **свет**.

Поэтесса. Создатель первого в мире палиндромического словаря (1999 г.).
Ответственный секретарь «Журнала ПОэтов».

Елена
Кацюба

Еще я превратила небо в море, и произошло это через реку Неву, картину Дега, античный пир, ведь никогда не знаешь, куда поведет слово:

НЕБО
из НЕБа
НЕВА вытекает –
хладная дЕВА
с картины ДЕгА
с телом упругого ДоГА
римская тОГА на торс дикаря
импульс ТОкА от лейденской банки
от батарейки рОКА
РеКА –
дитя просвещенного вЕКА
где ВЕрА
легче пЕРА
над столами античного ПиРА
грохот грозы Олимпийского тИРА
молний ТИРе между фразами грома
но громче на ЛИРЕ рыдает русалка
о МИРЕ и долгом покое
что МОРЕ в глубинах хранит

– Получается, что речь идёт о сотворении мира?

– Сотворение мира – мой главный сюжет, который существует во множестве вариантов. Например, с помощью зеркала:

Тогда сотворил Бог зеркало и отразился в нём –
так Адам создан был, и Бог его любил,
как самого себя.
Дал Бог Адаму зеркало,
отразился Адам в зеркале – так Ева явилась,
и любил её Адам, как самого себя.
Посмотрелись Адам и Ева друг в друга, как зеркало,
и появились у них дети,
и Ева любила их больше самой себя.
Оттого дети любили только себя, и убил Каин Авеля.
В гневе разбил Бог зеркало и развеял по свету.
Оттого мы видим мир не как создал Бог,
а как отражает зеркальный прах.

Или с помощью букв азбуки:

...Алая и Белая розы – это А и Б любви,
далее – Война Глаз, Дар Евы, Желание, Забвение,
Искренности Йод, Кошка Ласки, Мёд Неведения,
Опиум Поцелуя, Разорение Сада, Тьма Упрёка,
Фарфор Хрупкости, Церемония Чайная, Шёпот и Щека.
Ы – знак умножения: розЫ – буквЫ,
значит переход на «ты» не сделает тебя одиноком
в розарии азбуки, где Эхо Ютится,
и в конце всегда Я.

Или с помощью лестниц:

Две птицы,
соединённые кручёным шнуром.
Три птицы,
соединённые медной цепочкой.
Четыре птицы,
соединённые шёлковым платком.
И многие другие,
объединённые идеей лестницы
из воздушных квадратов.
Щёбет, свист –
лестницы поют клювами вниз...
Мир строился сверху вниз,
будто падая ниц
с лест-ниц,
стра-ниц,
рес-ниц...

–А другие формы трансформации есть?

– Я искала и другие формы трансформации слова в тексте: переставляя, заменяя, сдвигая, раздвигая, добавляя и убирая буквы. Так в моих стихах свинец превратился в золото, латинское «cor» (сердце) обнаружилось в слове «корабль», а его анаграмма «сго» – в английском «cross» (крест) и русском «кровь».

Сердце – COR–КОРабль
CROss-крест внутри трюма
пробоины в переборках
проливы – приливы – фьорд аорты
COR–КОРоль – сердце
изнутри миром правит
плавит металлы в кратере страсти
плывет в магме
магнитом тянет железо из звёзд – КОРм КРОВи
COR – КОРабль, КОРвет – сердце
мерцают пульсы, пульсируют снасти
паруса-протуберанцы
в КОРоне солнца
горят в эфире
Мы – твоё море, COR – КОРсар!

Квинтэссенцией поисков стала суперпоэма «Свалка» (1985 – 2002). Мне хотелось визуально передать движение букв и слов. В поэме слова возникают из слов, мутируют – слон становится мухой, лицо – рожей. Слова делятся, как клетки, и соединяются друг с другом, ломаются и срстаются по-другому.

Вас встречает медсестра ГРЕЛКА
раньше ГРЕЛА – теперь ГЕРЛА
её ПРИНЦ – ШПРИЦ
УКОЛ не УКОР, ИГЛА – ИГРА
ОПЕРА ОПЕРАционная.

Там звонкие становятся глухими, а всё стандартное становится индивидуальным:

Все новые башмаки новы одинаково –
каждый рваный башмак рван по-своему.
Когда КАЛОША была ГАЛОША,
в ней был ШАГ, а теперь ШЛАК
был ГОЛ, а теперь ШОК...

– *Мастерски вы управляете словами. А они сопротивляются?*

– Я не тащу слово за собой – я сама слеую за ним. Здесь очень важен рисунок текста, так как он передаёт интонацию, являясь как бы записью голоса автора. В этом есть ещё один важный элемент – узнавание. Когда по дурацкому недоразумению 1993 г. в «Комсомольской правде» опубликовали моё визуальное стихотворение «Яблоко» под фамилией Юрий Кабаков, один человек позвонил моим друзьям и сказал: «Да это же явно стихотворение Елены Кацюбы!», – хотя прежде он его не видел. Я думаю, что это вполне можно расценивать, как патент.

– *То есть вы взаимодействуете со стихией слова? А ведь стихия, если ею не управлять, может стать разрушительной.*

– Однажды я прочитала о себе такое: «Автор ввергнут в разрушительную стихию авангарда, сам не подозревая об этом». Не знаю, чем обидел авангард автора рецензии. История поэзии показывает, что в этом смысле всё как бы наоборот. Волна самоубийств прокатилась после смерти Есенина, а вовсе не после гибели авангардиста Маяковского. И хотела бы я видеть человека, который, прочитав строку Кручёных: «Дыр бул щир», пострадал физически. Во всяком случае, никто таких воспоминаний не оставил. Я очень люблю повесть И.С. Тургенева «Фауст». Там рассказывается о девушке с очень пылкой и страстной натурой. По этой причине мама не разрешала ей читать романов и вообще художественную литературу. Девушка вышла замуж, родила детей, занималась хозяйством и жила совершенно спокойно. Но однажды друг дома, узнав о таком пробеле в её образовании, взялся прочитать вслух сразу «Фауста» Гёте. И что же? Добродетельная жена и почтенная мать семейства что называется «поплыла». Она вдруг осознала, что её лишили чего-то очень важного и необходимого в жизни. Но не привыкшая к сильным ощущениям, она тут же влюбилась в «просветителя», как пациентка в психоаналитика, и в результате просто погибла от переживаний. Но виноват ли в этом Гёте?

Согласно представлениям современной психологии, слова в мозгу существуют в разобранном состоянии. Каждый раз, произнося слово, человек собирает его заново – творит. И если чувства переполняют его, то он буквально «не находит слов». Так, может, и не надо их искать? Лучше сказать так, как есть – передать в звуке чистое ощущение, пока оно не потеряло первозданность:

Тен чениго иревекас депарга
Нет ничего красивее гепарда
Ягуар – гяур, гений угрозы
Красивые всегда грозны
Нио гвесад – они всегда...

Тигр и зебра вроде играют в одну игру
Мавра ревнивца над ланью играет пантера рыча
Лев играет царя молча – он властью солнца свят.
Красивые всегда играют
аргия яргот – играя горят
нио гвесад

Перекагывая гортанью гравий,
вверх – пружина – прыжок – леопард
Красивые всегда правы – нио гвесад
Оге муш немшубес – его шум бесшумен.
Безумен
кто не отвёл взгляд...

Здесь внешний повод – бег гепарда, прыжок леопарда. Внутренний – освобождение от проблем, телесной скованности, реальных забот. А сам текст складывается в момент произнесения, обвиваясь, словно лоза, вокруг буквы Р. У Слова, как у человека, есть тело и душа. Тело – это смысл, а звучание – душа.

И почему вначале «было» Слово? Оно есть сейчас, и будет всегда, именно оно творило и вечно будет творить мир.

– *Спасибо, Елена. Думаю, теперь, познакомившись с вашим методом, все наши поэты начнут творить чудеса при обращении со словом.*

СВОБОДНЫЙ СТИХ

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФТ С ВЯЧЕСЛАВОМ КУПРИЯНОВЫМ

Людмила Вязмитинова

– Вячеслав Глебович, тема свободного стиха сейчас очень актуальна. Ведутся споры и о том, что это, собственно, за стих такой, и является ли он стихом, и о том, какую функцию – по сравнению с традиционным – он выполняет. Не могли бы вы пролить некоторый свет на эту проблему?

Вячеслав Куприянов

– Зачем нужен свободный стих, для краткости прозванный нами верлибром? Затем, что он даёт возможность умеющим писать в рифму приблизиться к прозе, не обязательно позволяя прозе поглотить поэтическое начало. Затем, что он даёт возможность сочинителям прозы приблизиться к поэзии, воплощая в изящном виде тезис о краткости как сестре таланта. Затем, что он даёт возможность спотыкающимся о рифму научиться ходить без запинки по морю речи, как по суше. Затем, что он даёт ещё одну, третью возможность рыцарям пера, застывшим на распутье между дальней дорогой прозы и ухабами поэзии. И так далее. И пусть дети, сочиняющие невесть что весело и свободно, не верят взрослым, когда те им говорят: деточка, стихи, это когда та-та-та и в рифму.

Недавно Александр Кушнер в газете «Санкт-Петербургские ведомости» заявил: «Верлибр просто противопоказан русскому языку!» С такой же логической обоснованностью можно сказать, что русскому языку противопоказана любая проза. Он сетует: «...Сейчас, к сожалению, у нас поэтов хороших мало. Может быть, и потому, что слишком многие бросились догонять Запад по производству верлибра. Из стихов уходят смысл и музыка – сплошь бессмысленная болтовня, вызывающая лишь оторопь и уныние...» Правда, многие пишут плохо, плохо понимая верлибр, ещё хуже иные сочиняют в рифму. Неправда, поэты хорошие есть и кроме Кушнера. И если кто-то плохо пишет «в рифму», то при чём здесь те, кто «догоняет Запад» по верлибру? Плохо пишет каждый сам по себе. И какой Запад? Я что-то не вижу, чтобы кто-то пытался «догонять» свободный стих Гёльдерлина или Рильке, а это достойные и трудные образцы. Кто использует сегодня опыт Уитмена? Что-то с дурных советских времён мы всё ещё боимся Запада, откуда нам в своё время привезли рифму – Ломоносов от немцев или Симеон Полоцкий от поляков. И никто из культурных людей не протестовал! Но вот Кушнер протестует: «Это всё праздные разговоры, что надо отказаться от рифмы. Ничего подобного. Верлибр просто противопоказан русскому языку!» Но ведь никто и не призывает! Нет такой угрозы! Я во всяком случае никогда к этому не призывал, ибо верлибр как третий равноправный жанр не грозит ни стиху, как его понимают обыватели, ни прозе. Бурич же наметил закономерные изъяны рифмы, рифменного мышления, знание которых только в помощь поэту. А кому поможет такая филологическая маниловщина Кушнера: «...Наш язык так замечательно устроен с его свободным порядком слов в предложении, с разными ударениями, с падежными окончаниями, суффиксами, с обилием рифм, огромными интонационными возможностями. Он словно специально создан для рифмованного стиха. В чём состоит главная прелесть таких стихов? Они запоминаются, живут в «памяти сердца». И глупо отказываться от такого подарка!» Это как бы против Бурича, которому как раз не по сердцу запоминание и «забалтывание» оно, непредсказуемость итога подобного творческого усилия. Но, указывая на то, что рифма как «рычаг ассоциативного мышления» может стать и его «тормозом», даже он не призывал отказаться от рифмы. Он только говорил о возможности другой стихотворной традиции: «Я мыслю иначе, следовательно я существую». А о «памяти сердца» стоит процитировать любопытное свидетельство М.Л. Гаспарова: «Я писал статью о строении русской элегии, перечитывал элегии Пушкина и на середине страницы терял смысл начала, так всё было гладко и привычно. Чтобы не перечитывать по многу раз, я стал про себя пересказывать читаемое верлибром, и оно стало запоминаться». Хотя весьма сомнительна возможность «про себя пересказывать верлибром», если не совсем знаешь, что это?

– Может быть, область свободного стиха – это переводы, или пересказы?

Вячеслав
Куприянов

– «Сейчас в Европе свободный стих очень широко используется для переводов. Вещи, написанные самыми строгими стиховыми формами, переводятся на английский или французский язык верлибрами. Обычно плохими: «Ни стихи, ни проза – так, переводческая лингва-франка». Здесь очень трудно опровергнуть Гаспарова, пытаюсь ясно показать, что перевод строгих форм без их адекватного соблюдения это никак не верлибр! Но это и не подстрочник, а индивидуальная интерпретация переводчика, каждый раз индивидуальная, личная. Или вот ещё: М. Гаспаров: «Верлибр это подстрочник ненаписанных шедевров.» Повторяю: верлибр не подстрочник и подстрочник не верлибр. Понимайте это хотя бы интуитивно. Пример: мой немецкий издатель Рудольф Штирн изложил рифмованными стихами Евангелие от Матфея. Я удивился этому. Евангелие – это уже написанный шедевр, (опустим здесь вопросы перевода). И этот шедевр, как и многие другие сакральные тексты мировых религий сам по себе есть «верлибр», канон, кодекс. Перевод этого «кодекса» в убожество художественного текста есть его упрощение, спрятанное в украшение, есть вульгаризация. То же в нашей традиции с рифмованными изложениями Псалмов Давида в XVII–XVIII веках. Псалом – это образец верлибра.

А теперь обратимся к важному для нас наблюдению С.С. Аверинцева в его статье «РИТМ КАК ТЕОДИЦЕЯ»: «То, что сегодня называют верлибром и что вытесняет по всему свету прочие способы писать стихи, за редкими исключениями таково, что, если мы называем верлибрами определённые стихотворения старых поэтов от Клопштока и Гёльдерлина до Тракля и Мандельштама, пожалуй, даже до Элиота и Целана, до скромного Бобровского, в которых ритм не укладывается в единообразные метрические схемы, но, однако, совершенно явственен от первого слова до последнего, – для нынешней продукции надо было бы подобрать какое-то другое имя...» То есть старых мастеров принять с их «верлибром» безусловно можно! И это верно, ибо все названные здесь авторы ориентированы на античную поэтическую практику и на сакральные образцы, тематика здесь говорит сама за себя, это гимны, гимнаграфия, особенно у Клопштока и Гёльдерлина.

– А как же современный верлибр?

– Современный верлибр далеко ушёл от области «сакрального» в профанное, разрабатывая нечто «злободневное». Аверинцев далее поясняет: «Старый верлибр, во-первых, существовал в соотношении с метром, давая особенно резко ощутить ритмическую организацию поэзии на самой её границе, во-вторых, как и приличествует явлению пограничному, маркировал какой-то взрыв, – вспомним хотя бы псалмодическую экзатичность голоса Уитмена. Иначе говоря, он жил острым напряжением между ним и стихом традиционным. С элиминированием (или хотя бы размыванием и расслаблением) последнее исчезает и напряжение...» Аверинцев говорит о границе с метром, я бы обратил внимание на переход от метрического ударения, выделяющего верный размеру слог, к слову как таковому с логическим ударением, как в прозе, но с более «густым», как в Псалмах, например, где логическое становится «экзатическим», и это вожделенное «напряжение» живёт не снаружи, по отношению к стиху традиционному, а внутри самого верлибра. Согласно Аверинцеву, его последней фразе, когда «слабеет» традиционный стих, где-то рядом и вокруг верлибра, то и верлибр «увядает»! А почему не наоборот? Я же настаиваю на том, что «напряжение» в верлибре имеет смысловой, а не звуковой характер, звук может только подчеркивать смысл, но «изнутри» текста, а не снаружи, в соотношении с где-то соседствующим, поющим или плачущим традиционным стихом.

– Всё-таки очень часто верлибр напоминает прозу, записанную «в столбик».

– Вот теперь хорошо бы посмотреть, как проза сочетается с верлибром. У Гёльдерлина есть записи одного и того же текста «прозой», сплошь, и стихами, с разбивкой на строки. («В любезной голубизне»). Но я хочу предложить некую трансформацию текстов Достоевского из «Дневника писателя». На это обратил моё внимание Юрий Владимирович Рождественский, когда он так надписал мне эту книгу в 1970 году: «...Эта книжка мне показалась подходящей для будущего теоретика и практика русского свободного стиха. Мне показалось, что Ф.М.Д. делал мысль по стиховым правилам. 23.12.70. (ропись ЮВ.Р. китайскими иероглифами)».

Такой пример. Ф. М. Достоевский в романе «Идиот» говорит устами князя Мышкина:

«С тех пор я ужасно люблю ослов. Это даже какая-то во мне симпатия. Я стал о них расспрашивать, и тотчас же сам убедился, что это преполнейшее животное, рабочее, сильное, терпеливое, дешёвое, переносливое: и через этого осла мне вдруг вся Швейцария стала нравиться... Я всё-таки стою за осла: осёл добрый и полезный человек!»

Я теперь запишу этот текст «верлибром», выделив в нем характерные звуковые скопления:

Я ужАсно Люблю ОСЛОВ.
ЭТО дАже кАкАя-тО ВО мне СимпАТия.
Я СТАЛ О них рАспрАшивАТЬ,...
и ТОТчАс же
САм убедиЛСя, чТО эТО
препОлезнейшее живОТнОе,
рАБОЧее, СиЛьнОе, ТерпеЛивОе, дешОВОе, перенОСЛиВОе:
и через этОгО ОСЛА
мне вдруг вся ШвейцАрия СТАЛА нрАВиться...

Я Всё-ТАки СтОю за ОСЛА:
ОСЁЛ дОбрый и пОлезный чеЛОВек!»

Звуки распределяются так, чтобы превратить-таки осла в человека! Семантика поддержана звуком, аллитерацией. Иронический верлибр! Или вот ещё пример:

(Записные тетради Ф.М.Достоевского, 1935, Academia. III. Из тетради № 1/3 (центрархив ф. 212))

«Страстные и бурные порывы. Никакой холодности и разочарованности, ничего пущенного в ход Байроном. Непомерная и ненасытимая жажда наслаждений. Жажда жизни неутолимая. Многообразие наслаждений и утолений. Совершенное сознание и анализ каждого наслаждения, без боязни, что оно от того слабеет, потому что основано на [закон] потребности самой природы, телосложения. Наслаждения артистические до утончённости и рядом с ними грубые, но именно потому, что чрезмерная грубость соприкасается с утончённостью. (Отрубленная голова) Наслаждения психологические. Наслаждения [нару] уголовным нарушением всех законов. Наслаждения мистические (страхом, ночью). Наслаждения покаянием, монастырем. (Страшным постом и молитвой). Наслаждения нищенские (прошением милостыни) Наслаждение Мадонной Рафаэля. Наслаждения кражей, наслаждения разбоем, наслаждения самоубийством. – (Получил наследство 35 лет, до тех пор был учителем или чиновником (боялся начальства) (вдовец). Наслаждения образованием (учится для этого). Наслаждения добрыми делами...»

Ю.В.Р. говаривал, что верлибр – это «словарная статья»! Здесь Достоевский даёт поэтическое и прозаическое определение «наслаждению». При желании можно этот текст записать «верлибром», правильно выбрав паузы, по ритму и смыслу. Кстати, есть чудачки от стиховедения, утверждающие, что любой текст «в столбик» есть «верлибр». На данном примере видно, что не каждый текст готов «остолбенеть», и не каждый столб – произведение искусства.

– А вы соотносили эти теорис со своим собственным творчеством?

– Я выбрал у себя верлибр с подобным насыщением одним словом, это слово «Исчезновение»:

Исчезновение. Со временем замечаешь,
Что жаль даже уходящего облака. Исчезновение
Цветов смущает чуткую душу, хотя
Сам сад совсем не колышет. Исчезновение
Снега с полотен Брейгеля Старшего
Смущало бы больше, чем исчезновение
Самого Брейгеля. Исчезновение листьев
С появлением ветра. Исчезновение хлеба
Со стола. Внезапное исчезновение
Стола из комнаты, комнаты из пространства.
Исчезновение человека, не замеченного
Садом, столом, пространством, временем,
Человеком. Исчезновение человеческого
В человеке. Исчезновение любви
В любимом. Исчезновение в любящем.
Исчезновение человека в земле, земли в небе,
Неба в исчезающей душе, исчезновение
Молнии, так и не успевшей блеснуть.

Исчезновение улыбки, не нашедшей
Себе лица. Счастье исчезновения,
Прежде чем исчезнет всё.

Осмелюсь утверждать, что здесь наращивание смысла «насыщающего» слова нагнетает также и определённую эмоцию, которая, не обязательно украшенная поддержкой звука, может быть названа рациональной эмоцией. Главное, чтобы подобный повтор не был бессмысленным, а созидал законченное произведение. Пример из деловой речи, из военного устава можно показать, как завершается такой текст, которые не может быть ни короче, ни длиннее (деловой, не художественный верлибр):

ЗАТВОР

Затвор служит
для досылания патрона в патронник,
для запираения канала ствола,
для производства выстрела
для выбрасывания стреляной гильзы.

Вот весь этот верлибр, он закончен, так как здесь исчерпана идея затвора. Ясно, что «идея наслаждения» или «идея исчезновения» не может исчерпываться с той же предметной определенностью. Но, ограниченный внешне усилиями вкуса, интуицией художника, причудами оперативной памяти и т. д., художественный текст бесконечен внутри себя неисчерпаемостью эстетической задачи. Вымысел домысливает себе эмоцию, эмоция откликается на смысл.

– А можно ещё примеры?

– Вот ещё одна миниатюра, сочинённая довольно давно, но напечатанная в разных моих книгах как проза среди «Узоров на бамбуковой циновке». Она завершается заменой основного обидного слова на его не менее печальный синоним, отчего текст как бы снова горестно закручивается к своему началу, озадачив и насмешив терпеливого читателя:

В одном
некогда бывшем мире
Идиоты жили в болоте,
где на семи кочках
выросла их древняя столица
с разветвлённой сетью подземелий
на случай потрясений изнутри,
или если в трясину извне
попадет опасный иноземец, который, утопая,
способен посеять панику, дабы
добиться успеха в этой зыбкой жизни,
Идиоты должны были уметь топить друг друга,
выходя сухими из мутной от утопленников воды.
Идиотизм возвышал всех,
кого он засасывал, и возвышенные Идиоты
звали остальных к сияющим вершинам Идиотизма.
Идиоты ценили трудности, поскольку дышать
в болотной атмосфере было затруднительно,
зато по праздникам дух Идиотизма
горел синим пламенем в доме каждого Идиота,
и это согревало сердца и питало новые
идиотские думы.
Всю эту идиотскую идиллию
нарушали лишь находящиеся в глубоком подполье
недовольные существующим идиотизмом
Кретины.

– Спасибо, Вячеслав Глебович. Вопросов, конечно, ещё много осталось, но основное вы объясняли. Думаю, к этой теме мы ещё вернёмся на страницах нашего журнала.

Метаметафоры на пуантах

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛА ЛИФТ С ЕЛЕНОЙ ИВАНОВОЙ ЗЕЙФЕРТ

Людмила Вязмитинова

– Елена Ивановна, у вас очень интересное название нового цикла стихов – «Метафоры на пуантах». Это значит – стоящие на ципочках? Или – танцующие?

Елена Зейферт

– В начале нулевых у меня стал рождаться цикл верлибрических миниатюр, который я практически сразу назвала «Метафоры на пуантах». Эти произведения появлялись потом волнами, и до сих пор место хранения «метафор на пуантах» не исчерпано. Сейчас в этом цикле 127 миниатюр, можно сказать, уже сложилась книга стихов.

Метафоры встают на носки пуантов. Нет, это не танцующие метафоры. У слова «пуант» – помимо значения «балетная туфелька» – есть и другое значение: «непредсказуемый финал произведения». «Метафора на пуантах» может рассматриваться как особая стихотворная лирическая жанровая форма, верлибрическая миниатюра с непредсказуемым финалом, «пуантом» – странной метафорой, созданной по принципу подобия неподобного:

* * *

ты перестал улыбаться
словно боишься разбудить
младенцев
моих чувств
спящих
в твоих мимических морщинках

– Пожалуйста, расскажите ещё об устройстве ваших стихов.

– Реже «метафора на пуантах» завершается не метафорической, но пуантированной строкой, показывая, что жизнь бывает острее и необычнее метафоры:

* * *

что мы с тобой только ни делали
писали гвоздями и молотком слово *angeln* на языке брайля
раскрашивали ночной ветер
ходили по заросшему грибок килю движущегося корабля

но так и не додумались обнять друг друга

Нейтральное начало стихотворения может занимать только первую строчку. Таких «метафор на пуантах» больше, ибо метафора энергична и стремится захватить как можно больше территории произведения:

* * *

я кусаю губы
верхняя – караганда
нижняя – москва

Поэт, прозаик, переводчик, литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук, профессор РГГУ

Елена
Зейферт

на нижней кровеносное деревце метро
на верхней кровные сёстры и братья

города соединяются на долю секунды
когда я произношу слово люблю

* * *

мы разные

ты часовая стрелка
я минутная

но каждому из нас достаётся бокал вина
которым нас обносит суетливая секундная стрелка

* * *

проснувшись
мысленными руками
ощупываю
пространство вокруг себя
и радостно нахожу
лаковое тело звучащей скрипки
твоего общения со мной

К перечисленным случаям относятся и такие «метафоры на пуантах», в которых нейтральное начало – только название:

У ТЕБЯ ЧУЖИЕ ГЛАЗА

на карте твоих радужек
появляется ещё одна
европейская страна
видны её театры могилы кафе адюльтеры
есть женщина
мозаика глаз которой
похожа на твою

Но нейтральная тональность может доходить и до середины текста:

* * *

он думает что он ангел

он ложится на землю
и трётся о неё лопатками

на земле остаются
чешуя
или шерсть

Или даже охватывать весь текст, кроме последней строки или её части:

* * *

ночной зимний аэропорт

отложенный сон
блуждает по лицу и телу
тепло дремотно

кажется что на моих веках монеты

* * *

загибает пальцы
считая победы над женщинами

между пальцами перепонки

Развёрнутый пуант может переместиться к середине произведения, затем ниспадая каскадом уточняющих его метафор:

* * *

на могильном камне напишут

ловец мяча

таков ждущий
не прячущий руки за спиной
собирающий слёзы вечнозелёных яблонь

Название может стать микромоделью всей «метафоры на пуантах»:

НА КОНЧИКЕ ЯЗЫКА

ощущая в себе новорождённое чувство
бесконечно долго
нащупывал края
той доли секунды
когда родившая самка
начинает
вылизывать или поедать
своего детёныша

«Метафора на пуантах» может представлять собой метафорическое определение:

* * *

элвис пресли
колика в правом боку

– А как бы вы сформулировали суть этой эстетики?

– В «метафоре на пуантах» всегда стремишься раздвинуть зазоры между смыслами сопоставляемых явлений или предметов, делая восприятие метафорики гибче:

* * *

он морщится от боли
будто карлик живущий внутри него
начал расти

маленькие руки
 массируют ему изнутри спину
 унимая боль

Здесь карлик – парадоксальным образом и источник боли, и спаситель от неё. Особенность «метафоры на пуантах» в том, что её нельзя постичь только рационально. Ритм её рецепции – разный во времени, метафорические части соотносятся здесь между собой как плоскости в скульптуре, создавая не плоскостное, а объёмное восприятие произведения. Метафоры, если их больше двух, внутри такой миниатюры созревают в читательской рецепции не синхронно. Объёмность восприятия усилена мерцанием реального и воображаемого планов. Каждая новая метафора включает в себя все прежние в этом произведении, прорастиваясь в непостижимое.

В процессе отрыва метафорических объектов друг от друга в читательском восприятии они воссоединяются в гармоничную картину, близкую к дословесной и дарящую читателю радость сотворчества. Причём все метафоры в произведении равноценны:

* * *

дочка быстро бежит ко мне сквозь снегопад
 оставляя за собой тысячи
 воздушных человечков в нелепых позах
 которых сразу убивает снег

Имея форму мнимой окружности, фрагмент «метафоры на пуантах» является частью дискретной линии и его метафорика бесконечно наступает сама себя, не в силах настичь. Рисунок соединения метафор опирается на богатство субъектно-объектных, хромотопических, языковых, ритмических и других ракурсов.

Порой «метафора на пуантах» близка к идеограмме, части которой стремятся не друг к другу, а к недостижимому центру, никогда не достигая его, создавая вечное мерцание смыслов:

* * *

блуждать
 между полюсами
 ван гог и муций сцевола

– *Метафора – это принципиально для вас? И она выступает у вас в своей классической форме?*

– На примере стихотворения «он морщится от боли...» обратим внимание, что метафора может быть заменена другим тропом метафорического типа – сравнением, что проистекает из неудовлетворённости противоречивостью метафоры – её экономичностью при явной экспансии. Развёрнутое сравнение помогает задержать сиюминутную, временную схожесть, застать явление или предмет в его текучести, в одной из точек изменчивости. Порой используется и сжатое сравнение, в том числе заострённое через отрицательную конструкцию:

* * *

четыре часа в воздухе
 и оставленный мною ласковый город
 станет уже не глотком
 а глотательным движением

В ряде «метафор на пуантах» наблюдается нанизывание метафор или сравнений, постепенно переходящее в пуантированную метафору:

* * *

её дрожащий пальчик
 удаляющий в телефоне его номер
 отражается согбенной фигуркой
 осиротевшей матери
 растерявшимся ангелом
 она тычется личиком в его стеклянную рубашку

Метафорический пуант может быть усилен каламбуром:

* * *

она уже большая
не видел её первого шага
не слышал её первого слова
и не получит хлебную карточку
на корочку с дочкиной коленки

Или освещён ожиданием той или иной идиомы:

* * *

ручной мужчина
ручная кладь
ручная граната

* * *

ещё целуя меня
ты встаёшь и уходишь
оставляя меня одну
в жёлобе безопасности
между рельсами в метро

* * *

смотрит на него
засыпающим взглядом
обезглавленной розы

* * *

теперь никому не создать
муляж твоих органов речи
собирающихся окликнуть меня

* * *

на меня
одетую в каплю духов
оглушительно падают
густые звёзды
из созвездия
твоей
трёхдневной небритости

* * *

твои пальцы рисуют
на моих щеках и затылке
крохотный город
и крупным планом
разводные мосты
наших с тобой языков

* * *

пока ты спишь
я созерцаю восход
десяти солнц
твоих ногтевых лунок

Или городской подцикл:

* * *

москва –
яйцо
внутри которого
сухая глина и капля воды

мои глиняные губы
не хотят пить

вместе с другими
я дую на воду
на берегу уставшей мутной слезы

Либо забавный детский:

* * *

дочка вынимает странное существо из киндер сюрприза
ахает
снимает с барби босоножки на шпильках
надевает ему на лапы

отходит
любуется удовлетворённым взглядом автора шедевра

Самая развёрнутая «метафора на пуантах» достигает в моём цикле 16 строк, и она композиционно трёхчастна:

* * *

она слой за слоем счищает его лицо с холста
под ним лицо другого
светлые ресницы
настойчивые губы
запах сигарет
они похожи
только слушают разную музыку
и один носит рубашки
а другой свитеры и футболки

детский окулист
тыча указкой в нарисованную пирамидку
спрашивала
девочка что это
девочка плохо видела и отвечала это снег
ваша девочка умственно отсталая – сокрушалась окулист

на самом дне холста лежит снег

– Спасибо, Елена Ивановна. Будем ждать дальнейшего развития вашей эстетики и, конечно, новых стихов.

Колонка критика

ЛЮДМИЛА ВЯЗМИТИНОВА

ОБЗОР ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА ЛИФТ

Идея «всероссийского литературного» журнала, главным редактором которого является московский поэт Маргарита Аль, отчетливо воплотилась в его первом номере: литература России представлена огромным архипелагом, как сказано в редакционном предисловии к номеру, «литературных островов», или «мощнейших двигателей одного корабля под названием «Культура России»». Если в обычном общероссийском литературном журнале дается картина, составленная из лучшего, что прислано в редакцию, разделённого по отделам поэзии, прозы, критики и публицистики, то здесь дается картина, которую можно назвать фасеточной, или мозаичной. Каждый кусочек этой мозаики представляет поэзию и прозу одного из регионов – не отобранную редактором журнала из присланного авторами, а предоставленную самим регионом. Это позволяет дать более объемный срез того, из чего состоит литература России, а варьируясь от номера к номеру и суммируясь, эти срезы дают возможность нарисовать её многоплановую объемную картину.

Авторы первого номера – поэты и прозаики 24-х регионов – из почти 90 существующих в России – республик, краев, областей и самых крупных городов – Москвы и Санкт-Петербурга. Среди поэтов – не нуждающиеся в представлении, Иван Жданов (Алтайский край) и Константин Кедров (Москва), а также хорошо известные любителям современной поэзии Елена Кацюба, Маргарита Аль и Алина Витухновская (Москва), Дмитрий Григорьев, Валерий Земских и Арсен Мирзаев (Санкт-Петербург), Амарсана Ултызуев (Республика Бурятия), Лета Югай (Вологодская область), Екатерина Боярских (Иркутская область), Александр Бубнов (Курская область) и Андрей Коровин (Московская область).

Множество поэтических строк в номере затрагивают одну из главных тем поэзии – поэт и его призвание. Владимир Пряхин (Тульская область) рисует поэта как человека, которому «космос ложится на плечи», а используемый им язык он называет «странным древесным» и «своим, птичьим». Дмитрий Мурзин (Кемеровская область), описывая жизнь поэта, употребляет череду глаголов – «каяться, маяться, перебирать слова», «выжигать больное сердце дурным глаголом». А Лилия Газизова (Республика Татарстан) написала о неизбывном следе, который оставляет в душе общение с настоящим поэтом – стихотворение «Памяти Андрея Новикова»

Но наиболее полно поэтами номера представлена тема «малой родины». Михаилу Данышеву (Рязанская область) она предстает в виде «голубоглазой озорной девчонки», Надежде Жуковой (Курская область) – «самого заветного», «самого желанного» «городочка» «в белых церквах». Анна Агеева (Иркутская область) с гордостью пишет о «забайкальской нашей породе», Софрон Осипов (Республика Саха [Якутия]) – о «земле холодной», «где в душе тишина», Камиль Чопалаев (Республика Дагестан) – о «величьи недремлющих гор», Александр Чернов (Республика Крым) – о «месяце кривом и узком», который «оскален беззубым ртом» и «челночном пароме стамбульском», который «не вырубил ты топором».

В стихах на эту тему временами прорывается печаль, вызванная наблюдением над тем, как современная цивилизация накладывает свой отпечаток на уходящую вглубь веков национальную культуру. Это хорошо показано в стихотворении Булата Аюшеева (Республика Бурятия) «Праздник Номин»:

Взятый в осаду войлочным войском юрт шумит Улан-Батор,
Праздник Номин. Играет музыка громко.
Фрики монгольские в ярких париках фотают друг друга.
Дворники в жёлтых накидках громяют тележками от урны к урне.
В городе весело, а за городом пустынно.
Солнце садится. Невозмутимый ветер уносит к облакам целлофан...

Об этом же – стихотворение Валентины Боован (Республика Калмыкия), обращенное к создающим женскую линию предкам. В нем говорится, что раньше люди жили «в ладу с природой без прикрас» – до того, как «воздвигли» себя в ее «царей». Заканчивается это стихотворение такой строфой:

**Литературный критик, поэт, опубликовано около 200 статей
о современной русской литературе.**

**Людмила
Вязмитинова**

К кибитке прилетали журавли
Потанцевать...
Как давит мне виски –
Как растерять такое мы могли
И обнищать...
Прабабушка, прости...

Созвучными идее журнала смотрятся публикации стихотворений на национальном языке в сопровождении их переводов на русский язык. Таких в номере две: стихи Бадмы Васкаева (Республика Калмыкия) в переводе Валентины Боован и Патимат Рамазановой (Республика Дагестан) в переводе Юрия Агеева.

Представляющие поэзию регионов авторы очень разнятся по уровню мастерства. И это нормально, потому что задача журнала – показать культуры регионов как они есть. И можно надеяться, что издание журнала даст некоторый толчок к их развитию. Хотелось бы всё-таки отметить ряд авторов, пишущих как традиционной силлабо-тоникой, так и разновидностями современного свободного стиха, творчество которых может заинтересовать широкий круг любителей поэзии.

НАТАЛЬЯ НИКУЛИНА (Калужская область):

с хлеба на хлебникова
перехожу.
проще простого.

ЛЕРА МУРАШЕВА (Кабардино-Балкарская республика):

...Я ТЕБЯ НЕ ПОЮ,
я тебе лишь внимаю,
чистая нота Ю,
строгая и прямая.
Зёрнышком воробью
я тебя вниз роняю,
древняя нота Ю,
хриплая, нутряная...

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ (Новосибирская область):

...Пахнет бездной и сыростью почва,
Чувства слепы – отключены точно,
Но тогда и даруется сверх
Или вместо... Приходит чутьё!
Хищным трепетом полнятся ноздри!
И на вдохе – тоскливо и остро –
Ты вдруг чувствуешь ЗНАНЬЕ свое.

АЛЕКСАНДР ГУМЕННЫЙ (Кемеровская область):

На пляже

сегодня в продолжение отдыха
подарил солнцезащитные очки
объему воды, мной вытесненному

и река теперь смотрит
со всех сторон зрением
утраченного лета в августе

ХАМИС ШАМИЛОВА (Республика Дагестан):

Боже, оставь его для меня,
Как большую мечту о Себе...

ОЛЬГА ГУЛЯЕВА (Красноярский край):

Минотавр уезжает бычить на остров Крит.
Его лабиринт обустроен, обжит, привычен.
А Тесей приходит туда и ему говорит:
– Минотавр, выходи, не надо все время бычить.
Минотавр выходит с мыслью «давай дружить»,
Минотавр предлагает Тесею печенючку к чаю,
А Тесей откуда-то достает ножи
И один за одним в Минотавра ножи втыкает.
Минотавр удивлён, подавлен, но если бы
Мог – иначе бы все устроил.
Минотавр не плачет – ведь он же бык –
Минотавр мычит, истекая горячей кровью.
Минотавр встаёт, не сразу, но он встаёт,
Он подходит к Тесею, бьёт его в лоб копытом.
Минотавру снятся герои. И чай вдвоем.
Его лабиринт обустроен, обжит, испытан.

Геннадий Юшко (Калининградская область). Его «Афганская баллада» – пожалуй, лучшее стихотворение номера. К сожалению, здесь я вынуждена ограничиться отрывком:

...Свети и светись,
словно масляный
блинчик, Ярило!
А помнишь долину,
где маки качались
нам ало,
и будто кричали
беззвучно,
как кровью залитые
рты,
и падали
парни,
и неба
на всех
нехватало,
и падали жизни,
собой закрывая цветы...

Проза номера – традиционный реализм с примесью мистического реализма, властвующего ныне в современной прозе. Иными словами, речь идет об описании обычного мира, с текущей в нем привычной обыденной жизнью, в которой временами проявляется некая мистическая, загадочно-необъяснимая с обыденной точки зрения компонента. В рассказе Анны Гоголевой (Республика Саха [Якутия]) «Дух голубого огня» мистическое входит в жизнь вместе с верой в «суровый закон тайги», согласно которому «духи даруют и духи отнимают», но «им неподвластны воля человека, его огненное сердце». Этот рассказ – о юном шамане, жившем в глухом таежном уголке «края долгих, стылых ночей», кончающийся заветом «Будь с людьми на земле и смотри на небо», – одно из лучших прозаических произведений номера. То же в озаглавленном «Засуха» отрывке из повести «Душа шамана» Зои Донгак (Республика Тыва), повествующем о вызывающем дождь «обряде в честь Монгун-Тайги».

И грустное чувство вызывает написанный уже в эстетике традиционного реализма рассказ Булата Молонова (Республика Бурятия) «Нож» – о бессмысленном убийстве в подземном переходе, после которого хозяин «старинного бурятского ножа» «ушёл в Вечное Синее Небо», а нож, созданный для передачи от отца к сыну, попал в сейф к следователю в качестве «вещественного доказательств». И совсем тяжёлое, приводящее к протесту против страшной реальности происходящего, чувство вызывает рассказ Андрея Тимофеева (Республика Башкортостан) «Свадьба» – о том, как молоденькую беременную женщину выдают замуж за изнасиловавшего её парня.

Хотелось бы отметить отрывки из автобиографической повести о лагерной жизни Валерия Басурова (Республика Крым) «Тогда, в пятидесятых») и рассказ Геннадия Александрова (Курская область) «Забывший край – родина», герой которого – вышедший на пенсию полковник, – на деньги, присланные ему со всего света бывшими односельчанами, возводит памятник на месте покинутого жителями и исчезающего в пропасти истории родного села. А также рассказ Сергея Шубы (Новосибирская область) «Автобус» – о том, что семейные узы не так легко рвутся, как кажется. Хороша и «женская» проза номера – написанный от лица молодого человека рассказ Татьяны Ильдимировой (Кемеровская область) «День дурака», и особенно – слегка ироничный, но глубокий и серьёзный рассказ Эльвиры Частиковой (Калужская область) «Семейное счастье», повествующей о том, что понимание главных для человека истин приходит к нему после тяжёлых потрясений.

Лучшее, на мой взгляд, прозаическое произведение номера – рассказ Александра Николаенко (Московская область) «Без регистрации». Второй рассказ этого автора – «Светофор» близок к доброй, шутилой сказке, дающей, как и положено сказке, «добрым молодцам урок». Тогда как первый – замечательный образец того реализма, в котором гомеопатическое вкрапление мистики приводит к реализму, который иначе как высшим не назовёшь. Замечательно начало рассказа: «Жили-были старик со старухой, на улице героев Панфиловцев, во дворах, где магазин «38 копеек». И жили они – «в хорошем кирпичном гараже», потому что в результате мошеннических действий «чужих людей» лишились квартиры. Жили одиноко, без медицинской и прочей помощи, питаюсь в основном «картошкой и макаронами» и «печёными голубями», и «прожили так, с божьей помощью, три зимы и три лета», после чего старуха простудилась и умерла. Описание того, как старик вез умершую старуху к дверям приемного отделения больницы – «на саночках» 10 лет назад убиенного неизвестными преступниками сына, – фактически, описание того последнего в жизни пути, который совершает каждый человек и который пролегает в пространстве между видимым и невидимым мирами. Необходимо добавить, что написан рассказ небольшими абзацами, в которых ощущается ритм, делающий их максимально приближенными к записанным в одну строку строфам стихотворения, а разрыв между абзацами – межстиховой паузой. В итоге мы имеем то, что можно назвать прозопоэзией или поэзопрозой.

Чрезвычайно важен как для идеи журнала, так и для всех, кто интересуется современной литературой, раздел «Вчера-сегодня-завтра», посвященный обзору литературных региональных фестивалей и описанию литературной жизни некоторых регионов России. Раздел содержит рассказ о 15-ти фестивалях, 5 из которых происходят в Питере, а три – в Казани. Очень подробно рассказал о «Международный фестиваль поэзии на Байкале имени Анатолия Кобенкова» (Иркутская область) Игорь Дронов. Только перечисление побывавших на этом фестивале известных поэтов занимает половину отнюдь не малого размера журнальной страницы. Но наиболее полно и подробно освещен фестиваль «Книга. Ум. Будущее. (КУБ)» (Красноярская область). После небольшой заметки Михаила Стрельцова идёт пространная статья Василия Авченко, в которой, в частности, говорится, что для «местных профессиональных литературных сообществ», неизбежно «погружающихся в собственные проблемы», крайне важно близкое «знакомство с творчеством коллег из других регионов» и «из столиц», и что «молодому таланту» «без таких фестивалей никогда не услышать высококвалифицированных профессионалов».

Несколько неожиданно оформлен раздел «Школа литературного мастерства» с девизом «Поэзия как игра – игра как поэзия» – в виде интервью, взятых у известных специалистов-филологов. Отвечая на вопросы главного редактора журнала, Константин Кедров рассказывает, что такое анаграмма, а Юрий Орлицкий – верлибр.

Заключает журнал раздел «Гостинная», содержащий интервью, поэзию и прозу – в этом номере – представителей русскоязычного зарубежья. Это стихи известного двуязычного поэта, художника и переводчика Кристины Зейтунян-Белоус (Франция), предваряемые небольшим интервью, и стихи и проза представителей Абхазии. Главная тема стихов Смыра Рушбея и Мушина Ласурия – родная земля, Апсны (древнее название Абхазии). «Апсны, обитель души моей» – такое название носит повесть Владимира Делбы, фрагмент которой опубликован в этом разделе журнала, потенциальным автором которого может стать любой, имеющий отношение к русской литературе.

Литературный Луганск

АНДРЕЙ ЧЕРНОВ

ЖИЗНЬ НА ГРАНИ

ОЧЕРК

Михаил Кузмин в предисловии к первой книге Анны Ахматовой «Вечер» написал: «В Александрии существовало общество, члены которого для более острого и интенсивного наслаждения жизнью считали себя обречёнными на смерть. Каждый день их, каждый час был предсмертным... Вы сами знаете, что в минуты крайних опасностей, когда смерть близка, в одну короткую секунду мы вспоминаем столько, сколько не представится нашей памяти и в долгий час, когда мы находимся в обычном состоянии духа».

Трудно с этим не согласиться. Но если поэтам Серебряного века, как в равной степени и пресыщенным александрийцам поздней античности, казалось, что в последние часы жизни остро, щеко-ча душу и нервы, предаёшься наслаждениям, то человек современности опроверг это изысканное заблуждение. Так было с поэтами осаждённого Ленинграда. И такая доля досталась литераторам Донбасса.

Да, в минуты, когда ты осознаёшь, что этот день может быть для тебя последним, меньше всего думаешь о наслаждениях. Наоборот, не брэнное привлекает чувства писателя. И сердце, и голову занимают лишь боль и мысли о человеке – своём ли ближнем, порою умирающем на твоих глазах; или о том, который идёт на смерть «ради други своя»; или о себе самом, о том, что сделал не так, чтобы своими малыми силами остановить безумие кровопролития; или о том, кто охваченный пламенем ненависти наводит оружие на мирных жителей городов и сёл Донбасса.

Всё это переживают писатели Донбасса с конца весны 2014 года. И это не могло не оставить своего следа на их творчестве. Напрасно упрекать донбасских писателей в том, что они пишут о войне. Не о войне они пишут, а о человеке, оказавшемся на войне. О его выживании как личности – с сохранением чести и достоинства, со способностью сочувствовать чужой боли, мыслить, понимать и осознавать, творить. А значит – оставаться человеком.

Удивительно: бесчеловечная война пробудила у многих нежные ростки человечности. И ещё. Оказалось, что нужно было броситься на нож войны, чтобы осознать всю свою любовь к родной донбасской земле, к своим городам, омытым кровью и осквернённым хулою украинской пропаганды.

Литературная жизнь Донбасса полнокровна. В конце 2014 года возникли Союзы писателей ДНР и ЛНР. Литераторы собираются на встречи с читателями, издают книги, проводят литературные фестивали. Самыми знаковыми книгами, отразившими современное состояние литературы Донбасса, стали сборники «Я дрался в Новороссии» (Москва, 2015), «Ожог» (Москва, 2015), «Час мужества» (Москва, 2015) и «Время Донбасса» (Луганск, 2016). И это далеко не исчерпывающий перечень изданий.

Особо хочется отметить сборник «Время Донбасса» – первую книгу с донбасской пропиской, в наибольшей степени отразившей литературный процесс Донбасса. В отличие от предыдущих, в этой книге нашли место поэзия, проза и драматургия. Драматургия о войне в Донбассе – беспрецедентна и впервые появилась в этом году.

Среди ярких и самобытных писателей старого Донбасса – Луганщины, особенно выделяются поэтическим талантом Александр Сигида-младший, Елена Настоящая, Елена Заславская, Светлана Сеничкина. Каждый из них интересен и уникален.

Александр Сигида-младший создаёт сложные контекстуально произведения, имеющие многочисленные смысловые уровни, пропитанные аллюзиями и скрытыми цитатами, иноязычными вставками. Его поэзия модернистского толка, порою эпатажна и вызывающа. Но за эпатажными строками его стихов скрыт тонко чувствующий и думающий лирический герой – человек современности, житель крупного города, обладатель колоссального интеллектуального багажа.

Андрей
Чернов

Елена
Настоящая

Светлана
Сеничкина

Елена
Заславская

Александр
Сигида-младший

Александр
Сурнин

Елена Настоящая идёт дорогой футуристов – от Маяковского к Вознесенскому, а через него – к русскому и зарубежному року. Метафоры её поэзии пропитаны иронией – и к себе, и к окружающей действительности. А действительность Елена Настоящая старается передавать короткими и меткими штрихами. Вслед за Ахматовой она могла бы сказать: «Я вижу всё. Я всё запоминаю». Но в центре её внимания – человек. Человек мирный и человек борющийся за свою судьбу и свою свободу. Много строк пропитано горечью – эта горечь всего Донбасса, чувствующего себя оставленным многими, преданного, но не предавшего. Но горечь эта смывается верой в свет рассвета:

Кто нас научил этому?
Кто вбил это в голову?
Мы в первых рядах и мы лезем под пули.
Но мы себя вовсе не обманули –
Мы встретим рассвет. Мы встретим весну.

Елена Заславская относится к более старшему поколению. Она – опытный и известный литератор, давно идущий литературным путём. Она также не чурается эпатажных строк, порою натуралистичных, порою – откровенно бранных. Но звучат они в устах лирических героев её стихов органично и предельно уместно. В последнее время, и это, мне кажется, привнесено стихией войны, в её творчестве сильнее проявляются фольклорные мотивы – от казачьих и русских народных песен. Синтез модернистского и фольклорного порою создаёт своеобразное полотно, любопытное в отношении ритмического рисунка стихотворения.

Лирика Светланы Сеничкиной внешне проста и безыскусна. Но эта простота достигнута мастерской работой над словом – просто и ясно, по-репински реалистично и энергично передаются краткие зарисовки быта человека, живущего в охваченном войной городе. Пронзительно звучат переживания лирической героини – не пожелавшей покинуть родной город:

И, может быть, там лучше будет, только
Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?

Вот эта связь с родной землёй – принципиальна и характерна для всей литературы Донбасса. Это не абстракция, не рудимент или атавизм. Это исконно русская связь с землёй своих предков, связь, отражающая ответственность не только перед своими предками, но и перед потомками.

Также не могу не сказать об Александре Сурнине – замечательном донбасском писателе. Он родом из Краматорска, но долгое время жил в Санкт-Петербурге. Накануне 2014 года Александр жил и работал в родном Краматорске, очень активно включился с протесты Русской весны. После оккупации украинскими войсками Краматорска был вынужден покинуть родной город и сейчас живёт в Луганске. Поэзия Сурнина наполнена метафорами и глубинными смыслами, апеллирующими к античным образам и темам классической русской литературы. Это во многом характерно и для его прозы, пронизанной одновременно юмором и трагизмом.

Писатели Донбасса сейчас находятся на грани – между смертью и жизнью, между войною и миром. Но любое творчество и литература в том числе – это всегда жизнь. Жизнь вопреки смерти. Грань утончает, заставляет глубже смотреть в суть вещей. Бывают, безусловно, и перекосы – пронзительность можно перепутать с истеричностью. Но в условиях пограничности свет светлее, а мрак темнее. И это не перепутаешь.

ЕЛЕНА НАСТОЯЩАЯ

* * *

Держись.
Возвращайся домой.
Не думай о смерти – нет её.
Я вижу: лицо обветрено
И чёртова тьма за душой.

И давит безумно усталость.
Но сколько б тебе ни досталось,
В глазах вечно небо и сталь.
Прости мне дурную печаль.

Не мне ведь судить о боли,
Когда собирают с поля
Товарищей,
Блиzkих,
Друзей.

Не мне ведь судить о страхе,
Когда всех – одним махом,
Так просто
И без затей.

Я знаю, там дым и порох.
Забыты давно все споры.
Держись.
Возвращайся домой.

* * *

Кто нас научил этому?
Кто вбил это в голову?
Быть в первых рядах и лезть под пули.
Мы знаем, что нас просто обманули,
И кто-то вверху заигрался в войну.
Мы будем стоять над последним камнем,
И знаем – утро нас встретит здесь же завтра.
Снаряды плавно уходят в весну...
И города наши – вскрытая рана:
Что стиснувший зубы герой Стаханов,
Что молча плачущий в тени небес,
Ставший родным вдруг Славяносербск,
Разбитый, израненный, измотанный вкрай
Держащийся кое-как Первомайск.
И пусть никого не обманет твой сон –
Сердце в груди горит – Краснодон.
Земля никогда тебя не предаст.
Поэтому мы с тобой, Донбасс.
Кто нас научил этому?
Кто вбил это в голову?
Мы в первых рядах и мы лезем под пули.
Но мы себя вовсе не обманули –
Мы встретим рассвет. Мы встретим весну.

СВЕТЛАНА СЕНИЧКИНА

* * *

Я не помню весны страшней,
Я не помню чернее мая.
Белый снег сыплется с ветвей
И на сердце ложится, не тая.
Теплый ветер приносит мне
Не птиц пение – списки павших.
Умерла страна по весне,
На останках – дьявольский шабаш.
На обломках – злоба и боль,
И коричневый вирус в венах.
Но ещё не окончен бой,
И ещё не убита вера...

* * *

Нас гонят из дома –
Ракетами, минами,
Блокадой, разрухой,
Наветами, «сливами».
Кричат, чтоб бежали,
Скорей, что есть силы:
«Хотели в Россию?
Валите в Россию!»
А уезжать не хочется – до слёз.
Умом-то понимаешь: всё всерьез.
Умом-то понимаешь: всё надолго.
И, может быть, там лучше будет, только
Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?

* * *

Надоели разбирательства,
Ссоры, споры, ярлыки.
Кто уехали – предатели,
Кто остались – дураки.
В рожу плюнуть обязательно:
В соцсетях легки плевки.
Кто уехали – предатели?
Кто остались – дураки?
По друзьям, по семьям – надвое,
И не склеишь черепки.
Кто уехали – предатели,
Кто остались – дураки...

* * *

А в Луганске сегодня ветер
Осыпает липовый цвет,
На качелях смеются дети,
И войны здесь как будто бы нет...

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ**ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ**

(СВЯЗКА ПИСЕМ ДРУГУ ДЛЯ ПОДНЯТИЯ БОЕВОГО ДУХА)

1.

Заметки на полях войны.
 Окопная строка, в которую вписали
 Солдат, как буквы. Ты
 Один из них.
 И мой эпистолярный
 Прочтешь едва ли.
 Может быть
 Потом.
 Вернись живым.
 И мы друг друга снова прочитаем
 И перечтем.
 Пусть память сохранит,
 Как вырываясь из глубин гортани,
 Как поцелуй, как легкое дыханье,
 Живое слово нас соединит.

2.

Заметки на полях войны.
 Ты полон злой решимости, отваги,
 Ты пишешь их, а я пишу стихи
 Тебе, традиционно на бумаге,
 И письма, не e-mail, а от руки,
 Забытое искусство древних магий
 Творить из рифм и ритмов
 Новый мир.
 Ты воссоздашь его из словосочетаний,
 Из почерка, как кружевной узор,
 La lettre ouvre le secret du coeur.

3.

Заметки на полях войны.
 Что написать тебе, наследник Титуреля?
 Ты думаешь, приходит наше время
 Осуществить увиденные сны,
 Но будем до конца честны,
 Все то, о чем нам ангелы напели,
 Как гули, в изголовье колыбели,
 Лишь гул, который мы
 Разбить пытаемся на ямбы и хорей,
 А разбиваем лбы.
 Здесь Монсальват – громада террикона.
 А чаша – это банка самогона.

4.

Заметки на полях войны.
 Жизнь, сделав поворот, меняет вектор,
 Ты был филологом, поэтом,
 А стал солдатом. Боевик
 И террорист, как пишут СМИ,
 Им в тон гудит Ахметка,
 И мне на ум одна приходит мысль,

Что если ты стреляешь так же метко,
 Как пишешь – будет в этом смысл.
 Умолкла муза. Снова перестрелка.
 И я пишу тебе: Держись.
 Post scriptum. Обнимаю крепко.

5.

Заметки на полях войны.
 Во имя новорожденных республик.
 Заметки на полях весны
 И революции, объединившей наши судьбы.
 Здесь ломоть развалившейся страны,
 Который Родиной зовем и я и ты,
 Как хлеба шмат, в зубах голодной хунты,
 Но рифма просится, прости,
 Что не сдержалась: хуй им.

6.

Заметки на полях войны.
 Жизнь набело. Ее не перепишешь.
 Людская кровь не сок пунцовых вишен
 И не чернила. Не кого винить
 Кроме себя. Храни тебя всевышний.
 Мечтаю я: мы сядем ви-за-ви
 И скажешь ты: «О нас напишут книжки.
 И фильмы снимут, тоже может быть,
 О том, как познают мальчишки
 Кровавый жаркий вкус борьбы,
 А девочки уже не понаслышке,
 А наяву боль узнают любви».

7.

Заметки на полях войны.
 Ты говоришь мне, что у вас спокойно,
 И выстрелы пока что не слышны,
 И умирать, наверное, не больно,
 Ты говоришь, у вас там соловьи
 И степь ковыльная колышется, как море,
 А я читаю хроники в сети:
 Тот ранен, тот убит, тот похоронен.
 И счастье, не успевшее войти
 В мой дом, готово обернуться горем.
 И я твержу любимые стихи:
 «На свете счастья нет. А есть покой и воля».

СЛУЧАЕТСЯ ВОЙНА

Случается война. Успеть.
 Глаза в глаза. Вперёд, на вдохе,
 В лицо не признавая смерть,
 А только подвиг.
 Хребты разбитых баррикад.
 По позвонку стрельба и пламя.
 И круг за кругом новый ад
 Владеет нами.
 И причитанием плывёт
 Звон колокольный.
 И пуля, что во мне совьёт
 Гнездо, уже в обойме.

АЛЕКСАНДР СИГИДА-МЛАДШИЙ

* * *

В поисках неведомого Ворошиловграда
 В краю степном, угрюмом, ледяном,
 Воспетом в «Мельпомене» Геродота,
 Хребты и бездны над голодным дном
 Откроют лабиринты для кого-то.
 Таинственный, неведомый Кадат,
 Индустриальный Ворошиловград.
 Стигийская вода грунтовых вод
 Размыла известь меловых пород;
 Сломив сопротивление камней,
 Река ушла, сухое русло – с ней.
 Колодец времени, неведомый Кадат,
 Где ураган, неистовый Адад.
 В краю степном, угрюмом, ледяном,
 Воспетом в Мельпомене Геродота
 Тебя отстроят в облике другом
 Разумные рабочие – Шогготы.
 И, там, где плющ и дикий виноград
 Появится неведомый Кадат
 В подземных галереях и хребтах,
 Забытых штольнях и стальных путях...

ТЕРРИКОНЫ БЕЗУМИЯ

Когда забросят диск за киммерийский конус,
 И белые соски у меловых холмов
 Темнеют, и ничей его не будит голос
 От многовековых кембрийских вещей снов.
 Там, за Самсоновкой, где мост, на узком спуске,
 Зловещий памятник передо мной возник:
 Осколок предначальных дней, что, по-французски,
 Серые словари зовут Terri Conique.
 И у подножия, как завещал нам Ницше,
 Мы выросли, в тени, и вырос наш Вулкан;
 И силы напрягли, и выстояли в Нише,
 Белграде и в других местах моих Балкан.
 В чем сокровенный смысл у прихоти природы?
 Обломки и следы каких подземных рас
 Скрываются теперь за глыбами породы,
 В пространствах и слоях, что помнили триас?
 Не возмущая слух, безмолвен был Везувий,
 Покрытый чешуёй, дымил среди руин.
 Неизъяснимый зов был злобен и безумен,
 Недаром я назвал его – Ородруин.
 Железные холмы и хмурые равнины,
 Забытый Храм Змеи, известный, как ГОРЦОФ,
 Их – не испепелить. Напрасны были мины.
 Лишь множатся ряды пятнистых мертвецов.
 Когда, как будто лик неведомой Горгоны,
 Узрели, каменной навеки став грядой,
 В степи застыли исполины-Терриконы,
 Вонзая черный стяг в угрюмый город мой...

ТЬМА НАД СУТОГОНОМ

1

Разгадав нечестивые тайны,
 Психологию масс и пиар,
 Знай: «Посланник – всего лишь посланье»,
 Так учил некромант Бодрийяр.
 Вихрем войн и медийных камланий,
 Вовлечённый в стальной ураган,
 Ветеран президентских кампаний
 Посетил он рудник Сутоган.
 Издавая кошмарные звуки,
 Исступлённо кричал козодой.
 Он бродил по туннелям сторуким,
 И не раз говорил с Сигидой.
 Там, где сны богомерзко клубятся,
 Где вращается демон-султан,
 Превращений не надо бояться,
 Так предстал перед ним Сутоган.
 Вечный ужас бездонных карьеров,
 Горизонтов подземных стозёв;
 Воплощение древней химеры
 прогрызает ночной чернозём.
 Так, змеиной тропой влекомый,
 он взошёл на забытый курган.
 И развеялись тени, фантомы –
 Он познал, наконец, Сутоган...

2

«Мир вам, зодчие телегипноза!
 О, супруг полногрудой Иштар,
 Здесь и сбудутся тексты, прогнозы,
 Те, в которые верить устал.
 Потребление – мой путь к преисподней,
 Междуречья коммерческий ген,
 Пожирает миры и сегодня.
 Возрождается вновь Карфаген.
 Силу символов знаешь, зато ты
 Для туземных угроз – уязвим».
 И рассеялся вихрь Азатота,
 Что пульсировал зверем живым.
 Загорелся огонь над холмами,
 Тех, что помнили палеолит,
 И они приготовили камень –
 Глыбу, чёрный, как ночь, антрацит.
 Алый отблеск окрасил ворота...
 На просторах шахтёрской земли,
 В жертву, под завыванье койота,
 Луганчане его принесли.
 Он лежит под ущербной Луною,
 Где небесный горит ятаган,
 Где подсолнух с роскошной копной...
 Там, где тьма над тобой, Сутоган.

АЛЕКСАНДР СУРНИН

ОДИН ДЕНЬ

Быть строителем дома – значит быть в состоянии строить дом.

Аристотель

Будильник изобрели садисты. Андрей всегда был в этом уверен, а в последнее время ещё раз убеждался каждое утро. И немудрено – он забыл, что такое ранний подъём, немало лет проработав на дому, где рабочее место было в двух шагах от спального – какой тут мог быть будильник? Никогда в жизни. Проснулся, глазки раскрыл, поднялся, нажал на кнопку и пошёл умываться. Вернулся, а компьютер уже загружился – всё, вот ты и работаешь. А в последние недели всё сломалось. В город пришла война.

Сначала эту войну лицемерно называли АТО. Антитеррористическая операция. И в первые дни это казалось нелепым и смешным. Все говорили: ну какие здесь террористы? Хотят их найти – пусть поищут, побегают по полям и успокоятся. И действительно, пришедшие войска поначалу бегали по полям. А потом стали заходить в города. На первый раз люди вышли навстречу танкам, встали у них на пути и остановили. И разжалобились при виде голодных, грязных и уставших пацанов. Накормили их, напоили и отправили назад, в расположение. То же повторилось и на второй раз. А в третий раз по мирным людям был открыт огонь. И в одночасье пришло понимание того, что это уже не игрушки, что это уже война. Гражданская война.

Пару недель Андрей изумлённо смотрел по сторонам, впитывая в память всё происходящее, а потом сказал себе, что когда начинают убивать твоих друзей и земляков, нельзя оставаться в стороне. Нужно что-то делать. И с этим он пришёл в здание исполкома, ставшее штабом народного ополчения. Пришёл просто так, без каких-то конкретных предложений, на общих основаниях. А войдя в кабинет коменданта города, оторопел – за столом сидел человек, которого он называл другом детства, с которым учился в одной школе. И ещё со школьных лет этот человек имел репутацию надёжного и справедливого мужика.

«О как, – сказал себе Андрей. – Хорошие люди здесь обосновались. И главное, свои. А всякие козлы в интернете кричат во всю глотку, что здесь исключительно заезжие российские наёмники. Засланные казачки. Пограбить приехали. А здесь свои. Будем знать».

В действительности, Андрей давно не верил ни интернету, ни городским слухам. Сказать, что они были сильно преувеличены, значило ничего не сказать. Поскромничать. Он верил только своим глазами, и призывал к этому всех окружающих. К примеру, буквально за пару дней до прихода в штаб, услышав сплетню о том, что по здешнему базару ходили чеченцы с автоматами, он насмешливо спросил говорившую:

– А что, у них было на лбу написано, что они чеченцы? Или ты их об этом спрашивала?

Вразумительного ответа не последовало, и тема была закрыта.

Поздоровавшись с комендантом как со старым товарищем, Андрей сказал:

– Я не знаю, чем я могу быть здесь полезен. У меня болят ноги, поэтому я не боец. На войне быстро гибнет тот, кто медленно бежит. Но тем не менее... вот моя визитка с перечнем всех моих специальностей. Посмотри и скажи – нужен я тебе или нет.

Комендант заглянул в визитку и тут же ответил:

– Так ты помимо всего и компьютерщик? Конечно нужен!

– И что от меня будет требоваться?

– Как что? Работа в штабе. Штаб, дорогой мой, это прежде всего куча бумаг. Очень важных и не очень важных. Но все они – нужные. Вот и будешь заниматься делопроизводством за компьютером. Здесь собрались сплошные бойцы, а мне нужен штатский человек, который отвечал бы за документацию. Никакой военной романтики, обычная рутина. К такой работе ты готов?

– А я что, так похож на романтика? – хмыкнул Андрей.

– Ну тогда завтра к девяти утра жду тебя здесь.

– Буду, – согласился Андрей и шагнул к двери.

– Постой, – задержал его комендант. – Давай определимся сразу с твоим позывным.

– А что определяться... Погремуху нужно принять?

– Это на зоне погремухи, – заметил комендант. – В войсках позывные. Говори, как называть тебя будем.

– А что меня называть, – не задумываясь, произнёс Андрей. – Вы тут все бойцы, военные, а я штатский. Вот тебе и позывной – Штатский. Как Шостакович. Он тоже форму не носил.

- Годится, – одобрил комендант. – Моё имя тоже можешь забыть. Здесь я Якут.
- Очень приятно, – ехидно хмыкнул Андрей. – Похож... Значит, до завтра?
- Да, к девяти добирайся.

Вот тут Андрей поневоле завёл на утро будильник. Впервые за много лет.

Будильник действительно изобрели садисты. Оторвавшись от сна в непривычную рань, Андрей умылся (спасибо, что опять появилась вода), оделся, наскоро выпил кружку чая и вышел на улицу.

Улица была пугающе пустынной – транспорт который день подряд не ходил, да и частники предпочитали лишний раз не выезжать. После нескольких попаданий снарядов в маршрутки люди старались не высовываться из домов без дела. На работу – и с работы. Если была работа.

Не проявляя никаких эмоций, Андрей зашагал по проезжей части в нужном ему направлении.

Через несколько минут за спиной послушался шум одинокого мотора. Андрей не отвернул в сторону и не обернулся – машина остановилась сама.

- Куда идёшь, браток? – послышался вопрос водителя.
- На площадь, к исполкому.
- Заходи, подвезу.

Андрей сел в салон и спросил водителя:

- Что нового?
- Да ничего. С утра тихо, а ночью – сам слышал.
- Да уж слышал...

Дорога за беседой обо всём и ни о чём заняла минут пятнадцать. Выходя из машины, Андрей сунул было руку в карман, спросив, сколько с него причитается, и услышал в ответ:

- Ничего мне не нужно. Остаюсь жив.

Это могло бы показаться странным или невероятным только тому, кто не видел войны. В осаждённом городе произошло смещение ценностей. И на первом месте оказалась ценность человеческой жизни. А деньги... да что деньги. самого ценного на них не купишь. Так стоит ли пытаться урвать лишнюю копейку? У великого русского поэта Геннадия Жукова была строчка, как будто к этому времени и написанная:

А сколько скопить нужно денег, чтоб выстелить гроб?

Я не думаю, чтоб эта строчка была прочитана всеми жителями осаждённого города, но люди жили именно по такому принципу. Это война.

Зайдя в кабинет, Андрей поздоровался с комендантом здания штаба, носившим позывной Шериф, с которым они делили кабинет на двоих, и спросил:

- Что хорошего?
- Да всё то же, – ответил Шериф. – Задержанных всех успеешь оформить?
- Много принято? – поинтересовался Андрей.
- Достаточно, – вздохнул Шериф с огорчением.

Его огорчение можно было понять. До войны он работал в милиции, имел звание капитана, а во время осады пришёл в штаб ополчения и сказал: «Большая часть моих ребят уже здесь, и мне без дела сидеть негоже. Я к вам». И был назначен комендантом здания штаба. У него было множество обязанностей, и одна из них – содержание арестованных. А это непросто даже на первый взгляд, ибо каждый арестованный – как дитя малое. Каждому нужно отвести место, каждого нужно накормить, напоить, вывести на работу, встретить с работы, пересчитать и не дать возможности скрыться или улизнуть от исполнения наказания. Каждый задержанный становился его личной головной болью. Не говоря уже о том, что он отвечал за жизнь и здоровье каждого. Это работа нелёгкая и неблагодарная. Андрей мог только посочувствовать ему, что он мысленно и сделал, после чего включил компьютер и занялся первоочередными делами.

Одной из обязанностей Андрея было составление реестра арестованных. А их прибывало каждый день. В самом начале осады в ополчении был организован отдел военной полиции, и первое, что было ими сделано, – люди с оружием пришли в милицейский горотдел и сказали, что все их функции они берут на себя. Задача милиционеров – сидеть в дежурной части и переадресовывать все звонки и сообщения во вновь образованный отдел. Затем в городе были жёстко прикрыты все известные по милицейской картотеке наркопритоны и самогонные точки. После чего такие же люди с оружием прошли по всем значным местам – кафе, ресторанам, пивнякам, крупным магазинам, – оставили там свои визитные карточки и попросили в случае любых нарушений порядка звонить по указанным там телефонам, пообещав реагировать на звонки незамедлительно. И в самом деле, работали оперативно. Нарушители задерживались и доставлялись в штаб. Не помогали ни угрозы, ни посулы, ни попытки откупиться. Все ночевали в штабе, а утром представляли пред ясны очи коменданта, который единолично творил суд и расправу. Суд был скорым, приговоры не отличались разнообразием – пять суток общественно-полезных работ. В эту категорию работ входило всё: рытьё окопов, подметание улиц,

уборка помещений в штабе, да и мало ли что ещё могло понадобиться. И это действовало – попробуй порыть окопы под обстрелами хотя бы день, больше не захочешь. И это было справедливо – каждый, каким бы статусом он ни обладал, отвечал сполна за свои проступки. И так было нужно. Как ни крути, а политика, не подтвержденная хорошей полицейской службой, – это миф. И по каждому случаю задержания обязательно поднимались реестры. И если обнаруживалось, что кто-либо задержан не впервые, к нему уже было другое отношение, да и срок работ ему давался побольше. Вот потому-то в городе, несмотря на тяжелейшее осадное положение, было спокойно. До того спокойно, что юные девицы не боялись гулять в одиночку по ночам. И что за этим стояло? Постоянная готовность военной полиции выехать в любую точку города и кропотливая учётная работа штабных. Рутинная.

Сводка была составлена быстро и вовремя – к приезду коменданта в штаб. Пока Шериф отчитывался перед комендантом, Андрей успел втихомолку покурить в открытое окошко. Хотя курение в штабе и было запрещено, Андрей предпочитал не бегать лишний раз с четвёртого этажа на улицу и обратно. Это был единственный запрет, который он нарушал. Запрет на употребление алкоголя он соблюдал свято с тех пор, как однажды на его глазах комендант на подворье перед входом в штаб подошёл к ополченцу и спросил:

– Ты почему нетрезв? – и, не слушая оправданий, добавил: – Немедленно сдай оружие и иди под арест, завтра будем с тобой разбираться.

Боец попытался было возразить. Напрасно он это сделал, ибо тут же получил хлёсткий удар по печени, а автомат его словно сам собой оказался в руках коменданта. После чего Якут так же негромко приказал:

– Бегом в кутузку – и до утра. Сам, добровольно. Если я отведу – хуже будет.

Боец взглянул коменданту в глаза, и увидел в них такое, что у него моментально опустились руки. Он произнёс: «Понял», – развернулся и отправился под арест. Добровольно, как и было приказано.

Андрей это увидел, услышал и взял на заметку. С тех пор у него даже в помыслах не было выпить на рабочем месте или прийти с утра с запахом перегара. На войне не злоупотребляют.

Перекурив, Андрей вернулся за стол к компьютеру – и совершенно вовремя. У дверей в кабинет уже стояли освобождённые, и Андрею нужно было поставить в электронном реестре отметки об освобождении и вернуть каждому изъятые при задержании личные вещи. Все – начиная от сигарет и зажигалок, заканчивая деньгами, документами и ключами от машины. Рутинная...

Можно было бы сказать: зачем эту рутину описывать? Кому это интересно? Но только те, кто не видел этой рутинной, смеют заявлять, что ополчение грабит простых людей, «отжимает» (словечко-то какое подленькое придумали) у них машины, квартиры, бизнес и всё на свете. Конечно, этим товарищам из Киева виднее, что на Донбассе происходит. Они всё знают. А Андрей видел, видел ежедневно, как всё изъятое возвращается владельцам. Он прекрасно знал, что те же машины могут использоваться на нужды ополчения в то время, как их хозяева, задержанные пьяными за рулём, проходят трудотерапию. Но на момент освобождения их машины стоят на пяточке возле штаба, заправленные, целые и невредимые, и ждут своих хозяев. И это справедливо. И об этом нужно говорить. Имеющий уши да услышит. Хотя кроме ушей нужно иметь ещё и желание услышать, а оно есть не у каждого.

Покончив с преступным прошлым освобождённых, Андрей поднялся и таки вышел покурить на улицу – не столько соблюдая запрет на курение, сколько потому, что возле входа в штаб в любое время дня был горячий чай. Для всех. А это стимул.

На подворье его увидел комендант, подозвал к себе и спросил:

– Штатский, ты почему так легко одет?

Действительно, на улице сегодня было не жарко, дул довольно сильный ветер, а Андрей спронежился выскочил из дома в одной лишь лёгкой футболке, а когда понял, что одет не по погоде, попросту не стал возвращаться. Ни слова не говоря, он молча развёл руками.

– Простудиться хочешь? – ехидно поинтересовался комендант. – А оно тебе надо?

– Да как сказать... – вздохнул Андрей.

– Никак не сказать, – последовал ответ. – Оно мне не надо. Вы все нужны мне живыми и по возможности здоровыми.

С этими словами комендант снял со своих плеч куртку, набросил её на плечи Андрея и сказал:

– Сегодня ходи в моей куртке, а завтра чтоб я видел тебя нормально одетым. Понял?

– Так точно, – ответил Андрей, вспомнив армейский устав.

– Свободен. Занимайся делами.

Андрей был даже не впечатлён – он был просто ошарашен. Таких командиров, так заботящихся о своих подчинённых, он никогда ещё не встречал. На службе в армии таких не было. Впрочем, армейскую службу Андрея можно было назвать весьма условно – стройбат. И командиры там были соответствующие. Но всё же... Сегодня Андрей увидел совершенно новую схему взаимоотношений. Это было что-то из будущего. Это нужно было хорошо обдумать и осмыслить.

С этими раздумьями Андрей поднялся к себе наверх, где его уже ждали. Заплаканная женщина с двумя маленькими девочками. При виде их Андрей поневоле тяжело вздохнул. Наступила самая невесёлая из всех его обязанностей – приём заявлений от населения. От мирных людей, каким-то образом пострадавших на этой войне.

Это была уже его головная боль. Такая же, как и у Шерифа за арестантов. И непонятно, кому было больнее. Каждый день в штаб приходили люди. В слезах или без слёз, замкнувшиеся в молчании или, наоборот, быстро лепечущие что-то невнятное, каждый со своим горем – с радостью сюда не приходили. Не то место. И всё их горе проходило перед Андреем. Во всей красе. И взахлёб, давась слезами, пришедшие рассказывали ему о своих бедах. Чаще всего о бесследно пропавших людях. И это не удивительно – под прикрытием войны происходит много страшного. Сводятся счёты, припоминаются какие-то обиды, и люди пропадают. Или умирают. Непонятно где, как и за что. Андрей часто попросту не понимал, как пришедшие к нему люди держатся на ногах и откуда у них берутся силы обо всём рассказывать. Потому он всегда держал в столе корвалол и валидол для взрослых и конфеты для детей. Но самым неприятным было просить людей, только что рассказавших ему о своей беде, ещё раз изложить всё это на бумаге. В письменной форме. Он был бы рад этого не делать, но заявления от пострадавших должны быть написаны собственноручно. С личной подписью на каждой странице заявления. Бюрократизм, но ничего не поделаешь. И Андрей, ежедневно пропуская через себя чужое горе, не раз ловил себя на мысли о том, что когда-нибудь ему самому понадобятся корвалол или валидол из ящичка стола. И молил Бога, чтобы это случилось как можно позже. Вот и сейчас он внимательнейшим образом выслушал пришедших, дал им ручку и бумагу, принял от них написанные заявления и проводил до дверей. Заявления сложил в специальную папку. Каждый день ровно в 18:00 он относил всё, собравшееся в этой папке за день, коменданту, а тот, прочитав заявления, ставил на них резолюцию и передавал в отдел военной полиции. Рутина... Глаза бы не видели такую рутину.

Впрочем, хоть и не часто, но случались в этой работе и какие-то радостные нотки – когда решались вопросы, когда находились пропавшие люди, когда потерпевшие, уже с радостными лицами приходили и говорили спасибо. Несли деньги, несли коньяк, несли всё, что угодно. Андрей от всех подношений отказывался, отвечая благодарным людям, что не ради этого они работают, а только ради справедливости. И если сегодня она хоть немного восторжествовала, то для него это высшая награда. И люди уходили со словами благодарности.

Может быть, это и попахивало идеализмом, но Андрей не врал и не лукавил. Здесь просто невозможно было находиться без чувства сотворения справедливости. Когда Андрей это впервые понял, ему стало гораздо легче жить. И это не высокопарные слова. Это правда.

Во время очередного перекура с чаепитием на улице к посту у входа на подворье резко затормозила машина. Изнутри выскочили трое и вытащили на свет Божий ещё двоих. В наручниках. Одного с заднего сиденья, другого из багажника. Их согнули чуть ли не пополам (это называлось «упереть мордой в асфальт») и в такой позе потащили в штаб. Андрей тут же потушил сигарету и отправился было в кабинет, но на пороге его встретил Шериф.

– Штатский, – обратился он к Андрею, разминая кулак. – Погуляй с полчаса. Покури, чаю попей, или пива, чего хочешь. У меня тут беседа приватная намечается.

– С этими двумя орлами?

– Ага. Погуляй, тебе не нужно этого видеть.

А буквально через пару часов, когда Андрей уже успел вернуться, в кабинет вошли – нет, ворвались – сразу три женщины, совсем молодые, и с порога устроили групповой плач на грани истерики.

– Девушки, – растерянно произнёс Андрей, – прекратите этот сиротский вайдос и объясните толком, что произошло.

Толковых объяснений так и не последовало. Сквозь рыдания пробивались слова «арестовали», «увезли» и прочие, родственные по смыслу, но кого арестовали, куда увезли, разобраться в их речах было невозможно. И когда у Андрея всё начало путаться в голове, он решился на неординарный поступок – выглянув в коридор, попросил стоявшего там дневального:

– Кацо, сходи позови Якута. Похоже, без него здесь не разобраться. Слышишь, да? Вой какой стоит сплошной...

Комендант был человеком занятым, и его предпочитали лишний раз не беспокоить. У него могли быть более неотложные дела, но он пришёл. И понял ситуацию с порога.

Уточнив фамилии посетительниц, он кивнул головой и спросил Андрея:

– Посмотри – в реестре эти фамилии есть?

– Так точно, – ответил Андрей, бросив взгляд на монитор.

– Причина задержания?

– Шериф сказал, нарушение порядка.

– Понятно, – вздохнул комендант. – Это он мягко выразился...

После этих слов он обратился к женщинам:

– А теперь все замолчали и дружно слушаем меня. Ваши мужья задержаны за саботаж. – И Андрею: – Поправь причину задержания в реестре. – И, тщательно подбирая наиболее приличные слова, поскольку не любил матерной брани, тем более при женщинах, продолжил: – Так вот, в военное время за это мороженым не кормят. Если вы не в курсе, то могу объяснить: под вашим посёлком наша разведка обнаружила танки. Понимаете? Мы ждём оттуда танковую атаку. Ждём в любой момент. Именно поэтому было решено на мосту через речку поставить блокпост. А как иначе? Пропустить танки в город? Спасибо, это уже было. Потом выгоняли. С кровью. Так что лучше их задерживать на подступах к городу. А ваши умные мужья испугались того, что танки начнут стрелять и дома ваши разрушат. И кинулись блокпост разбирать. От большого ума, как я понимаю. Можно подумать, что не будь на мосту блокпоста, танки бы не стреляли... Там дорога узкая, а танку дорога не нужна, они просто проехали бы сквозь ваши дома, и не было бы там ни домов ваших, ни огородов, ни вас самих! Неужели непонятно? И что теперь? Арестовали, говорите? Да, я был вынужден отдать приказ утихомирить ваших мужиков, а в случае открытого неповиновения задержать. Именно задержать, хотя по законам военного времени имел полное право приказать открыть огонь на поражение, и никто бы мне не возразил, и никто бы меня за это не осудил. Потому что это саботаж. Понятно вам? И вы сейчас плакали бы не здесь, передо мной, а дома. Над гробами. Но мне не нужны лишние гробы, тем более, гробы мирных жителей. Я сам здешний, я родился и вырос в этом городе, я отсюда ушёл в военное училище, и я категорически не хочу убивать своих земляков. Поэтому они и сидят здесь. Чтоб неподвадно было. Ну что вы опять заревели? Хрен с вами, я не изверг, я их отпущу, но отпущу под вашу ответственность. Хотите, чтоб ваши мужья были живы и здоровы, – сделайте так, чтоб они ни во что больше не влезали. Хоть привязывайте их, хоть под юбку к себе прячьте. – И, опять обернувшись к Андрею, добавил: – Сделай в реестре против их фамилий особую пометку. И если они попадут к нам ещё раз, то не бегайте, не плачьте и не просите: будут под любым огнём рыть окопы бессрочно. До полной нашей победы.

– Господи... – вздохнула одна из женщин. – Будет ли она – полная победа?

– Обязательно будет, – ответил комендант. – Я вам обещаю.

Андрею повезло: он увидел своими глазами, как в военное время, невзирая ни на что, творятся справедливость и милосердие. Не каждому дано это увидеть, и тем более не каждый способен это прочувствовать.

Вот так, среди обычных рутинных дел, потихонечку подкрался и конец дня. Андрей уже подготовил и распечатал дневную сводку, открыл окно и с удовольствием закурил. Шериф тоже поднялся из-за своего стола.

– Пойду-ка я сегодня пораньше, – сказал он Андрею. – Семью собирать надо.

Куда собирать, зачем собирать – в уточнениях не нуждалось. Уже несколько дней возле входа висело объявление о том, что готовятся в отправке автобусы для эвакуации семей ополченцев. Людей должны были вывезти в Крым. Через Ростов, Краснодар – и на пароме через Керченский пролив. Дорога получалась очень длинная, автобус делал невероятный крюк, но все знали, что этот маршрут безопасен, а как известно – самая короткая дорога та, которую знаешь.

– Отправляешь своих?

– Конечно. У меня же трое детей. Не здесь же их оставлять, под снарядами.

– Хорошо тебе. Есть кого отправить.

– А у тебя?

– А я в разводе.

– Один живёшь?

– С мамой.

– А маму почему не отправишь?

– А мама в одной эвакуации уже была. В Великую Отечественную. И ей хватило. Так что она категорически заявила мне, что не бросит ни дом, ни кота. Спорить с ней бесполезно.

– У тебя ещё и кот?

– Что ты! Красавчик!

Шериф ушёл, а Андрей, как и положено, ровно в 18:00 положил на стол коменданта урожай сегодняшнего горя – папку с накопившимися за день заявлениями, вернул ему позаимствованную на день куртку и уже было распрощался, но вдруг за окнами громыхнул сильный взрыв. Такой, что в окнах мелко задребезжали стёкла.

– Что-то рано сегодня, – заметил комендант, посмотрев на часы.

– Даже удивительно, – согласился с ним Андрей. – Обычно позже начинается. Часа на три позже. И на всю ночь.

– Домой как добираться будешь?

– Как всегда. Пешком, если никто не подвезёт.

– С разведкой поедешь. Они в твою сторону сегодня направляются.

Тут же раздался телефонный звонок. Комендант снял трубку, молча выслушал говорившего, ответил ему: «Добро, конец связи», – после чего сказал Андрею:

– Какие скоты. В магазин попали. Спасибо, что закрыт магазин был. А будь там люди – сколько трупов было бы?

Андрей увидел в глазах коменданта боль и недоумение.

– А им-то что... – заметил он в ответ. – Мочись в глаза, скажут, что Божья роса. А потом будут орать, что ополченцы в очередной раз сами себя обстреляли. По их просвещённому мнению, у нас ежедневно проходят утренний и вечерний самообстрелы. Весь интернет загадили...

– Ну а что ты хочешь, – ответил комендант. – Это информационная война. Не менее тяжёлая и важная, чем позиционная. Кстати, вот тебе и ещё одно поручение. Каждый день выходи в соцсети и пиши о том, что у нас происходит в действительности. Это важно. Это нужно. Займись.

– Да я уж занялся на днях... Было дело.

– А что за дело?

Андрей ответил, стараясь избегать бранных слов:

– Да нашёлся один... орёл, скажем так, который заявлял, якобы со ссылкой на местные источники, что наш штаб находится не там, где он находится, а на первом этаже детского дома. На втором, соответственно, живут дети, и таким образом, мы здесь прикрываемся детьми от обстрелов. Пришлось ему ответить.

– И что же ты ему ответил? – живо заинтересовался комендант.

– Ну как тебе сказать помягче, чтоб особо не ругаться... Если не учитывать непристойные выражения, характеризующие моральный облик его родителей и его совершенно нетрадиционную сексуальную ориентацию, то в сухом остатке я сожалел о личном знакомстве с ним, разрывал это знакомство и обещал, что при первой же встрече – а она состоится непременно! – вместо того, чтобы пожать ему руку, я набью ему лицо. Собственноручно. И обосновывал это тем, что мне здесь, на месте, виднее, где находится наш штаб ополчения, нежели ему из Москвы.

– Из Москвы?

– Увы, и там козлов достаточно.

– Это точно...

В коридоре послышались шаги.

– А вот и разведка, – заметил комендант, вскочил с места, открыл дверь кабинета и крикнул в коридор: – Ребята, возьмите Штатского с собой! Как раз мимо его дома проезжать будете, заодно и подвезёте.

Андрей молча пожал коменданту руку и вышел из кабинета.

Минут через двадцать Андрей уже вышел из машины возле своего дома. Домой ему сразу не хотелось – он чувствовал себя невероятно уставшим. Не от физической работы, нет, моральная усталость гораздо хуже, и от неё так просто не избавиться. Отдых и сон здесь малоэффективны, приходится прибегать к испытанному дедовскому средству – алкоголю, при этом отдавая себе отчёт в том, что завтра утром ты должен быть на месте, абсолютно здравомыслящим и без малейшего запаха перегара. И вся сегодняшняя рутина вновь повторится. И то же будет и послезавтра, и потом, и выходных он не увидит очень долго. До полной победы.

Пройдя мимо своего подъезда, Андрей прошёл ещё метров пятьдесят к ближайшему пивняку и дошёл до стоявших на улице столиков, за которыми завсегдатаи пили пиво и по звукам недалёких разрывов довольно точно определяли, куда именно упал снаряд – на заводы, на посёлки, или ближе к центру. Ни у кого из них и в мыслях не было устраивать панику и бежать в какое-то укрытие. Ни к чему. Они привыкли.

– Здравствуй, Андрюша! – радушно сказали ему. – Заходи, попей пивка.

– Зайду, – отозвался Андрей. – Но ненадолго.

– А что так?

– До Светы дойду.

Светой звали хозяйку питейного заведения, до которого нужно было пройти ещё метров тридцать. У неё в продаже была водка, потому Андрей, опрокинув в себя кружку пива, поднялся и направился туда – известно, что пивом голову не обманешь. После штабной повседневной рутины ему была просто необходима нервная разрядка. Хотя бы такая.

Заведение Светы, как всегда, было открыто, а сама хозяйка, завидев Андрея, воскликнула:

– Андрюшенька, заходи, дорогой! Выпить водочки пришёл?

– Водочки выпить, точно. И отдохнуть немного.

– Так садись за столик, отдыхай! Я тебе сейчас всё принесу – и выпить, и поесть.

– Спасибо, Света. У тебя здесь хорошо. Уютно. И я заметил – ты никогда не закрываешься раньше времени.

– А зачем мне раньше закрываться? Обстрелы? Да наплевать мне на них. Если снаряд сюда прилетит, так мне всё равно, где меня убьёт, на улице или здесь. А если другие под обстрел попадут, так они хотя бы сюда забегут, здесь укрыться смогут. А я им и водочки налью. И мне всё равно, есть у них деньги или нет. Будут живы – придут и отдадут.

Света не лукавила – она так и поступала. Да и не она одна. На этой же улице под любыми обстрелами работали и магазины, и частники – сапожная и часовая мастерские. Все работники тоже привыкли ко всему. Точно так же, как привыкли коммунальщики, ремонтировавшие электросети и водопровод под огнём, как привыкли заводские рабочие, не прекращавшие работать ни на один день, как привыкли все жители этого осаждённого города, каждый из которых ежедневно совершал свой незримый подвиг. А все вместе эти подвиги складывались в один, единый подвиг. Подвиг города-героя. И не считайте это преувеличением.

Дома мама не спала. Увидев не совсем трезвого Андрея, она вздохнула, но никаких претензий по этому поводу не выразила – и так было ясно, что сын невероятно устал и потому позволил себе немного расслабиться

– Сынок, – сказала мама Андрею с порога. – Нам бы с тобой все документы в одно место сложить надо.

– Зачем?

– Как зачем? Ну, а вдруг нас разбомбят? Так хоть документы под рукой будут.

Трудно было с этим не согласиться. Мама, как уже было сказано, помнила ещё Великую Отечественную и хорошо знала, что говорит. Тем более, к документам она всегда относилась с пиететом. Но Андрею, вымотанному всей дневной рутинной, было не до сборов и не до документов. Алкогольную разрядку нужно было подкрепить крепким сном, и чем скорее, тем лучше.

– Мама, – вздохнул Андрей. – Поверь мне, старому дураку: если нас с тобой разбомбят, то наши документы никому и на хрен не будут нужны.

– Что ж, может быть, ты и прав, – согласилась мама после паузы. – Есть будешь?

– Буду.

Наскоро перекусив, Андрей разделся, рухнул в постель, покосился нехорошим взглядом на изобретение садистов – будильник – и минуту спустя уже крепко спал. Звуки обстрела ему не мешали. Он привык. Такая же рутина.

Он спал тяжело, без сновидений. Да и вообще – какие могут быть сны на войне? Самые разнообразные, могут мне ответить. Согласен. Но лучше бы их не видеть. Как и войну.

А назавтра он опять вскочил по будильнику – и всё повторилось. С небольшими вариациями.

Андрей не носил военную форму, не брал в руки оружие и не воевал на передовой. Но он и ему подобные люди делали не менее важное дело, чем бойцы ополчения, вышедшие против карателей с оружием в руках. Ведь именно там, в считанных сотнях метров от окопов, люди героически пытались воплотить в жизнь мечту Томмазо Кампанеллы – Город Солнца. Город справедливости. Конечно же, вокруг было достаточно грязи и крови – даже с избытком. В этой грязи невозможно не запачкаться. Конечно же, они и сами были не ангелами – на войне ангелов не бывает. Но по крайней мере, они попытались. Может быть, что-то у них плохо получалось, может быть, они в чём-то и ошибались, но у них не было времени на повторную попытку – они строили свою жизнь сразу набело.

А сейчас этот город находится под оккупацией. Так случилось, что ополчение было вынуждено отступить. Пришли каратели. Город Солнца был разрушен, не успев до конца достроиться. Но очень хотелось бы туда вернуться и довести начатое до конца. И я на это надеюсь.

ЕВГЕНИЙ ЛЕСИН

МАРГАРИТА АЛЬ

– Евгений Эдуардович, где вы больше выражаете свой поэтический темперамент – в блестящих иронических текстах или в газете?

ЕВГЕНИЙ ЛЕСИН

– Ну, какой там темперамент. Нет у меня никакого темперамента, тем более поэтического. И никогда не было. Так, сочиняю время от времени. Что до выражения «блестящие иронические тексты» – то оно, конечно, не про меня. Ленин писал блестящие иронические тексты, Троцкий. Добролюбов. Василий Курочкин, Пётр Шумахер, Саша Чёрный. Аркадий Бухов и Влас Дорошевич. Галич, Емелин, Игорь Северянин, Иртеньев, Лукомников. Александр Павлович Тимофеевский, да мало ли.

Хотя за комплимент – пусть и незаслуженный – мерси.

Что до «поэтического темперамента», то, в общем, конечно, логичнее выражать его именно в стихах, а не в газете. В газете я ведь пишу и редактирую статьи о книгах. Как, кстати, и все до одного мои коллеги. Они пишут и редактируют статьи о книгах, являясь одновременно действующими поэтами и прозаиками. Другое дело, что если я, допустим, вежливо разговариваю с опасным сумасшедшим – значит, я скорее всего в данный момент газетчик, редактор и журналист. А если валяюсь в канаве или лезу в драку с интеллигентным и умным человеком, обзывая его или ее обидными прозвищами (то есть сам являюсь опасным сумасшедшим) – значит, я скорее всего в данный момент «поэт».

* * *

Мы пришли из похода, а тут снегопад.
Занесло златоглавую снегом.
Будто город слегка издевается над
Неудавшимся нашим побегом.

Вроде в сердце растрava, и в чуме чума,
И столица шипит чебуреком.
Так откуда же, право, такая зима?
Разминулись мы, видимо, с веком.

* * *

Собирались как-то жулики и воры.
Обсуждали свои славные победы.
Мародеры, мародеры, мародеры.
Людоеды, людоеды, людоеды.

Говорили о величии державы.
Называли своим именем аллеи.
Волкодавы, волкодавы, волкодавы.
Бармалеи, бармалеи, бармалеи.

Ну, а вы пришли угрюмые с работы.
И смотрите в телевизоре на блики.
Идиоты, идиоты, идиоты.
Горемыки, горемыки, горемыки.

Проклинаете последнее плацебо.
И все машете корявыми руками.

Только небо, только небо, только небо.
С облаками, с облаками, с облакам.

* * *

Писатель сидит на скамейке
И пишет свою чепуху.
На кухне жена в телогрейке
Любовнику варит уху.
Писатель мечтает о малом.
Жена его бьёт каждый день.
И кормит любовника салом.
И телом, такая вот хрень.

Писатель идёт по аллее
И птички летают вокруг.
Кричала жена: поскорее
Подохни ты, горе-супруг.

Писатель умрет под забором.
И сразу пойдет торжество:
Достанется все мародерам,
Которые грызли его.

Наследнички лают о славе.
И морды у них кирпичом.
Все знают об авторском праве,
Лишь автор опять ни при чём.

Евгений
Лесин

Андрей
Щербак-Жуков

Ольга
Рычкова

Елена
Семенова

Вячеслав
Харченко

АНДРЕЙ ЩЕРБАК-ЖУКОВ

МАРГАРИТА АЛЬ

– Андрей Викторович, вам как поэту, помогает или мешает работа в газете?

АНДРЕЙ ЩЕРБАК-ЖУКОВ

– Ну, уж не мешает точно. А помогает ли?.. Ответ: и да, и нет. Да, потому что, признаюсь, начав работать в «Экслибрисе», я стал больше писать стихов. Потому что для меня, как автора, очень важна среда. Когда я активно дружил с фантастами, писал фантастику. А сейчас многие рифмы, образы, темы, возникающие в мои стихах, оказываются навеянными нашими беседами в редакции. В первую очередь, конечно, с Евгением Лесиним. С ним мы не просто дружим, а работаем бок о бок уже больше 16 лет. Мы познакомились в конце 99-го, работали тогда в «Книжном обозрении». Мы иногда хором шутим – то есть одновременно, не сговариваясь, произносим какой-то каламбур. Источниками вдохновения служат и Елена Семёнова, и Ольга Рычкова, и Алиса Ганиева, хоть она стихов и не пишет, а пишет прозу... Да и сотрудники всей «Независимой газеты», от охранников и до самого высокого руководства, вызывают мою глубокую симпатию... Мне невероятно повезло – я работаю с замечательными, талантливыми людьми, я рад каждой встрече с ними...

А нет, потому что, конечно, для меня и моего творчества первичны люди, с которыми я работаю, а не сама работа. Другое дело, что, вероятнее всего, таких людей в офисе по страхованию автомобилей я вряд ли бы нашёл... Да и в какой-нибудь «жёлтой» газетёнке, пожалуй, тоже. Я рад людям, с которыми работаю, а это, вероятно, возможно только в такой газете, как наша... Ну, как тут не писать стихи?

ПЛАЧ КРОКОДИЛА

Кто знал, что будет крокодилом?
Кто знал, что станет страшным львом?
Что будет жить, зарывшись илом
Иль с дерева смотреть кругом?

Или, как слон, трубить в саванне?
Как носорог, пугать народ?
Иль в грудь стучать по-обезьяньи?
Иль тину мять, как бегемот?

Кто знал, что станет страшным зверем?
Приобретёт зубов оскал...
И я не знал, я не верил...
А ты скажи, ты сам-то знал?

ГРУСТЬ-ПЕЧАЛЬ

*Ольге Сувчинской
в благодарность за рифму*

«Грусть-печаль!» – сказал сурок,
Он устал и весь продрог.
«Грусть-печаль!» – сказал байбак, –
«Мир – бардак, и всё не так».
«Грусть-печаль!» – сказал тушкан, –
«Что любовь? Любовь – обман!»
Им бы водку пить по норам,
Но они сказали хором:

«Рассмеши меня шиншилла!»
И шиншилла – рассмешила!

ГЛАГОЛ «КИНКАЖУ»

Я хожу, я брожу,
Целый день шатаюсь где-то –
Я тебя кинкажу, ...
Только, видно, без ответа.
Покажи миражи,
Я прошу, крича и плача,
Ты меня покинкажи,
Может, будет нам удача.
Будет бою отбой,
Шашлыки, глоткиИ-боржомы –
Будем вместе с тобой,
Будем оба кинкажомы.

КОЗЛИК/ЕДИНОРОГ

Вдоль просёлочной дороги
Ходит козлик однорогий,
Взгляд его предельно строг –
Будто он единорог.
Смотрит вправо, смотрит влево –
Взглядом строгим ищет деву.
Ноздри вширь, по холке дрожь...
Только ж деву ж где ж найдешь!

ОЛЬГА РЫЧКОВА

МАРГАРИТА АЛЬ

– Ольга Александровна, вы поэт, но вы и редактор, а значит активный читатель; а у каждого читателя есть свои пристрастия, предпочтения; как вам удаётся соблюсти нейтралитет и если да, то насколько удаётся?

ОЛЬГА РЫЧКОВА

– Пристрастия, конечно, есть, и, прежде всего, как у читателя: чтобы написать на книгу рецензию, надо, по идее, её прочесть. Или хотя бы пролистать. Правда, на Высших литературных курсах нам говорили, что истинный профессионализм литкритика – написать о книге, не заглядывая под обложку...

За годы работы рецензентом, редактором, экспертом на литпремиях приходилось оценивать произведения самых разных направлений, и оставаться просто читателем («вот это мне близко, а это нет»), конечно, невозможно. Главный критерий – талантливость книги, а не направление, к которому тяготеет её автор. Иногда встречаются вещи, радующие одновременно меня-критика и меня-читателя. В прозе за последнее десятилетие появилось две таких книги – «Эдип царь» Юрия Волкова (она, к сожалению, прошла малозамеченной, хотя и попала в шорт-лист первого сезона премии «Большая книга») и «Лавр» Евгения Водолазкина. В поэзии ценю Ивана Жданова и Светлану Кекову.

КАЖДЫЙ ОХОТНИК

Каждый охотник
имеет ружьё,
пёсика Джека,
четыре жены
и речку, в которой
стирать бельё
с одной стороны –
и с другой стороны.

Каждый охотник
имеет нож –
Джека верней
и острей стекла.
Им пополам
рассекает дождь
и в лезвия смотрит,
как в зеркала.

Каждый охотник,
прикрыв глаза
и погружаясь
в пучины сна,
желает знать:
а) где сидит фазан,
и б) с кем изменит
вторая жена.

Каждый захочет
умом постичь,
слушая песню
«Шумел камыш»,
кто ты – охотник,
собака, дичь?
И на какой
стороне стоишь?

ЛОГИКА ВЕЩЕЙ

Сегодня стол стоять устал
В позиции «Замри!»
Он на четыре лапы встал
И подошёл к двери.

Совсем тихонечко нажал
И – на тебе! – открыл.
Стремглав по лестнице сбежал,
Не трогая перил.

Он в мир вбежал, как в общий двор –
Огромный и ничей,
Нарушив тайный уговор
О логике вещей.

И понял мир, что вдруг устал
На трёх китах лежать.
Он на четыре лапы встал...
Куда ему бежать?

* * *

Деревья вырастают в корабли.
Их ждут пираты, рифы и муссоны.
Их ждут немолодые Робинзоны,
Забывшие в синеющей дали.

Когда молчит усталый океан,
Когда и счет потерян календарный,
На горизонте парус легендарный –
Смятенный призрак, зрительный обман –

Растёт и тает в зеркале игры...
И Робинзоны спят и не услышат,
О чём шумят под общей звёздной крышей
Тугие корабельные боры...

ЕЛЕНА СЕМЁНОВА

МАРГАРИТА АЛЬ

– Елена Владимировна, есть ли у вас свои пристрастия как у журналиста, отдаете ли вы предпочтение тому или иному литературному направлению, тем или иным авторам или стараетесь соблюдать нейтралитет или говоря модным языком, равноудалённость? И, если да, то насколько удается?

ЕЛЕНА СЕМЁНОВА

– Наверное, профессия журналиста подразумевает «нейтралитет», «равноудалённость». Или ещё это можно называть, скажем, «профессиональный дилетантизм». Но можно так и не называть. Зачем обижать себя и коллег? Можно сказать – о, да, мы должны хладнокровно анализировать литературную жизнь Москвы. Это, конечно, правильно, но это – очень скучно. Скучно без ошибок, скучно без страстей и предпочтений, без веселья и литературных хулиганств. Поэтому я, как и многие, им, безусловно, подвержена. В последнее время всё больше засасывает современная поэзия и поэтическая жизнь во всех её проявлениях – от участия в вечерах и написания репортажей до организации своих чтений, фестивалей. При этом, количество талантливых (не говорю гениальных, это слово не для настоящего времени) поэтов в самых разных стилях сегодня настолько зашкаливает, что при освещении их вечеров и при публикации их стихов как раз необходимо соблюдать эту пресловутую «равноудалённость». Или, лучше сказать – «равновесие». Как на канате. Не потому что – ай, не обидеть бы кого, а потому что хочется дать густой наваристый «ландшафт» поэтической местности. Насколько это удаётся? Наверно, стоит спросить наших читателей.

ИВАН МОРДОЛИЦ

Проходит по небу Иван Мордолиц –
Идёт не спеша, не ступая на птиц.
Идёт в старых тапках, пижаме рябой,
И видит он множество лун пред собой.
Иван Мордолиц чинит их долотом,
И звёздочки поглубже вбивает притом.
Он пилит созвездья, вопрежь в неба круть,
И стружкой сыплет на нас Млечный путь.
Да, сложит в авоську всеильный Иван
И Альфацентавру, и Альдебаран.
Но кой-что не ладится – вечный бардак,
Светило на место не вштырит никак.
Ревет непотребно – «Ах, матьгитить!
Ну, как же мне лампочку Солнца вкрутить!»

ПТИЦА

Женщина – некрасивая, тонкая, слабая птица –
Шеей, крыльями помавает, вздрагивает в тишине.
Весь её облик как бы торопиться извиниться
За то, что она есть – во сне и наяву, внутри и вовне.
Женщина – трепетной, гордой, неуклюжею крачкой
Медленно, смешно ковыляет, подминая крыло,
Кажется, что время нерадивою толстою прачкой
Выстирало ее, выжало, высушило, выбросилО.
Женщина – внезапная, путаная, противоречивая
С просвечивающим на щёчке лебяжьим пушком,
Вдруг – заливается песней щемящей кручины
В горнице детскому Богу в доверчивое ушко.

ШЕФ

Каждая морщинка – нежности тычинка.
Каждая морщинка – строгости февраль.
Мы с тобой примерим с козырьками нимбы
И взглянемся в смутно знаемую даль.

И поэт-бомжара, шеф Земного шара,
Густотой морщинок нас легко забудёт.
На немых космах – со снежком тиара
И – расспросы ветра, и – бессмертья лед.

ГЕРОЙ ВНЕ ВРЕМЕНИ

А в глазах твоих забытых
Перекошенных и мокрых
Словно дождь буравит сито
И язвится скользкий потрох.
В них, как будто в трудных родах
Всё некстати и невпродых –
Вырастает столп проклятий
И искрит на электродах.
Кто же ты, о, смерд текучий,
Раб замшелый и ледащий,
Впопыхах, на злом и жгучем
В тоне бреда говорящий?
Кто же ты, червём во гробе
В застарелой жесткой робе,
Весь в коросте и мольбе?
Да поэт ты Божьей дланью!
И познав твои камлания,
На могучем изрыганья,
Не сумею явно, втайне
И в онлайн, и оффлайн
За делами, за трудами
Я не помню о тебе.

ВЯЧЕСЛАВ ХАРЧЕНКО

ЛИКА

– Слушай, а можно определить, я девочка ещё или уже нет? – спросила Лика и виновато посмотрела на меня, словно я собачник и собираюсь засунуть ее в клетку и увезти на живодёрню.

Я аж подпрыгнула на кухонном уголке, и сигарета чуть не выпала у меня изо рта. Когда Ликины родители уходили, то она разрешала мне курить на кухне, открыв окно. Вообще Лика – это самая зачуханная девица на нашем курсе, как бы сказала моя мама «синий чулок». Ей семнадцать лет, а она ходит с косичками в шерстяной перхотной раздутой кофте, в чулках советских, бабушкиных, в юбке брезентовой до икр, в дедушкиных роговых очках, в стоптанных, почти деревянных сандалиях. Кто мог позариться на такое добро?

Правда, она всегда лучше всех училась, школу закончила с медалью, потом французский лицей на отлично, теперь со мной в институте лингвистики, первый гуманитарий. Вечно при родителях, взаперти. Всегда мечтала уехать в Париж, только никому об этом не говорила, только мне. Я вообще не знаю, зачем с ней вожусь.

– Что случилось, Лик? – выдуваю дым в окно, Лику от табака подташнивает.

– Понимаешь, он меня по-французски спросил, как пройти к Лиговке, а я же впервые услышала французский от иностранца, так обрадовалась, так перепугалась, потом заговорила, а он завёл в подъезд и принаклонил, а потом ушел.

– Он хоть телефон оставил??

– Вот, – на темной визитной карточке золотом было написано Мубумба аль Сахили.

– Негр, что ли?

– Араб, кажется.

– Ну, ты даёшь.

Отправила к гинекологу и забыла. Это у Лики я лучшая подруга, а меня этих лик видимо-невидимо. Потом услышала краем уха, что она вышла замуж и уехала за границу.

А через двадцать лет отдыхала я в Марокко, купалась, а тут катили в автобусе с группой и попросили зайти в обычный квартал, вышли на улицу: пылица, грязница, детишки голые с собаками бегают, апельсины с деревьев попадали и в канаве валяются. Я отошла в сторонку покурить, а тут вижу на меня мешок в парандже накидывается и давай обнимать и целовать, я в страхе отбиваюсь, а мешок с французским акцентом:

– Я Лика, Лика Смородская, помнишь Викочка, – Лика с трудом подбирала русские слова.

– Господи, Смородская, лицо-то покажи.

– Не могу. Как ты Викочка?

– Нормально, при МИДе. Объездила весь мир. Европа, Штаты, Латинская Америка. Вот и к вам занесло. Ты как?

– Нормально, старшая жена, хозяйство, козы, ислам приняла, за стол, правда, с мужчинами не сядешь, младшие жены называют Наташкой за глаза, вечером приляжешь у океана и ревешь. А семья у тебя есть, Вика?

– Третий брак, от первого девочка, сейчас во французском интернате учится, за ней папашка присматривает.

– А у меня, представляешь, Вика, восемнадцать детей.

– Сколько?

– Восемнадцать. Здесь каждый год беременеют. Так принято.

Тут автобус загудел, русские туристы потянулись на свои места, смешно толкаясь и переругиваясь. Я обняла Смородскую и сквозь толстую ткань (мне показалось) увидела её глаза, голубые и гордые, немного мокрые. Я залезла в автобус и помахала ей из окна, рядом сидящий господин в клетчатом пиджаке и белой панамке спросил меня:

– Кто это?

– Настоящая русская женщина.

ИОСИК

Я прожил с ней пятьдесят два года, вырастил двоих детей, воспитал внуков, но ни на одно мгновение не мог поверить, что я являюсь её мужем. Мы так неожиданно познакомились в Праге, мы так стремительно, никого не предупредив, поженились, что когда я утром проснулся, повернулся в её сторону, посмотрел на своё кольцо, на её волшебное удивительное лицо, тонкую белую кожу, на бархатные волосики на тонюсенькой ручке, то никак не мог поверить, что именно она, Света, и есть моя жена, что вот эта женщина, молодая и необычайно красивая, решила разделить жизнь со мной.

И вот мне постоянно казалось, что если и есть у неё ко мне чувства, то какие-то они неправильные или не те, чем должны быть, но, самое смешное, я сам не знал, что значит «те чувства» или «не те чувства».

Поэтому страхи, всю нашу совместную жизнь не оставляли меня, словно я вечный восемнадцатилетний любовник, а не законный муж. Мне казалось, что все это какая-то случайность, надуманное происшествие,

необыкновенная незаслуженная удача, выигрыш в покер, победа на бегах, и я боялся, что в один день Света очнется от наваждения, откроет свои широкие голубые глаза, посмотрит в зеркало и скажет: «Господи, что это со мной происходит». И мне думалось, что надо как можно дольше держать её в этом мороке, в этом наваждении, хотя я сам и не знал, каков морок, и как надо создавать наваждение.

Я пытался быть мужественнее, категоричнее и настойчивее, но когда заметил, что это не производит на неё никакого эффекта, стал ещё более сомневаться и страдать и ревновать её к воображаемым соперникам, и, чем меньше у меня было на то оснований, тем больше и больше я ревновал и, как ни странно, после рождения ребенка ревность моя только усилилась.

Иногда я сидел на кухне, пил пиво, смотрел футбол, глядел на играющего на паласе Иосика и думал: «Кто эта женщина рядом со мной, что она думает, что чувствует, чем дышит».

И хотя я понимал, что она мать моего ребёнка, и что я люблю Иосифа и Свету больше самого себя, но мне почему-то казалось, что вот сейчас в замке загремят ключи, в квартиру войдёт настоящий муж, писанный красавец, богач и сердцеед, возьмёт меня за шкуру, выкинет на улицу вместе с футболом, пивом и солёными орешками, громко хлопнет дверью и радостно и громоподобно рассмеется.

А потом родилась Соня, и у нас уже было два ребёнка, но я все равно не верил, что всё это происходит со мной.

Кто-то положил руку мне на плечо, оборачиваюсь. Стоит седая, прижатая к полу медсестра:

– Яков Семёнович, такое горе, Ваша жена умерла.

Я вздрагиваю:

– Какая жена?

– Ваша жена, Светлана Григорьевна.

– У меня никогда не было жены.

РЕСТОРАН

Мы сидели в ресторане плавучем за столиком. Я был один, даже не знаю, что меня сюда занесло, просто шёл вечером по набережной, гляжу, кораблик отходит, места есть, вот и впрыгнул, оказалось дорого, но выскакать было уже поздно. Как ногу оторвал, так и отошёл кораблик и заскользил вдоль гранитных набережных Москва-реки, возле Киевского вокзала, Новодевичьего монастыря, мимо ЦДХ, мимо огромной синей растяжки Самсунг у Кремля.

Я пошёл к корме и сел рядом с женщиной высокой, стройной, как шест стриптизерши, ни жирилки, брови вверх, удивлённые какие-то, лицо овальное, не славянское, не круглое, европейское скорее, платье до пола. То есть понимаешь, что ноги то красивые, стройные, но ничего не видно и от этого ещё больше засматриваешься. Платье у неё в блесках серебряных. Под лучами крутящейся дискотеки оно сверкало и переливалось от синего – к розовому и обратно.

Мужик же рядом сидел такой стандартный, холёный, джинсы Габбана, мягкие кожаные туфли, пиджак клетчатый ворсистый. То есть такой, с кошельком. Постарше. Да и еда у них была обильная: фуа-гра, салаты, десерт, Асти.

Я всю дорогу просто смотрел на проплывающий пейзаж, на трамплин, на деревца, а они о чём-то оживлённо разговаривали, брали друг у друга фотоаппарат Марк III и фотографировали себя и проплывающие красоты.

Столик у нас был на проходе, и вот смотрю, просачивается какая-то очень, очень фигуристая девица в юбке короткой.

Я, конечно, на неё уставился, и сосед тоже про фотоаппарат забыл и глядит на неё, на ноги, конечно. Обычно смотрит. А женщина его чай с лимоном пила, и вот она видит это и весь чай (горячий!) выплеснула ему в лицо одним резким и красивым движением. Глаза сверкают. Это движение от плеча я надолго запомню.

Чашка с выпуклой белой розочкой вырвалась и упала на пол, но не разбилась, а лимон закатился под стол. Гриша сидит, пикнуть боится. Его Гриша звали, я подслушал. У него с кончика носа капает чай, одна капля застыла и никак не может оторваться, просто набухла и остановилась прямо над кольцом обручальным.

На коленях, нет, выше, чуть-чуть повыше огромное коричневое пятно. И я физически чувствую, как ему сейчас горячо и больно, но Гриша сидит и молчит и ничего не говорит и ничего не пытается сделать.

Вдруг Анжела (это я тоже подслушал) просит его поднять лимонную дольку с пола. Он таращится ей в глаза, боится, наверное, и медленно и осторожно, долго шаря под столом, находит дольку и передаёт Анжеле в её тонкую, точнее, уточнённую, хрупкую ладошку, абсолютно без колечек и ювелирки. «Любовница, наверное», – подумал я.

И вот Анжела так внимательно смотрит на него, а потом берет эту дольку и аккуратно и сосредоточенно засовывает в рот, жуёт тщательно и проглатывает, дольку, поднятую с пола. Потом встаёт, поправляет платье, разглаживает на бедрах, промакивает губы и уплывает в туалет.

Пока она отсутствовала, официанты прибрали пол, Гриша платочком обтёр лицо и штаны свои дорогие, а когда Анжела вернулась, то кораблик уже причалил, и забрал их «Лендровер» дорогой с водителем, а я пошёл пешком до Студенческой. Шёл и насвистывал Чардаш, он в обработке на кораблике играл.

Гостиная журнала ЛиФФт

Германия

ПРОЕКТ «ПЕРГАМСКИЙ АЛТАРЬ»

Художник, режиссер, путешественник. Автор реконструкции фриза Пергамского алтаря, признанного римлянами чудом света.

Андрей
Александр

«Мои фантазии на тему Пергамского алтаря – по духу – дикie цветы, распустившиеся напротив оранжереи садоводов. Мои фантазии – по форме – пантомима и классический балет, формировавшие мое тело и сознание долгие годы»

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДЕР

МАРГАРИТА АЛЬ:

– Александр, как так случилось, что вы стали заниматься проектом реконструкции Пергамского фриза? Вы же не скульптор.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДЕР:

– Да, я – мим, режиссёр. Для меня Пергамский фриз – это высеченная в камне пантомима. Вот я и подумал, кто должен восстановить этот спектакль как не человек, профессионально занимающийся пластикой? Если вы мне покажите отпечаток пятки разрушенной скульптуры, я вам расскажу, как она выглядела. Будет много поз, останется выбрать самую красивую. Это и есть моя профессия.

– *Многие фигуры фриза навсегда потеряны, уничтожены. Что является для вас ориентиром правильности вашей реконструкции?*

– Как только вы решили заняться реконструкцией того, что не существует – это первая ошибка, поскольку вариантов – миллион. Я придумываю позу для фигуры и понимаю – было не так. Единственный ориентир – красота. В балете есть такой закон: правильно – это красиво. Так я и делаю. Не зря говорим – божественно красивый! Божественно красивая... В этом отличие красоты от гениальности. Ученый должен доказать свою теорему. Красота – никому ничего не должна. Красиво – и всё.

– *Стало быть, реконструкция – ваша фантазия?*

– И фантазия – тоже. Фантазировать меня научила улица, где я вырос. Мы играли: кто-то показывает (без слов) сценку, а остальные угадывают в каком фильме это происходит. Так получилось, что вот уже несколько лет я играю в эту игру с античным художником, с которым меня разделяют две тысячи лет. Что он хотел сказать этим «блокбастером», названным греками Гигантомахией?

Гигантомахия – гигантский спектакль о бесконечной борьбе Добра и Зла, Хаоса и Гармонии – о смысле Жизни, которого нам, к сожалению или к счастью, не дано понять.

Чтобы спектакль «Гиганты против Богов» продолжался, мне нужно вернуть героям их лица, тела, вдохнуть жизнь. Некоторым фигурам совсем не повезло: время стёрло их, как резинка стирает карандаш. И никто не знает даже, как они выглядели!

– *Какие вопросы остались у вас после реконструкции? Или вам всё теперь ясно?*

– Не всё. Глядя на 2000 – летний алтарь, я спрашиваю себя: действительно ли тогда, в начале начал, победило Добро? И почему, как утверждает легенда, для победы Богов было необходимо участие простых смертных?

– *Вы много путешествовали по всему миру. Скажите, действительно ли Пергамский фриз так необыкновенен?*

– Ели не считать Аляски и Антарктиды, где я не видел античных произведений, остальной мир заполнен греческим искусством. Там, куда не проникли греки и римляне, не построили свои храмы, крепостные стены, башни, водопровод... Там всё равно стоят копии греческой архитектуры. В джунглях Амазонки, в городе Манаус, в эпоху каучуковой лихорадки был построен оперный театр – с колоннами, арками, куполом, похожим на христианский храм в Константинополе. Но нигде нет такого огромного, такого глубокого по мысли и прекрасного фриза, который был построен в Пергаме.

Моя работа приводила меня в самые далёкие уголки нашей планеты: от Новой Зеландии и Таити до островов Пасхи и Святой Елены. Я могу сказать компетентно: такого нет нигде. Но везде задаются вопросы, сформулированные Гогеном в своем полотне: Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?

– *Что вы скажете зрителям на открытии выставки в Крыму?*

– Говорят, время разрушает искусство. Но если быть честным, нужно признать, что его разрушают люди! Я скажу: давайте объединим усилия и восстановим то, что потерять – преступление. Стоя на берегу Херсонеса, хочется ударить в колокол: люди, очнитесь; пора собирать камни.

PERGAMON

Ветер для греков – квадрига лошадей: Нот, Борей, Зефир, Евр. Нет ничего свободнее ветра. Даже птицы переживают бурю. Наверное, кони-ветры принесли нам этот миф, который так похож на реальность. Но миф дошёл до нас в упрощённом виде, как сказка. Та же сказка, которую рассказывают детям перед сном. Иначе они не поймут. Я расскажу вам эту историю сам и, может быть, вы в конце сможете ответить на один мой вопрос.

Итак, жили-были 12 богов, правящих миром. Были боги сильны и красивы; были боги талантливы, играли на свирелях и кефарах; знали толк в вине, но пили нектар цветов. Были боги злыми, алчными, завистливыми, ревнивыми... Даже не задумывались, насколько справедлива их власть! И так бы длилось вечно... Но вот однажды земля дрогнула и покачнулся Олимп.

Мать-земля Гея в своей утробе взрастила гигантов: огромных, косматых, змееногих чудовищ, чтобы они отомстили за своих старших братьев-Титанов, поверженных олимпийскими богами.

Богиня Зари – Эос – просыпается в глубине моря и, потягиваясь всем телом, медленно поднимает свою руку вверх, и ее длинные розовые пальцы выходят из воды светящимися лучами. Они отражаются в безмятежных изумрудных волнах. Но что-то не так сегодняшним утром!

Едва лучи касаются вершин гор, Олимпийские боги просыпаются от сотрясения земли и понимают: им не суждено в этот день наслаждаться звуками флейт. И даже сознание своего бессмертия не даёт им бывшего наслаждения. Что стоит вечная жизнь для тех, кто теряет навсегда власть!?

Гиганты выползают из расколов земли с диким ревом животных, ломая вековые деревья и превращая их в дубины. Золотой диск Гелиоса-Солнца закрывает облако пыли, поднятое этим стадом, и день превращается в ночь. Зловещей бандой двигаются Гиганты к Олимпу, сметая всё на своём пути. Выворачивая из земли скалы, они швыряют их ввысь, и искры, высекаемые ими, отражаются в круглых, как блюдца, глазах небожителей. В недоумении стоят они перед облаком, поставленным на Олимпе вместо ворот.

Один из гигантов – Иэний – вырывает земную ось и, орудуя ей, как дубиной, откалывает куски от материка, и те, становясь островами, уносятся в море.

Опасаясь, что гиганты сплющат Землю, боги спешат вступить в бой. Всё небо прорезают молнии Зевса. От молний вспыхивает пожар, и становятся отчетливо видны лица Гигантов. Нет, это не банда вандалов. Да, они другие – но их целеустремлённые лица заставляют задуматься: действительно ли гиганты пергамского алтаря символ Хаоса. А может быть, символ справедливого порядка?!

Одну за другой мечет молнии Зевс, однако нет страха в глазах его противника – предводителя гигантов Парфириона, который грозит левой рукой, обернутой в овечьи шкуры, самому Отцу богов, а правой готов запустить в него островом Сицилия, похожим в его кулаке на обыкновенный булыжник. Покровителем искусств, богу Аполлону, явно не до музыки, и он берется за лук. Титева лука была первой струной его арфы. Эта струна звенит пронзительно, будто пронзает плоть. Артемиде, богине охоты, лук – повседневная забава. Только сегодня охотится не она, а на неё.

На помощь олимпийцам спешат другие боги. Трехликая Геката своими шестью руками бьется одновременно мечами, копьями, жжёт огнем, защищая себя только одним щитом. Бог войны Арес, сбивая гигантов с ног, врывается в гущу битвы на своих конях, а его копьё без устали жалит змееногих чудовищ.

Узнав о том, что Аполлон и Артемиде сражаются с врагами, их мать Лето мчится к Олимпу, держа впереди себя пылающий факел. Рядом с ней встает богиня Деметра, два факела в её руках. Верная супруга Зевса, Гера, сжимая в руке копьё, бросается в самую гущу битвы, а запряжённые в квадригу кони, Нот, Борей, Зефир, Эвр, управляемые юной богиней радуги Иридой, летят вслед за ней.

Но не остановило это натиска гигантов, шедших на штурм неба. Ибо судил богам рок, что лишь с помощью смертного они смогут взять верх над гигантами. И призвал тогда Зевс на помощь своего сына Геракла, которому при рождении не было даровано бессмертие. Геракл появился на Олимпе, когда Гиганты уже теснили богов к отвесным скалам. Своими отравленными стрелами он уложил на землю сразу трёх опасных противников. К его ногам пали Кей, Колофон, Феодамант. Одновременно с Аполлоном стреляет он в прибывшего на подмогу Гигантам огромного Эфиальта, и стрелы пронзают оба глаза бойца.

Афина – красавица Олимпа, рожденная не в рубашке, а в боевых доспехах, схватив за волосы молодого гиганта Алкионея, отрывает его от земли: ибо на Земле он был непобедим. Крылатый гигант с лицом страдающего ангела пытается дотянуться ногой до матери-Земли... Ещё совсем немного... Нет! Его настигнет стрела героя 12-ти подвигов. Смотрите, богиня победы Ника уже летит к Афине с венком победителя. Тщетно просит Гея помиловать хотя бы одного, своего любимого сына Алкионея. Однако, воительница не знает такого слова – пощада.

Только одно может спасти Гигантов – участие в бою бойца непомерной силы – Ота. И прибыл на поле брани От. И поднял он свой смертоносный меч над головами правителей Олимпа... И тут же его опустил, увидев перед собою красавицу Артемиду. От был влюблен в неё, мечтал подойти к ней так близко, чтобы чувствовать запах её волос. От опускает щит... Ну, стреляй, красавица!.. Так и погиб он, не дрогнула рука богини.

Этот миф очень похож на реальность. Над ним задумывались художники и философы. Но ни один из них не объяснил, почему гигантов мог победить только смертный? Это и есть мой вопрос. Так кто же мы, люди? Мы – смертные, без кого даже боги не побеждают в битвах?

Я не пою славу Богам. Истинное величие Вселенной не Бог, а Талант. История – несправедливая дама. Она не оставила нам имени автора Пергамского фриза, которого по праву можно назвать Богом... зубила и молотка.

«Книга художника»

МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ

МАРГАРИТА АЛЬ

– Михаил Валентинович, расскажите о Вашем понимании Книги художника. Что в ней самое главное? Что в ней задаёт основной тон, текст или визуальный образ?

Михаил ПОГАРСКИЙ

– Книга художника – это искусства синтеза. И это её основная особенность и характерная черта. Последнее время я предлагаю выделять Книгу художника в особый синтетический вид культурной, интеллектуальной и духовной практики. Она должна стоять в одном ряду с литературой, музыкой, визуальным искусством, театром. Театр, пожалуй, наиболее близкое понятие к Книге художника. И в том и в другом случае главную роль играет синтез искусств. Режиссёр, как и букартист, работает с текстом и образом одновременно, выстраивает между ними диалог, и синергия этого диалога, как раз и есть квинтэссенция как театра, так и Книги художника. Я думаю, что сегодня именно Книга художника начинает играть одну из ключевых ролей в современной культуре. И это связано с целым рядом причин. Во-первых, синтетическое восприятие мира изначально заложено в человеческую природу. Мы воспринимаем мир целостно! Когда мы стоим, например, на берегу бушующего моря, то на нас обрушивается комплексный поток ощущений это и визуальная картина, и рёв волн, и запах водорослей, и порывы ветра на лице и вкус солёных брызг на губах. Или, допустим, одно из высших проявлений человеческого бытия – любовь, это тоже всегда многоголосый хор наших чувств. И тут важно всё: внутренний мир, внешность, звук голоса любимого человека, вкус его губ, аромат тела и, конечно, тактильные прикосновения. И здесь можно заметить одну любопытную деталь: считается, что основным органом постижения мира является глаз (по разным оценкам, порядка 90% информации мы получаем именно через зрение), а тактильное восприятие стоит на самом последнем месте, после слуха, обоняния и вкуса. Но вот в любовном слиянии именно тактильные чувства начинают играть самую главную роль! Если вернуться к Книге художника, то в ней также важно всё! И визуальный образ, и вербальное послание, и тактильные ощущения. Книга художника никогда не иллюстрирует текст, но всегда сталкивает между собой вербальные и визуальные образы, которые дополняют и раскрывают друг друга.

– То есть в этом и состоит отличие иллюстратора от букартиста?

– Да-да, именно в этом. Иллюстратор и букартист, как ни странно, наиболее далеко отстоят друг от друга. У них принципиально разный подход к книге. Иллюстратор, если это хороший иллюстратор, должен максимально сосредоточиться на раскрытии авторского или издательского замысла, он просто обязан попадать под диктат книги, он работает на книгу! Наиболее выдающихся иллюстраторов, которые заботились не только о самой иллюстрации, но и комплексном образе книги, её архитектуре, дизайне, типографике принято называть Художниками книги, к их числу можно отнести Уильяма Морриса, Бенуа, Фаворского и многих других. Но они также, как и иллюстраторы, стоят на службе у её величества Книги. В начале XX века во Франции зародилось такое явление как *livre d'artiste*, которое освободило художника от власти книги. Великие издатели и маршаны, в первую очередь Амбруаз Воллар и Анри Канвейллер, предоставили художникам полную свободу самовыражения, а потом печатали работы своих художников методами печатной графики и соединяли эту графику с литературными, как правило, поэтическими текстами. И не случайно один из выдающихся художников того времени Анри Матисс говорил, что не видит принципиальной разницы между работой для книги или созданием картины. То есть, книга в данном случае для художников была не так-то уж и важна, их графика имела вполне самостоятельное значение. И, наконец, третий вариант взаимодействия художника и книги – это букартисты. Для букартиста книга снова становится краеугольным камнем его творчества, но в отличие от иллюстратора уже не он работает на книгу, а наоборот, книга работает на него! Букартист мыслит и чувствует книгами. Не цвет, не линия, не слово, а именно книга во всей своей целокупности становится инструментом для художественного

Писатель, художник.

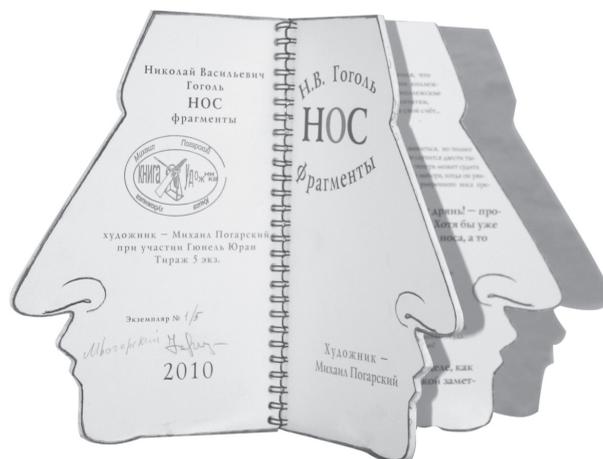

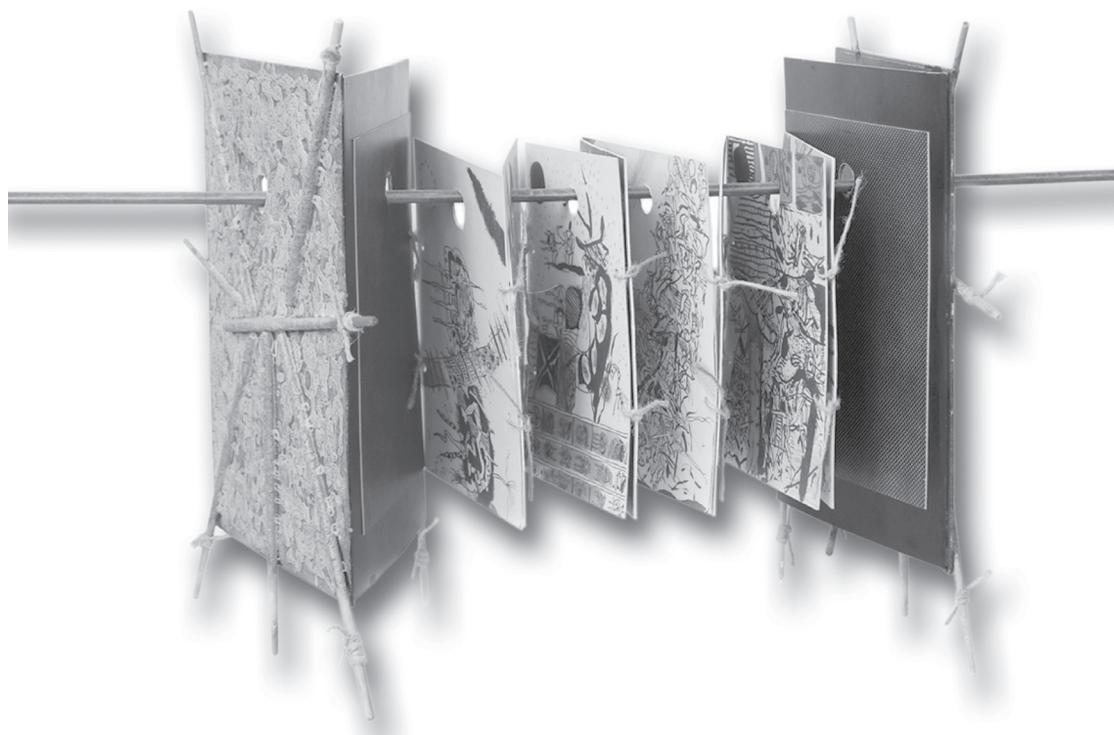
Михаил
Погарский

высказывания. И здесь нельзя сказать, что художник свободен от книги, он связан с ней самыми что ни на есть тесными узами, книга для него не просто инструмент и материал, наподобие кисточки и красок у живописца, но полноценный соавтор, который вмешивается и направляет работу художника. Букартист вступает с книгой в своеобразный художественный диалог и энергия этого диалога, на мой взгляд, самое главное в Книге художника. В своих лекциях я люблю приводить аналогию между бук-артом и искусством тату и боди-артом. Если художник делает татуировку, то он подобно иллюстратору, должен стремиться подчеркнуть красоту человеческого тела (или быть, может, скрыть его изъяны), а вот бодиартист, как и букартист, должен войти со своей моделью в диалог и создать совместное уникальное произведение искусства, не заботясь о том, какая в конечном итоге роль отводится самой модели.

– А какие основные тенденции наблюдаются сегодня в современной Книге художника?

– Если говорить о Книге художника в России, то тут наблюдается с одной стороны всплеск интереса к Книге художника, как со стороны художников, так и со стороны зрителей. Художники видят очень широкие возможности для своих творческих высказываний в этом уникальном инструменте. А зрителей привлекает бесконечное разнообразие форм, которое насыщает выставки Книги художника. Но с другой стороны, также наблюдается довольно слабый интерес коллекционеров, а также всевозможных культурных институций, музеев, галерей, библиотек. Коллекции российской Книги художника можно пересчитать по пальцам. Из них самая большая находится в музее Ван Аббе в Голландии. Это около 14 000 экспонатов, которые собрали Серж Стоммелс и Альберт Леменс (сюда, правда, входят не только книга художника, но и малотиражные библиофильские издания, и каталоги). По сравнению с их коллекцией небольшие собрания (от 50 до 200 экспонатов), которые есть в Пушкинском музее, Третьяковке, Российской библиотеке, в библиотеке искусств выглядят просто ми-

ВЛАСОВ Василий "Книга рыб", Книга для глаз, книга-ширма, 1991г., литография, уникат, 300x220мм

кроскопическими. Самая большая коллекция современной Книги художника в России находится в моём личном собрании – это около 800 работ различных художников более чем из 30 стран. В России нет не только музея Книги художника, но и ни одного специализированного отдела, посвящённого ей. Те собрания, о которых я говорил, как правило, хранятся в отделах графики, или если это книги-объекты в отделах современного искусства. Ни в одном из творческих союзов нет такой секции, ни в одном ВУЗе нет специализированной кафедры. В то время как во всём мире каждый уважающий себя музей, каждая крупная библиотека, каждый художественный ВУЗ обязательно имеют обширные коллекции. МОМА в Нью-Йорке более 10000 книг, Тэйт галерея в Лондоне более 5000, и множество других крупных коллекций. В США практически в каждом штате есть свой специализированный Бук-арт центр, в котором помимо перманентной коллекции постоянно проходят выставки, мастер-классы, курсы, лекции и т. п. Известный американский искусствовед Джоана Дракер назвала Книгу художника «квинтэссенцией художественной формы XX века». В каждой европейской стране ежегодно проводятся ярмарки и крупные международные фестивали, практически во всех художественных университетах существуют кафедры Книги художника, издаются обширные справочники, выходят монографии и специализированные журналы, а в России кроме небольшой группы наиболее передовых художников это никого особенно не интересует.

– А почему, на Ваш взгляд в России сложилась такая ситуация?

– Если говорить о частных коллекционерах, то большинство библиофилов предпочитают приобрести книги уже проверенных мастеров. Дело в том, что в Книге художника нет копий. Весь тираж – это оригиналы, каждая книга из тиража считается самостоятельным произведением искусства. На западе существует довольно обширный рынок *Livre d'artiste*, на котором довольно много книг изданы очень большими тиражами 500, иногда даже тысяча экземпляров (для книги художника это просто огромные тиражи). И вот благодаря этим тиражам, разумеется, и стоимость книг падает. И зачастую книга Пикассо или Дали становится сравнима по цене с книгой неизвестного современного художника, которая сделана в десяти, пяти, иногда и в одном экземпляре. Разумеется, коллекционер предпочитает купить Пикассо, а не Погарского, если затраты имеют один и тот же порядок. Сегодня нет фигур, равных Амбруазу Воллару, который сто лет назад готов был вкладываться в молодого и никому не известного Пикассо! Это что касается коллекционеров, а что касается государственных институций, то здесь тоже всё ясно. Для традиционного искусства тут всё слишком авангардно и непонятно, книга из кирпичей или из совковых лопат, из жестяных вёдер или кирзовых сапог, ну, какая же это книга?

Это хулиганство какое-то, издевательство, нарушение всех книжных канонов. А для современного искусства, это наоборот не слишком радикально, никакой крови, никакой политики, никаких эксцессов, банального секса и того особо нет, ну какая же тут актуальность!

– И где же выход? Как Вы планируете продвигать своё движение?

– На мой взгляд, эта ситуация как ни странно довольно благоприятна для Книги художника. Она сразу же отсекает из неё весь мусор и ненужный ажиотаж. Сегодня Книгой художника в основном занимаются бессребреники, люди, пришедшие в неё в силу своей внутренней потребности и необходимости. Мои хорошие друзья из Италии, комиссары Александрийской биеннале Artist's book, Фернанда Феде и Джино Джини во вступительной статье к каталогу этой биеннале после гимна Книге художника пишут, что существует одна опасность для её дальнейшего развития, и опасность эта заключается в том, что она становится модной! А вслед за модой нужно ждать неминуемого падения художественного уровня. На мой взгляд, когда искусство, в данном случае Книга художника, развивается не благодаря господдержке и не вслед веяниям рынка, а вопреки им, исключительно в силу художественной энергии, то это хорошо. По-человечески, конечно, хочется быть обласканными, пожинать лавры успеха и славы, но мне хватает мудрости понять всю суетность и пустопорожность этих желаний. Есть небольшая группа единомышленников и друзей, чьё мнение для меня очень важно и этого вполне достаточно. На самом деле, мы просто счастливые люди! Мы вполне самостоятельное и ни от кого не зависящее движение. Мы можем себе позволить заниматься тем, что нам нравится, выбирать свои темы, своих авторов, своих зрителей и своих учеников! Есть огромное количество арт-площадок готовых нас принять с распростёртыми объятиями. Есть несколько коллекционеров, которые покупают наши книги, есть, в конце концов, огромное международное сообщество, в котором нас хорошо знают, приглашают на все значимые события и всегда идут на сотрудничество. Вот поэты и литераторы в Вашем лице также проявляют к нам интерес. Так, что ситуация на мой взгляд просто отличная!

– А какие пути взаимодействия поэтов и букартистов Вы видите перспективными?

– Я думаю, что сегодня для поэтов Книга художника представляет несомненный интерес. С одной стороны, у поэта уже нет жизненно важной необходимости в публикации. Прошли те времена, когда люди писали в стол. Стихотворение, только что родившись, сразу же может быть опубликовано в фейсбуке или ЖЖ. Но и точно с такой же лёгкостью оно может затеряться в бескрайнем море других стихотворений. Книга художника позволяет стихотворению выделяться «лица необычным выражением». Она дополняет и развивает темы, заложенные в вербальной ауре. На самом деле взаимодействие может быть самым разным. Художник может подобно талантливому музыканту блестяще разыграть сложнейшую партию, написанную поэтом, а может и полностью заглушить своим визуальным рядом таинственную музыку слов. Поэтому самое плодотворное, когда сотрудничество происходит в постоянном диалоге, наподобие того, как это было в начале XX века у футуристов. Поэты и художники собирались у кого-либо в мастерской, обменивались идеями, черкали эскизы, тут же на литографском камне или на корнпапире делали зарисовки и здесь же рождались новые книги. Недавно на заседании клуба «Книга художника» Светлана Василенко предложила сделать совместный проект – большую коллективную книгу художника, в которой бы приняли участие современные поэты и художники. Я всемерно поддерживаю эту идею и уверен, что мы в состоянии сделать очень хороший проект. Но очень важно, чтобы поэты не просто предоставили свои стихи, а стали полноценными участниками создания книги, участвовали в её формировании и делании. Кстати, букартисты книги именно делают. Писатели пишут, иллюстраторы – иллюстрируют, дизайнеры – макетируют, типографы – печатают, издатели – издают, а букартисты – делают. Так вот, важно, чтобы поэты включились с художниками в диалог! В Книге художника, это очень важно. И даже с уже ушедшими из жизни поэтами букартист всегда выстраивает диалог, так, например, для проекта «Странник Гумилёв» художник Алексей Веселовский сделал книгу «Facebook, 1913». Он создаёт в ФБ реальные странички Николая Гумилёва, Михаила Ларионова, Николая Сверчкова публикует от их имени материалы экспедиции в Абисинию в 1913 году, собирает комментарии, потом печатает эти странички шелкографией и получается «живая» искромётная Книга художника.

– То есть поэты и художники должны работать на равных.

– Именно так. Если мы говорим о Книге художника, то поэт должен не просто писать стихотворение, а создавать поэтическую составляющую книги, он должен проникнуться книжным мышлением, думать и творить изнутри книги, равно как и художник не рисовать иллюстрации, но создавать сам образ книги, и только тогда, когда поэт и художник будут работать рука об руку, только тогда и возможно настоящее произведение искусства в форме Книги художника.

ВИЛЛИ МЕЛЬНИКОВ

МАРГАРИТА АЛЬ

– Вилли Робертovich, я знаю вас уже более десяти лет. За эти годы внимание к вашему творчеству не только не ослабло, число поклонников вашего уникального дара увеличилось многократно. Ваше присутствие на любом мероприятии – событие этого мероприятия. И для журнала это большая честь представлять вас нашим читателям. А наши читатели – это 87 регионов России. Расскажите о себе всё с самого начала. Сначала второго рождения.

Вилли Мельников

– После окончания Московской ветеринарной академии я был призван в армию на полтора года как рядовой-срочник: военной кафедры в моём вузе не было. Наша часть располагалась в Туркмении и была весьма засекреченною: всё же ракетные войска!.. Там мною с поистине баллистической манией преследования заинтересовался особый отдел. По мнению тех особистов, зная шесть языков (таков был мой тогдашний лингво-багаж) если и возможно, то лишь после тайных спецкурсов, организованных иностранными разведками. Предомноу начала вырисовываться перспектива трибунала и заключения в дисбат. Тогда я и подал рапорт о переводе в действующую 40-ю армию и оказался в воюющем Афганистане – в качестве военфельдшера. В ноябре 1985 года под городом Герат меня контузило. В результате разрыва крупнокалиберной мины весь мой взвод погиб. Я чудом остался жив и с тех пор считаю тот день своим вторым днём рождения. Взрывная волна, погубившая моих однополчан, сотрясла левое полушарие моего головного мозга – там, где расположена зона Брока: в ней сосредоточены участки коры, ведающие знаковыми структурами. Моя клиническая смерть длилась, по свидетельствам вскоре пришедших мне на помощь военврачей нашего дивизиона, девять минут. Но воспоминаний о виденном в том «полёте» хватило бы часов на пять... Оговорюсь без всякого кокетства: возвращаться ОТТУДА мне не хотелось. В целом мой полёт продолжался часов пять. Никаких светоносных ангелов и тоннелей я не встретил – всё выглядело намного неопишумей. Пытаться объяснить то, что я видел и пережил, одною лишь цереброгипоксией (кислородным голоданием мозга) было бы и поверхностно, и антинаучно. В тот день смерть превратилась для меня в чисто философскую категорию.

Ранение определённо подхлестнуло мои способности осваивать языки. Чтобы контузия не добила меня, я начал её приучать. Сейчас её можно сравнить с капризною домашнею собачёнкой: иногда она порывается и кусается, зато всегда на поводке и большей частью управляемая.

На третьем году после возвращения с войны в моём сознании будто бы ниоткуда начали прорастать языки, о существовании которых я не подозревал. Большинство из них я со временем опознал, но два до сих пор остаются не идентифицированными. Я могу на них думать, писать, говорить. Но пока что не выяснил, откуда они и кто/где их носители.

В 1992 году в Праге на международном конгрессе по вопросам, порождаемым соприкосновениями наук и искусств, я познакомился с американскими психоневрологами. Рассказал им историю моей удавшейся смерти и об образовавшемся после этого лингво-трамплине. «So, that's clear, old fellow, you've got just a real channeling in your mind!» («Ну, так всё ясно, приятель, ты просто заполучил себе в сознание ченнэлинг!» – воскликнули они. От них я впервые услышал этот термин. Наконец-то для меня что-то стало предметно вычерчиваться, хотя механизм ченнэлинга – этого гипотетического носферного канала – так до сих пор и не выяснен. Нет аппаратуры, которая могла бы его объективизировать. Но я рассудил: если во мне – ченнэлинг, то его необходимо развивать и использовать. Думаю, чтобы понять механизм этого феномена, понадобится не одно поколение ученых. Пока же речь идёт о том, чтобы, признав ченнэлинг чем-то вроде «обыкновенного чуда», научиться правильно им пользоваться. Мой знакомый физик из Дубны как-то сказал: «То, что мы называем чудом, всего лишь другая, иномерная физика. Это – некий всплеск законов соседних пространственно-временных континуумов – ПВК – в нашу Вселенную».

Поэт, художник, учёный. Пишет стихи на 104 языках.

Вилли
Мельников

Многие шаманы, да и христианские святые, приносят в наш мир «непонятные языки». К примеру, Хильдегарда из Бингена записывала в тетради свои речи на «Lingua ignota»... Мой опыт уникален, но далеко не единственный. У меня были такие великие предшественники, как Эммануил Сведенборг, живший в Швеции в XVIII веке. Или Джон Ди (вторая половина XVI – начало XVII века) королевы Елизаветы Английской, великий ученый-энциклопедист и интуитивист. Не забудем и французского драматурга, публициста и фантаста первой половины XVII века Сирано де Бержерака, а также английского художника и поэта рубежа XVIII–XIX веков Уильяма Блэйка. К ним тоже приходили различные неведомые языки. Они затранскрибировали их на латыни. Как сыны своих эпох, все четверо условно называли эти языки «ангельскими» (хотя и не избежали подозрений многих своих современников в связях с сатаной...) При чтении их записей видно, что это жёстко структурированные, чётко организованные языки. Однако ни один человек из последующих поколений пока не смог их опознать.

На теле планеты есть своего рода «полыньи», в которых пограничные состояния открываются сами собой... Genius loci – Дух места – контролирует такие места на земле, как, выражаясь по-Стругацко-Тарковски, сталкерские зоны. Это не досужие вымыслы писателей-фантастов. На рубеже 40-х – 50-х годов минувшего века существование таких участков доказал путём математических вычислений американский физик Френсис Дистэйн. Аналогичным образом планеты Уран, Нептун и Плутон сперва были открыты, что называется, на кончике пера, а уж позже их разглядели в телескоп. Френсис Дистэйн считал, что наличие аномальных зон лишней раз подтверждает теорию относительности, согласно которой существуют другие измерения, где время течёт иначе. Ныне такие участки называют «овалами Дистэйна». Они могут быть как статичными, так и блуждающими.

В Москве мне удалось обнаружить несколько таких зон – в Карачарово, в Покровском-Стрешнево, в Останкино, в Люблино, недалеко от Николо-Перервинского монастыря и в Капотне. «Овалы» обнаруживают себя в Петербурге, в Рязани, в Донецке, в Кракове, в Праге, в Киеве, в Крыму...

Самым архаичным ветхозаветным языком считается ханаанский вариант арамейского. По-ханаански избранность – пэшэшт-дуаз. Это слово многоступенчато трансформировалось и наконец стало английским «paradise» (вспомним, что Пётр Великий любил называть новорождённый Санкт-Петербург «парадизом»), но сперва означало буквально: «место, огороженное неприступной стеной». И подразумевает тех, чья жизнь как бы отгородилась, и их судьба стала непохожей на другие.

Арамейский – родной язык Христа. Но Его произношение и происхождение основательно затруднили Ему дело. Никто не знает, как по-настоящему звали Этого Человека. Христос – по-арамейски «хрэйщга» – буквально означает «прислужник». Многих рабов называли просто «хрест» – «человек из низшего сословия», но при этом свободный, вольнонаёмный. А Иисус – это «мащьях» – «мессия». «Ешуа» – набатейский вариант произношения. Итак, Его имя – «Иисус Христос» – можно перевести как «вольнонаёмный мессия». Он был родом из Галилеи – в оригинальном произношении «Гаала-ха-гоим»: буквально – «область иноверцев». Родившихся там в Иудее считали людьми с религиозного отшиба (условно назовём это так).

Жутковато подумать, что история – не только христианская – пошла бы по совершенно иному пути (и ещё не факт, что более светлomu!), не допусти некий безвестный древний переводчик всего лишь одну, на первый взгляд ничтожную неточность.

Этим анонимным переводчиком скорее всего был один из 72 толковников, приехавших на рубеже III–II веков до рождения Христа по приглашению правителя Египта Антиоха Птолемея Шестого в Александрию для переложения древнееврейского текста Библии на греческий (тот перевод известен как «Септуагинта»). Откуда этим толмачам было знать, что они выполняют «соцзаказ» всемирно-исторического значения!.. Как бы там ни было, один из тех переводчиков совершил ошибку поистине вселенского масштаба...

Оказывается, 23 столетия назад переводчик всего-навсего пропустил огласовку и прочел попавшееся ему в тексте словосочетание «Адонаи бер-хетая» как «Адонаи бер-хетаая». Похоже, он просто не заметил огласовку – маленький значок в тексте, меняющий произношение слова, а вместе с ним и смысл. В результате вместо первоначального «собеседник Господа» (иногда даже переводили как «сотрапезник») стало читаться «раб Божий». И вся история человеческого менталитета (в конечном счёте, не только христианского!) пошла по прямо противоположному пути. Почитайте Тору в оригинале – там всё написано так, как выглядело в изначалии. Да и во многих апокрифах сохранилось именно формула «собеседник Бога». Гностики и неоплатоники уже во II–V веках после Р. Х. постоянно напоминали об этой ошибке, ссылаясь на не дошедшие до нас источники. Но не забудем: перевод делали в Александрии, а это был настоящий плавильный котёл, где одновременно звучали десятки чужеземных языков.

Примеры таких переводческих ошибок, повлиявших на историю цивилизаций, можно найти в священных повествованиях большинства различных культур. Возвращаясь же к истокам христианства, остановимся на ещё одном эпизоде. Сегодня для многих звучат как абсурдный парадокс слова Христа о «нищих духом», которые непонятно с какой стати «блаженны». В ханаанейском оригинале написано: «Элохинэ гатэйещта-дэми». Переводчики не учли послелога, предписывающего понимать данный оборот как наименование одного из духовных санов ханаанейского жречества. Так что «нищий духом» – это не состояние, а название должности, дословно означающей: «вынужденный говорить гораздо меньше, чем знает» – иначе говоря, «нищий словами».

На наблюдениях тысяч поколений основана древняя истина: изменишь имя – изменишь судьбу. А деформации имён – как человеческих, так и божественных – нередко качественно меняли развитие народов и их взаимоотношений. Уже хотя бы поэтому современные и/или древние языки стоят того, чтобы их изучать.

Более того: не будет преувеличением назвать изучение какого бы то ни было языка исключительно эффективною духовною практикой. У меня со временем выкристаллизовался свой метод проведения языковых психотренингов, которые называю «лингво-сенситивами», а совокупность всех моих авторских подходов к языкам – «лингводайвингом». Впоследствии это привело меня к разработке «лингво-иммуно-терапии»: ничего магического, одна элементарная биофизика! Вспомним, что ещё в древности было известно: словом можно воскресить, а можно и убить. И это далеко не метафора. Ведь у каждого языка и/или диалекта есть своя неповторимая мелодико-интонационная «сердцевина». Она активируется при произнесении фраз на языке или языках, вступая во взаимодействие с клетками различных органов и тканей, которым также свойственны характерные только для них, «визитные» коэффициенты внутри – и межклеточного резонанса. Последний и вступает во взаимодействие со звучащими языками. Поэтому жизненно важно не ошибиться, выписывая лингво-рецепт/лекарство. Результаты такого языко-профилактики/лечения психосоматических расстройств очень обнадеживающие: разного рода депрессии, заслуженно величаемые «психологической онкологией», сдаются почти без боя...

Непосредственно же взлётною площадкой для лингвотерапии послужили мои авторские арт-поэзо-жанры: лингво-гобелены, люменоскрипты, фотостихоглифы, а также два авторских же литературных стиля: муфто-лингва и интра-ксено-лингва, оперирующие словесными неологизмами-кентаврами. Вырастающие из них поэтические тексты, сплетённые из языков разных культур и эпох, воспринимаются большинством людей (из каких бы краёв они ни были) как мантро-подобные ключи к незримым пространствам и к ещё не раскрытым в себе способностям.

Главным критерием владения языком для меня (а вернее – когда язык владеет мною!) включить – сочинять на нём стихи в зависимости от настроения или ситуации, то есть включить этот язык в мой обмен веществ. В результате качественно омономеривается мировосприятие, раскрашиваясь в неведомые до того цвета. А ведь это – один из главнейших признаков, отличающих жизнь от существования!

Бельгия

МАРГАРИТА АЛЬ:

– Елена Львовна, в этом году наша страна отмечает 55-летие первого полёта человека в космос. Вы автор книги «Дневник жены космонавта». О чём эта книга?

ЛЕНА ДЕ ВИННЕ:

– Ну, во-первых, эта книга – мой писательский дебют. В ней я рассказываю о втором полете в космос своего мужа – Франка де Вине и всей их команды. О том, как мы, я и Франк, готовились к этой важнейшей миссии, через что нам пришлось пройти, прежде чем 27 мая 2009 года ракета отправилась покорять Вселенную, а на Землю вернулась только через шесть месяцев.

– А во-вторых?

– А во-вторых? Очень хорошо, что я написала эту книгу сразу после полёта. Это как фотография времени.

– Ну что, 3, 2, 1... Поехали!» История одного космического полёта, рассказанная женой астронавта. А начнём мы с главы, рассказывающей о программе Международной Космической Станции.

«ДНЕВНИК ЖЕНЫ КОСМОНАВТА»

... Три, два, один – ПУСК!

В ярких языках резвящегося пламени Ракета с моим мужем и двумя его близкими друзьями радостно умчалась в ярко-голубую высь. Прекрасный день, идеальный пуск. Апофеоз мечты и стремлений. Долгие годы тяжелой и напряжённой работы. Пройдет шесть месяцев, прежде, чем мы снова будем вместе...

... ПУСК — и ровно в эту секунду начался мой обратный отсчёт.

Твое дело лишь рассказать, как оно было, а обо всем остальном Судьба позаботится сама.

Элизабет Гилберт

6. Коротко о ПРОГРАММЕ МКС

Как организована программа

Программа Международной Космической Станции – проект пяти партнёров: США, России, Японии, Европы и Канады (представленных, соответственно, НАСА, Российским федеральным космическим агентством Роскосмос, Японским космическим агентством JAXA, Европейским космическим агентством ESA и Канадским космическим агентством CSA). Мне самой не верится, что я пишу это информационное вступление к начальной главе Книги, в которой предполагается рассказать исключительно человеческую историю...

Этой программе посвящено множество технических, научных и должным образом подготовленных для массового читателя популярных материалов. Поэтому я могла бы обойтись без формальных перечислений и даже опустить захватывающие, но уже ставшие общеизвестными факты о МКС. Однако, я всё же считаю, что о них стоит сказать хотя бы вкратце, ибо они уникальны. Четыреста тонн металла, размер Станции – с полтора футбольных поля, миллиарды долларов инвестиций, первый и единственный глобальный проект такого масштаба, организованный в мирных целях. Предполагаю, что это вам уже известно, раз вы решили прочитать человеческую историю о космосе. А если нет, то я от всей души рекомендую просмотреть интернет-сайты упомянутых космических агентств. Их работа в различных областях космических исследований поражает воображение.

Исключительно для контекста – буквально пара слов об организации программы МКС. Эта информация важна для нашей человеческой истории – она поможет понять, каково быть человеком внутри этой системы, будь то астронавт или кто-то из его близких. Кстати, обо всех людях, работающих в программе МКС, можно многое сказать. Надеюсь и они когда-нибудь напишут свои человеческие истории о своей работе в космической отрасли.

Наибольший вклад в программу вносят основные партнёры: США и Россия. Соответственно, Станция состоит из Российского и Американского сегментов. Все элементы, сделанные на Западе (в США, Европе, Японии и Канаде), входят в Американский сегмент.

Писатель, поэт, общественный деятель, популяризатор пилотируемой космонавтики

Лена Де Винне

У каждого партнёра есть свои отряды космонавтов и астронавтов. Каждый из партнёров готовит всех космонавтов и астронавтов для работы со своим оборудованием. Другими словами, работе с оборудованием Российского сегмента обучают в Звёздном городке под Москвой; работе с американским оборудованием – в Космическом центре имени Джонсона в Хьюстоне; с канадским, соответственно, в Космическом агентстве в Монреале. Управлять японской техникой учат в Цукубе, неподалёку от Токио. В Европе подготовка проходит в Европейском центре подготовки в Германии, недалеко от Кёльна.

Уточню терминологию. Россияне традиционно называют своих космических путешественников космонавтами, а американцы, европейцы, канадцы и японцы – астронавтами. Кроме того, в космос летали китайские тайконавты и ангкасаваны из Малайзии. Правда, ни те ни другие не участвовали в полёте, о котором здесь идёт речь. Китайцы вообще не участвуют в программе МКС, а летают самостоятельно. Малайзия же послала своего ангкасавана на МКС лишь однажды – в рамках российского полёта (как и Бразилия, и Южная Корея).

В зависимости от задач полёта, обучение космонавтов и астронавтов подразделяется на уровни «пользователь», «оператор» и «специалист».

Представьте, что вы учитесь работать на компьютере. Разобравшись в Word, Excel, PowerPoint и электронной почте, вы становитесь «пользователем». Научились загружать новые программы и обновления – вы уже «оператор». А если ваших знаний хватит, чтобы починить сломанный ноутбук и переустановить операционную систему, то вы «специалист».

До назначения на полёт каждый кандидат в астронавты проходит базовую двухлетнюю подготовку. После же назначения подготовка к конкретному полёту занимает в целом не менее четырёх лет. Длительность обучения работе на каждом из модулей Станции и её системах зависит от требуемого уровня подготовки.

Есть ещё дублирующие экипажи, которые тренируются одновременно с основными. Если что-то случится с основным экипажем, то его заменят на дублирующий, чтобы не задерживать запуск. Астронавты часто проходят подготовку в качестве дублёров, и лишь после этого их назначают в основной экипаж. Например, до этого полёта Франк дублировал Леопольда Эйхартца во время его подготовки к полёту, на котором на орбиту доставлялся европейский лабораторный модуль «Коламбус».

Россия – «домашняя база» для космонавтов. Они живут в Звёздном городке или рядом с ним. Западные астронавты, по крайней мере те, кто находится на подготовке к конкретному полёту, размещаются в Хьюстоне. Естественно, в Хьюстоне готовятся американцы; там же проходят подготовку канадские, японские и европейские астронавты. Между партнёрами по Станции существует «джентльменское соглашение»: астронавт не должен проводить больше сорока процентов своего времени вдали от дома. Это, конечно, замечательно... но только до тех пор, пока ты не оказываешься одним из двух астронавтов, живущих в Голландии. В этом случае даже европейский центр подготовки около Кёльна – не дом. Так мы и жили больше четырёх лет. Дом – в Голландии. Подготовка – в Хьюстоне, Звёздном городке, Цукубе, Монреале и Кёльне. В целом, тренировки занимают большую часть рабочего времени, а год перед полётом – всё рабочее время.

Сейчас на МКС летают два типа кораблей: российский «Союз» и американский «Спейс Шаттл».

«Союз» – одноразовый корабль; для каждого полёта строится новый «Союз». Вместе с Романом и Бобом Франк стартовал на «Союзе ТМА-15». Аббревиатура ТМА – модель последнего поколения – расшифровывается как: «Транспортный Модифицированный Антропометрический». 15 – номер корабля в этой серии. Во время своего первого полёта в космос Франк был бортиженером на «ТМА-1», с командиром Сергеем Залётиным и вторым бортиженером Юрием Лончаковым. Обрато они вернулись на «Союзе», оставшемся с предыдущего полёта – это была последняя модель «Союза ТМ». Франк тогда проходил подготовку к полёту на обеих модификациях «Союза». Это был кратковременный полёт. Срок службы «Союза» в космосе – полгода, и в данном случае одной из задач полёта было привезти корабль-замену на Станцию для постоянного экипажа.

«Спейс Шаттл» – многоразовый космический корабль. На данный момент действуют три «Шаттла»: «Дискавери», «Индевор» и «Атлантис». Обычно они прилетают, стыкуются с МКС и остаются там около двух недель.

Грузы на Станцию доставляют на «Спейс Шаттлах», российских «Прогрессах», а в настоящее время также на европейских автоматических грузовых кораблях ATV и японских «Н-II Transfer». «Прогресс» служит космическим программам давно, это старая «рабочая лошадка»; а последние два корабля построили для Станции ESA и JAXA соответственно.

Пилотируемые корабли на МКС на сегодняшний день отправляются с одной из трёх возможных миссий.

Первый вариант – полёт «Шаттла» (обычно 12–14 дней¹). Часто на «Шаттле» везут новый блок для Станции, и экипаж должен оперативно его установить. (Отдельно стоило бы написать о полёте «Шаттла» к Космическому телескопу «Хаббл». По-моему, это ошеломляет даже больше чем программа МКС, но это совсем другая история.) Через год или два «Спейс Шаттлы» выйдут из употребления, и NASA заменит их новыми кораблями «Орион». «Орионы» будут выводиться на орбиту ракетами-носителями «Арес». Проект задуман как для полётов на МКС, так и для других возможных пилотируемых космических полётов².

Второй тип миссии – короткий полёт на «Союзе» – полёт туда и обратно на период восемь-десять дней. В последнее время так путешествуют только частные участники полётов. «Участник космического полёта» – общепринятый термин для тех, кто платит за полёт из своего кармана. От нелестного термина «космический турист» в космическом мире отказались, когда стало ясно, что люди, которые летят в космос за свои деньги, не только демонстрируют потрясающие способности во время подготовки и в ходе полёта, но и разрабатывают, и выполняют собственные программы. Они не туристы, а горячие сторонники космических исследований.

Третий тип миссии – длительный полёт. Это как раз полёт Франка, Боба и Романа. Смена экипажей длительных экспедиций на борту Станции называется ротацией экипажа. При ротации используют «Союз» или «Спейс Шаттл». Если экипаж прилетает на МКС на «Шаттле», астронавтов называют смешным словом – «Шрек». Ибо они – «**Shuttle Rotating Expedition Crew**» («Экипаж экспедиции с ротацией на Шаттле»)³. А вовсе не потому, что они милые и зеленые.

С самого начала планировалось, что на МКС будет постоянно жить экипаж из шести человек; плюс к ним время от времени станут присоединяться экипажи посещения. Но, чтобы построить МКС размера, необходимого для постоянной жизни шести человек, потребовалось времени на несколько лет больше, чем изначально это планировалось. До того как Роман, Франк и Боб прилетели на Станцию 29 мая 2009 года, экипажи длительных экспедиций состояли только из трёх человек (изредка – из двух), к которым иногда присоединялись ещё трое с «Союза» или шестеро-семеро с «Шаттла». Вместе с Геннадием Падалкой, Майком Барреттом и Коичи Вакатой, Франк, Боб и Роман стали первым экипажем из шести человек.

Чтобы на МКС могли жить люди, на ней должны поддерживаться комфортные и безопасные условия для жизни. Средняя температура здесь 24°С. Поэтому большинство обитателей носят шорты и футболки. В то же время нельзя забывать, что в невесомости кровообращение (как и другие функции организма) лишено помощи гравитации. То есть сердце перекачивает кровь, но гравитация не тянет её вниз к ногам или в другом направлении, вне зависимости от того, в каком положении ты находишься. Поэтому некоторые ощущают температуру 24°С как довольно холодную, и используют рубашки с длинными рукавами, брюки и даже толстые носки и свитера.

Размер доставляемого на Станцию груза ограничен вместимостью грузовых кораблей. В первую очередь сюда отправляют дополнительное топливо для МКС. Топливо необходимо для поддержания её на околоземной орбите. Из-за внешних воздействий (сопротивление атмосферы, земная гравитация) Станция понемногу теряет высоту и ориентацию (высота – расстояние от Станции до поверхности Земли, ориентация – её положение по отношению к Земле). Каждые несколько месяцев один из пристыкованных кораблей выполняет так называемый «доразгон», или подъём орбиты – для поддержания параметров высоты и ориентации Станции. МКС находится на околоземной орбите на высоте около 400 км над поверхностью Земли.

Соотношение сил на этой орбите следующее. На Станцию действует сила тяжести Земли – иными словами, она постоянно «падает» на Землю, находится в «свободном падении», за счёт чего, собственно, и возникает состояние невесомости. Скорость полёта МКС удерживает её на околоземной орбите. Чтобы выйти на околоземную орбиту на скорости, необходимой для её поддержания, нужно оторваться от Земли со скоростью восемь километров в секунду. При более медленной стартовой скорости не удастся преодолеть силу тяжести, и ракета упадет обратно, а при слишком высокой – улетит выше. К примеру, чтобы долететь до Луны, следует разогнаться до одиннадцати километров в секунду (вторая космическая скорость или скорость «освобождения»). Таким образом, Станция движется со скоростью около 28 000 километров в час (те же восемь километров в секунду). При более низкой

¹ К моменту выхода книги на русском языке в 2011 году ожидается закрытие программы «Шаттл».

² В начале 2010 года, когда Книга была закончена, американская администрация изменила свой подход и пригласила коммерческие фирмы к сотрудничеству на рынке космических транспортировок. К моменту выхода книги рассматривается возможность доставки экипажей на МКС на корабле Dragon, выводимом на ракете-носителе Falcon-9, разрабатываемыми компанией SpaceX.

³ Последняя ротация экипажей на «Шаттле» произошла в конце 2009 года, после того, как Книга была закончена. С тех пор ротация происходит только на российском корабле «Союз».

скорости Станция упала бы на Землю, при более высокой – улетела бы совсем с околоземной орбиты.

Непрерывное вращение вокруг Земли возможно только за пределами атмосферы, поскольку в пределах земной атмосферы слишком высокое сопротивление. Именно поэтому самолётам (которые летают в атмосфере Земли), чтобы набрать и поддержать скорость вопреки сопротивлению атмосферы, нужны двигатели и топливо.

Принято считать, что атмосфера кончается на высоте около 100 км. В принципе, это означает: выше 100 км начинается «космос». На самом деле атмосфера сходит на нет, постепенно становясь более разреженной, и молекулы (кислород, азот и все, что ещё содержится в воздухе) рассредоточиваются (т. е. их становится меньше). В ближайшем будущем высота чуть более 100 километров станет зоной общедоступного «космического туризма». Полёты на суборбитальных самолётах за пределы атмосферы дадут пассажирам возможность увидеть искривление земной поверхности и на несколько минут ощутить невесомость. Что касается околоземной орбиты, высота в четыреста километров – лучший компромисс между сопротивлением атмосферы и расходом топлива. На этой высоте ещё встречаются отдельные молекулы, которые оказывают влияние на высоту орбиты Станции. Но если сравнить расход топлива на поддержание орбиты на этой высоте и на доставку новых модулей и экипажей на более высокую орбиту, где молекул ещё меньше, то получается, что высота четыреста километров – оптимальная.

Другой тип груза – вода и кислород – основные элементы жизнеобеспечения.

В Американском сегменте МКС применяется система, которая полностью регенерирует почти все использованные жидкости. Проще говоря, вся жидкость, выделяемая организмом, собирается, перерабатывается, и эту воду снова можно пить. Не раз и не два слышала рассказ астронавта о том, что «кофе, который мы пили вчера, это тот же кофе, который мы пьём сегодня, и тот же кофе, который мы будем пить завтра». В Российском сегменте для повторного питья используют исключительно конденсат. Из отходов жизнедеятельности делают только «техническую воду». По-моему, это делается по психологическим причинам, поскольку с технической точки зрения процесс очищения даёт прекрасные результаты. На выходе вода – дистиллированная, но в неё не добавлены микроэлементы, и она не тестируется на присутствие в ней микроорганизмов. Её расщепляют для получения кислорода. Переработанная вода превращается в пригодную для питья после насыщения минеральными веществами и тестирования на микроорганизмы. Кстати, избавиться от жидкостей на борту практически невозможно. Нет, вы не можете слить их в туалет (на самом деле, вы ничего не можете слить в туалет, но об этом мы поговорим позже). Поэтому на борту не разрешена пища вроде консервированных сосисок – куда деть жидкость, в которой они хранятся или маринуются.

Общее правило на Станции: наливать себе ровно столько воды, сколько ты собираешься выпить. Жидкость хранится в специальных резервуарах: при комнатной температуре, и горячая (примерно 60°С). (Кстати, представили себе жизнь без воды из холодильника или напитков со льдом в течение шести месяцев?). Так вот, вы заливаете жидкость из резервуара в пакет с трубочкой, через которую можно пить, а можно временно её перекрывать (просто выпустить трубочку изо рта нельзя – жидкость из-за отсутствия гравитации вытечет наружу). Если хочется сока, чая или кофе, то берёте пакетик с соответствующими сухими компонентами. Если нужен сахар, он также должен быть внутри – добавить по вкусу невозможно. Прибывающие корабли привозят свежие фрукты, которые могут храниться некоторое время. Тогда экипажу удастся попить чай с лимоном. Для этого нужно откусить кусочек лимона и глотнуть чая из пластикового пакета. Или наоборот.

Что касается соков, тубиков с заранее приготовленным соком уже не делают (вероятно, вы видели такие тубики в музеях космонавтики – они выглядят как увеличенные зубные пасты). Теперь фруктовый порошок запечатывают в пакет, который нужно наполнить водой, встряхнуть, оставить на 10 минут – в результате получится фруктовый сок. Опять-таки, нужно сделать ровно столько, сколько собираешься выпить. Если вы видели съёмки, на которых астронавты и космонавты играют с водяными каплями, то вы наверняка заметили, что капли они выдавливают из пакетов. Жидкость имеет идеальную сферическую форму – это из-за отсутствия гравитации. Именно притяжение заставляет влагу принимать привычные нам формы капель; пламя свечи в невесомости тоже становится сферическим, а не вытянутым, как на Земле.

Вероятно, Вы обратили внимание и на то, что после демонстрации парящих в невесомости капель, их проглатывают. Это делается не только для развлечения наблюдающих за этим телезрителей, но и потому, что в первую очередь нужно избавиться от «летающей» воды. Возможно и другое решение: поймать капли на ткань и оставить её сохнуть. Испарившаяся вода попадет в систему регенерации, и после цикла переработки её можно будет в очередной раз выпить.

Пригодная для дыхания атмосфера поддерживается благодаря добавлению в воздух различных газов. Их доставляют на МКС в сжатом виде.

Продолжение книги «Дневник жены космонавта» в следующем номере.

Евгений Лесин

Елена Кацюба

Маргарита Аль

Вилли Мельников

ЭКЗЕМПЛЯР №

Настоящее издание отпечатано в количестве 2000 экземпляров.
№№ 1–50 с автографами авторов.

Москва
Издательство ДООС
Отпечатано в типографии ООО «Галлея-Принт»